ИСТОРІЯ

ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ

ИСТОРІЯ

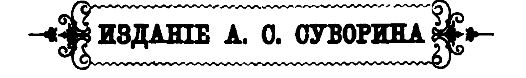
ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ

СОЧИНЕНІЕ

А. БРИКНЕРА

профессора русской исторіи въ дерптскомъ университетѣ

съ 300 гравюрами и украшеніями на деревѣ, исполненными лучшими иностранными и русскими граверами

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1885

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Внутренняя политика

СОДЕРЖАНІЕ ЧАСТИ ЧЕТВЕРТОЙ.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ

CATHERINE THE SECOND.

Екатерина II въ императорскомъ одѣяніи, у трона.

Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета, писаннаго Лампи.

ГЛАВА I.

Общія правила. „Наказъ“.

УЖЕ ВЪ ТО ВРЕМЯ, когда Екатерина была лишь великою княгинею, она занималась вопросами законодательства и администраціи, причемъ руководствовалась правилами литературы просвѣщенія. Въ набросках и сужденіяхъ великой княгини былъ замѣтенъ нѣкоторый доктринаризмъ. Главною чертою, основною мыслью ея воззрѣній, было желаніе содѣйствовать счастью и благосостоянію народа. Екатерина была убѣждена въ необходимости замѣнить деспотическій произволъ законностью. Вопросы о теоріи законодательства, о мѣрахъ къ достиженію важнѣйшей цѣли, т. е. обезпеченія народнаго благосостоянія, въ это время занимали весьма видное мѣсто въ публицистикѣ. И государи начали заниматься этими вопросами. Мысль объ отвѣтственности государей передъ подданными выдвинулась на первый планъ.

Люди, занимавшіеся этими вопросами, обращали чрезмѣрное вниманіе на теорію законодательства, считая возможнымъ, что безупречная кодификація служитъ чуть ли не единственнымъ условіемъ рѣшенія самыхъ сложныхъ задачъ, представляющихся при управленіи государствомъ.

Особенно глубокое впечатлѣніе произвело на современниковъ сочиненіе Монтескьё «О духѣ законовъ». Между ревностными читателями этой книги встрѣчаются Фридрихъ II, Іосифъ II, Екатерина II. Успѣшнѣе другихъ занималась изученіемъ сочиненія Монтескьё императрица.

Съ самаго перваго времени своего царствованія, она старалась примѣнять къ практикѣ идеи о благосостояніи народа, законности, свободѣ; не щадя ни труда, ни времени, она изучала весьма тщательно вопросы законодательства и администраціи, причемъ обращала особенное вниманіе на общія правила человѣколюбія и либерализма. Вольтеръ замѣтилъ однажды, въ 1764 году, что девизомъ императрицы должна служить пчела; ей понравилось это сравненіе; она любила называть свою имперію ульемъ [1]). Особенно тщательно Екатерина изучала сочиненія о государственномъ правѣ и объ обществовѣдѣніи. Членъ Берлинской Академіи Бильфельдъ послалъ Екатеринѣ свои сочиненія о вопросахъ государственнаго устройства, читая которыя, императрица распорядилась, чтобы коечто изъ сочиненій Бильфельда было переведено на русскій языкъ [2]). Съ замѣчательнымъ государственнымъ дѣятелемъ, Я. Е. Сиверсомъ, она любила бесѣдовать о вопросахъ народнаго хозяйства, гигіенѣ, смертности и пр. [3]). Разговоры съ опытными государственными людьми, какими были, напр., Н. И. Панинъ, Минихъ, Вяземскій, Бестужевъ, Шаховской и др., оказались полезною школою для Екатерины. Возбуждая пренія о разныхъ новыхъ государственныхъ учрежденіяхъ, выслушивая мнѣнія другихъ лицъ, Екатерина весьма часто высказывала свое мнѣніе и составляла иногда подробные проекты. Ее занимали вопросы о кругѣ дѣятельности Сената, объ учрежденіи Государственнаго Совѣта, о судебной реформѣ, о правахъ различныхъ сословій, о полиціи, о ревизіи присутственныхъ мѣстъ [4]). Когда Сенатъ, въ 1762 г., хотѣлъ отправить въ Сибирь для ревизіи генерала Веймарна, Екатерина требовала, чтобы послѣдній до путешествія собралъ подробныя свѣдѣнія о Сибири и изучилъ основательно условія политическаго и общественнаго строя этой области [5]). Въ запискѣ, составленной Екатериною въ 1769 году и заключающей въ себѣ нѣкоторыя данныя о первыхъ годахъ ея царствованія, сказано

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XVII, 251.
[2]) Тамъ-же, XIII, 3.
[3]) Blum, «Ein russischer Staatsmann», I, 202.
[4]) См., напр., «Записки Шаховского», 2-е изд., II, 166.
[5]) «Сб. Ист. Общ.», VII, 168.

между прочимъ: «Въ Сенатѣ за излишество почитали государственныя дѣла слушать, ландкарту имѣвъ передъ собою на столѣ, и оттого сдѣлалось, что иногда сами не знали, о чемъ судятъ. Стыдно сказать, что и карты печатныя не были въ Сенатѣ и первую карту я, бывъ въ Сенатѣ, послала купить въ Академіи» [1]). Въ числѣ первыхъ дѣйствій Екатерины послѣ воцаренія встрѣчается учрежденіе значительнаго числа комиссій для изученія состоянія государства; въ каждой изъ этихъ комиссій участвовало лицо, пользовавшееся особеннымъ довѣріемъ императрицы [2]). Въ первое время своего царствованія она самолично принимала просителей всякаго рода и званія, стараясь въ разговорѣ съ ними составить себѣ понятіе о положеніи различныхъ классовъ общества [3]). По случаю бунтовъ заводскихъ крестьянъ, въ 1762 году, императрица изучала слѣдственныя дѣла для того, чтобы составить себѣ точное понятіе о причинахъ волненій [4]). Когда Сиверсъ долженъ былъ занять мѣсто губернатора въ Новгородѣ (въ 1764 г.), онъ имѣлъ у императрицы не менѣе двадцати аудіенцій, продолжавшихся по нѣскольку часовъ; Екатерина вмѣстѣ съ Сиверсомъ изучала всѣ пункты составленной для новаго губернатора инструкціи [5]).

Такимъ образомъ, императрица, не пренебрегая мелочными вопросами администраціи и полиціи, изучая теорію государственныхъ отправленій, заботясь о дѣйствіяхъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ, составляя разные проекты преобразованій, не могла не желать приведенія въ нѣкоторую систему всѣхъ законоположеній, всѣхъ государственныхъ учрежденій. Многія мѣры, принятыя предшественниками Екатерины, были вызваны минутною нуждою, случайными обстоятельствами. Весьма часто распоряженія правительства отличались отрывочностью, не имѣли отношенія къ основнымъ идеямъ законодательства и администраціи. Надлежало привести въ систему существующее законодательство. Начали серьезнѣе прежняго мечтать о кодификаціи.

Нѣсколько разъ до «Большой Комиссіи» 1767 года являлась въ Россіи мысль о пересмотрѣ и составленіи законовъ путемъ созванія большихъ собраній.

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», X, 381.
[2]) Blum, I, 155.
[3]) «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 171.
[4]) Тамъ-же, II, 276.
[5]) Blum, I, 153.

«Уложеніе» царя Алексѣя Михайловича обсуждалось въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль въ Соборѣ, созванномъ для этой цѣли. При Петрѣ I, въ 1720 году, была созвана для кодификаціоннаго труда комиссія, состоявшая изъ русскихъ и иностранцевъ. Она не окончила своихъ работъ. Иванъ Посошковъ предлагалъ созвать собраніе, состоявшее изъ нѣсколькихъ сотъ депутатовъ. Верховный Тайный Совѣтъ времени Екатерины I и Петра II созвалъ для этой же цѣли собраніе, состоявшее изъ сорока членовъ, по пяти депутатовъ изъ каждой губерніи; однако, при невниманіи выборныхъ къ общимъ нуждамъ, это собраніе оказалось далеко не полнымъ и неспособнымъ успѣшно заняться трудомъ кодификаціи[1]). Въ слѣдующія десятилѣтія неоднократно были созываемы комиссіи для кодификаціи, которыя, однако, не имѣли возможности исполнить возложенную на нихъ задачу.

Созывая такую же комиссію въ мартѣ 1761 года, Сенатъ объявилъ слѣдующее: «Какъ оное сочиненіе «Уложенія» для управленія всего государства гражданскихъ дѣлъ весьма нужно, слѣдственно всего общества и трудъ въ совѣтахъ быть къ тому потребенъ: и потому всякаго сына отечества долгъ есть совѣтомъ и дѣломъ въ томъ помогать и къ окончанію съ ревностнымъ усердіемъ споспѣшествовать стараться. Въ сходство сего Правительственный Сенатъ уповаетъ, что всякій, какого бы кто чина и достоинства ни былъ, когда будетъ къ тому избранъ, отрекаться не будетъ, но, пренебрегая всѣ затрудненія и убытки, охотно себя употребить потщится, чая, во первыхъ, незабвенную въ будущіе роды о себѣ оставить память, да, сверхъ того, за излишніе труды и награжденіе получить можетъ»[2]). Депутаты должны были прибыть въ Петербургъ не позже 1 января 1762 года. Объ успѣхѣ этой мѣры Сената ничего не извѣстно. Можно думать, что случившіяся въ это время перемѣны на престолѣ воспрепятствовали осуществленію сенатскаго проекта.

Екатерина тотчасъ же послѣ своего воцаренія начала думать о средствахъ къ приведенію въ исполненіе проекта кодификаціи. Пріѣхавъ въ Сенатъ, 9 августа 1762 года, она приказала созвать комиссію для составленія уложенія. Руководителемъ комиссіи былъ назначенъ князь Шаховской; однако, и на этотъ разъ цѣль не была достигнута. Нужно было взяться за дѣло иначе, устроить его въ гораздо бо̀льшихъ размѣрахъ. Такимъ образомъ состоялась «Большая Комиссія» 1767 года.

---

[1]) См. статью Полѣнова въ II томѣ «Сб. Ист. Общ.», 394—405.
[2]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», XXIV, 426.

А. П. Сумароковъ.

Съ гравированнаго портрета Зейферта.

Около 1780 года, Екатерина составила довольно пространную записку объ учрежденіяхъ, введенныхъ въ ея управленіе. Здѣсь говорится о «Наказѣ» и о комиссіи уложенія слѣдующее:

«Въ первые три года царствованія моего, усматривая изъ прошеній, мнѣ подаваемыхъ, изъ сенатскихъ и разныхъ коллегій дѣлъ, изъ сенаторскихъ разсужденій и прочихъ многихъ людей разговоровъ, не единообразныя объ единой вещи установленныя правила, что законы, по временамъ сдѣланные въ соотвѣтствіе тогдашнихъ умовъ расположенія, многимъ казались законами противорѣчащими, и что всѣ требовали и желали, дабы законодательство было приведено въ лучшій порядокъ, — изъ сего вывела я себѣ въ умѣ заключеніе, что образъ мыслей вообще, да и самый гражданскій законъ, не можетъ получить поправленія инако, какъ установленіемъ полезныхъ для всѣхъ въ имперіи живущихъ и для всѣхъ вообще вещей правилъ, мною писанныхъ и утвержденныхъ. И для того начала читать, потомъ писать «Наказъ» комиссіи уложенія. Два года я и читала, и писала, не говоря о томъ полтора года ни слова, но слѣдуя единственно уму и сердцу своему, съ ревностнѣйшимъ желаніемъ пользы, чести и счастія имперіи и чтобъ довести до высшей степени благополучія всякаго рода живущихъ въ ней, какъ всѣхъ вообще, такъ и каждаго особенно. Предуспѣвъ, по мнѣнію моему, довольно въ сей работѣ, я начала казать по частямъ статьи, мною заготовленныя, людямъ разнымъ, всякому по его способности, и между прочими князю Орлову и графу Никитѣ Панину. Сей послѣдній мнѣ сказалъ: «ce sont des axiomes à renverser des murailles». Князь Орловъ цѣны не ставилъ моей работѣ и требовалъ часто, чтобы тому или другому оную показать. Но я болѣе одного листа или двухъ не показывала вдругъ. Наконецъ, заготовила манифестъ о созывѣ депутатовъ со всей имперіи, дабы лучше сознать каждой округи состояніе. Съѣхались оные въ Москвѣ, въ 1767 году, гдѣ, бывъ въ Коломенскомъ дворцѣ, назначила я разныхъ персонъ, вельми разномыслящихъ, дабы выслушать заготовленный наказъ комиссіи уложенія. Тутъ при каждой статьѣ родились пренія; я дала имъ волю чернить и вымарать все, что̀ хотѣли. Они больше половины изъ того, что̀ написано было мною, помарали, и остался наказъ уложенія, яко оный напечатанъ. Я запретила на оный инако взирать, какъ единственно онъ есть, то-есть, правила, на которыхъ основать можно мнѣніе, но не яко законъ, и для того по дѣламъ не выписывать яко законъ, но мнѣніе основать наономъ дозволено. Комиссія уложенія, бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и

свѣдѣнія о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно. Она всѣ части закона собрала и разобрала по матеріямъ и болѣе того бы сдѣлала, ежели бы турецкая война не началась. Тогда распущены были депутаты и военные поѣхали въ армію. Наказъ Комиссіи Уложенія ввелъ въ единство правила и въ разсужденія, не въ примѣръ болѣе прежняго. Стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ. По крайней мѣрѣ стали знать волю законодавца и по оной поступать»[1]).

Въ одномъ изъ писемъ къ Вольтеру (въ 1777 году) императрица называетъ «Наказъ» «фундаментомъ законодательнаго зданія имперіи»[2]).

Уже въ 1765 году, въ письмахъ Екатерины къ г-жѣ Жофренъ упоминается о «Наказѣ». Такъ, напр., она пишетъ: «Вотъ уже два мѣсяца, какъ я занимаюсь каждое утро въ продолженіе трехъ часовъ обработываніемъ законовъ моей имперіи. Трудъ огромный». При этомъ она замѣчаетъ о Монтескьё: «Его «Духъ законовъ» долженъ быть молитвенникомъ монарховъ со здравымъ смысломъ». Въ письмѣ отъ 6 апрѣля 1766 года сказано: «Моя большая работа подвигается, равно какъ и мое шитье; первая въ продолженіе двухъ часовъ утромъ, второе во время чтенія послѣ обѣда»[3]). Въ письмѣ Екатерины къ Даламберу (въ 1765 г.) говорится: «Я вамъ хотѣла послать нѣкоторую тетрадь, но требуется время, чтобы сдѣлать ее разумною; притомъ же она еще не окончена. Если вы ее одобрите, то я тѣмъ останусь довольна. Вы изъ нея увидите, какъ тамъ я на пользу моей имперіи обобрала президента Монтескьё, не называя его. Надѣюсь, что если бы онъ съ того свѣта увидалъ меня работающею, то простилъ бы эту литературную кражу во благо двадцати милліоновъ людей, которое изъ того послѣдуетъ. Онъ слишкомъ любилъ человѣчество, чтобы обидѣться тѣмъ; его книга служитъ для меня молитвенникомъ»[4]). «Будь я папой», замѣтила Екатерина въ письмѣ къ г-жѣ Жофренъ о Монтескьё, «я признала бы его святымъ, даже не выслушавъ рѣчей адвоката сатаны»[5]).

Въ 1767 году, императрица писала къ Даламберу о продолженіи своего труда: «Я занимаюсь непохожимъ на то, что желала къ вамъ отослать. Болѣе половины мною зачеркнуто, разорвано

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 175—176.
[2]) Тамъ-же, XXVII, 136.
[3]) Тамъ-же, I, 268, 269, 288.
[4]) Тамъ-же, X, 31.
[5]) Тамъ-же, I, 287.

и сожжено, и Богъ вѣдаетъ, что станется съ остальнымъ; однако придется окончить къ означенному мною сроку». Говоря о предстоявшемъ открытіи законодательнаго собранія, Екатерина замѣтила: «Начнутъ новое Уложеніе на основаніи установленныхъ мною началъ, которыя, надѣюсь, не будутъ отвергнуты тѣми, кто любитъ человѣчество» [1]). Императрица сообщила также и Вольтеру, въ 1766 году, нѣкоторыя свѣдѣнія о характерѣ и содержаніи «Наказа» [2]).

Нельзя сказать, чтобы императрица занималась тщательно юриспруденціею. Она любила обобщенія, размышляла объ общемъ характерѣ политики, соціологіи, философіи права, развѣ только въ видѣ исключенія входя въ подробности юридическихъ вопросовъ. Общее содержаніе, философскій характеръ сочиненія Беккарія «О преступленіяхъ и наказаніяхъ» заставили ее мечтать о приглашеніи знаменитаго итальянскаго писателя въ Россію [3]). «Наказъ» богатъ общими, теоретическими положеніями о государствѣ, о развитіи общества, о гуманности и цивилизаціи. Многое было прямо заимствовано изъ сочиненій Беккарія и Монтескьё; кое-что было плодомъ бесѣдъ съ такими людьми, какъ Сиверсъ, Панинъ, Орловъ, Бибиковъ и др. Вообще, было замѣтно на каждомъ шагу вліяніе на императрицу и на лицъ, ее окружавшихъ, литературы просвѣщенія, легко доступной каждому образованному человѣку. Вопросъ о кодификаціи вообще не могъ быть разрѣшенъ иначе, какъ воспроизведеніемъ воззрѣній энциклопедистовъ и прочихъ знаменитостей литературы просвѣщенія. «Наказъ» былъ плодомъ совмѣстнаго дѣйствія индивидуальнаго темперамента императрицы, любившей изучать теорію отвлеченныхъ предметовъ, и духа времени, принявшагося за рѣшеніе важныхъ проблемъ человѣческаго счастья и прогресса. Сиверсъ говорилъ Екатеринѣ, что новое Уложеніе могло бы служить самымъ славнымъ памятникомъ ея царствованія [4]). Она съ радостью занялась начертаніемъ плана новаго законодательства. Такимъ образомъ состоялся знаменитый трудъ: «Instruction de Sa Majesté impériale Cathérine II pour la commission chargée de dresser le projet d'un nouveau code de lois» [5]).

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», X, 167 и 168.

[2]) Тамъ-же, 94.

[3]) Тамъ-же, 183, 185, 242.

[4]) Blum, I, 236. На стр. 256 и 259 авторъ приписываетъ Сиверсу слишкомъ важную долю въ составленіи «Наказа» и созваніи Большой Коммиссіи.

[5]) Въ моей монографіи, въ «Russische Revue», XVIII, 414 и слѣд. см. частности о различныхъ изданіяхъ и пр.

Московская улица въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ гравюры того времени Дюрфельда.

17 октября 1767 года, Екатерина писала къ Фридриху II: «Сообразно желаніямъ вашего величества, я вручила сегодня вашему министру, графу Сольмсу, нѣмецкій переводъ «Наказа», даннаго мною для преобразованія законовъ Россіи. Ваше величество не найдете тамъ ничего новаго, ничего неизвѣстнаго для себя; вы увидите, что я поступила, какъ ворона басни, сдѣлавшая себѣ платье изъ павлиньихъ перьевъ. Во всемъ трудѣ мнѣ принадлежитъ лишь распредѣленіе предметовъ по статьямъ и въ разныхъ мѣстахъ то строчка, то слово; если бы собрали все, прибавленное туда мною, я не думаю, что вышло бы свыше двухъ, трехъ листовъ. Бо̀льшая часть извлечена изъ «Духа законовъ» президента Монтескьё и изъ сочиненія «О преступленіяхъ и наказаніяхъ» Беккарія[1]).

Укажемъ вкратцѣ на характеръ и содержаніе «Наказа», который былъ сначала напечатанъ на русскомъ языкѣ и розданъ членамъ Большой Комиссіи. На главной части сочиненія (§ 1—526) показано число: «Москва, 30 іюля 1767 года» — день открытія Большой Комиссіи. Въ ней заключаются, въ 20 главахъ, размышленія о Россіи, о монархической власти, о законахъ, наказаніяхъ, народномъ хозяйствѣ, о воспитаніи, о наслѣдственномъ правѣ и судѣ и расправѣ, о населеніи и о кодификаціи. Первое дополненіе, «о полиціи» (§ 527—566), означено числомъ «Петербургъ—28 февраля 1768»; второе, «о расходахъ, доходахъ и о государственномъ управленіи» и пр. (§ 568—653) — «Петербургъ, 8 апрѣля 1768 г.».

Во введеніи сказано: «Господи, Боже мой! вонми ми и вразуми мя, да сотворю судъ людемъ твоимъ по закону святому твоему судити въ правду». § 1: «Законъ христіанскій научаетъ насъ взаимно дѣлати другъ другу добро, сколько возможно». Во многихъ мѣстахъ сочиненія указано на нравственныя обязанности человѣка и правительства, на добродѣтели, патріотизмъ, гуманность, любовь къ ближнему, кротость и пр. § 35: «Равенство требуетъ хорошаго постановленія, которое воспрещало бы богатымъ удручать меньшее ихъ стяжаніе имѣющихъ». § 81: «Любовь къ отечеству, стыдъ и страхъ поношенія суть средства укротительныя и могущія воздержать множество преступленій». § 241: «Предупреждать преступленія есть намѣреніе и конецъ хорошаго законоположничества, которое ничто иное есть, какъ искусство приводить людей къ самому совершенному благу, или остав-

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XX, 236—237.

лять между ними, если всего искоренить нельзя, самое малѣйшее зло».

Нѣкоторые параграфы должны были заставить многихъ задуматься. Въ § 417 говорится о пагубныхъ слѣдствіяхъ сосредоточенія въ древнемъ Римѣ большихъ имѣній въ рукахъ немногихъ лицъ, а въ § 425 сказано: «Мое намѣреніе въ семъ дѣлѣ склоняется больше къ раздѣленію имѣнія, понеже я почитаю себѣ за долгъ желать, чтобы каждый довольную часть на свое пропитаніе имѣлъ. Сверхъ сего, земледѣліе такимъ образомъ можетъ пріити въ лучшее состояніе, и государство черезъ то большую получитъ пользу, имѣя нѣсколько тысячей подданныхъ, наслаждающихся умѣреннымъ достаткомъ, нежели имѣя нѣсколько сотъ великихъ богачей». Особеннаго вниманія заслуживаетъ также слѣдующая мысль, высказанная въ § 520 «Наказа»: «Все сіе не можетъ понравиться ласкателямъ, которые по вся дни всѣмъ земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однакожъ мы думаемъ, и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа, и по сей причинѣ мы обязаны говорить о вещахъ такъ, какъ онѣ быть должны. Ибо, Боже сохрани, чтобы послѣ окончанія сего законодательства былъ какой народъ больше справедливъ и, слѣдовательно, больше процвѣтающъ на землѣ; намѣреніе законовъ нашихъ было бы неисполнено: несчастіе, до котораго я дожить не желаю».

Мѣстами въ «Наказѣ» встрѣчаются попытки опредѣлить понятіе о свободѣ. «Разумъ вольности», сказано въ § 16, «въ державахъ можетъ произвести столько же великихъ дѣлъ и столь споспѣшествовать благополучію подданныхъ, какъ и самая вольность». Въ §§ 36 и 37 сказано: «общественная или государственная вольность не въ томъ состоитъ, чтобы дѣлать все, что̀ кому угодно, какъ въ возможности дѣлать то, что каждому надлежитъ хотѣть, и чтобъ не быть принуждену дѣлать то, чего хотѣть не должно». § 38: «Надобно въ умѣ себѣ точно и ясно представить: что есть вольность? Вольность есть право все то дѣлать, что законы дозволяютъ, и ежели бы гдѣ какой гражданинъ могъ дѣлать законами запрещаемое, тамъ бы уже больше вольности нѐ было, ибо и другіе имѣли бы равнымъ образомъ сію власть». § 39: «Государственная вольность въ гражданинѣ есть спокойство духа, происходящее отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственною наслаждается безопасностію; и чтобы люди имѣли сію вольность, надлежитъ быть закону такому, чтобъ одинъ граж-

данинъ не могъ бояться другого, а боялись бы всѣ однихъ законовъ».

Въ разныхъ мѣстахъ «Наказа» говорится объ основаніяхъ естественнаго права, о разницѣ между положительнымъ и естественнымъ правомъ и т. п. (напр., въ §§ 405, 407, 410). Обобщенія такого рода заставляли императрицу въ своемъ сочиненіи сравнивать различные народы, различныя страны между собою. Она въ этомъ отношеніи слѣдовала примѣру Гуго Гроція, Пуфендорфа, Монтескьё и пр., довольно часто затрогивавшихъ вопросы сравнительной этнологіи. Исторія и географія доставляли всѣмъ этимъ писателямъ, а также и Екатеринѣ, богатый запасъ примѣровъ для подтвержденія преподаваемыхъ правилъ о теоріи государства и общества. Многіе параграфы «Наказа» начинаются словами: «Есть народы» или «есть страна» и т. п. Весьма часто указано на нравы, обычаи и учрежденія грековъ и римлянъ, китайцевъ, вестготовъ, англичанъ и пр. Говорится о добродѣтеляхъ и порокахъ, о выгодахъ и недостаткахъ темперамента различныхъ народовъ, о вліяніи климата и почвы на исторію различныхъ странъ и о необходимости принятія въ соображеніе всего этого при законодательствѣ и т. д.

Впрочемъ, императрица отстаивала начала абсолютизма. Въ § 10 сказано: «Пространное государство предполагаетъ самодержавную власть въ той особѣ, которая онымъ правитъ». § 19: «Государь есть источникъ всякія государственныя и гражданскія власти». § 15: «Самодержавныхъ правленій намѣреніе и конецъ есть слава гражданъ, государства и государя».

Мѣстами императрица является защитницею сословныхъ правъ. Въ § 360 сказано: «Дворянство есть нарицаніе въ чести, различающее отъ прочихъ тѣхъ, кои онымъ украшены». Неточнымъ и неяснымъ оказывается опредѣленіе средняго сословія (§§ 377 и 378), при чемъ, впрочемъ, указано на развитіе этого класса общества въ будущемъ. Крестьянству не была посвящена особая глава въ «Наказѣ». Мы тотчасъ же увидимъ, что нѣкоторыя замѣчанія императрицы въ черновой «Наказа» не были напечатаны. Впрочемъ, и въ печатномъ «Наказѣ» встрѣчаются либеральныя идеи, имѣющія въ виду пользу низшаго класса народа. Правда, въ § 250 сказано: «Надлежитъ быть въ гражданскомъ обществѣ однимъ, которые правятъ и повелѣваютъ, а другимъ, которые повинуются», но за то уже въ § 253 замѣчено: «Нужно избѣгать случаевъ, чтобъ не приводить людей въ неволю, развѣ крайняя необходимость къ учиненію того привлечетъ, и то не для

Уличный торгъ въ Москвѣ у Кремля, въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ гравюры того времени Калпашникова. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

собственной корысти, но для пользы государственной, однако и та едва не весьма ли рѣдко бываетъ». Въ § 256 говорится о необходимости наказанія мучителей крестьянъ; въ § 269—о неблагоразумномъ собираніи оброка съ крестьянъ, причемъ императрица осуждаетъ абсентеизмъ господъ. Хотя въ § 260 сказано: «Не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ», Екатерина мечтала объ эмансипаціи крестьянъ. Въ § 295 она пишетъ: «Не можетъ земледѣльство процвѣтать тутъ, гдѣ никто не имѣетъ ничего собственнаго». Вообще, замѣчанія Екатерины о крестьянствѣ производятъ впечатлѣніе несистематическихъ, безсвязныхъ афоризмовъ. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что Екатерина, уступая вліянію лицъ, ее окружавшихъ, въ печатномъ «Наказѣ» выпустила разные параграфы, помѣщенные въ черновой этого труда.

Нѣкоторыя замѣчанія посвящены вопросамъ уголовнаго права, причемъ замѣтно вліяніе сочиненія Беккарія. Въ § 24 говорится объ обязанности «предупреждать преступленія», объ условіяхъ, при которыхъ можно прибѣгнуть къ смертнымъ приговорамъ. Въ § 96 сказано: «Всѣ наказанія, которыми тѣло человѣческое изуродовать можно, должно отмѣнить». Въ § 194 подробно изложено, въ какой степени пытка должна считаться не только варварскимъ, но и нецѣлесообразнымъ средствомъ уголовнаго судопроизводства. Въ § 207 императрица возстаетъ противъ чрезмѣрной жестокости наказаній. Въ слѣдующихъ затѣмъ параграфахъ говорится противъ смертной казни вообще; Екатерина допускаетъ исполненіе ея развѣ только во время анархіи и крайней опасности. Въ этомъ отношеніи она была гораздо либеральнѣе своихъ подданныхъ.

Въ весьма подробныхъ параграфахъ, посвященныхъ вопросамъ уголовнаго судопроизводства, императрица излагаетъ чрезвычайно гуманныя и либеральныя начала. § 83: «Приложить должно болѣе старанія къ тому, чтобы вселить узаконеніями добрые нравы во гражданъ, нежели привести духъ ихъ въ уныніе казнями». § 245: «Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилось между людьми», и т. п.

Многія изъ этихъ мыслей могли считаться новыми, даже парадоксальными. Онѣ, однако, должны были служить руководствомъ для членовъ Большой Комиссіи. Въ § 522 сказано: «Остается нынѣ Комиссіи подробности каждыя части законовъ сравнять съ правилами сего Наказа». При сжатой формѣ тезисовъ Екате-

рины, членамъ Большой Комиссіи было нелегко усвоить себѣ содержаніе «Наказа». Поэтому императрица предписала въ § 525: «Сей Наказъ читать въ Комиссіи... одиножды въ началѣ каждаго мѣсяца до окончанія Комиссіи». Далѣе она требовала отъ законодателей популярнаго изложенія законовъ. «Законы», сказано въ § 158, «должны быть писаны простымъ языкомъ, и Уложеніе, всѣ законы въ себѣ содержащее, должно быть книгою весьма употребительною, и которую бы за малую цѣну достать можно было, на подобіе букваря... Преступленія не столь часты будутъ, чѣмъ большее число людей Уложеніе читать и разумѣть станутъ. И для того предписать надлежитъ, чтобы во всѣхъ школахъ учили дѣтей грамотѣ попеременно изъ церковныхъ книгъ и изъ тѣхъ книгъ, кои законодательство содержатъ».

Нельзя сказать, чтобы всѣ лица, окружавшія Екатерину, были довольны ея трудомъ. Она сама вызывала критику и при окончательной редакціи руководствовалась сдѣланными ей замѣчаніями. Послѣднія не всегда нравились ей.

Бибиковъ пожелалъ нѣкоторыхъ неважныхъ измѣненій въ редакціи для большей ясности выраженія мыслей Екатерины. Басскаковъ находилъ, что пытка въ нѣкоторыхъ случаяхъ неизбѣжна. Екатерина, читая примѣчанія Баскакова, замѣтила на поляхъ: «О семъ слышать не можно, и казусъ не казусъ, гдѣ человѣчество страждетъ».

Особенно же Екатерина была недовольна замѣчаніями Сумарокова, который во многихъ отношеніяхъ противорѣчилъ ей. Она снабдила записку Сумарокова приписками или подстрочными, отчасти весьма мѣткими и острыми замѣчаніями. Такъ, напримѣръ, Сумароковъ смотрѣлъ на крестьянскій вопросъ иначе, нежели Екатерина. Она была гораздо либеральнѣе его. «Господинъ Сумароковъ», выразилась она о немъ, «хорошій поэтъ, но слишкомъ скоро думаетъ, чтобы быть хорошимъ законодавцемъ; онъ связи довольной въ мысляхъ не имѣетъ, чтобъ критиковать цѣль, и находитъ, что здѣсь и тамъ въ полирѣ ошибки есть, которыхъ пороковъ онъ бы оставилъ, естьли бы понялъ связь». Въ другомъ мѣстѣ, по поводу Монтескьё, мы встрѣчаемъ приписку Екатерины: «Многіе критиковали Монтескіу, не разумѣя его; я вижу, что я сей жребій съ нимъ раздѣляю». По поводу какого-то параграфа въ «Наказѣ» Сумароковъ замѣтилъ: «Для краткости времени безъ всякаго возраженія мною оставлена». Екатерина прибавила: «Потери нѣту».

Приведемъ здѣсь мнѣніе Сумарокова о крестьянскомъ вопросѣ, высказанное имъ по прочтеніи смѣлыхъ предложеній императрицы и замѣчанія послѣдней: Сумароковъ: «Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя: скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ, и будутъ ласкать слугъ своихъ, пропуская имъ многія бездѣльства, дабы не остаться безъ слугъ и безъ повинующихся имъ крестьянъ; и будетъ ужасное несогласіе между помѣщиками и крестьянами, ради усмиренія которыхъ потребны многіе полки, и непрестанная будетъ въ государствѣ междоусобная брань, и вмѣсто того, что нынѣ помѣщики живутъ покойно въ вотчинахъ (Екатерина: «и бываютъ зарѣзаны отчасти отъ своихъ»), вотчины ихъ превратятся въ опаснѣйшія имъ жилища, ибо они будутъ зависѣть отъ крестьянъ, а не крестьяне отъ нихъ. (Екатерина: «Не отъ роду»). Въ другихъ государствахъ и въ Украйнѣ другое сему основаніе, а у насъ этого быть безъ отъятія помѣщичьяго покоя не можетъ... Всѣ дворяне, а можетъ быть и крестьяне, сами такою вольностью довольны не будутъ, ибо съ обѣихъ сторонъ умалится усердіе. А это примѣчено, что помѣщики крестьянъ, а крестьяне помѣщиковъ очень любятъ, а нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій еще не имѣетъ». (Екатерина: «и имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ состояніи»)[1]).

Впрочемъ, замѣчанія, сдѣланныя разными лицами на первоначальный проектъ «Наказа», заставили Екатерину исключить значительную его часть. О различіи между первоначальною редакціею и печатнымъ изданіемъ можно судить по нѣкоторымъ отрывкамъ, найденнымъ между бумагами Екатерины и изданнымъ въ послѣднее время. Особенно важны тѣ изъ нихъ, которые относятся къ крѣпостному состоянію крестьянъ; въ первоначальномъ проектѣ занимали они видное мѣсто, но почти совершенно исчезли въ печатной редакціи.

Въ отрывкѣ мы читаемъ: «Два рода покорностей: одна существенная, другая личная, т. е. крестьянство и холопство. Существенная привязываетъ, такъ-сказать, крестьянъ къ участку земли, имъ данной. Такіе рабы были у германцевъ. Они не служили въ должностяхъ при домахъ господскихъ, а давали господину своему извѣстное количество хлѣба, скота, домашняго рукодѣлья и пр. и далѣе ихъ рабство не простиралось. Такая служба и теперь введена въ Венгріи, въ Чешской землѣ и во многихъ мѣстахъ

[1]) «Сб. Ист. Общ.», X, 79—86.

нижней Германіи[1]). Личная служба и холопство сопряжено съ услуженіемъ въ домѣ и принадлежатъ больше къ лицу. Великое злоупотребленіе есть, когда оно въ одно время и личное и существенное». Все это въ печатномъ «Наказѣ» выпущено, и оставлено только слѣдующее за приведенными статьями мѣсто: «Какого бы рода покорство ни было, надлежитъ, чтобъ законы гражданскіе съ одной стороны злоупотребленіе рабства отвращали, а съ другой стороны — предостерегали бы опасности, могущія оттуда произойти».

Далѣе въ отрывкѣ читаемъ: «Всякій человѣкъ долженъ имѣть пищу и одежду по своему состоянію, и сіе надлежитъ опредѣлить закономъ. Законы должны и о томъ имѣть попеченіе, чтобъ рабы и въ старости, и въ болѣзняхъ не были оставлены... Когда законъ дозволяетъ господину наказывать своего раба жестокимъ образомъ, то сіе право долженъ онъ употреблять какъ судья, а не какъ господинъ. Желательно, чтобы можно закономъ предписать въ производствѣ сего порядокъ, по которому бы не оставалось ни малаго подозрѣнія въ учиненномъ рабу насиліи... Въ россійской Финляндіи выбранные седмь или осмь крестьянъ во всякомъ погостѣ составляютъ судъ, въ которомъ судятъ о всѣхъ преступленіяхъ. Съ пользою подобный способъ можно бы употребить для уменьшенія домашней суровости помѣщиковъ или слугъ, ими посылаемыхъ на управленіе деревенъ ихъ безпредѣльное, что часто разорительно деревнямъ и народу, и вредно государству, когда удрученные отъ нихъ крестьяне принуждены бываютъ неволею бѣжать изъ своего отечества. Есть государство, гдѣ никто не можетъ быть осужденъ инако, какъ 12-ю особами ему равными — законъ, который можетъ воспрепятствовать сильно всякому мучительству господъ, дворянъ, хозяевъ и пр. Есть положеніе въ ломбардскихъ законахъ, которое во всѣхъ родахъ правленія полезно быть можетъ: если господинъ насилуетъ жену или дочь своего раба, то вся семья онаго будетъ отъ рабства освобождена; средство къ предупрежденію и укрощенію невоздержности господъ».

Все это въ печатномъ «Наказѣ» пропущено; за приведенною статьею (§ 254), начинающеюся словами: «Какого бы рода покорство ни было», прямо слѣдуетъ § 255: «Несчастливо то прав-

[1]) Очевидно, императрица говоритъ въ этомъ мѣстѣ о реформѣ, состоявшейся въ 1766 году въ Австріи, при Маріи Терезіи. Такъ называемая «Urbarialordnung» имѣла цѣлью обезпечить бытъ крестьянъ въ Венгріи предоставленіемъ имъ нѣкоторыхъ правъ; см. соч. Зугенгейма, «Gesch. d. Aufhebung der Leibeigenschaft». St.-Petersburg, 1861. 393.

леніе, въ которомъ принуждены установлять жестокіе законы», статья, не имѣющая здѣсь смысла безъ дополненія, выпущеннаго въ изданномъ «Наказѣ» и сохранившагося въ отрывкѣ: «Причина сему, что повиновеніе сдѣлалось несноснымъ игомъ, такъ необходимо надлежало и наказаніе за ослушаніе увеличить или сомнѣваться о вѣрности. Благоразумно предостерегаться, сколь возможно,

Торговцы лубочными картинами и стальными издѣліями въ Екатерининское время.

Съ офорта прошлаго столѣтія Гейслера.

отъ того несчастія, чтобъ не сдѣлать законы страшные и ужасные. Для того, что рабы и у римлянъ не могли полагать упованія на законы, то и законы не могли на нихъ имѣть упованія. Но какой тотъ народъ, въ которомъ гражданскіе законы противоборствуютъ праву естественному? Былъ у грековъ законъ, по которому рабы, жестокостью господъ своихъ убѣжденные (?), могли требовать, чтобъ они другому были проданы. Въ послѣднія вре-

мена былъ подобный законъ и въ Римѣ: господинъ, раздраженный противъ своего раба, и рабъ, огорченный противъ господина своего, должны быть другъ отъ друга разлучены. Сей законъ служилъ къ безопасности хозяина и раба».

Въ печатномъ «Наказѣ» (§ 261) сказано: «Законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества», но здѣсь

Торговка старыми вещами и рекрутъ въ Екатерининское время.

Съ офорта прошлаго столѣтія Гейслера.

выпущена вторая половина фразы: «и привесть ихъ въ такое состояніе, чтобъ они могли купить сами себѣ свободу». Выброшено и слѣдующее: «Могутъ еще законы опредѣлить уреченное время службы: въ законѣ Моисеевомъ ограничена на шесть лѣтъ служба рабовъ. Можно также установить, чтобъ на волю отпущеннаго человѣка уже болѣе не крѣпить никому, изъ чего еще та польза государственная выйдетъ, что нечувствительно умножится число

мѣщанъ въ малыхъ городахъ. Также можно уврачевать зло сіе при самомъ онаго корени. Великое число рабовъ находится при отправленіи разныхъ должностей, имъ поручаемыхъ, и уже отъ земледѣлія безповоротно отлученныхъ: перенести нѣкоторую часть сихъ званій на людей свободныхъ, напримѣръ, торговлю, мореплаваніе, художество; чрезъ то уменьшится число рабовъ. Надлежитъ, чтобъ законы гражданскіе опредѣлили точно, что рабы должны заплатить за освобожденіе своему господину, или чтобъ уговоръ отъ освобожденія опредѣлилъ точно сей ихъ долгъ вмѣсто законовъ» [1]).

Какъ видно, Екатерина серьезно мечтала объ отмѣнѣ злоупотребленій крѣпостного права, объ устраненіи ужасовъ патримоніальнаго судопроизводства, объ освобожденіи крестьянъ. Однако, при этомъ она столкнулась съ воззрѣніями вліятельныхъ лицъ. Сумароковъ, Арсеній Мацѣевичъ, Державинъ, княгиня Дашкова и др.—отстаивали крѣпостное право. Императрица, желавшая, чтобы вопросъ о крестьянахъ сдѣлался предметомъ преній въ Большой Комиссіи, должна была подвергнуть свой «Наказъ» цензурѣ представителей привилегированныхъ классовъ. Несмотря, однако, на такія мѣры предосторожности, крестьянскій вопросъ явился между очередными занятіями законодательнаго собранія. Нѣсколько лѣтъ спустя, Пугачевщина доказала, что императрица болѣе точно и справедливо, чѣмъ сторонники консервативныхъ началъ, оцѣнила опасность, грозившую государству и обществу со стороны находившихся въ отчаянномъ положеніи крестьянъ.

«Наказъ» и въ печатномъ видѣ, безъ тѣхъ либеральныхъ предложеній, которыя были устранены партіею консерваторовъ, произвелъ въ Европѣ сильное впечатлѣніе. Во Франціи, правительство смотрѣло на него, какъ на весьма опасную книгу. Князь А. Голицынъ писалъ вице-канцлеру А. М. Голицыну изъ Берлина, 2-го ноября 1767 года: «Только здѣсь узналъ я, что императрицынъ «Наказъ» для составленія Уложенія подвергся въ Парижѣ запрещенію... Какъ ни полонъ я негодованія, но извѣстіе меня не удивляетъ. Напротивъ, одобреніе отъ французскаго министра (Шуазёля), давно привыкшаго гнать изъ Франціи все доброе, честное и полезное для человѣчества, придало бы «Наказу» видъ недостатка» и пр. Зато въ средѣ французскихъ писателей господ-

[1]) Соловьевъ, XXVII, 80—83. «Сб. Ист. Общ.», X, 152 и слѣд.

ствовалъ общій восторгъ по поводу появленія «Наказа». Въ этомъ смыслѣ выразились Фальконетъ, Вольтеръ и пр.[1]).

Еще до полученія печатнаго «Наказа» Фридрихъ Великій, узнавъ о занятіяхъ Екатерины, восхвалялъ ее за намѣреніе приступить къ преобразованію законовъ. Въ письмѣ отъ 12-го мая онъ замѣчаетъ: «Скажутъ, что императрица первая изъ женщинъ могла носить имя законодателя своей имперіи, и что она по своей мудрости первая положила основаніе счастія своихъ народовъ, установивъ справедливые законы. Если царь Петръ I не гнушался работать въ Амстердамѣ на верфи адмиралтейства, чтобы создать флотъ для своего народа, то и ваше величество не пренебрегли безчисленными подробностями юриспруденціи, чтобы обезпечить владѣнія и благосостояніе Россіи»[2]).

Получивъ «Наказъ» и принявшись за чтеніе его, король писалъ между прочимъ: «Это приношеніе имѣетъ мало примѣровъ на свѣтѣ... я восхищенъ не только правилами человѣколюбія и кротости, о чемъ вѣщаютъ эти законы, но также порядкомъ, связностью мыслей, великою ясностью и точностью въ выраженіяхъ, господствующими въ этомъ твореніи, и обширными свѣдѣніями, содержащимися въ немъ»[3]).

Какъ кажется, избраніе императрицы членомъ берлинской академіи наукъ находилось въ связи съ изданіемъ ея «Наказа». Въ отвѣтѣ своемъ на предложенную ей честь, она замѣтила между прочимъ: «Вся моя наука заключается именно въ томъ, что всѣ люди братья и всю мою жизнь я проведу въ изученіи искусства поступать согласно этому правилу. Если я до сихъ поръ въ чемъ либо успѣла, то приписывайте это только означенной истинѣ»[4]).

Мы уже знаемъ, что иностранные дипломаты въ Петербургѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за планами императрицы. Англійскій посланникъ Макартней писалъ въ декабрѣ 1766 года: «Въ настоящую минуту вниманіе царицы исключительно поглощено любимымъ проектомъ, успѣхъ котораго будетъ ей полезнѣе и принесетъ ей больше истинной чести, чѣмъ выигранное сраженіе или пріобрѣтеніе цѣлаго королевства. Обладая проницательнымъ умомъ, вслѣдствіе котораго она не только усматриваетъ недостатки, но тотчасъ же находитъ средство ихъ исправить, она давно съ сожалѣніемъ убѣдилась въ безпорядкѣ, сложности, запутанности

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XV, 629, 634; XVII, 91 и 92.
[2]) Тамъ-же, XX, 233, 234.
[3]) Тамъ-же, XX, 238—240.
[4]) Тамъ-же, X, 282.

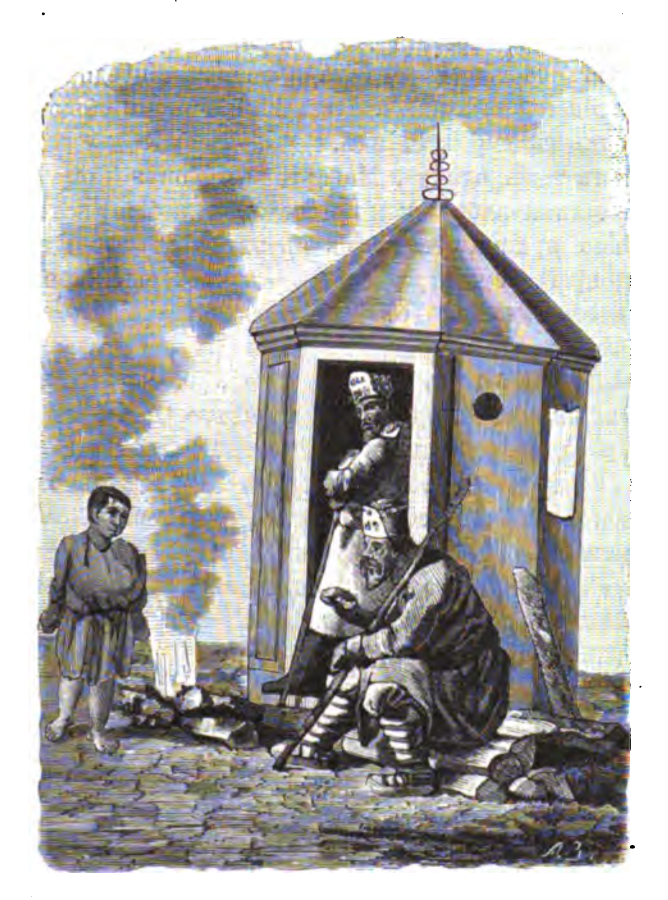
и несправедливости законовъ ея имперіи; исправленіе ихъ давно составляло предметъ ея честолюбія, и съ этой цѣлью она разсматривала и изучала, съ величайшимъ вниманіемъ и точностью, различныя законодательства другихъ странъ. На основаніи собственныхъ ея замѣчаній по этому предмету и мнѣній самыхъ ученыхъ и способныхъ ея совѣтниковъ, она составила Уложеніе, равно соотвѣтствующее благу ея подданныхъ и характеру народа. Уложеніе это будетъ предложено на разсмотрѣніе депутатовъ имперіи, которые соберутся въ Москвѣ въ теченіе будущаго лѣта, причемъ имъ будетъ предоставлено право высказывать свои мнѣнія о немъ, указывать на тѣ недостатки, которые они найдутъ въ немъ, и предлагать измѣненія. Когда по всѣмъ этимъ вопросамъ произойдетъ соглашеніе, и они будутъ окончательно утверждены, Уложеніе это будетъ обнародовано и составитъ основное законодательство имперіи на будущее время. По истинѣ это высокое предпріятіе, достойное честолюбія великаго монарха, предпочитающаго титулъ законодателя славѣ побѣдъ и полагающаго въ основаніе своего величія заботу о благоденствіи, а не уничтоженіи человѣчества».

Полгода спустя, когда англійскій дипломатъ донесъ объ открытіи Большой Комиссіи и о первыхъ засѣданіяхъ ея, министръ Конуэ (Conway) писалъ ему, 9 октября 1767 года: «Прошу васъ продолжать сообщать всѣ главнѣйшія обстоятельства, сопровождающія это великое и необычное предпріятіе, достойное восторженнаго удивленія и приносящее высокую честь монархинѣ, способной возъимѣть и исполнить столь великодушное намѣреніе, какъ предоставленіе свободы великому народу, жертвуя при этомъ собственнымъ могуществомъ для счастья своихъ подданныхъ. Исторія представляетъ намъ много примѣровъ отнятія власти изъ рукъ деспотическихъ государей, что обыкновенно происходило послѣ волненій и борьбы за освобожденіе, но я не знаю примѣра тому, чтобы самодержавный монархъ добровольно отказался отъ власти въ пользу своего народа»[1]).

Въ этой перепискѣ двухъ англійскихъ государственныхъ людей бросаются въ глаза двѣ ошибки. Во-первыхъ, Екатерина не составила для депутатовъ проекта Уложенія; она указала лишь на тѣ общія правила, которыми слѣдовало руководствоваться при составленіи его. Самый важный, громадный трудъ былъ предоставленъ собранію. Очевидно, Екатерина не оцѣнила затрудненій,

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XII, 291 и 316.

съ которыми приходилось бороться многочисленному собранію при рѣшеніи своей задачи. Въ 1648 году, до созванія собора, законодательная комиссія окончила свой трудъ, и соборъ занялся лишь просмотромъ и дополненіемъ готоваго Уложенія. Въ 1767 году, напротивъ, даже не было подробнаго плана кодификаціи, не было

Городскіе сторожа въ Екатерининское время.

Съ акварели того времени Шефнера. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

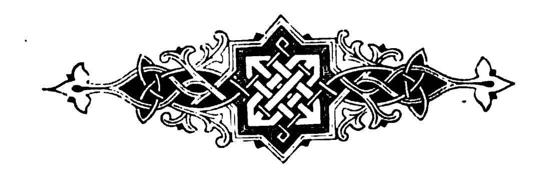
точно опредѣленной программы занятій Большой Комиссіи. Англійскій дипломатъ, узнавшій лишь по слухамъ о работѣ Екатерины, очевидно, не предполагалъ, не считалъ возможнымъ, что она ограничится составленіемъ лишь общихъ правилъ теоріи законодательства. «Наказъ» можно было написать въ два года. Проектъ Уложенія потребовалъ бы гораздо большаго времени.

Во вторыхъ, оказалось ошибочнымъ предположеніе англійскаго министра, что Екатерина, созывая Большую Комиссію, мечтала объ ограниченіи абсолютной монархической власти, о введеніи системы парламентаризма. Екатерина не думала объ этомъ: она не допускала, чтобы вопросы государственнаго права сдѣлались предметомъ обсужденія въ Большой Комиссіи. И въ этомъ случаѣ, какъ и по поводу донесенія Макартнея, можно видѣть, что предположенія англичанъ о характерѣ и значеніи предпріятія Екатерины объусловливались ихъ предвзятыми идеями объ англійскихъ государственныхъ учрежденіяхъ.

При всемъ томъ, однако, Макартней и Конуэ (Conway) не безъ основанія хвалили либерализмъ и человѣколюбіе Екатерины. Она дѣйствительно руководствовалась въ этомъ случаѣ идеализмомъ, любовью въ прогрессу, стремленіемъ къ усовершенствованію. Понятно, что современники съ большимъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ этого дѣла.

Екатерина сама, какъ можно думать, не сомнѣвалась въ успѣхѣ затѣяннаго ею предпріятія. Опытъ, однако, показалъ, что задача была слишкомъ сложною и трудною. Оптимизмъ Екатерины въ 1767 году не соотвѣтствовалъ ея рѣзкимъ отзывамъ по поводу законодательнаго собранія въ Парижѣ въ 1789 году. Черезъ два десятилѣтія послѣ созванія Большой Комиссіи она выражала удивленіе тому, что во Франціи столь многочисленному собранію, какимъ была «Assemblée nationale», поручили рѣшеніе задачи кодификаціи.

И Большой Комиссіи приходилось бороться съ разными затрудненіями. Цѣль ея не была достигнута.

Аллегорія на изданіе Екатерининскаго „Наказа“.

Съ современной гравюры Шоффара.

ГЛАВА II.

Большая Комиссія.

О ВСѢХЪ сочиненіяхъ, имѣвшихъ предметомъ исторію царствованія Екатерины, встрѣчаются, почти безъ исключенія, весьма неблагопріятные отзывы о законодательномъ собраніи, состоявшемся въ 1767 году. Виною этого оказываются, вопервыхъ, нѣкоторыя депеши иностранныхъ дипломатовъ, находившихся въ Россіи въ то время, и, вовторыхъ, сочиненія о Екатеринѣ, писанныя современниками, вообще порицавшими ея царствованіе. До новѣйшаго времени исторіографія, особенно въ западной Европѣ, не могла освободиться отъ сильнаго вліянія на нее этихъ источниковъ, односторонность и тенденціозность которыхъ, при болѣе внимательномъ изслѣдованіи вопроса, бросается въ глаза.

Въ настоящее время, послѣ появленія въ свѣтъ нѣкоторыхъ монографій по этому предмету, въ особенности же послѣ изданія архивныхъ дѣлъ, относящихся къ исторіи Большой Комиссіи, мы имѣемъ возможность составить себѣ болѣе точное понятіе о характерѣ и значеніи этого событія [1]).

---

[1]) Депеши англійскихъ дипломатовъ, заключавшія въ себѣ неблагопріятные отзывы, были напечатаны въ сборникѣ Раумера «Beiträge zur neueren Geschichte» и въ изданіи «La cour da la Russie il y a cent ans», а въ новѣйшее время въ

Выборы.

14 декабря 1766 года, появился манифестъ Екатерины о созваніи Большой Комиссіи. Въ немъ указано на воцареніе императрицы, какъ на спасеніе имперіи отъ грозившей ей опасности, и на старанія новаго правительства обезпечить права всѣхъ и каждаго и усовершенствовать законодательство, судъ и расправу. Далѣе говорится о необходимости составленія новаго Уложенія. Наконецъ, велѣно прислать депутатовъ отъ Сената и Синода, отъ коллегій и канцелярій и «изо всѣхъ уѣздовъ и городовъ».

Число депутатовъ простиралось до 564: Нельзя не удивляться тому, что духовенство имѣло лишь одного депутата: то былъ митрополитъ Новгородскій Димитрій, представитель св. Синода [1]). Число представителей различныхъ правительственныхъ вѣдомствъ было незначительно, — всего 27. Дворянскихъ депутатовъ было около 150, представителей городовъ — около 200; однодворцы, пахатные солдаты и др. выслали около 50; военные элементы на окраинахъ Россіи около 70 депутатовъ; представителей инородцевъ было около 50.

Можно думать, что процедура выборовъ производила нѣкоторое впечатлѣніе на современниковъ. Укажемъ на кое-какія характеристическія черты при выборѣ депутатовъ. Въ Петербургѣ манифестъ 14-го декабря во многихъ экземплярахъ былъ прибитъ на видныхъ мѣстахъ и къ нимъ были приставлены отъ полиціи канцелярскіе служители, которые были обязаны прочитывать манифестъ неграмотнымъ. Городъ былъ раздѣленъ на нѣсколько участковъ. Въ одномъ изъ нихъ графъ А. С. Строгановъ предоставилъ домовладѣльцамъ для производства выборовъ, происходившихъ публично, свой домъ.

Уже въ первомъ изъ такихъ собраній было замѣчено, что сановники, «дабы болѣе примѣнить себя къ бывшимъ тутъ прочимъ

XII т. «Сборника Историческаго Общества». Эти отзывы вліяли на сужденія нѣкоторыхъ историковъ, напримѣръ, Германа, Бернгарди, Беркгольца, къ тому же писавшихъ подъ вліяніемъ Кастера и Массона.—Въ 1861 году, въ «Р. Вѣстникѣ», октябрь и декабрь, явились статьи Соловьева и Лонгинова. Въ XXVII т. «Исторіи Россіи» Соловьева исторіи Большой Комиссіи посвящена особая глава. Документы изданы въ IV, VIII, XIV, XXXII, и XXXVI томахъ «Сборника Ист. Общества». См. мои статьи въ «Russische Revue» XVIII, XX, XXI, XXII.—Тамъ же указано на статьи Пахмана, Сергѣевича и пр.

[1]) На нѣкоторое косвенное участіе духовенства указалъ г. Сергѣевичъ въ «Вѣстникѣ Европы», 1878, I, 201; оно имѣло вліяніе на составленіе наказовъ депутатскихъ.

гражданамъ, пріѣхали въ собраніе, не имѣя на себѣ никакихъ орденскихъ знаковъ или другихъ отличій». Впрочемъ, въ этомъ собраніи повѣренными были выбраны исключительно лица знатнаго происхожденія и высшіе государственные сановники. Поэтому руководившій выборами генералъ-полиціймейстеръ Чичеринъ, открывая второе собраніе, обратилъ вниманіе присутствовавшихъ на это обстоятельство, замѣтивъ, что, «такъ какъ знатныя лица и сановники, по причинѣ частыхъ отлучекъ, не имѣютъ способовъ знать всѣ городскія нужды, онъ, генералъ-полиціймейстеръ, считаетъ необходимымъ собранію свой совѣтъ не въ указъ предложить: не полезнѣе ли было бы избирать въ повѣренные лицъ изъ всякаго званія жителей, способныхъ и знающихъ городскія нужды». Вслѣдствіе такого заявленія между избранными повѣренными на этотъ разъ уже встрѣчаются нѣкоторые купцы. Депутатомъ отъ города Петербурга былъ выбранъ графъ Алексѣй Орловъ. Въ комиссіи для составленія депутатскаго наказа участвовали: одинъ тайный совѣтникъ, одинъ генералъ-маіоръ и три купца.

Совершенно тотъ же характеръ имѣлъ выборъ депутата отъ города Москвы. Въ Волоколамскѣ, по случаю выбора дворянскаго депутата, происходили разныя празднества, торжественные обѣды, ужины у знатныхъ лицъ. Былъ сожженъ фейерверкъ, въ которомъ изображено имя императрицы, а по сторонамъ начальныя литеры: Б. М. И. П. Б. О., означавшія: «благоволеніе монаршее, исполненіе подданныхъ, благополучіе общества» и т. п. Почти вездѣ манифестъ 14 декабря 1766 года былъ встрѣченъ съ радостью и благодарностью; мѣстами заговорили о памятникѣ, который дворянство намѣревалось воздвигнуть Екатеринѣ II. Весьма лишь немногіе города воспользовались правомъ, по неимѣнію средствъ, не отправлять депутата въ Большую Комиссію.

Систематической оппозиціи противъ всего предпріятія мы нигдѣ не встрѣчаемъ, за исключеніемъ Малороссіи. Здѣсь выборы встрѣтили довольно сильныя затрудненія, какъ видно изъ писемъ малороссійскаго генералъ-губернатора Румянцева къ императрицѣ. Онъ писалъ, что малороссіяне не цѣнятъ благодѣянія, заключавшагося въ созваніи Большой Комиссіи, опасаясь измѣненія мѣстныхъ правъ Малороссіи, въ особенности же ограниченія привилегій высшихъ слоевъ общества[1]).

---

[1]) См. статью г. Авсѣенко въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1863 г., т. XLVI, 506—509, и статью Соловьева въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1861 года, окт., 333—334.

Впрочемъ, худыя извѣстія изъ Малороссіи не произвели на Екатерину особенно непріятнаго впечатлѣнія. «Я надѣюсь», отвѣчала она Румянцеву, «что вы употребите такія мѣры, которыя непознавающихъ собственной своей и общественной пользы степенями приведутъ, наконецъ, къ познанію оной. Нѣтъ нужды, кажется, нѣкоторое принужденіе или усильныя увѣщанія употреблять и въ томъ, чтобъ для избранія депутатовъ къ сочиненію проекта непремѣнно всѣ явились, а довольно, когда нѣкоторое число, хотя малое, для выбору являются, тѣмъ наипаче, что города, какъ вы пишете, уже публично признаютъ нѣкоторые введенные у васъ порядки за полезные для нихъ, слѣдовательно мѣщане не преминутъ дать отъ себя депутатовъ» и пр. Въ другомъ письмѣ она писала: «Я почитаю препятствія за маловажныя, а только онѣ означаютъ умоначертанія прежнихъ временъ, кои несомнѣнно исчезнутъ», и пр.

Впрочемъ, и въ другихъ мѣстахъ участіе въ выборахъ было далеко не общимъ: дѣло представлялось новымъ и, повидимому, многіе относились недовѣрчиво и неохотно. Во второмъ собраніи въ С.-Петербургѣ для выбора повѣренныхъ, изъ внесенныхъ въ списокъ 204 домовладѣльцевъ, явилось лишь 102; въ четвертомъ собраніи изъ 221 не болѣе 88; въ пятомъ изъ 175 только 56 [1]).

Изъ нѣкоторыхъ свѣдѣній видно, что вообще по уѣздамъ лишь незначительное число дворянъ принимало непосредственное участіе въ выборахъ. Послѣдняя статья верейскаго наказа прямо упоминаетъ объ этомъ; и дѣйствительно, подъ наказомъ мы находимъ всего пять именъ [2]). Дмитровскій наказъ насчитываетъ до трехъ-сотъ помѣщиковъ, а между тѣмъ подписались подъ нимъ тринадцать, процентъ крайне незначительный. Въ Пусторжевскомъ уѣздѣ было двѣсти помѣщиковъ,—наказъ подписанъ тридцатьютремя; изъ 42 уѣздовъ Московской губерніи только въ двухъ (Московскомъ и Михайловскомъ) число дворянъ, подписавшихся подъ наказомъ, превышало 100. Въ двадцати-одномъ уѣздѣ подписалось менѣе двадцати, въ томъ числѣ попадаются пять, шесть, семь подписей. Въ сѣверныхъ губерніяхъ число подписей вообще гораздо больше. Цифра десять попадается всего два раза; менѣе десяти не встрѣчаемъ. Что же касается лицъ, подавшихъ мнѣнія заочно, то опредѣлить ихъ число невозможно: только Юрьевскій уѣздъ приложилъ къ наказу списокъ ихъ, изъ котораго видимъ,

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», IV, 12—14.

[2]) Тамъ-же, 382.

Князь М. М. Щербатовъ.

Съ неизданнаго гравированнаго портрета изъ собранія Бекетова.

(Подлинникъ принадлежитъ Д. А. Ровинскому).

что явились на выборы двѣнадцать человѣкъ; письменный отзывъ прислали пятьдесять-три. Юрьевскій наказъ еще въ другомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія. Въ дворянскихъ выборахъ могли участвовать и женщины, которыя, впрочемъ, подавали голоса заочно, но въ числѣ именъ, подписанныхъ подъ наказомъ, встрѣчаемъ женскія лишь въ Юрьевскомъ наказѣ [1]).

Депутатскіе наказы.

Въ двадцать пятомъ пунктѣ «обряда выбора» предписывалось, по избраніи депутата, выбрать пять лицъ для сочиненія наказа, «въ который они включаютъ всѣ нужды, какія въ комиссію хотятъ представить». Въ 27-мъ пунктѣ прибавлено: «Въ представленія объ общихъ нуждахъ не вносить никакихъ партикулярныхъ дѣлъ, кои всегда судебными мѣстами разобраны быть должны». Сочиненіе наказа предписывалось окончить въ теченіе шести дней.

Наказы должны были очень интересовать правительство по содержавшимся въ нихъ свѣдѣніямъ о состояніи страны, и для занятій Большой Комиссіи они имѣли важное значеніе уже потому, что въ первое время труды ея заключались главнымъ образомъ въ чтеніи и обсужденіи ихъ.

На первый взглядъ шести-дневный срокъ для составленія депутатскаго наказа можетъ казаться слишкомъ краткимъ. Однако, не слѣдуетъ забывать, что манифестъ о Большой Комиссіи былъ обнародованъ еще въ декабрѣ 1766 года, выборы же происходили въ февралѣ, мартѣ или апрѣлѣ 1767 года. Такимъ образомъ, лица, участвовавшія въ выборахъ, могли въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, или даже нѣсколькихъ мѣсяцевъ, обсуждать дѣло.

Такъ какъ наказы должны были содержать указанія на мѣстныя нужды, то въ этомъ отношеніи они походили на челобитныя прежнихъ временъ. Но огромная разница заключалась въ томъ, что сама императрица пригласила подданныхъ къ заявленію о своихъ нуждахъ, обѣщая заботиться объ ихъ благѣ и имѣя въ виду коренныя реформы. Нерѣдко челобитныя XVII вѣка, какъ можно думать, не доходили до царей; мѣстныя начальства, вое-

---

[1]) См. «Сб. Ист. Общ.», IV, 319—320, а также статью В-вой въ «Вѣстникѣ Европы», 1876, I, 52—53.

воды, едва-ли могли относиться къ нимъ доброжелательно. Совсѣмъ не то было въ 1767 году. Депутатскіе наказы съ заявленіями о мѣстныхъ нуждахъ должны были обсуждаться въ Большой Комиссіи, т. е. въ присутствіи представителей всего общества.

До сихъ поръ небольшая часть наказовъ напечатана цѣликомъ. Около 80 дворянскихъ наказовъ изданы въ разныхъ томахъ «Сборника Историческаго Общества». Съ помощью ихъ мы можемъ составить себѣ понятіе о нуждахъ, желаніяхъ и надеждахъ дворянскаго сословія. О содержаніи другихъ наказовъ мы узнаемъ изъ краткихъ извлеченій и изъ протоколовъ засѣданій Большой Комиссіи. Нѣкоторые депутаты имѣли съ собою по нѣскольку наказовъ: такъ, напр., у депутата отъ города Нѣжина оказалось пять наказовъ, очевидно соотвѣтствовавшихъ нуждамъ разныхъ группъ населенія этого города. Депутатъ отъ однодворцевъ нѣкоторыхъ уѣздовъ Архангельской губерніи, Чупровъ, имѣлъ съ собою не менѣе 195 наказовъ. Вообще было не менѣе 1500 депутатскихъ наказовъ, изъ которыхъ около двухъ третей были составлены представителями крестьянъ [1]).

Наказы отличаются одинъ отъ другого объемомъ, формою, характеромъ содержанія. Къ наиболѣе подробнымъ принадлежитъ, напр., перемышльскій, который раздѣленъ на 86 параграфовъ и въ печати обнимаетъ 32 большія страницы; въ верейскомъ наказѣ тоже затронуто множество вопросовъ, а въ заключеніе предписано депутату: «Въ случаѣ и сверхъ сего нашего наказа что вами усмотрѣно или признано будетъ за нужное для пользы общества недостатки, то вамъ, гдѣ надлежитъ, представлять неизъемлемо дозволяется же» [2]). Напротивъ, наказъ бѣжецкаго дворянства кратокъ и обращаетъ вниманіе исключительно на одинъ пунктъ — самоуправленіе дворянства.

Нѣкоторые наказы отличаются систематическою группировкою матеріала, раздѣленіемъ на разныя статьи съ заголовками. Таковы, напр., заголовки шуйскаго наказа: «о мостахъ и дорогахъ»; «о фабрикантахъ», «о указныхъ цѣнахъ хлѣбу» и т. п. Въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, мы имѣемъ свѣдѣнія о томъ, кто занимался сочиненіемъ наказовъ. Такъ, напр., важнѣйшее участіе

---

[1]) 81 дворянскихъ наказовъ изданы въ IV, VIII и XIV т.т. «Сб. Ист. Общ.» Краткое извлеченіе изъ всѣхъ вообще наказовъ въ статьѣ Соловьева въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1861 г., окт., стр. 331—336. См. также статью Сергѣевича въ «Вѣстникѣ Европы», 1876, I, 229.

[2]) «Сб. И. Общ.», IV, 382.

въ составленіи костромскаго наказа принадлежало Александру Ильичу Бибикову, который былъ потомъ назначенъ маршаломъ собранія и пользовался особеннымъ довѣріемъ императрицы. Есть основаніе думать, что составленіе наказа ярославскаго дворянства происходило главнымъ образомъ подъ вліяніемъ князя Щербатова: по крайней мѣрѣ по содержанію своему онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ многимъ рѣчамъ, произнесеннымъ Щербатовымъ въ Большой Комиссіи.

Случалось, что дворянство одного уѣзда, составляя наказъ, пользовалось наказомъ уѣзда сосѣдняго, или даже прямо списывало его. Въ нѣкоторыхъ наказахъ обнаруживается полное довѣріе къ способностямъ и энергіи отправляемаго депутата. Такъ, напр., наказъ муромскаго дворянства ограничивается собственно слѣдующею фразою: «Мы, будучи въ собраніи, по довольномъ общемъ нашемъ разсужденіи всего муромскаго дворянства, никакихъ отягощеній и нуждъ не признаемъ; а ежели что вашимъ высокоблагородіемъ по обществу муромскаго дворянства къ пользѣ усмотрѣно будетъ, оное все въ Комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія для представленія въ полномочіе препоручаемъ вашему высокоблагородію; ибо вашему высокоблагородію, яко здѣшнему жителю и имѣющему свои въ Муромскомъ уѣздѣ деревни, всѣ наши обстоятельства муромскаго дворянства довольно извѣстны»[1]). За то депутату Шуйскаго уѣзда было вмѣнено въ обязанность слѣдующее: «Когда вы прибудете въ назначенное вамъ мѣсто, то при сочиненіи проекта новаго Уложенія, въ пристойныхъ мѣстахъ данные вамъ въ семъ наказѣ пункты, не пропуская ни одного, должны представлять, куда вамъ дозволено будетъ, а по представленіямъ увѣдомлять письменнымъ извѣстіемъ ежепочтно предводителя съ его собраніемъ дворянскимъ» и пр.[2]).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, составленіе наказовъ сопровождалось оживленными преніями. Такъ, напр., въ Малороссіи происходили столкновенія между представителями центральной власти и сторонниками мѣстныхъ правъ и сословныхъ привилегій. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ наказовъ встрѣчаются рѣзкія жалобы на недостатки администраціи. Всѣ почти шляхетскіе наказы ходатайствуютъ о подтвержденіи старинныхъ правъ и привилегій, удержанныхъ малороссійскимъ краемъ [3]). Черниговскій наказъ

---

[1]) «Сб. И. Общ.», VIII, 511.

[2]) Тамъ-же, IV, 397.

[3]) См. вообще извлеченіе изъ нѣкоторыхъ малороссійскихъ наказовъ въ статьѣ г. Авсѣенко въ «Р. Вѣстникѣ», 1863, XLVII, стр. 511—523.

былъ составленъ подъ вліяніемъ Безбородки (отца министра) и очень понравился императрицѣ. Зато депутатъ Скоропадскій, для котораго онъ предназначался, былъ чрезвычайно недоволенъ имъ [1]).

Вообще, въ наказахъ, на сколько содержаніе ихъ сдѣлалось извѣстнымъ, было множество жалобъ, требованій и просьбъ. Изъ нихъ можно усмотрѣть, какіе были недостатки въ администраціи, каковъ былъ антагонизмъ между разными сословіями, въ какой степени всѣ классы общества нуждались въ обезпеченіи своихъ правъ, въ улучшеніи суда и расправы, въ защитѣ противъ насилія и произвола приказныхъ людей, офицеровъ и пр. Весьма часто въ наказахъ говорится о волокитѣ, о проискахъ судей, о несносномъ бремени налоговъ и податей. Въ весьма многихъ наказахъ обнаруживается стремленіе къ нѣкоторой независимости отъ органовъ центральной власти, къ самоуправленію. Почти всѣ сословія требовали учрежденія постоянныхъ собраній, которыя состояли бы изъ депутатовъ и занимались бы рѣшеніемъ менѣе важныхъ судебныхъ вопросовъ и дѣлами мѣстной администраціи. Во всемъ этомъ нельзя не замѣтить либерализма, чуждаго всякаго доктринаризма и руководствовавшагося лишь практическими нуждами какого либо сословія или какой либо мѣстности.

Желаніе императрицы было исполнено. Она хотѣла составить себѣ болѣе точное понятіе о нуждахъ своихъ подданныхъ. Ей былъ доставленъ громадный матеріалъ для обсужденія вопроса о недостаткахъ въ государственномъ и общественномъ строѣ Россіи. Все это должно было сдѣлаться предметомъ преній въ Большой Комиссіи

Внѣшній ходъ занятій Собранія.

Въ началѣ 1767 года, англійскій посланникъ Макартней писалъ: «Такъ какъ это собраніе будетъ состоять изъ депутатовъ, числомъ отъ 1000 до 1200 (sic), избранныхъ изъ всѣхъ сословій и изъ всѣхъ народовъ, составляющихъ русскія владѣнія, безъ различія исповѣданія, то есть, христіанъ, язычниковъ и магометанъ, то нельзя предполагать, чтобы дѣйствія столь шумнаго собранія были особенно правильны, а рѣшенія ихъ отличались бы быстротою» [2]).

---

[1]) См. письмо Румянцева въ статьѣ Соловьева въ «Р. Вѣстникѣ», 1861, окт., 329.

[2]) «Сб. Ист. Общ.», XII, 298.

Собраніе не было «шумнымъ» (tumultuous), а вело себя все время весьма чинно и осторожно. Зато ожиданіе дипломата, что рѣшенія собранія не будутъ отличаться быстротою, оказалось не лишеннымъ основанія. Неудача обусловливалась не только неспособностью собранія, сколько недостатками въ организаціи работъ Комиссіи.

Правительство во всѣхъ отношеніяхъ имѣло иниціативу. Оно сдѣлало ошибку, не составивъ предварительно подробной программы занятій. Полтора года продолжались засѣданія Большой Комиссіи. Система очередныхъ занятій нѣсколько разъ измѣнялась совершенно въ продолженіе этого времени. Не окончивъ преній по одному предмету, собраніе переходило къ разбору другихъ вопросовъ. Въ первое время засѣданій основаніемъ преній служили депутатскіе наказы, затѣмъ, однако, исходною точкою преній сдѣлалось существующее законодательство по спеціальнымъ вопросамъ; все это было часто прерываемо чтеніемъ Наказа Екатерины и другими занятіями.

По истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ открытія Большой Комиссіи, послѣ того, какъ во все это время не было точно выработано опредѣленной программы для занятій Собранія, 8 апрѣля 1768 года правительствомъ былъ составленъ планъ, по которому должна была работать Комиссія [1]). Однако и въ этомъ планѣ заключался лишь краткій перечень предметовъ законодательства. Такъ какъ и это средство дать извѣстное направленіе ходу работъ не подѣйствовало, то была составлена (3 іюля 1768 года) особая инструкція для генералъ-прокурора, руководившаго занятіями Комиссіи. Однако и этотъ документъ заключалъ въ себѣ лишь краткую систематику предметовъ, подлежавшихъ обсужденію, къ чему было прибавлено, что генералъ-прокуроръ при преніяхъ о спеціальныхъ вопросахъ долженъ прибѣгать къ совѣтамъ юристовъ.

Такимъ образомъ, правительство, не успѣвъ приготовить проектъ законовъ, ограничивалось общими замѣчаніями, намеками, совѣтами. Самый трудъ составленія законовъ не могъ собственно быть возложенъ на общее собраніе, въ которомъ участвовали столь многочисленные и разнокалиберные элементы; тутъ развѣ могли быть выслушаны просьбы и желанія, могли быть подвергнуты критикѣ кое-какіе готовые проекты законовъ. Самая же редакція послѣднихъ, кодификація въ тѣсномъ смыслѣ, должна

[1]) П. С. З. XVIII, № 13095. Извлеченіе въ IV т. «Сб. Ист. Общ.», 49—51.

ПЕТЕРБУРГЪ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II.

Видъ Исаакіевской площади со стороны Большой Морской улицы.

Съ рисунка того времени Патерсона. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

была быть предоставлена спеціальнымъ комиссіямъ, учрежденнымъ при такъ называемой Большой Комиссіи; такихъ комиссій было 19, которыя могутъ быть раздѣлены на два разряда. Общее значеніе, такъ сказать, канцелярій, состоявшихъ при большомъ собраніи, имѣли: 1) дирекціонная комиссія, 2) экспедиціонная комиссія, 3) комиссія для разбора депутатскихъ наказовъ.

Дирекціонная комиссія должна была вообще руководить ходомъ всего дѣла; ей было вмѣнено въ обязанность составлять, смотря по надобности, особыя частныя комиссіи, наблюдать за работами послѣднихъ, смотрѣть, согласны-ли оконченныя этими комиссіями части законовъ съ Большимъ Наказомъ и пр. Экспедиціонная комиссія наблюдала за тѣмъ, чтобы труды прочихъ комиссій изложены были «по правиламъ языка и слога», слѣдовательно работа ея заключалась главнымъ образомъ въ редакціи. Комиссія о разборѣ депутатскихъ наказовъ должна была, сдѣлавъ изъ нихъ выписки и своды, представлять послѣдніе полному собранію.

Прочія спеціальныя комиссіи, которыхъ было 16, занимались разборомъ вопросовъ о законодательствѣ, раздѣленіи жителей на сословія, относительно судебныхъ учрежденій, городского управленія, полиціи, школъ, различныхъ отраслей народнаго хозяйства и пр.[1]).

О занятіяхъ этихъ комиссій мы пока почти ничего не знаемъ; лишь въ видѣ исключенія сохранился и былъ напечатанъ весьма важный документъ, относящійся къ занятіямъ комиссіи о школахъ [2]).

Въ какой степени зорко Екатерина слѣдила за ходомъ всѣхъ дѣлъ, видно изъ слѣдующаго эпизода. Въ то время, когда были учреждены нѣкоторыя частныя комиссіи, именно 26 апрѣля 1768 года, она писала Бибикову: «Я вчера получила списокъ кандидатовъ по балламъ для военной комиссіи. Необходимо нужно, чтобы одинъ изъ гражданскихъ депутатовъ котораго нибудь порта нашего въ сію комиссію вошелъ, а еще лучше или архангелогородскій, или кронштадтскій, если они еще не умѣщены. Отдаю на вашъ выборъ, кого вы изберете [3]). Желаніе императрицы было

---

[1]) Списокъ комиссіямъ съ обозначеніемъ ихъ членовъ въ «Р. Вѣстникѣ», 1861, декабрь, приложеніе 67—79. Замѣчаніе Каскарта о комиссіяхъ въ «Сб. Ист. Общ.», XII, 36θ. Весьма дѣльное обсужденіе недостаточнаго отношенія спеціальныхъ комиссій къ Большой у Сергѣевича но с. 224 и слѣд.

[2]) «Р. Вѣстникъ», 1861, окт., 338—339.

[3]) «Сб. Ист. Общ.», X, 285.

исполнено въ точности; Бибиковъ предложилъ въ члены означенной комиссіи кронштадтскаго депутата, купца Рыбникова [1]).

Вообще, Екатерина входила во всѣ подробности затѣяннаго ею предпріятія, какъ видно, между прочимъ, и изъ черноваго списка обряда Комиссіи, писаннаго Козицкимъ и исправленнаго ею [2]), изъ черновыхъ собственноручныхъ отрывковъ ея, изъ обряда управленія Комиссіи и пр. [3]). Она постоянно старалась исправлять ходъ занятій, давала совѣты маршалу собранія, заботилась о дополненіи обряда управленія Комиссіею, придумывала разныя средства для избѣжанія «остановки и конфузіи» и пр.[4]).

Веденію дневныхъ записокъ Екатерина придавала особенное значеніе въ той мысли, «чтобы будущія времена имѣли вѣрную записку сего важнаго производства и судить могли о умоначертаніи сего вѣка и найдти могли тѣ правила, коимъ въ наставленіе служить будутъ и отъ коихъ много зависитъ твердость нашего нынѣшняго зданія, которое бы менѣе насъ обременяло, если бы мы не были лишены подобныхъ прошедшихъ вѣковъ записокъ или извѣстій; и того для надлежитъ стараться, чтобы записки были какъ возможно вѣрнѣе и яснѣе»[5]).

Екатерина предвидѣла нѣкоторыя затрудненія при руководствѣ преніями собранія. Можно было ожидать, что не всѣ депутаты будутъ избѣгать какихъ бы то ни было столкновеній. Поэтому императрица старалась усилить авторитетъ предсѣдателя слѣдующимъ образомъ, какъ сказано въ заключеніи наказа, даннаго ею директору дневныхъ записокъ: «Мы за нужное находимъ здѣсь изъяснить, для чего маршалу, генералъ-прокурору и директору дневной записки въ обрядѣ предписано сидѣть за однимъ столомъ. Мы предвидѣли тогда еще, что въ Комиссіи будутъ такія печальныя происшествія, для коихъ никакъ не можно предписать правила, и для того велѣли мы сидѣть тремъ вмѣстѣ, дабы маршалъ, какъ человѣкъ, явно дѣйствующій, имѣлъ бы близъ себя людей, съ кѣмъ совѣтывать, и чрезъ то получилъ бы онъ приличный родъ помочи, въ чемъ всѣмъ прочимъ, мы надежны, что нужды не имѣемъ предписывать обхожденіе дружеское и чистосердечное, дабы довести порученное великое дѣло до благополучнаго конца»[6]).

[1]) «Р. Вѣстникъ», 1861, дек., приложеніе, 73.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», X, 222 и слѣд.
[3]) Тамъ-же, 230 и слѣд.
[4]) Тамъ-же, 297 и слѣд.
[5]) Тамъ-же, IV, 46.
[6]) Тамъ-же, 47.

Впослѣдствіи оказалось, что такихъ «нечаянныхъ происшествій» было немного. Собраніе держало себя хорошо; столкновеній почти вовсе не было. Все, что̀ мы знаемъ на этотъ счетъ, заключается въ слѣдующемъ.

Когда, однажды, по случаю преній о наказѣ каргопольскихъ крестьянъ, одинъ депутатъ отъ дворянства замѣтилъ, что «крестьяне Каргопольскаго уѣзда лѣнивы и утягощены, утороплены (?) и упорны», то ни со стороны депутата каргопольскихъ крестьянъ, ни со стороны маршала собранія не было сдѣлано замѣчанія по этому поводу; только гр. Орловъ замѣтилъ, что подобныя названія не должны быть употребляемы при обсужденіи дѣла [1]).

Другой разъ, когда депутатъ отъ дворянъ Обоянскаго уѣзда, Глазовъ, позволилъ себѣ въ запискѣ о дѣлахъ крестьянъ Каргопольскаго уѣзда также употребленіе рѣзкихъ выраженій о порокахъ этихъ крестьянъ, маршалъ прекратилъ чтеніе записки и обратился къ собранію съ вопросомъ: «что̀ съ депутатомъ Обоянскаго уѣзда учинить слѣдуетъ?» Нѣкоторые депутаты предложили исключить Глазова изъ числа собранія; при баллотированіи оказалось, что 105 голосовъ за исключеніе Глазова, 323 голоса за меньшее наказаніе, въ видѣ денежной пени. Глазову была возвращена его записка съ выговоромъ; потомъ онъ просилъ у обиженныхъ прощеніе, которое маршалъ повторилъ точными его словами; наконецъ, Глазовъ заплатилъ пять рублей пени. Собраніе при этомъ эпизодѣ держало себя спокойно и съ достоинствомъ. Любопытно, что при такомъ случаѣ столкновенія между представителями разныхъ сословій предсѣдатель особенно энергично заступился за слабѣйшихъ и скромныхъ, т. е. за крестьянъ, замѣчая при этомъ, что и въ крестьянскомъ сословіи встрѣчаются добродѣтели и благородныя чувства и т. п. [2]).

Въ какой мѣрѣ Екатерина слѣдила за всѣмъ этимъ, видно изъ ея записки къ Бибикову: «Есть-ли Глазовъ не покорится и сдѣлаютъ приговоръ объ исключеніи его, то не забудьте послѣдній пунктъ Обряда, есть-ли чуть складно употребить способъ найдете, — да будетъ ему стыдно и всѣхъ неудовольствіе на себѣ да понесетъ» [3]).

Былъ еще другой случай такого рода. Депутатъ отъ города Вологды, Блазновъ, сдѣлалъ нѣсколько рѣзкихъ замѣчаній о кресть-

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», IV, 77—79.

[2]) Тамъ-же, 109—113, 131.

[3]) Записки Бибикова, 54.

янахъ, которые, не имѣя на то права, участвуютъ въ дѣлахъ торговли. Маршалъ объявилъ, что считаетъ выраженія Блазнова неприличными. На вопросъ маршала, собраніе опредѣлило единогласно возвратить депутату Блазнову его записку съ выговоромъ, дабы впредь отъ такихъ выраженій онъ остерегался [1]).

Отъ депутатовъ требовалось регулярное посѣщеніе засѣданій. Въ обрядѣ было предписано строго наблюдать за этимъ. Тѣ, которые не присутствовали въ продолженіе цѣлой недѣли безъ уважительной причины, подвергались пенѣ [2]). Далѣе мы узнаемъ, что маршалъ дѣлалъ внушеніе депутатамъ, являвшимся въ засѣданіе слишкомъ поздно. Имена опаздывавшихъ были отмѣчаемы въ дневныхъ запискахъ собранія [3]). Въ засѣданіи 13-го августа, какъ сказано въ дневныхъ запискахъ, «было примѣчено, что нѣкоторые депутаты отъ дворянства вставали съ мѣстъ и оборачивались лицомъ къ своимъ лавкамъ, довольно громко и весьма много разговаривали» [4]). Депутатъ отъ города Дерпта, Гадебушъ, сообщаетъ въ своемъ дневникѣ, что одинъ изъ депутатовъ былъ замѣченъ въ собраніи въ нетрезвомъ видѣ, въ чемъ самъ маршалъ удостовѣрился [5]). О какомъ-то неправильномъ дѣйствіи одного башкирскаго депутата мы узнаемъ изъ намековъ Екатерины въ одной изъ ея записокъ къ Бибикову [5]).

Форма преній.

Что касается неуспѣшнаго и отчасти неправильнаго хода преній, то въ этомъ, какъ кажется, можно обвинять и депутатовъ, и маршала. Обнаруживалась вообще замѣчательная неопытность. Пренія не велись систематически: въ одномъ и томъ же засѣданіи нерѣдко были затрогиваемы разные предметы; часто дѣлались замѣчанія или подавались мнѣнія, относившіяся не къ очереднымъ вопросамъ; и здѣсь, какъ относительно дисциплины, Бибиковъ не всегда считалъ себя въ правѣ дѣйствовать рѣшительно,

---

1) «Сб. Ист. Общ.», VIII, 185.
2) Тамъ-же, IV, 48.
3) Тамъ-же, VIII, 284.
4) Тамъ-же, IV, 67.
5) «Baltische Monatsschrift» V, 150.
6) Записки Бибикова, 53 и 55.

своею властью. Вмѣсто того, чтобы, при преніяхъ, не допускать объясненій, уклоняющихся отъ очередного предмета, онъ довольствовался общими внушеніями, замѣчаніями, что депутаты иногда подаютъ совершенно не подлежащія къ обсуждаемому предмету мнѣнія и тѣмъ производятъ лишь путаницу, или предоставлялъ собранію рѣшить вопросъ, должно ли или нѣтъ выслушать такія мнѣнія и т. п.[1]).

Въ Большой Комиссіи говорили весьма мало, а читали много. Читались въ каждомъ засѣданіи: протоколъ предыдущаго засѣданія, затѣмъ цѣлыя главы изъ Большого Наказа, перечни законовъ, относившихся къ тому предмету, который былъ на очереди, наказы депутатскіе, мнѣнія ихъ и возраженія. Лишь въ видѣ исключенія депутаты дѣлали свои замѣчанія устно.

Преобладаніе письменнаго изложенія было, какъ кажется, важнымъ затрудненіемъ, препятствовавшимъ достиженію цѣли. Пренія по какому либо вопросу, такимъ образомъ, не могли быть оканчиваемы въ одномъ и томъ же засѣданіи. Часто пререканія между двумя-тремя депутатами тянулись весьма долго, возобновляясь въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ, тогда какъ на очереди стояли совсѣмъ другіе предметы для обсужденія.

Ни дирекціонная комиссія, которая должна была направлять занятія собранія, ни маршалъ Бибиковъ, ни генералъ-прокуроръ Вяземскій, ни директоръ составленія дневныхъ записокъ, Андрей Шуваловъ, не были въ состояніи руководить собраніемъ надлежащимъ образомъ, стараясь о сбереженіи времени и о достиженіи цѣли.

Даже вопросъ о томъ, что̀ вообще могло быть предметомъ обсужденія въ собраніи и что̀ нѣтъ, оставался какъ-то нерѣшеннымъ, неяснымъ, спорнымъ, какъ видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ данныхъ.

Въ обрядѣ было сказано (§ 27), что «въ представленія о общихъ нуждахъ не должно вносить никакихъ партикулярныхъ дѣлъ, кои всегда судебными мѣстами разобраны быть должны». Несмотря на это, въ разныхъ засѣданіяхъ обсуждался вопросъ о мѣрѣ виновности саратовскаго полицеймейстера, потому что въ депутатскомъ наказѣ саратовскихъ черносошныхъ крестьянъ были помѣщены жалобы на этого чиновника; явились жалобы на этого полицеймейстера и въ наказѣ отъ пахатныхъ солдатъ города Саратова, и эти жалобы также сдѣлались предметомъ обсуж-

[1]) «Сб. Ист. Общ.», VIII, 130, 212.

денія въ собраніи, которое, какъ видно, при частомъ повтореніи подобныхъ случаевъ, могло превратиться въ какое-то судебное мѣсто [1]).

Программа занятій Комиссіи оказалась тѣмъ болѣе обширною, чѣмъ менѣе она была опредѣлена въ точности. Вотъ примѣръ такой пестроты преній.

Въ то время, когда собраніе было занято чтеніемъ и обсужденіемъ законовъ о купечествѣ, дворянскій депутатъ Левъ Нарышкинъ прочиталъ весьма подробное мнѣніе о страшной смертности въ Россіи. Это заявленіе заставило депутата отъ смоленскаго шляхетства сообщить собранію о двухъ средствахъ для лѣченія болѣзни отъ сильныхъ морозовъ. Собраніе опредѣлило послать это мнѣніе въ медицинскую коллегію для дальнѣйшаго распоряженія и т. п. [2]).

При столь широкихъ размѣрахъ программы, при недостаткѣ проекта законовъ, нельзя удивляться тому, что настоящая и главнѣйшая цѣль созванія комиссіи не была достигнута: новое уложеніе не состоялось. Зато другое желаніе императрицы — собрать свѣдѣнія о состояніи всего государства — было исполнено. Неопытность въ дѣлѣ парламентаризма шла рука объ руку съ готовностью собранія выслушивать жалобы, просьбы, совѣты и предложенія всѣхъ и каждаго. Было трудно найти среднее между слишкомъ отвлеченными обобщеніями «Наказа» императрицы, съ одной стороны, и черезъ-чуръ конкретными нуждами отдѣльныхъ мѣстностей, сословій, группъ населенія или даже отдѣльныхъ лицъ, о которыхъ были сдѣланы заявленія въ собраніи, съ другой. Такимъ образомъ, Большая Комиссія, вмѣсто того чтобы сдѣлаться настоящимъ законодательнымъ собраніемъ, превращалась все болѣе и болѣе въ сходку, имѣвшую характеръ совѣщательнаго собранія, доставлявшаго драгоцѣнный матеріалъ для правительства, которому въ концѣ концовъ должно было быть предоставлено рѣшеніе законодательной задачи [3]).

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», IV, 113, 128, 132.

[2]) Тамъ-же, VIII, 302, 321, 352.

[3]) Весьма дѣльныя замѣчанія о неудовлетворительной постановкѣ техники дѣла въ Большой Комиссіи, о неопытности руководителей собранія, въ особенности Бибикова, встрѣчаются въ статьѣ г. Сергѣевича въ «Вѣстникѣ Европы», 1878, I, 228, 233, 238 и слѣд., и введеніи къ XXXII тому «Сборника Историческаго Общества».

Депутаты.

Въ запискахъ Бибикова о Большой Комиссіи, между прочимъ, сказано, что «предпріятіе было ранновременно и умы большей части депутатовъ не были еще къ сему приготовлены и весьма далеки отъ той степени просвѣщенія и знанія, которая требовалась къ столь важному дѣлу».

Этотъ отзывъ едва ли можетъ считаться вполнѣ справедливымъ. Число членовъ Большой Комиссіи, которые участвовали въ преніяхъ и тѣмъ самымъ свидѣтельствовали о нѣкоторой способности къ участію въ этомъ дѣлѣ, оказывается довольно значительнымъ. Изъ числа 564 депутатовъ, уже въ продолженіе первыхъ мѣсяцевъ засѣданій Большой Комиссіи, не менѣе 202 ч. подавали мнѣнія, дѣлали возраженія, замѣчанія[1]). Такое процентное отношеніе не можетъ не казаться удовлетворительнымъ.

Разумѣется, степень умственнаго развитія, познаній и образованія была неравномѣрна. Между депутатами мы встрѣчаемъ людей, принадлежавшихъ къ лучшему обществу, какъ, напр., Щербатова, отличавшагося необычайно богатою эрудиціею, но также и людей, которые были знакомы лишь съ нуждами своей родины въ тѣсномъ смыслѣ и не имѣли никакого понятія о задачахъ законодателя въ болѣе широкомъ смыслѣ. Возлѣ замѣчательныхъ ученыхъ, каковы были, напр., академикъ Гергардъ Фридрихъ Миллеръ и Гадебушъ, мы видимъ башкировъ и самоѣдовъ, которые большею частью едва ли были въ состояніи дать себѣ отчетъ объ отвѣтственности, лежавшей на членахъ собранія. Разумѣется, нельзя сравнить способности Бибикова, Вяземскаго, Петра Панина и др. съ ограниченнымъ умственнымъ кругозоромъ того или другого депутата отъ пахатныхъ солдатъ или отъ какихъ нибудь сибирскихъ казаковъ.

Уже то обстоятельство, что почти всѣ ораторы часто ссылались на Большой Наказъ Екатерины, какъ намъ кажется, служитъ доказательствомъ, что не только люди высшихъ классовъ общества, но и простолюдины были въ состояніи вникнуть въ духъ этого замѣчательнаго сочиненія и заимствовать оттуда коекакія данныя для усиленія аргументаціи при поддержаніи своихъ интересовъ. Нѣкоторые параграфы Большого Наказа особенно часто служили цитатами при защитѣ сословныхъ правъ и преимуществъ;

[1]) См. статью г. Бланка въ «Р. Вѣстникѣ» 1876, CXXI т., стр. 566, подробное изложеніе этого вопроса.

ПЕТЕРБУРГЪ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II.

Видъ Невскаго проспекта отъ Зеленаго (Полицейскаго) до Аничкова моста.

Съ рисунка того времени Бенуа. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

напр., § 360: «Дворянство есть нарицаніе въ чести, различающее отъ прочихъ тѣхъ, кои онымъ украшены», или § 317: «Торговля оттуда удаляется, гдѣ ей дѣлаютъ притѣсненіе, и водворяется тамъ, гдѣ ея спокойствія не нарушаютъ». Очевидно, «Наказъ», находившійся въ рукахъ каждаго депутата, читался не разъ и не безъ пользы. Нѣкоторыя мнѣнія, поданныя депутатами различныхъ сословій, заключали въ себѣ много мыслей, высказанныхъ Екатериною. Тутъ мы встрѣчаемъ, напр., мысль о соотвѣтствіи климата и почвы страны съ историческимъ развитіемъ, нравами и обычаями народа, далѣе указанія на этнографическія и культурно-историческія данныя разныхъ вѣковъ; весьма часто говорится объ исторіи дворянства, объ исторіи торговли, о кротости и гуманности, о благѣ народа, о всеобщемъ матеріальномъ благосостояніи—совершенно въ духѣ «Наказа», и такого рода воззрѣнія встрѣчаются не только въ рѣчахъ знатныхъ лицъ, но и въ мнѣніяхъ купцовъ, крестьянъ или казаковъ. Екатерина, какъ писательница, могла быть довольна дѣйствіемъ, произведеннымъ ея сочиненіемъ. Большой Наказъ, какъ видно изъ множества ссылокъ на него во время преній, былъ популярнымъ трудомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

И между крестьянами были люди опытные, разсуждавшіе мѣтко и правильно, хотя иногда высказывались и довольно наивныя мысли. Депутатъ отъ черносошныхъ крестьянъ Архангельской провинціи, Чупровъ, довольно часто говорилъ дѣльно и благоразумно и участвовалъ успѣшно въ преніяхъ по разнымъ вопросамъ. Его замѣчанія о необходимости дозволенія крестьянамъ участвовать въ дѣлахъ торговли могутъ быть названы мѣткими и вѣскими. Даже чуваши, мордвины, татары и прочіе инородцы представляли нѣсколько разъ обстоятельныя мнѣнія по разнымъ вопросамъ тогда, когда шла рѣчь объ ихъ краѣ и мѣстныхъ нуждахъ. Иногда такіе скромные элементы въ собраніи дѣлали довольно важныя предложенія общаго свойства. Такъ, напр., депутатъ отъ казаковъ Хоперской крѣпости, Андрей Алейниковъ, предложилъ замѣнить денежное взысканіе за безчестіе, какъ непристойное для всего безъ изъятія, «не смотря ни на какое достоинство», тѣлеснымъ наказаніемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представилъ, чтобы съ гражданина, употребляющаго непристойную брань, брать пени по рублю на содержаніе богадѣленъ, и проч. [1]).

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», VIII, 122.

Значительно выдавались впередъ нѣкоторые малороссійскіе депутаты. Въ мнѣніяхъ ихъ замѣтна риторика, процвѣтавшая въ этомъ краѣ со времени учрежденія Кіевской академіи. Особенно краснорѣчиво говорили, напр., депутатъ Мотонисъ, объ ужасахъ войны и о блаженствѣ мира, депутатъ Тошковичъ, объ ужасахъ одиночной продажи крестьянъ и пр. Замѣчательнымъ знаніемъ дѣла отличалась записка депутата отъ города Устюга о половникахъ; нѣкоторая ученость или по крайней мѣрѣ нѣкоторое энциклопедическое образованіе были замѣтны въ запискѣ депутата отъ города Рыбинска, въ которой заключался очеркъ исторіи законодательства Петра Великаго относительно торговли и т. д. Лучшіе ораторы, понятно, принадлежали къ высшимъ классамъ общества, или къ бюрократіи, или къ сословію ученыхъ; таковы были, напр., депутатъ коммерцъ-коллегіи, Межениновъ, депутатъ медицинской коллегіи, баронъ Ашъ, депутатъ отъ города Дерпта, Урзинусъ, нѣкоторые изъ депутатовъ прибалтійскаго края вообще. Замѣчательнѣйшимъ депутатомъ по способностямъ, образованію и краснорѣчію былъ князь М. М. Щербатовъ. Принадлежа по своимъ фамильнымъ связямъ къ высшей аристократіи, онъ былъ скорѣе дворяниномъ, чѣмъ царедворцемъ. Та же самая кичливость родомъ, которою проникнуты нѣкоторыя изъ его сочиненій, проявлялась и въ его обращеніи съ людьми разныхъ сословій. Оставаясь, главнымъ образомъ, сторонникомъ сословныхъ интересовъ, онъ не могъ сдѣлаться особенно популярнымъ въ другихъ сферахъ. Будучи человѣкомъ партіи, онъ не могъ не сталкиваться съ другими лицами. Тонъ его полемики довольно часто становился весьма рѣзкимъ; однако, онъ никогда не выходилъ изъ предѣловъ настоящаго благоприличія. Порою его воззрѣнія отличались нѣкоторымъ доктринаризмомъ, либерализмомъ. Его рѣчи и записки были испещрены указаніями на множество историческихъ фактовъ. Защищая права дворянства, нападая на купцовъ, рѣзко порицая жестокость крѣпостного права, князь Щербатовъ своимъ необычайнымъ краснорѣчіемъ обращалъ на себя вниманіе всѣхъ членовъ собранія. Можно было не соглашаться съ нимъ, возражать ему, но нельзя было не уважать благородства его воззрѣній, тонкости его пріемовъ въ полемикѣ, глубины и искренности политическихъ убѣжденій. Лица вродѣ князя Щербатова могли быть наставниками прочихъ депутатовъ въ области парламентаризма[1]).

---

[1]) См. мою статью о князѣ М. М. Щербатовѣ въ «Истор. Вѣстникѣ», ч. II, т. VI, 217—249.

Открытіе собранія.

Когда, лѣтомъ 1767 года, депутаты собрались въ Москвѣ въ достаточномъ числѣ, послѣдовало (30 іюля) торжественное открытіе Большой Комиссіи, причемъ были произнесены рѣчи. Изъ документовъ, хранящихся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, мы узнаемъ, что рѣчь вице-канцлера Голицына была сочинена самою императрицею [1]). На другой день состоялось первое засѣданіе, въ Грановитой Палатѣ. Происходило прежде всего, подъ предсѣдательствомъ генералъ-прокурора, чтеніе обряда. Затѣмъ приступили къ выбору маршала собранія. Большее число голосовъ пало на Ивана Орлова, Григорія Орлова, Чернышева и Бибикова. Императрица изъ этихъ кандидатовъ выбрала Бибикова.

Въ слѣдующихъ затѣмъ засѣданіяхъ происходило чтеніе «Наказа» императрицы; содержаніе, тонъ и характеръ этого сочиненія произвели глубокое впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ. Возникла мысль о поднесеніи императрицѣ, въ знакъ благодарности, титула великой и премудрой матери отечества. Узнавъ объ этихъ преніяхъ, Екатерина писала къ Бибикову: «Я имъ велѣла дѣлать разсмотрѣніе законовъ, а они дѣлаютъ анатомію моимъ качествамъ». Депутатамъ, поднесшимъ ей вышеозначенный титулъ, императрица отвѣтила: «О званіяхъ, кои вы желаете, чтобъ я отъ васъ приняла, на сіе отвѣтствую: 1) на великая, — о моихъ дѣлахъ оставляю времени и потомкамъ безпристрастно судить; 2) премудрая, — никакъ себя таковою назвать не могу, ибо одинъ Богъ премудръ, и 3) матери отечества — любить Богомъ врученныхъ мнѣ подданныхъ я за долгъ званія моего почитаю; быть любимою отъ нихъ есть мое желаніе».

О впечатлѣніи, произведенномъ отвѣтомъ императрицы на собраніе, сказано въ дневной запискѣ: «До начала засѣданія депутаты читали списокъ съ отвѣта, даннаго императрицею на прошеніе Комиссіи о принятіи подносимыхъ ей титуловъ. Иные его переписывали, а иные переводили на разные языки» [2]).

Подобные случаи повторялись и въ позднѣйшее время. Такъ, напр., въ ноябрѣ 1768 года депутаты поздравили императрицу съ выздоровленіемъ послѣ привитія оспы. Принимая депутатовъ,

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», X, 234—235.
[2]) Тамъ-же, IV, 65 и 66.

Екатерина замѣтила, что она ежедневно видитъ, съ какою ревностью и усердіемъ они трудятся въ порученномъ имъ дѣлѣ, и она смотритъ на ихъ труды, какъ на полезнѣйшіе для всѣхъ и каждаго» [1]).

Избраніе маршала, учрежденіе дирекціонной комиссіи и чтеніе Большого Наказа были предметомъ занятій первыхъ семи засѣданій. Затѣмъ началось чтеніе и обсужденіе депутатскихъ наказовъ. Это занятіе продолжалось около трехъ недѣль. На очереди явились многіе вопросы: о хозяйственномъ состояніи крестьянъ, о судопроизводствѣ, объ отношеніи крестьянъ къ другимъ сословіямъ, т. е. къ дворянамъ и купцамъ. Началась борьба между различными классами общества. Результата не было. Тогда только остановились на разборѣ одного весьма важнаго вопроса: о правахъ дворянства.

Дворянство.

Съ давнихъ поръ дворяне пользовались важнѣйшими преимуществами въ Россіи. Обрядъ выбора депутатовъ для Большой Комиссіи предоставилъ дворянамъ весьма видное мѣсто въ этомъ собраніи. Болѣе одной трети депутатовъ принадлежало къ дворянскому сословію. Хотя въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій до созванія Большой Комиссіи дворянство постепенно лишалось своего первоначальнаго значенія, хотя въ особенности «табель о рангахъ» при Петрѣ Великомъ значительно подорвала авторитетъ дворянства въ обществѣ и въ государствѣ, все таки существовали еще чисто аристократическіе элементы.

Дворянскіе депутаты не переставали заявлять свои требованія о расширеніи дворянскихъ привилегій, указывая довольно часто на заслуги своихъ предковъ. Происходили столкновенія между дворянами и представителями другихъ сословій. Обнаружился антагонизмъ между двумя важнѣйшими группами дворянства: настоящая аристократія, т. е. Рюриковичи по происхожденію, богачи по состоянію, потомки столбовъ государства, не хотѣли пользоваться одинаковыми правами съ дворянами новаго происхожденія, т. е. съ людьми, вступившими въ дворянское сословіе не иначе, какъ путемъ постановленія «табели о рангахъ».

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», X, 305.

Особенно въ депутатахъ московскаго дворянства обнаруживалось сознаніе о значеніи и достоинствѣ аристократіи въ государствѣ и обществѣ. Въ наказахъ дворянскихъ депутатовъ встрѣчается цѣлый рядъ требованій, клонившихся къ выдѣленію дворянства изъ прочихъ элементовъ народа, къ обезпеченію правъ и привилегій знати. Въ наказѣ ярославскаго дворянства, составленномъ, какъ кажется, княземъ М. М. Щербатовымъ, въ восторженныхъ выраженіяхъ говорилось о добродѣтеляхъ дворянства, объ услугахъ, имъ оказанныхъ отечеству; въ этомъ документѣ вниманіе было обращено не столько на мѣстныя, сколько на сословныя нужды; въ немъ преобладали чисто корпоративные интересы и было замѣтно стремленіе къ самоуправленію, къ независимости отъ органовъ правительства, къ отличію отъ прочихъ сословій.

Впрочемъ, депутатскіе наказы дворянства были результатомъ преній дворянъ-избирателей вообще, т. е. дворянства въ болѣе тѣсномъ и дворянства въ болѣе широкомъ смыслѣ. Въ нихъ поэтому еще не обнаруживался въ той мѣрѣ, какъ впослѣдствіи, при преніяхъ въ засѣданіяхъ Большой Комиссіи, антагонизмъ между представителями старыхъ дворянскихъ фамилій и сторонниками правъ тѣхъ дворянъ, которые, путемъ военной и гражданской службы, сдѣлались дворянами. Какъ скоро начался разборъ вопроса о правахъ дворянства, въ сентябрѣ 1767 года, князь М. М. Щербатовъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ протестуя противъ результатовъ законодательства Петра Великаго, требовалъ— отмѣны правъ служилаго дворянства. Въ этомъ же смыслѣ выразился депутатъ отъ муромскаго дворянства, Чаадаевъ. Все это было обставлено указаніемъ на исторію дворянства, на заслуги настоящей аристократіи, на благопріятныя условія дворянскихъ дѣтей и пр.

Главными противниками дворянства оказались представители военнаго сословія, а также купцы. Сторонники коренного дворянства требовали строгаго разграниченія различныхъ группъ дворянства; представители новаго дворянства отстаивали понятіе о дворянствѣ въ болѣе широкомъ смыслѣ, изъявляя свое убѣжденіе въ томъ, что не должно уничтожать результатовъ законодательства Петра Великаго. Пренія дѣлались все болѣе и болѣе оживленными. Особенно важнымъ становился вопросъ о происхожденіи дворянства. Малороссійскій депутатъ Мотонисъ объяснялъ, что всякое поколѣніе дворянъ имѣло свое начало съ тѣмъ лишь различіемъ, что одно получило его ранѣе, другое позже; Щерба-

товъ говорилъ о древнихъ римлянахъ, ссылался на сочиненіе Варрона, на мнѣніе Пуфендорфа; депутатъ отъ романовскаго дворянства, князь Давыдовъ, указывалъ на римлянъ и египтянъ, говорилъ о Пизистратѣ, Лизандрѣ и Поликратѣ, приводилъ мнѣнія Платона и Аристотеля и изъ всѣхъ этихъ историческихъ данныхъ вывелъ заключеніе, что «нужно раздѣлить дворянство по древности рода, т. е. сколько у кого степеней предковъ по прямой восходящей линіи окажется дѣйствительными дворянами».

Въ собраніи было много представителей военнаго сословія. Нѣкоторые изъ нихъ сильно и мѣтко возражали на предложенія отмѣнить законы Петра Великаго. Особенно замѣчательны были рѣчи депутата Изюмской провинціи, Заруднаго, и депутата Днѣпровскаго пикинернаго полка, Козельскаго. Имъ возражалъ съ необычайнымъ краснорѣчіемъ князь Щербатовъ, рѣчь котораго произвела глубокое впечатлѣніе на присутствующихъ.

Въ слѣдующихъ затѣмъ преніяхъ были сдѣланы разныя предложенія. Такъ, напр., депутатъ отъ города Рузы, Смирновъ, предлагалъ самую коренную реформу: отмѣнить вообще наслѣдственное дворянство и оставить только личное. Депутатъ отъ города Мензелинска, Кузнецовъ, объяснялъ, что «дворянину быть въ командѣ у офицеровъ, хотя бы они были не изъ дворянъ, нисколько не можетъ быть постыдно»; онъ же доказывалъ, что въ Уфимской провинціи «есть дворяне, которые никакимъ иностраннымъ наукамъ не обучаются, а только одной россійской грамотѣ, тогда какъ драгунскія дѣти, кромѣ русской грамоты, обучены и ариѳметикѣ». Даже одинъ изъ крестьянъ, депутатъ отъ однодворцевъ Воронежской провинціи, Ефимъ Ѳефиловъ, участвовалъ въ этихъ дебатахъ о правахъ дворянства. Щербатовъ предлагалъ назначать на офицерскія и даже унтеръ-офицерскія должности исключительно дворянъ. Ѳефиловъ возражалъ, во первыхъ, что такого ограниченія никогда не было и что такое нововведеніе было бы «несообразно съ самымъ естественнымъ закономъ», а во вторыхъ, что однихъ дворянъ не хватитъ для занятія во всей имперіи не только всѣхъ унтеръ-офицерскихъ чиновъ, но даже не хватитъ его и для занятія всѣхъ оберъ-офицерскихъ чиновъ. Онъ же сказалъ: «Премудрая наша монархиня не съ тѣмъ оказываетъ матернее свое попеченіе о вѣрныхъ сынахъ отечества, чтобы одинъ родъ возвысить, а другой унизить, но, по вдохновенной въ сердцѣ ея отъ Всевышняго премудрости, она распространяетъ на всѣхъ своихъ вѣрноподданныхъ милосердыя щедроты

и всѣхъ желаетъ видѣть въ такомъ благополучіи, до какого счастіе человѣческое достигнуть можетъ» и пр.

Недаромъ однодворецъ Өеофиловъ ссылался на императрицу. Вопросъ о дворянствѣ былъ рѣшенъ впослѣдствіи не въ духѣ предложеній Щербатова, Чаадаева, Языкова, а въ духѣ Зарунднаго, Козельскаго, Мотониса, Кузнецова и Өеофилова.

Пренія о правахъ дворянства были прерваны осенью 1767 г.; за то, въ іюлѣ 1768 года, изъ дирекціонной комиссіи былъ присланъ проектъ о правахъ благородныхъ, который сдѣлался предметомъ обсужденія въ тринадцати засѣданіяхъ Большого Собранія. По характеру преній засѣданія въ настоящемъ случаѣ мало чѣмъ отличались отъ засѣданій по этому же вопросу, происходившихъ осенью 1767 года. Достойно вниманія то обстоятельство, что императрица въ одной запискѣ къ Бибикову выразила желаніе, чтобы одному депутату было поручено защищать проектъ, составленный въ дирекціонной комиссіи, противъ всякаго рода возраженій. Она указала, какъ на самаго способнаго для рѣшенія этой задачи депутата, на Коробьина, который, какъ мы увидимъ ниже, возбудилъ пренія по вопросу объ освобожденіи крестьянъ. Однако, почему-то желаніе Екатерины не исполнилось. Пренія происходили безъ участія въ нихъ Коробьина. Они окончились баллотировкою, въ которой большинство голосовъ (242) оказалось въ пользу правъ служилаго дворянства, хотя весьма значительное число депутатовъ (175) подало голосъ въ ущербъ дворянскимъ правамъ офицеровъ [1]).

Разумѣется, баллотировка вопроса въ Большомъ Собраніи не могла ни въ какомъ случаѣ имѣть окончательно рѣшающее значеніе. Комиссія имѣла и могла имѣть лишь совѣщательный голосъ. Пренія въ собраніи доставляли правительству ни болѣе ни менѣе какъ матеріалъ или средство для всесторонняго обсужденія вопроса. Правительство хорошо умѣло цѣнить значеніе олигархическихъ и феодальныхъ стремленій дворянства. Ему, безъ сомнѣнія, было извѣстно, какъ смотрѣли на этотъ вопросъ въ различныхъ классахъ общества. Литература уже въ то время указывала на такого рода притязанія, какъ на анахронизмъ. Сатирики, какъ, напр., Кантемиръ, Новиковъ и др., не разъ ополчались противъ кичливости феодальныхъ воззрѣній шляхетства

---

[1]) Свидѣтелемъ-очевидцемъ этого засѣданія былъ англійскій дипломатъ Каскартъ; онъ сообщаетъ числа голосовъ иначе: 242 за права офицеровъ, 213 противъ; см. «Сб. Ист. Общ.», XII, 359; въ документахъ, XXXII, 298, показано 242 и 175.

ПЕТЕРБУРГЪ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II.

Видъ набережной Невы и дома князя Г. Г. Орлова (нынѣ Мраморный дворецъ).

Съ гравюры того времени Эйхлера.

на другіе классы общества. Со временъ Петра I водворился перевѣсъ чина надъ породой. Не даромъ Шлёцеръ въ своихъ письмахъ изъ Россіи говорилъ: «Дворянинъ здѣсь не имѣетъ никакого значенія». Коксъ удивлялся тому, что въ Россіи благородный ничего не значитъ безъ ранга, безъ должности; что старшіе сыновья важнѣйшихъ лицъ въ государствѣ не имѣютъ никакихъ правъ въ силу своего рожденія, какъ пэры Англіи и Франціи, гранды Испаніи; что значеніе аристократической фамиліи упадаетъ со смертью ея главы и пр.[1]).

Купцы.

Во время преній о правахъ благородныхъ, главными дѣйствующими лицами были дворяне и офицеры. Когда же Большая Комиссія, въ концѣ сентября 1767 года, перешла къ разбору вопроса о правахъ купеческаго сословія, выступили на сцену, въ качествѣ главныхъ ораторовъ, купцы и крестьяне.

Еще до этого существовалъ нѣкоторый антагонизмъ между дворянствомъ и купечествомъ. Въ депутатскихъ наказахъ дворянъ встрѣчаются неблагопріятные отзывы о купечествѣ, которое упрекали въ чрезмѣрномъ корыстолюбіи, въ стараніи отстранить дворянъ и крестьянъ отъ всякаго участія въ торговыхъ дѣлахъ и пр. Въ депутатскомъ наказѣ ярославскаго дворянства было сказано между прочимъ: «Понынѣ еще россійское купечество, хотя пользуясь и великими привилегіями и имѣя внутри своего отечества самонужныя вещи, для чужестранныхъ народовъ еще нигдѣ ни консулей, ни конторъ не учредило, и всю прибыль, какую бы могло отъ вывоза изъ заморской продажи имѣть, торгующимъ народамъ оставляетъ». Дворянство рѣшительно требовало права участія въ коммерческихъ и промышленныхъ предпріятіяхъ и даже хотѣло пріобрѣсти кое-какія привилегіи въ этомъ отношеніи.

Всѣ эти вопросы сдѣлались предметомъ весьма оживленныхъ преній въ Большой Комиссіи. Высшее дворянство, желая предоставленія этому сословію особенныхъ правъ и преимуществъ, должно было и при этомъ случаѣ ратовать противъ узаконеній

[1]) См. соч. Романовича-Славатинскаго о дворянствѣ въ Россіи, 16, 19, 24 и пр.

Петра Великаго: купечество постоянно ссылалось на законы Петра, старавшагося поддерживать развитіе торговли и промышленности, даровавшаго разныя монополіи и привилегіи и защищавшаго купцовъ отъ нападеній и притѣсненій другихъ сословій.

Замѣчательнымъ ораторомъ въ пользу правъ купечества оказался депутатъ отъ города Рыбинска, Алексѣй Поповъ. Восхваляя Петра, онъ говорилъ о необходимости поддержанія всѣхъ правъ купечества, протестовалъ противъ участія дворянъ въ фабричной промышленности, противъ участія крестьянъ въ дѣлахъ торговли и пр. Въ собраніи было много купцовъ. Не менѣе 69 депутатовъ объявили, что они вполнѣ согласны съ заявленіемъ Попова.

Необычайно риторически и эффектно Щербатовъ возражалъ Попову, указывая, между прочимъ, на весьма благопріятныя условія, которыми пользовалось дворянство при устройствѣ разныхъ фабрикъ и заводовъ, хвалилъ гуманное обращеніе дворянъ съ крестьянами, работавшими на фабрикахъ, принадлежавшихъ дворянамъ, и протестовалъ противъ возможности лишить дворянство права заниматься фабричною промышленностью. Особенно рѣзко Щербатовъ порицалъ жестокость въ обращеніи купцовъ съ принадлежавшими имъ крестьянами, предлагая запрещеніе купцамъ покупать крестьянъ и пр. Указавъ на стремленія Петра привести внѣшнюю торговлю Россіи въ цвѣтущее состояніе, онъ сказалъ: «Отвѣчали-ли русскіе купцы такимъ попеченіямъ? Учредили-ли они конторы въ другихъ государствахъ? Имѣютъ-ли они корреспондентовъ для узнанія, какіе куда потребны товары и въ какомъ количествѣ? Посылали ли они своихъ дѣтей учиться торговлѣ? Нѣтъ! Они ничего этого не сдѣлали», и пр. Затѣмъ Щербатовъ говорилъ еще подробно о выгодахъ географическаго положенія Россіи для международной торговли, о неумѣніи купцовъ воспользоваться столь благопріятными условіями и, наконецъ, предлагалъ ограниченіе правъ купцовъ и расширеніе правъ дворянъ въ области торговли и промышленности.

И при этомъ случаѣ Щербатовъ оказался весьма замѣчательнымъ ораторомъ. Упреки, сдѣланные имъ русскимъ купцамъ, не были лишены основанія. Ему были хорошо извѣстны многія частности исторіи и статистики торговли. Онъ лучше русскихъ купцовъ былъ знакомъ съ коммерческими дѣлами нѣмцевъ, англичанъ, голландцевъ.

Купцы защищались, возражали Щербатову, однако никто изъ городскихъ депутатовъ не располагалъ такими средствами красно-

рѣчія и такимъ запасомъ данныхъ для аргументаціи, какъ депутатъ ярославскаго дворянства. Когда Щербатовъ, въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій, говорилъ подробно о значеніи фабричной промышленности для народнаго хозяйства вообще, депутатъ отъ города Тихвина, Солодовниковъ, замѣтилъ, что «въ мнѣніяхъ, поданныхъ господиномъ депутатомъ, княземъ Михайломъ Щербатовымъ, онъ очень рѣдко основывается на прежнихъ узаконеніяхъ, и эти мнѣнія онъ подкрѣпляетъ весьма разумными разсужденіями, которыми онъ отмѣнно одаренъ отъ Бога». Купцы, пользуясь извѣстными правами, стоя на твердой почвѣ положительнаго законодательства, имѣвшаго исходною точкою реформу Петра, какъ видно, обвиняли князя Щербатова въ нѣкоторомъ доктринаризмѣ. Въ свою очередь, однако, и Солодовниковъ довольно ловко указывалъ для опроверженія предложеній Щербатова на разные историческіе факты, приводилъ разные параграфы изъ Большого Наказа Екатерины и пр.

Впрочемъ, пренія не повели ни къ какому результату. Ихъ польза заключалась въ томъ, что вообще обсуждались, и къ тому же въ столь многочисленномъ собраніи, вопросы, относившіеся къ торговлѣ и промышленности, къ цехамъ, пошлинамъ, ярмаркамъ и пр. Въ преніяхъ по всѣмъ этимъ вопросамъ участвовали и представители разныхъ коллегій, служащіе, опытные въ дѣлахъ, спеціально знакомые съ технической стороной дѣла. Ихъ замѣчанія и сообщенія оказывались особенно полезными для собранія.

Крестьяне.

Петръ Великій создалъ новое дворянство; онъ же споспѣшествовалъ развитію средняго сословія; за то онъ не только не успѣлъ улучшить бытъ крестьянъ, но при немъ, напротивъ, положеніе низшаго класса народа становилось все болѣе и болѣе плачевнымъ.

Послѣ воцаренія Екатерины II, можно было, казалось, ожидать реформъ въ пользу крестьянъ. Императрица, однако, какъ мы видѣли выше, предлагая кое-какія либеральныя мѣры, встрѣтила сопротивленіе со стороны привилегированныхъ сословій. Тѣ части Большого Наказа, которыя заключали въ себѣ нѣкоторыя предложенія, клонившіяся къ улучшенію быта крестьянъ,

не могли быть напечатаны. Уже въ то время, когда Екатерина была лишь великою княгинею, она въ своихъ набросках и записках обсуждала вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Такъ, напр., она писала: «Противно христіанской вѣрѣ и справедливости дѣлать невольниками людей (они всѣ рождаются свободными). Одинъ соборъ освободилъ всѣхъ крестьянъ (прежнихъ крѣпостныхъ) въ Германіи, Франціи, Испаніи и пр. Осуществленіемъ такой мѣры, конечно, нельзя будетъ заслужить любовь землевладѣльцевъ, исполненныхъ упрямства и предразсудковъ. Но вотъ удобный способъ: постановить, что отнынѣ, при продажѣ имѣнія, съ той минуты, когда новый владѣлецъ пріобрѣтаетъ его, всѣ крѣпостные этого имѣнія объявляются свободными. Такимъ образомъ, въ сто лѣтъ всѣ или, по крайней мѣрѣ, большая часть имѣній перемѣнять господъ, и вотъ народъ освобожденъ»[1].

Какъ видно, Екатерина въ то время не сознавала затрудненій, съ которыми приходилось бороться при проведеніи столь важной реформы. Сдѣлавшись императрицею, она имѣла случай присмотрѣться къ сложности этого вопроса, и ей пришлось предоставить рѣшеніе его слѣдующимъ за нею государямъ. Однако, она сама сильно и рѣшительно порицала крѣпостное право. Сохранились разныя замѣтки, выражавшія неудовольствіе императрицы по поводу взглядовъ сторонниковъ крѣпостного права; здѣсь сказано: «Есть ли крѣпостного нельзя признать персоною, слѣд. онъ не человѣкъ; но его скотомъ извольте признавать, что къ немалой славѣ и человѣколюбію отъ всего свѣта намъ приписано будетъ»[2].

Незадолго до открытія засѣданій Большой Комиссіи, Вольное Экономическое Общество, по желанію Екатерины, назначило премію за лучшее сочиненіе о крестьянскомъ вопросѣ. Когда къ опредѣленному сроку было доставлено значительное число трудовъ и подлежалъ обсужденію вопросъ объ напечатаніи лучшаго изъ этихъ сочиненій, большинство членовъ общества высказалось противъ печатанія подобнаго труда, между тѣмъ какъ Екатерина раздѣляла мнѣніе меньшинства, стоявшаго за печатаніе этого сочиненія[3]).

Послѣ волненій въ крестьянскомъ сословіи въ началѣ царствованія Екатерины, послѣ заявленій сторонниковъ крѣпостного

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», VII, 84.
[2]) Соловьевъ, XXVII, 329.
[3]) Тамъ-же, 124.

права, сдѣланныхъ по поводу нѣкоторыхъ смѣлыхъ тезисовъ въ Большомъ Наказѣ, нельзя было считать вѣроятнымъ, чтобы крестьянскій вопросъ очутился на очереди занятій Большой Комиссіи. Когда, во время путешествія императрицы по Волгѣ, весною 1767 года, ей было подано крестьянами нѣсколько сотъ челобитныхъ съ жалобами на тяжкіе поборы помѣщиковъ, всѣ эти просьбы были возвращены, съ подтвержденіемъ, чтобъ впредь таковыхъ не подавали[1]).

Разумѣется, депутатовъ отъ крѣпостныхъ крестьянъ въ Большой Комиссіи не было. Однако, все-таки крестьянскій вопросъ сдѣлался предметомъ преній въ собраніи.

Уже при чтеніи депутатскихъ наказовъ отъ свободныхъ крестьянъ, — нѣкоторые ораторы слегка касались вопроса о положеніи крѣпостныхъ крестьянъ. Вопросъ о заводахъ также подалъ поводъ къ намекамъ на плачевное состояніе заводскихъ крестьянъ. Князь Щербатовъ, обвиняя купцовъ въ жестокомъ обращеніи съ фабричными рабочими, сказалъ между прочимъ: «Обратимъ взоры наши на человѣчество и устыдимся объ одномъ помышленіи дойти до такой суровости, чтобы равный намъ по природѣ сравненъ былъ со скотами и по одиночкѣ былъ продаваемъ. Древнія времена, не просвѣщенныя чистымъ нравоученіемъ, приводятъ насъ въ ужасъ, когда вспомнимъ, что людей, какъ скотину, по торгамъ продавали. Если невольнику приключался какой либо вредъ, то не болѣзнь его и страданіе, но убытокъ господскій принимался во вниманіе, и за него законы принуждали къ платежу. Мы люди, и подвластные намъ крестьяне суть подобные намъ. Разность случаевъ возвела насъ на степень властителей надъ ними; однако мы не должны забывать, что и они суть равное намъ созданіе. Но съ этимъ неоспоримымъ правиломъ будетъ ли сходствовать такой поступокъ, когда господинъ, единственно для своего прибытка, возьметъ, отъ родителей, отъ родственниковъ или отъ дома, кого-либо мужского или женскаго пола и, подобно скотинѣ, продастъ его другому? Какое сердце не тронется, глядя на истекающія слезы несчастнаго проданнаго, оставляющаго и мѣсто своего жилища, и тѣхъ, кѣмъ рожденъ, и кѣмъ воспитанъ и съ кѣмъ привыкъ всегда жить, и еще находящагося въ неизвѣстности о будущемъ своемъ состояніи? Кто не сжалится на вопль, на слезы и на сожалѣнія остающихся? Отъ одного этого изображенія вся кровь во мнѣ

[1]) Соловьевъ, XXVII, 64.

волнуется, и я, конечно, не сомнѣваюсь, что почтенная Комиссія узаконитъ запрещеніе продавать людей по одиночкѣ безъ земли»[1]). Въ этомъ же духѣ говорилъ депутатъ малороссійскій Тошковичъ[2]).

По тону и характеру этихъ заявленій, можно-бы думать, что въ то время одиночная продажа крестьянъ происходила, во-первыхъ, въ видѣ какого-то исключенія, и что, во-вторыхъ, крестьяне, купленные по одиночкѣ, безъ земли, главнымъ образомъ употреблялись на фабрикахъ. Между тѣмъ изъ тогдашнихъ газетъ видно, какъ публика относилась къ этому вопросу. Мнѣніе князя Щербатова оставалось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» за 1796 г., наряду съ объявленіями о сбѣжавшихъ собакахъ, о потерянныхъ вещахъ, за возвращеніе которыхъ обѣщаются награды, мы читаемъ объявленія и о сбѣжавшихъ дворовыхъ людяхъ и крестьянахъ, за возвращеніе которыхъ обѣщается также довольное вознагражденіе. Вслѣдъ за объявленіями о продажѣ коровъ, жеребцовъ, малосольной осетрины, лиссабонскихъ апельсиновъ — объявленія о продажѣ крѣпостныхъ семьями и порознь, и чаще всего — о продажѣ молодыхъ дѣвокъ, собою видныхъ. Крѣпостныхъ не только продавали, но проигрывали въ карты, платили ими долги, давали ими взятки, платили ими врачамъ за леченіе и проч.[3]).

Впрочемъ, возбужденный Щербатовымъ вопросъ объ одиночной продажѣ крестьянъ не сдѣлался предметомъ систематическихъ преній въ собраніи. Зато довольно подробно разсуждали о необходимости принятія мѣръ противъ бѣгства крестьянъ; съ разныхъ сторонъ послышалось требованіе усиленія строгости въ этомъ отношеніи. Въ нѣкоторыхъ наказахъ проглядывало опасеніе, что Екатерина занимается проектомъ освобожденія крестьянъ. Такъ, напр., въ одномъ изъ дворянскихъ наказовъ замѣчено: «Нынѣ не только есть примѣчанію достойное, что люди и крестьяне нѣкоторымъ видомъ помѣщикамъ своимъ, яко издревле поставленнымъ надъ ними господамъ, послушаніе по нѣскольку уменьшаютъ; а какъ есть древнее узаконеніе наистрожайшее хранить повиновеніе отъ Бога избранному и надъ ними поставленному монарху, яко же и нынѣ владѣющей нами Всемилостивѣйшей Государынѣ и высокому Ея наслѣднику отъ всѣхъ насъ и потомковъ нашихъ съ должнымъ усердіемъ и раболѣпнымъ

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», VIII, 108.

[2]) Тамъ-же, 222.

[3]) Романовичъ-Славатинскій, 338—341.

повиновеніемъ исполняемо будетъ; а при томъ всеподданнѣйше просимъ, дабы, въ сохраненіе древняго узаконенія, и дворянскіе люди и крестьяне въ подлежащемъ повиновеніи, яко своимъ господамъ, были, и о томъ въ нынѣ сочиняемомъ проектѣ Новаго Уложенія подтвердить съ такимъ объявленіемъ, что узаконенная издревле власть надъ ихъ людьми и крестьянами не отъемлется безотмѣнно, какъ до нынѣ была, такъ и впредь будетъ»[1]).

Несмотря на все это, въ частныхъ кружкахъ депутатовъ Большой Комиссіи, осенью 1767 года, зашла рѣчь о возможности улучшенія быта крестьянъ путемъ законодательной реформы. Баронъ Зальца, депутатъ Прибалтійскаго края, просилъ депутата отъ города Дерпта, Гадебуша, составить записку объ этомъ предметѣ. Въ ней особенно обсуждался вопросъ о возможности для крѣпостныхъ крестьянъ пріобрѣтенія движимаго имущества[2]). Именно этотъ же вопросъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, былъ возбужденъ въ преніяхъ Большой Комиссіи.

Когда начали говорить о причинахъ бѣгства крестьянъ, съ разныхъ сторонъ, въ особенности же со стороны нѣкоторыхъ городскихъ и крестьянскихъ депутатовъ, послышались упреки: порицали жестокость и произволъ помѣщиковъ, своими притѣсненіями и тиранствомъ заставляющихъ весьма часто крестьянъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Представители привилегированнаго сословія возражали, выставляя на видъ, что всему виноваты пороки крестьянъ, ихъ склонность къ разбою, грабежу и бродяжничеству[3]). Трудно было опредѣлить мѣру виновности крестьянъ и помѣщиковъ. Однако, дебаты принимали все бо̀льшіе и бо̀льшіе размѣры. Въ нихъ былъ затронутъ и вопросъ о барщинѣ и необходимости точнаго опредѣленія мѣры ея[4]). Наконецъ, депутатъ отъ козловскаго дворянства, Коробьинъ, поручикъ артиллеріи, представилъ записку о мѣрахъ къ пресѣченію злоупотребленій помѣщиковъ. Обвиняя ихъ въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами, приводя къ тому же цѣлый рядъ параграфовъ «Наказа» императрицы, Коробьинъ говорилъ между прочимъ: «Есть помѣщики, кои, промотавъ свои пожитки и набравъ много долга, отдаютъ своихъ людей, отлучивъ ихъ отъ земледѣлія, зарабатываютъ одни хотя слѣдуемые ежегодно къ уплатѣ проценты; есть

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XIV, 348—349. Этотъ наказъ снабженъ болѣе ста подписями.

[2]) Изданіе дневника Гадебуша въ журналѣ «Baltische Monatsschrift», V, 148—149.

[3]) «Сб. Ист. Общ.», XXXII, 42—43, 49, 390—391.

[4]) Тамъ-же, 50, 53, 54, 402—403.

ПЕТЕРБУРГЪ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II.

Видъ памятника Петру Великому при его открытіи, въ 1782 году.

Съ гравюры Мельникова, сдѣланной съ рисунка того времени Давыдова. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

и такіе, которые, видя, что получаемыхъ съ крестьянъ себѣ доходовъ на удовольствіе прихотей своихъ не станетъ, удаливъ отъ семейства, употребляютъ единственно для своей корысти; но что еще всего больше, то являются между ними и такіе, кои, увидѣвъ своего крестьянина, трудами рукъ своихъ стяжавшаго малый себѣ достатокъ, лишаютъ вдругъ всѣхъ плодовъ его старанія. Сожалѣнія, подлинно, достойно взирать на земледѣльца, потомъ лица своего отъ земли мало по малу собирающаго имѣніе, почитаемое имъ за безцѣнное сокровище, въ надеждѣ во время болѣзни своей или старости питать себя и семью свою, такожде платить оброкъ своему господину, но вдругъ неожидаемымъ помѣщичьимъ приказомъ, или подъ предлогомъ усмотрѣнной за нимъ будто какой вины, или безъ сего, лишающагося всѣхъ своихъ съ толикимъ трудомъ собранныхъ пожитковъ и погружающагося паки паче прежней въ горестную бѣдность, что подлинно съ человѣколюбіемъ сходства никакого не имѣетъ. Но ежели все сіе безпристрастно разсмотримъ, увидимъ точно, что сіе угрожаетъ разореніемъ цѣлому государству; ибо тогда только процвѣтаетъ или въ силѣ находится общество, когда составляющіе оное члены всѣ довольны: отъ сего ихъ спокойствіе, отъ сего и духъ, къ защищенію своего отечества распаляющійся, происходитъ. Но, какъ извѣстно, что земледѣльцы суть душа обществу, слѣдовательно, когда въ изнуреніи пребываетъ душа общества, тогда и самое общество слабѣетъ» и пр. «Причиною бѣгства крестьянъ», сказано далѣе въ запискѣ Коробьина, «по большей части, суть помѣщики, отягощающіе столь много ихъ своимъ правленіемъ. И для того всячески стараться должно предупредить помянутые случаи, какъ несносные земледѣльцамъ, вредные всѣмъ членамъ общества и государству пагубные». Такимъ образомъ, видя корень зла въ произволѣ, насиліи и корыстолюбіи помѣщиковъ, Коробьинъ предлагалъ «предписать законами, коликую власть имѣютъ помѣщики надъ имѣніями своего крестьянина. Данная нами торжественная присяга, собственная польза дворянъ, благоденствіе крестьянъ и умноженіе хлѣбопашества сего отъ насъ требуютъ. А паче всего велитъ сіе учинить и Ея Императорское Величество, Всемилостивѣйшая наша Государыня Екатерина Вторая, которая, въ главѣ о размноженіи народа и земледѣлія даннаго намъ Большого Наказа, наичувствительнѣйшимъ образомъ намъ о семъ внушаетъ», и пр.[1]).

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXXII, 55, 406—411.

Какъ видно, Коробьинъ, заступаясь за крестьянъ, требуя коренной реформы, указывая на массу народа, какъ на «душу государства», дѣйствовалъ за-одно съ императрицею. Нельзя удивляться тому, что заявленіе смѣлаго народнаго трибуна возбудило сильное негодованіе въ средѣ депутатовъ-представителей привилегированныхъ сословій. Съ разныхъ сторонъ на Коробьина посыпались упреки, насмѣшки, пререканія. Консерваторы утверждали, что законъ, защищающій имущество крестьянъ, сѣялъ-бы раздоръ между крестьянами и помѣщиками; упрекали Коробьина въ томъ, что онъ не хорошо знакомъ съ положеніемъ дѣлъ; говорили о его молодости и неопытности. Опять возобновились нападки на злокачественность крестьянъ, опять восхвалялись великодушіе и гуманность помѣщиковъ. Находили, что Коробьинъ, разсуждая такимъ образомъ о столь важномъ дѣлѣ, едва ли могъ дѣйствовать сообразно съ данною ему отъ избирателей инструкціею; замѣчали, что ссылки Коробьина на «Наказъ» императрицы заключаютъ въ себѣ ошибочное толкованіе мыслей императрицы, и пр.

При всемъ томъ, однако, Коробьинъ сдѣлался не только предметомъ общаго вниманія, но даже вдругъ пріобрѣлъ нѣкоторую популярность; при баллотировкѣ членовъ разныхъ частныхъ комиссій противники Коробьина не имѣли успѣха, получали множество неизбирательныхъ голосовъ, между тѣмъ какъ онъ самъ при такихъ случаяхъ удостоился весьма большого числа избирательныхъ балловъ. Въ этомъ нельзя не видѣть нѣкотораго одобренія образа мыслей Коробьина. Одну изъ баллотировокъ можно прямо считать рѣшительною демонстраціею въ пользу Коробьина. Очевидно, въ это время было много толковъ о мнѣніи, поданномъ имъ по поводу крестьянскаго вопроса. Нѣтъ сомнѣнія, что большинство собранія относилось къ нему далеко не враждебно и даже одобряло мысль объ улучшеніи быта крѣпостныхъ [1]).

Не имѣя возможности слѣдить за частностями любопытныхъ преній, возбужденныхъ предложеніемъ Коробьина, мы ограничиваемся указаніемъ на необычайную ловкость и замѣчательное остроуміе, съ которыми Коробьинъ возражалъ своимъ противникамъ, доказывая, что нѣкоторые изъ нихъ его не поняли, что нѣкоторыя изъ ихъ замѣчаній были «недостойны дворянскаго

[1]) См. замѣчаніе Сергѣевича въ предисловіи къ XXXII тому «Сб. Ист. Общ.», стр. III.

званія», и заключая свою рѣчь слѣдующими словами: «Я совершенно вѣдаю, что изъ таковыхъ препинательныхъ рѣчей ничего болѣе не произойдетъ, какъ то, что намѣреніе ея имп. величества и желанія всѣхъ ея вѣрноподданныхъ, удостоившихъ насъ пещись объ ихъ и всѣхъ насъ общемъ благѣ, едва когда исполнится. Почему и стараться должно, дабы не такъ скорымъ быть къ учиненію возраженій, какъ къ разсмотрѣнію предложенной матеріи и, ежели она того достойна будетъ, къ поправленію и приведенію ея, по возможности, на вышнюю степень совершенства»[1]).

Борьба продолжалась. Князь Щербатовъ указалъ на нѣкоторыя географическія и климатическія условія бѣгства крестьянъ; депутатъ тамбовскаго дворянства, Лопухинъ, объяснялъ, что, «уменьшеніе власти помѣщиковъ произведетъ разрушеніе тѣхъ основаній, на которыхъ утвердясь, отечество наше достигло столь высшей степени славы и благоденствія, въ каковыхъ весь свѣтъ его видитъ». За то маіоръ Козельскій требовалъ опредѣленія и ограниченія мѣры барщины и обезпеченія правъ крѣпостныхъ въ отношеніи къ пріобрѣтенному ими имуществу. Сравнивая крестьянина съ пчелою, Козельскій замѣтилъ: «Пчела пріобрѣтенное почитаетъ за собственное добро, защищаетъ его и для того кусаетъ, жалитъ, жизнь теряетъ, какъ только человѣкъ или другое животное подойдетъ къ гнѣзду ея. Крестьянинъ же— чувственный человѣкъ; онъ разумѣетъ, впредь знаетъ, что все, что бы ни было у него, то, говорятъ, что не его, а помѣщиково; то... какъ ему быть добронравну и добродѣтельну, когда ему не остается никакого средства быть такимъ; онъ въ семъ насиліи принужденъ и себѣ недоброхотствовать, а оттого развѣ и пьянствовать, будучи въ уныніи, а не отъ лѣности» и пр.[2]). Достойны вниманія также замѣчанія крестьянскаго депутата Чупрова, возражавшаго особенно князю Щербатову, когда тотъ, по своему обыкновенію, расхваливалъ заслуги и добродѣтели дворянства: «Правда, что заслуга и завсегда признается за справедливо и честь дворянская за достовѣрно почитается, да однако и всякаго званія люди во всемъ государствѣ не безъ порученныхъ дѣлъ остаются: за кѣмъ какая должность стоитъ, чаю, что по возможности своей и всѣ отправляютъ; только нынѣ дѣло не о томъ идетъ, и господа депутаты не на то собраны, чтобы

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXXII, 476—484.
[2]) Тамъ-же, 87 и слѣд., 499 и слѣд.

чести себѣ приписывать, но въ сходственность Большому Наказу объ узаконеніи всѣхъ вообще и каждаго особенно; то посему никакой вещи остаться не надобно безъ узаконенія, и для того не должно, кажется, оставить безъ опредѣленнаго закона и помѣщиковыхъ крестьянъ»[1]).

Можно считать вѣроятнымъ, что нѣкоторые изъ знатныхъ членовъ Большой Комиссіи, не принимавшихъ участія въ преніяхъ по вопросу о крѣпостныхъ крестьянахъ, въ сущности одобряли образъ мыслей Коробьина и Козельскаго. Мы знаемъ, что графъ Панинъ въ особой запискѣ, представленной имъ Екатеринѣ, указывалъ на жестокость помѣщиковъ, какъ на главную причину бѣгства крестьянъ, и предлагалъ точное опредѣленіе мѣры барщины, ограниченіе оброка и пр. Въ одномъ изъ писемъ русскаго посла при французскомъ дворѣ, князя Д. Голицына, къ вицеканцлеру А. Голицыну (отъ 1765 г.) выражено желаніе, чтобы крестьяне могли сдѣлаться собственниками земли, чтобы имъ было обезпечено право пріобрѣтенія недвижимаго имущества и т. п. Въ составленномъ дирекціонною комиссіею проектѣ о правахъ дворянства говорится о правахъ крѣпостныхъ крестьянъ, о защитѣ ихъ противъ произвола помѣщиковъ и пр.[2]).

При всемъ томъ, однако, число противниковъ предложенія Коробьина было весьма значительно. Не только дворяне-помѣщики почти въ одинъ голосъ протестовали противъ нововведеній такого рода,—и купцы-фабриканты, покупавшіе крестьянъ для работъ на заводахъ, не могли желать проведенія либеральныхъ мѣръ въ пользу крѣпостного сословія.

Впрочемъ, вопросъ объ улучшеніи быта крестьянъ оставался открытымъ. Пренія не повели ни къ какому опредѣленному результату. Вся выгода, правда, довольно значительная, заключалась въ томъ, что вопросъ о плачевномъ состояніи крестьянъ было возбужденъ и обсужденъ, по крайней мѣрѣ въ теоріи, въ многочисленномъ собраніи депутатовъ. Не имѣя возможности приступить къ дѣлу освобожденія крестьянъ, Екатерина своимъ «Наказомъ» и созваніемъ Большой Комиссіи, хотя косвенно, дала нѣкоторымъ образомъ направленіе развитію идей по этому вопросу въ духѣ либерализма и прогресса.

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXXII, 90, 504.
[2]) См. статью Сергѣевича въ «Вѣстникѣ Европы», 1878, I, 258—259.

Вопросъ о привилегіяхъ окраинъ.

Число нѣмецкихъ депутатовъ въ собраніи было довольно значительно. Они встрѣчаются не только между представителями различныхъ сословій прибалтійскаго края, но также между депутатами Финляндіи, нѣкоторыхъ коллегій и пр.

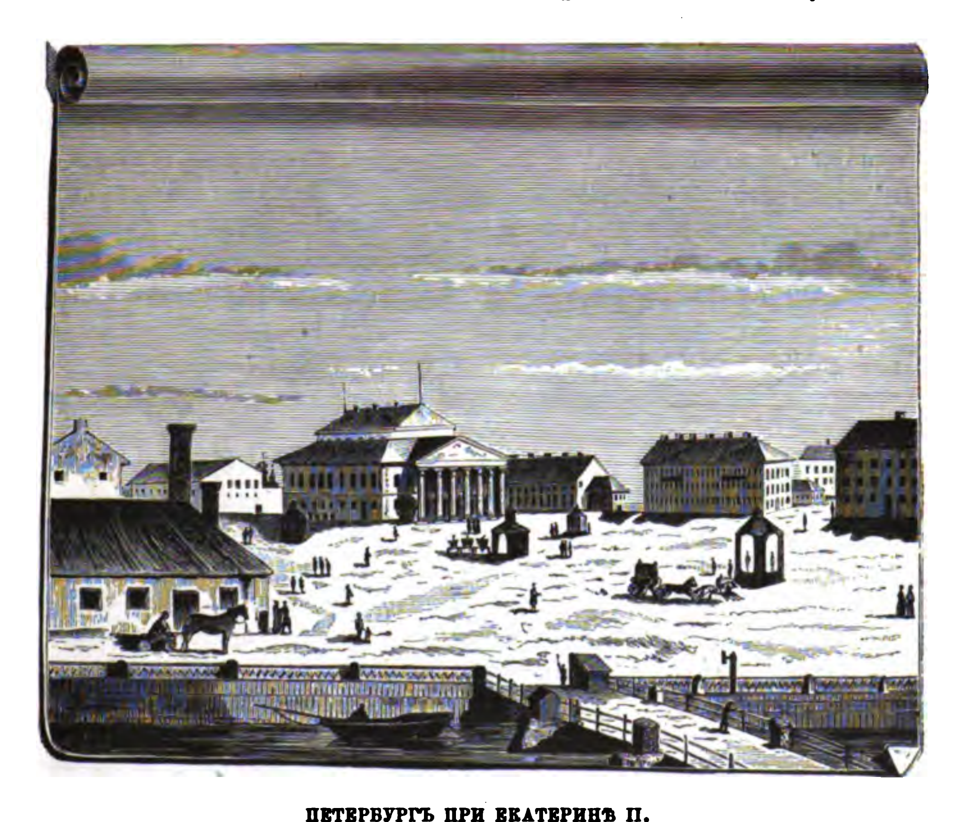
Нѣтъ сомнѣнія, что эти депутаты, занимавшіе большею частью кое какія должности въ администраціи или служившіе въ войскѣ, владѣли русскимъ языкомъ. Гадебушъ, депутатъ отъ города Дерпта, совсѣмъ не знавшій русскаго языка, былъ вскорѣ замѣненъ другимъ депутатомъ, Урсинусомъ, который, какъ можно судить по его чрезвычайно дѣятельному и успѣшному участію въ преніяхъ по всѣмъ вопросамъ, отлично владѣлъ русскимъ языкомъ. То обстоятельство, что депутаты прибалтійскаго края сдѣлались членами разныхъ спеціальныхъ комиссій, свидѣтельствуетъ о нѣкоторомъ довѣріи къ ихъ познаніямъ и опытности въ дѣлахъ. Имъ даже поручалось иногда составленіе подробныхъ записокъ о разныхъ вопросахъ законодательства.

Подобно малороссіянамъ, и депутаты прибалтійскаго края изъявляли опасенія, что новое законодательство будетъ ограниченіемъ особыхъ правъ и привилегій остзейскихъ провинцій. По поводу преній о правахъ дворянства, депутаты Ренненкампфъ, Вильбуа и Блуменъ представили записки, въ которыхъ было выражено желаніе, чтобы привилегіи Лифляндіи и Эстляндіи оставались неприкосновенными.

Екатерина была весьма недовольна такою манифестаціею. Она писала къ Вяземскому о «лифляндской замашкѣ» и замѣтила: «они хотятъ быть нашими законодавцами, а не отъ насъ получить узаконеній». Императрица выразила желаніе, чтобы кто-нибудь въ Большой Комиссіи возражалъ депутатамъ лифляндскимъ, причемъ указывала на способъ возраженія. Въ своей запискѣ, она между прочимъ говорила: «Чтобъ же лифляндскіе законы лучше были, нежели наши будутъ, тому статься нельзя; ибо наши правила само человѣколюбіе писало, а они правилъ показать не могутъ, и сверхъ того иныя ихъ узаконенія наполнены невѣжествами и варварствами. И такъ, предохраняя себя, торжественно они просятъ: мы хотимъ, чтобъ насъ смертью казнили, мы просимъ пытокъ, мы просимъ, чтобъ отъ безпрерывной ябеды наши суды никогда не были окончены; мы торжественно предохраняемъ противурѣчія и темноты нашихъ узаконеній и пр.

Просвѣщенному свѣту останется судить о подобныхъ неистовствахъ. Признаюсь, что сіе съ жаромъ писано, и такъ употребите лишь то, что прилично»[1]).

Настоящій случай свидѣтельствуетъ, въ какой степени внимательно императрица слѣдила за всѣми частностями преній въ Большой Комиссіи и даже косвенно принимала въ нихъ участіе.

ПЕТЕРБУРГЪ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II.

Площадь Большого театра.

Съ рѣдкой гравюры того времени. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

Отстаивая начала единства въ дѣлѣ кодификаціи, она могла разсчитывать на значительное число сторонниковъ въ Большой Комиссіи. Такъ, напр., когда депутатъ отъ любимскаго дворянства, Толмачевъ, выразилъ мнѣніе, что по недостаткамъ законовъ Лифляндской, Эстляндской и Выборгской губерній должно сочинить «законы, одинаковые для всѣхъ ея императорскому величеству

[1]) «Осьмнадцатый вѣкъ», III, 389.

подданныхъ народовъ», около ста депутатовъ въ Большой Комиссіи присоединились ко мнѣнію Толмачева.

Также и депутатъ отъ дворянства Новосильскаго уѣзда, Левъ Шишковъ, выразился по поводу вопроса о привилегіяхъ лифляндскихъ слѣдующимъ образомъ: «Капитуляція, оружіемъ вынужденная, не есть отличная выслуга плѣнника, но великодушіе побѣдителя. Поэтому же сдѣлаетъ-ли больше чести означеннымъ губерніямъ, если онѣ будутъ называться не завоеванными, но одного съ нами общества равными гражданами, а это иначе быть не можетъ, какъ только тогда, когда онѣ будутъ находиться подъ одними съ нами законами. Лифляндія и Эстляндія не есть иное царство; климатомъ же, земледѣліемъ и другими упражненіями не рознится съ русскими жителями, слѣдовательно и подъ законами одинаковыми съ нами быть могутъ и должны быть». Въ этомъ же смыслѣ выразились и нѣкоторые другіе депутаты [1]).

Напротивъ, депутатъ отъ города Кіева, Іосифъ Гудимъ, обратилъ вниманіе собранія на невозможность составленія одинаковыхъ законовъ для всѣхъ народовъ и выразилъ требованіе, чтобы городъ Кіевъ оставался при своемъ пользованіи магдебургскимъ правомъ. При этомъ онъ замѣтилъ: «Это право укрѣплено было за городомъ Кіевомъ грамотою царя Алексѣя Михайловича, которая преемниками его и нынѣ царствующею всемилостивѣйшею нашею Государынею была подтверждена» [2]).

Также и депутатъ отъ эстляндскаго дворянства, Вильбоа, находилъ, что «нѣтъ нужды, чтобы для всѣхъ вообще подданныхъ ея имп. величества всѣ законы были равные», причемъ онъ замѣтилъ, что «права и привилегіи лифляндскія вполнѣ соотвѣтствуютъ расположенію живущаго подъ ними народа», и пр. [3]).

Вообще, оказывалось, что въ данномъ случаѣ малороссійскіе и прибалтійскіе депутаты дѣйствовали одинаково, заявляя желаніе, чтобы мѣстные права оставались неизмѣненными.

Все это сильно не понравилось императрицѣ. Въ ея письмѣ къ Румянцеву сказано: «Господа лифляндцы, отъ коихъ мы ожидали примѣрное поведеніе какъ въ просвѣщеніи, такъ и въ вѣжливости, не соотвѣтствовали нашему ожиданію: они сначала про-

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.» VIII, 335—336. Въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. И. Др». 1867 IV Смѣсь, 83—95, помѣщена записка Шишкова, депутата отъ камеръ-конторы лифлянд., эстлянд. и финлянд. дѣлъ, которая, однако, не читалась въ Большой Комиссіи; см. «Сб. Ист. Общ.», VIII, 337.

[2]) «Сб. Ист. Общ.», VIII, 338.

[3]) Тамъ-же, 348.

сиди и требовали, чтобы ихъ законы были по матеріямъ читаны рядомъ съ нашими; но когда оныхъ стали читать, а депутаты объ ихъ законахъ начали говорить, такъ какъ и о прочихъ узаконеніяхъ, тогда они не только тѣхъ депутатовъ, но и всю Комиссію попрекали, что будто они присвоиваютъ себѣ власть, коей Комиссіи не дано; однимъ словомъ, я ожидала то, что они закричатъ громко «дѣло и слово» на всю Комиссію. Наконецъ, когда увидали, что великое число соблазняется ихъ поведеніемъ, тогда всѣ корпусомъ лифляндцы подписали и подали въ Комиссіи голосъ, что имъ не надобно и не хотятъ ни дополненіе, ни

Народныя увеселенія въ Петербургѣ въ Екатерининское время.
Съ гравюры Ходовецкаго, сдѣланной съ рисунка съ натуры Майера.

перемѣну въ ихъ законахъ. На сіе одинъ изъ нашихъ принесъ въ Комиссію выписку изъ двадцати или болѣе челобитенъ лифляндскихъ, какъ дворянъ, такъ и отъ городовъ, гдѣ корпусомъ просятъ въ разныхъ годахъ отъ времени завоеванія, съ 1710 года и послѣдующихъ, чтобы законы ихъ были дополнены, ибо они весьма недостаточны и отяготительны въ иныхъ случаяхъ для нихъ... Еще не знаемъ, какъ господа лифляндцы изъ противорѣчащаго поступка выпутаются»[1]).

Изъ этого письма императрицы видно, что изображеніе преній въ изданныхъ въ послѣднее время документахъ Большой Ко-

[1]) Соловьевъ, XXVII, 141.

миссіи не можетъ считаться полнымъ. Изъ другихъ данныхъ мы узнаемъ далѣе, что прибалтійскими депутатами былъ представленъ проектъ законовъ для Лифляндіи и Эстляндіи и что Екатерина занималась тщательнымъ разборомъ этого проекта. Изъ замѣчаній ея видно, что она довольно рѣзко критиковала образъ мыслей остзейскихъ депутатовъ; здѣсь сказано между прочимъ: «Я ничего конфирмовать не буду, что не въ силѣ обряда мнѣ поднесется. Они подданные Россійской имперіи, а я не лифляндская императрица, но всероссійская» и т. п.[1]).

Императрица рѣшилась положить конецъ этимъ преніямъ. По ея повелѣнію, Бибиковъ, въ засѣданіи 9 сентября 1768 года, объяснилъ собранію, что комиссія не должна ни въ чемъ другомъ упражняться кромѣ того, для чего именно она учреждена, т. е. въ сочиненіи проекта; заявленія депутатовъ лифляндскаго, эстляндскаго, финляндскаго, малороссійскаго и смоленскаго дворянства не могутъ сдѣлаться предметомъ обсужденія, потому что касаются правленія; поэтому ему, маршалу, не остается ничего другого сдѣлать, какъ торжественно возвратить помянутымъ депутатамъ поданныя ими заявленія [2]).

Изъ «Записокъ о жизни и службѣ Бибикова» видно, что возвращеніе депутатамъ ихъ заявленій было сопряжено со сдѣланнымъ имъ строгимъ «наставленіемъ». Бибиковъ сказалъ депутатамъ, что «долгъ званія предводителя принуждаетъ его напомнить и просить, чтобы господа депутаты, при сочиненіи своихъ голосовъ, помнили и то, что потомство оныхъ безпристрастно судить будетъ, но наипаче то, сколь далеко простиралася наша благодарность къ тому престолу, который безпрерывно и столь много изливаетъ на насъ щедроты, которыхъ мы опыты и въ сей день ощущаемъ» [3]).

Такимъ образомъ, пренія по вопросу объ особенныхъ правахъ Малороссіи, Лифляндіи и Эстляндіи не имѣли результата. Екатерина считала опаснымъ обсужденіе вопросовъ, относящихся, какъ въ данномъ случаѣ, хотя бы лишь косвенно, къ области государственнаго права. Впрочемъ, опасенія малороссійскихъ и прибалтійскихъ депутатовъ оказались лишенными основанія. Общее законодательство, которое могло бы устранить привилегіи отдѣльныхъ провинцій, не состоялось.

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», X, 272—274.
[2]) Тамъ-же, IV, предисловіе, стр. 25, а также XXXII, 345.
[3]) «Записки о жизни и службѣ Бибикова», 32. Приложеніе 25—27.

Судоустройство, полиція.

Въ 1767 году, начиная съ іюля по декабрь, въ Москвѣ состоялось не менѣе 77 засѣданій Большой Комиссіи. Закрывая сессію въ древней столицѣ (14 декабря), Бибиковъ сообщилъ собранію о желаніи императрицы, чтобы, начиная съ 18 февраля 1768 г., засѣданія Большой Комиссіи продолжались въ Петербургѣ. При этомъ маршалъ съ признательностью говорилъ о «ревности, усердіи и прилежаніи» депутатовъ при исполненіи возложенной на нихъ обязанности [1]).

Столь же торжественною была рѣчь Бибикова при открытіи, 16 февраля 1768 г., засѣданій въ Петербургѣ. Въ ней сказано между прочимъ: «Вы знаете, конечно, что и успѣхъ отъ собственнаго вашего раченія произойти долженствуетъ, и потому не оставите преодолѣвать препятствія, могущія затруднить васъ въ совершеніи вашего намѣренія. Единодушіе же ваше и согласіе никакой вражды и раздора между вами не допустятъ. Напоминайте, почтеннѣйшіе господа, что на исправленіи ваши весь свѣтъ смотритъ, а дѣла ваши и будущимъ родамъ въ разсмотрѣніе подвергнутся. Вѣдайте, наконецъ, что Великая Екатерина вами руководствуетъ» и пр.[2]).

По открытіи засѣданій, обсуждались законы о юстиціи, къ которымъ были отнесены, между прочимъ, постановленія объ исполненіи обязанностей, предписываемыхъ христіанскою вѣрою и установленіями церкви. Этому предмету было посвящено не менѣе 70 засѣданій; по разнымъ вопросамъ, сюда относящимся, было подано около 200 мнѣній; при преніяхъ, относившихся къ судоустройству, обсуждался и вопросъ о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ.

Въ продолженіе преній по вопросамъ о судѣ и расправѣ, обнаруживалось стремленіе различныхъ классовъ общества къ реформѣ въ смыслѣ децентрализаціи и развитія самоуправленія; съ разныхъ сторонъ послышались жалобы на медленность и сложность судопроизводства и было выражено требованіе, чтобы менѣе важные случаи нарушенія права обсуждались и рѣшались мѣстными судебными инстанціями, при помощи выборныхъ. Было сдѣлано предположеніе ввести въ Россіи учрежденіе мировыхъ судей.

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», VIII, 382.
[2]) Тамъ-же, XIV, 1.

Протоколы засѣданій представляютъ собою чрезвычайно обильный матеріалъ для исторіи понятій о правѣ.

Мы знаемъ, что Екатерина, при составленіи «Наказа», выписывала нѣкоторыя важнѣйшія положенія Беккарія. Сочиненіе этого знаменитаго писателя заключало въ себѣ протестъ противъ употребленія пытки и противъ мучительныхъ способовъ казни. Все это вполнѣ соотвѣтствовало воззрѣніямъ императрицы, старавшейся, по возможности, при разныхъ случаяхъ препятствовать пыткѣ и вообще жестокости въ судопроизводствѣ. Разсматривая, въ 1765 году, дѣло Волынскаго, она въ особой запискѣ указывала на нелѣпость и варварство пытки вообще. Здѣсь сказано между прочимъ: «Странно, какъ роду человѣческому пришло на умъ лучше утвердительнѣе вѣрить рѣчи въ горячкѣ бывшаго человѣка, нежели съ холодною кровью; всякій пытанный въ горячкѣ и самъ уже не знаетъ, что говоритъ. И такъ, отдаю на разсужденіе всякому, имѣющему чуть разумъ, можно ли вѣрить пыточнымъ рѣчамъ и на то съ доброю совѣстью полагаться?» [1]).

Подобно тому, какъ въ отношеніи къ крестьянскому вопросу весьма лишь немногія лица раздѣляли либеральныя мысли императрицы, и относительно пріемовъ уголовнаго судопроизводства Екатерина со своими гуманными и кроткими воззрѣніями оставалась въ меньшинствѣ. При обсужденіи вопроса о пыткѣ въ Большой Комиссіи, многими было высказано убѣжденіе, что отмѣна пытки была-бы сопряжена съ ужасною опасностью для жизни и имущества всѣхъ и каждаго. Только дворянское сословіе требовало для себя освобожденіе отъ пытки, въ видѣ сословной привилегіи. За то неоднократно было выражено опасеніе, что кроткое законодательство, смягченіе наказаній, гуманные пріемы судопроизводства, непремѣнно поведутъ къ разложенію общества, къ порчѣ нравовъ. Въ особенности терроръ въ глазахъ многихъ былъ важнѣйшимъ средствомъ борьбы противъ склонности массы народа къ разбою и грабежу. Въ одномъ изъ депутатскихъ наказовъ встрѣчается требованіе, чтобы даже всякое, малѣйшее преступленіе наказывалось смертью. И мѣщане, и крестьяне раздѣляли такія мнѣнія о необходимости ригоризма и терроризма [2]).

Все это, разумѣется, далеко не соотвѣтствовало «Наказу» Екатерины. Поэтому Бибиковъ не могъ не указать на тѣ параграфы

[1]) «Сборникъ Ист. Общ.», X, 57.

[2]) См. подробности преній въ моей статьѣ въ «Russische Revue», XXII, 525 и слѣд.

труда императрицы, въ которыхъ была рѣчь о пыткѣ. Собраніе, въ свою очередь, безпрекословно и тотчасъ же повиновалось желаніямъ Екатерины и изъявило свое согласіе съ ея кроткими воззрѣніями.

Впрочемъ, и пренія объ уголовномъ правѣ оставались фрагментомъ, не были доведены до конца и не повели къ какому либо результату.

Далѣе обсуждались вопросы народнаго просвѣщенія, о школахъ. При этомъ оказалось, что всѣ сословія, не исключая и

Народное гулянье на Невѣ въ Екатерининское время.

Съ офорта прошлаго столѣтія Нютгейля. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

дворянства, относительно учрежденія школъ разсчитывали на иниціативу правительства, на денежныя средства казны. Однако, вообще во время преній были высказаны мнѣнія, достойныя вниманія. Дворянство требовало учрежденія сословныхъ училищъ для дворянъ. Въ одномъ изъ депутатскихъ наказовъ говорилось о необходимости учрежденія публичныхъ библіотекъ въ разныхъ городахъ. Депутатъ города Дерпта, Урсинусъ, въ подробной запискѣ требовалъ составленія учебниковъ по разнымъ предметамъ, отмѣны тѣлеснаго наказанія въ училищахъ, точнаго опредѣленія платы за посѣщеніе школъ и особенныхъ правилъ надзора надъ преподаваніемъ и пр.[1]).

[1]) См. статью Соловьева въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1861 г., XXXV, 338—339.

Церковные вопросы лишь мимоходомъ и слегка были затронуты въ депутатскихъ наказахъ и въ преніяхъ Большого Собранія. Послышались кое-какія жалобы на корыстолюбіе сельскаго духовенства. Въ противоположность терпимости Екатерины, нѣкоторые депутатскіе наказы требовали строгихъ мѣръ противъ раскольниковъ. Обсуждался вопросъ о способѣ веденія метрическихъ книгъ. Маіоръ Блуменъ, депутатъ отъ лифляндскаго земства, предложилъ перенести церковные праздники (исключая самыхъ большихъ) на воскресные дни, причемъ довольно краснорѣчиво указывалъ на пагубныя слѣдствія множества праздниковъ, прерывающихъ трудъ крестьянъ и возбуждающихъ нерадивыхъ къ лѣни, пьянству и пр.[1]). Единственный представитель духовенства въ собраніи, депутатъ Синода, не участвовалъ въ этихъ преніяхъ.

Гораздо подробнѣе обсуждались вопросы, относившіеся къ народному хозяйству и къ финансамъ. Тутъ явилось множество жалобъ, просьбъ, требованій. Изъ этихъ преній можно было вывести заключеніе о многихъ недостаткахъ въ системѣ налоговъ и податей; обнаружились вопіющія злоупотребленія чиновниковъ и офицеровъ, всячески притѣснявшихъ народъ своими требованіями даровыхъ подводъ или при рекрутскихъ наборахъ и пр. Неоднократно было указываемо и въ депутатскихъ наказахъ, и въ преніяхъ на несправедливость или неудобство нѣкоторыхъ особенно тягостныхъ налоговъ. Заговорили о возможности и выгодѣ превращенія кое-какихъ натуральныхъ повинностей въ денежную плату. Особенно часто обнаруживается желаніе представителей разныхъ сословій освободиться отъ произвола и корыстолюбія чиновниковъ; требовали болѣе точнаго опредѣленія обязанностей всѣхъ и каждаго въ отношеніяхъ къ казнѣ, въ коммерческихъ оборотахъ и промышленныхъ предпріятіяхъ; заговорили объ условіяхъ народной гигіены, о причинахъ страшной смертности въ народѣ и о средствахъ помочь этому злу и пр.

Закрытіе Собранія.

Нельзя отрицать, что обсужденіе столь важныхъ и многостороннихъ вопросовъ въ Большой Комиссіи могло быть чрезвы-

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XIV, 36.

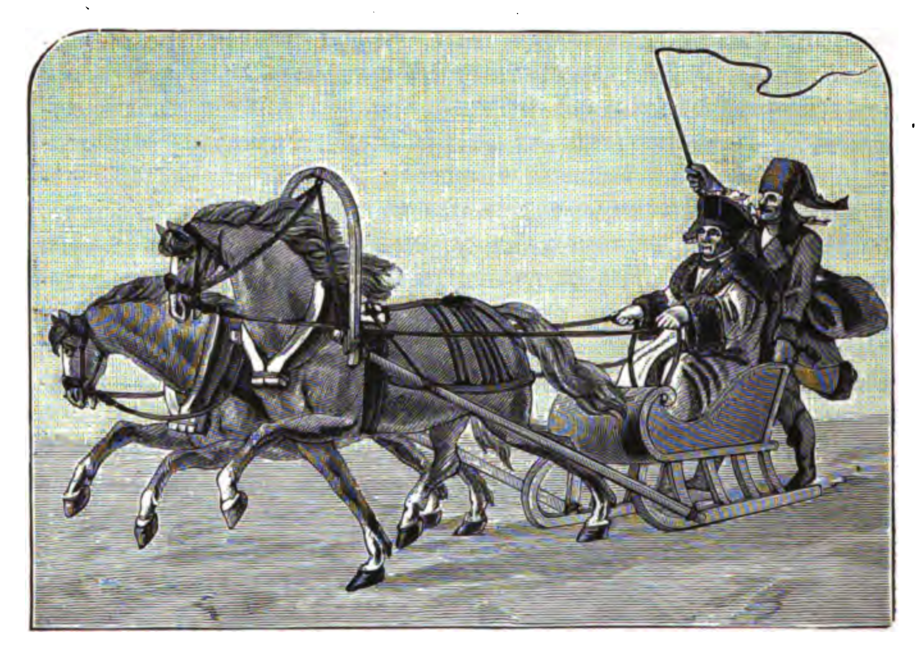
чайно полезно и для представителей власти, и для подданныхъ. Послѣдніе при этомъ случаѣ по крайней мѣрѣ могли убѣдиться въ томъ, что правительство желало реформъ, не щадило средствъ для составленія себѣ точнаго понятія о лучшихъ способахъ законодательства. Никогда до этого власть не имѣла возможности столь подробно всмотрѣться въ нужды народа, столь точно опредѣлить мѣру необходимости прогресса. Не даромъ Екатерина, при созваніи Большой Комиссіи, не ограничиваясь желаніемъ, чтобы было составлено новое Уложеніе, имѣла въ виду еще другую, чуть ли не важнѣйшую цѣль, именно ознакомленіе съ бытомъ народа, съ потребностями всѣхъ и каждаго, съ недостатками существовавшаго законодательства. Эта цѣль была вполнѣ достигнута. Правительство, руководствуясь характеромъ и содержаніемъ преній въ Большой Комиссіи, разбирая депутатскіе наказы, изучая записки, составленныя въ спеціальныхъ комиссіяхъ, могло убѣдиться въ необходимости усиленной работы въ области реформъ вообще, изучать послѣдствія и вліяніе прежнихъ законодательныхъ мѣръ и отвѣтить на вопросъ, насколько можно было при коренныхъ перемѣнахъ разсчитывать на содѣйствіе общества. Поэтому Екатерина имѣла полное право характеризовать значеніе Большой Комиссіи вышеупомянутыми словами: «Комиссія Уложенія, бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣнія о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно»[1]).

Англійскій дипломатъ Каскартъ, присутствовавшій въ одномъ изъ засѣданій Большой Комиссіи, въ августѣ 1768 года, пишетъ, между прочимъ, что помѣщеніе, въ которомъ происходило собраніе, отличалось громадными размѣрами и великолѣпіемъ. Затѣмъ онъ продолжаетъ: «Знакомыя мнѣ лица были по большей части военные, одѣтые въ мундиры и украшенныя знаками различныхъ орденовъ... представители различныхъ частей этой огромной имперіи столь многочисленны, что нѣтъ возможности перечислить въ депешѣ ихъ имена и костюмы; списокъ этотъ составилъ бы цѣлую пѣсню героической поэмы. Засѣданіе еще не начиналось... Комната казалась до того наполненной, а различныя группы до того заняты разговоромъ, что невозможно было смотрѣть на собраніе, не вспомнивъ о пчелиномъ ульѣ. Тронъ императрицы занимаетъ одну часть комнаты... разставлены скамьи, какъ въ нашемъ Парламентѣ». Когда засѣданіе нача-

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 176.

лось, Каскартъ, впрочемъ, какъ можно думать, не владѣвшій русскимъ языкомъ, удивился достоинству и ясности, съ которыми маршалъ руководилъ преніями. Описывая подробно устройство собранія, Каскартъ заключаетъ свой разсказъ слѣдующими словами: «Все это установленіе представляется мнѣ чѣмъ то въ родѣ подмостковъ, которые, безъ сомнѣнія, будутъ разбросаны, какъ ненужныя лѣса, тотчасъ по окончаніи императрицею всего великаго зданія. Она имѣетъ въ виду составленіе законодатель-

Барскія сани въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ гравюры прошлаго вѣка Шефнера.

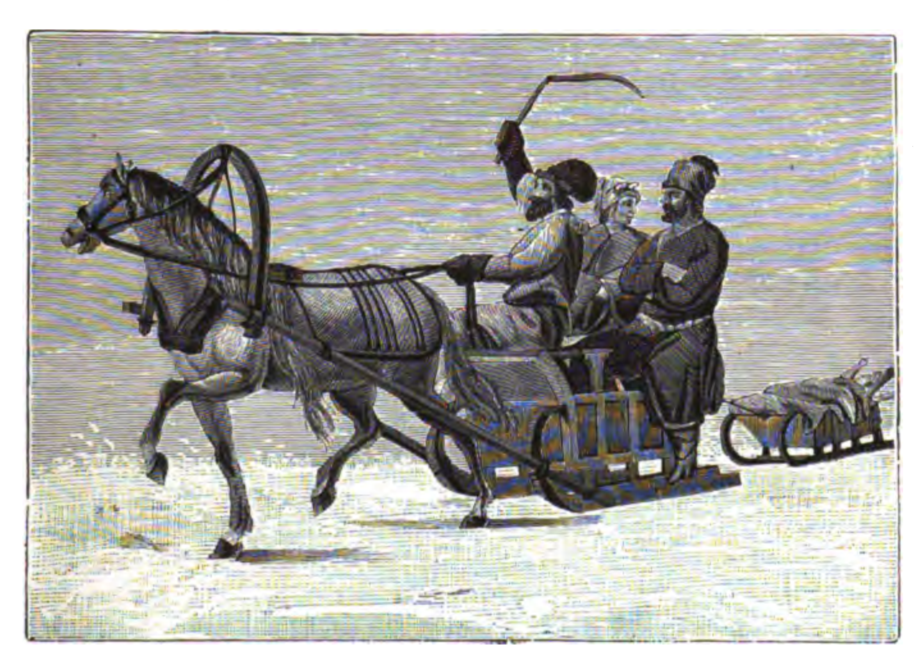
ства, соотвѣтствующаго ея воззрѣніямъ и дѣйствительнымъ интересамъ и характеру всѣхъ ея подданныхъ» [1]).

Мы знаемъ, что «подмостки» были устранены еще до окончанія предполагаемаго Екатериною зданія.

Въ сентябрѣ 1768 года, происходили пренія о правахъ благородныхъ. Въ октябрѣ, обсуждались законы о помѣстьяхъ и вотчинахъ. Около этого времени засѣданія сдѣлались нѣсколько рѣже прежняго. До іюня 1768 года, обыкновенно бывало по пяти засѣданій въ недѣлю; въ августѣ собирались лишь 7 разъ,

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XII, 360.

то же самое въ сентябрѣ; въ октябрѣ Бибиковъ объявилъ, что засѣданія будутъ происходить дважды въ недѣлю [1]). Наконецъ, 18 декабря 1768 года, маршалъ сообщилъ собранію о полученномъ именномъ указѣ, въ которомъ императрица, объявляя, что по случаю турецкой войны многіе изъ депутатовъ, принадлежащіе къ военному званію, должны отправиться къ занимаемымъ ими по службѣ мѣстамъ, повелѣвала: депутатовъ, которые за выборомъ членовъ въ частныя комиссіи, остались въ Большомъ

Извощичьи сани въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ офорта прошлаго вѣка Шефнера.

Собраніи, распустить до тѣхъ поръ, пока они вновь будутъ созваны; членамъ частныхъ комиссій остаться и продолжать свои занятія и на мѣсто членовъ этихъ комиссій, обязанныхъ отправиться къ своимъ мѣстамъ, выбрать другихъ изъ Большого Собранія депутатовъ.

Такимъ образомъ, Большая Комиссія окончила свою дѣятельность и вновь уже не была созываема.

Поводомъ для закрытія собранія была турецкая война. Спрашивается, насколько можно вѣрить разсказамъ нѣкоторыхъ ино-

---

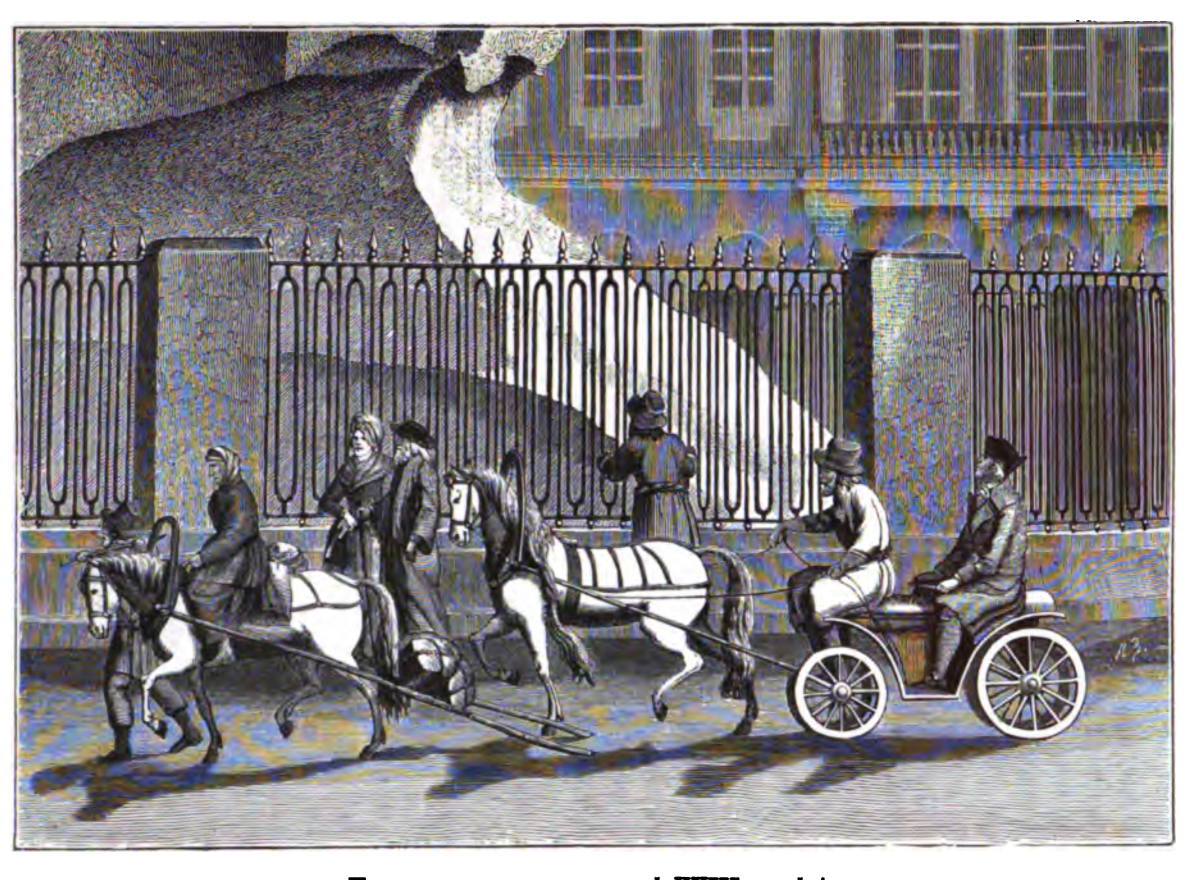
[1]) Сергѣевичъ въ «Вѣстникѣ Европы», 1878, I, 242.

странныхъ писателей, объяснявшихъ закрытіе собранія неудовольствіемъ императрицы?

Впрочемъ, какъ видно, закрытіе собранія считалось лишь временнымъ. Центръ тяжести законодательной работы, какъ мы знаемъ, не находился въ Большомъ Собраніи, а въ частныхъ комиссіяхъ. Эти частныя комиссіи, членовъ которыхъ было около ста человѣкъ, оставались въ полномъ составѣ. Онѣ продолжали свои работы и были закрыты только 4 декабря 1774 года.

Въ кружкахъ иностранцевъ ходили разные слухи о поводахъ къ закрытію собранія. Говорили, что правительство нашло вообще все это предпріятіе преждевременнымъ и опаснымъ. Эти толки лишь отчасти заслуживаютъ вниманія, потому что вообще разсказы современниковъ о Большой Комиссіи изобилуютъ нелѣпыми баснями и недоразумѣніями. Иностранцы, не имѣвшіе возможности слѣдить за ходомъ дѣлъ, легко могли ошибаться при оцѣнкѣ всего предпріятія и при обсужденіи частностей его. Укажемъ на нѣкоторые примѣры такихъ разсказовъ, заслуживающіе вниманія, потому что они повліяли на повѣствованія позднѣйшихъ историковъ.

Мы видѣли, что Каскартъ, присутствовавшій въ августѣ 1768 года на одномъ изъ засѣданій Большой Комиссіи, вынесъ изъ него довольно благопріятное впечатлѣніе. Совсѣмъ иначе разсуждалъ объ этомъ же предметѣ его предшественникъ, Ширлей, въ донесеніяхъ котораго встрѣчаются довольно рѣзкіе отзывы о Большой Комиссіи. Такъ, напр., онъ доносилъ, въ августѣ 1767 года: «Русскіе не говорятъ и не думаютъ ни о чемъ другомъ, какъ о собраніи депутатовъ, и заключаютъ, что теперь они составляютъ мудрѣйшую, счастливѣйшую и могущественнѣйшую націю во всей вселенной, и было бы совершенно безполезно доказывать имъ, что это собраніе не имѣетъ ровно никакого значенія передъ деспотическою властью государыни. Всякій, кто обратитъ вниманіе на образъ дѣйствій депутатовъ, на то, о чемъ имъ предоставлено разсуждать, и насколько имъ позволено расширять реформы и сравнить это съ мѣрами, принятыми въ государствахъ, благословенныхъ конституціоннымъ правленіемъ, тотчасъ же убѣдится, что это ничто иное, какъ извѣстное число людей, служащихъ въ нѣкоторомъ родѣ совѣтниками императрицы при опредѣленіи законовъ имперіи, и что людямъ этимъ предоставлены лишь такія привилегіи, которыми бы не захотѣлъ воспользоваться ни одинъ гражданинъ благоустроеннаго государства... Какъ только депутаты касаются предмета непріятнаго

Извощичьи дрожки въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ гравюры прошлаго вѣка Набгольца. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

для императрицы или несогласнаго съ ея видами, Вяземскій проситъ ихъ не касаться этой струны, такъ какъ, если при многочисленныхъ вопросахъ, требующихъ ихъ обсужденія, они будутъ удаляться за предѣлы, имъ назначенные, такое увеличеніе работы неминуемо отзовется пренебреженіемъ къ болѣе существеннымъ задачамъ, порученнымъ ихъ разсмотрѣнію».

Ширлей писалъ все это въ самомъ началѣ засѣданій Большой Комиссіи. Тогда еще не было случаевъ строгихъ внушеній, сдѣланныхъ собранію. Не раньше какъ въ августѣ 1768 года, возникъ вопросъ о привилегіяхъ Малороссіи и Лифляндіи, обсужденіе котораго правительству казалось неумѣстнымъ. Разсказъ Ширлея о выборѣ маршала не соотвѣтствуетъ истинѣ; онъ, очевидно, основанъ на слухахъ. Источники, которыми пользовался англійскій дипломатъ, не были особенно надежны; онъ продолжаетъ: «Депутатамъ не только поручено передѣлать заново гражданскіе законы и устройство полиціи, но также и основные законы имперіи; и мнѣ даже говорили, что они коснутся щекотливаго вопроса о престолонаслѣдіи».

Именно выраженіе англійскаго дипломата — «въ довершеніе этой комедіи, вчера депутаты явились къ Ея Императорскому Величеству, благодарить ее» и пр. — имѣло чрезвычайно сильное вліяніе на исторіографію позднѣйшаго времени. Забывали, что Екатерининское собраніе не могло и не должно было походить на англійскій парламентъ; Ширлей, не имѣвшій возможности составить себѣ точное понятіе о дѣятельности Большой Комиссіи и о способности депутатовъ, находилъ пріемы ихъ «комическими», говорилъ о «куреніи ѳиміама тщеславію императрицы» и заключилъ свой разсказъ слѣдующими замѣчаніями: «Намѣренія императрицы первоначально клонились къ тому, чтобы заявить ея заботливость о счастіи своихъ подданныхъ; но такъ какъ ея намѣренія проистекаютъ изъ основаній, не совсѣмъ чистаго свойства, то и дѣла ея, какъ поддѣльный жемчугъ, имѣютъ болѣе блеска, но меньше цѣнности, чѣмъ жемчугъ настоящій».

Далѣе Ширлей сообщилъ слѣдующія соображенія, относящіяся къ Большой Комиссіи: «Чего мы можемъ ожидать отъ новаго свода законовъ? Не слѣдуетъ ли предположить, что эта новая работа потребуетъ гораздо бо̀льшаго числа лѣтъ, чѣмъ сколько считается нужнымъ? Еслибы даже императрица была однимъ изъ великихъ геніевъ, созданныхъ для просвѣщенія міра, возможно ли бы было для Россіи надѣяться въ будущемъ на управленіе справедливыми, равными и прочными законами,

принявъ въ соображеніе, что и въ томъ случаѣ, еслибы законы эти были доведены до нѣкоторой степени совершенства, тѣмъ не менѣе Россія не ощутила бы ихъ благихъ послѣдствій, по причинѣ полнаго недостатка почтенныхъ и безкорыстныхъ чиновниковъ. Нельзя не пожалѣть о русскихъ, которые считаютъ себя столь мудрыми и сильными, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности они находятся на очень далекомъ разстояніи отъ счастливаго положенія нѣкоторыхъ европейскихъ народовъ» и пр. [1]).

Во всемъ этомъ, какъ видно, есть нѣкоторая доля правды; вообще же отзывъ Ширлея, служившій важнѣйшимъ руководствомъ для позднѣйшихъ историковъ при оцѣнкѣ значенія Большой Комиссіи, не можетъ считаться справедливымъ и безпристрастнымъ.

Гораздо болѣе рѣзкимъ оказывается отзывъ Кастера, имѣвшій также сильное вліяніе не только на читателей вообще, но и на спеціалистовъ-историковъ. Онъ пишетъ о депутатахъ: «Страхъ и лесть въ ихъ выраженіяхъ имѣли большую долю, нежели настоящее удивленіе. Всѣ желали снискать расположеніе императрицы или по крайней мѣрѣ избѣгнуть ссылки въ Сибирь». Упоминая о преніяхъ, относившихся къ крестьянскому вопросу, Кастера пишетъ: «Споръ становился все болѣе оживленнымъ; опасались страшныхъ послѣдствій разногласія, и поэтому депутатовъ распустили домой. Но до окончанія засѣданій все таки требовали, чтобы было сдѣлано нѣкоторое заявленіе благодарности. Желали, чтобы собраніе, кончившееся безо всякой пользы для себя, принесло выгоду государынѣ, возымѣвшей первую мысль этого предпріятія. Поэтому единогласно рѣшили поднести императрицѣ титулъ великой, премудрой, матери отечества» и проч. [2]).

Не говоря уже о другихъ небылицахъ и недоразумѣніяхъ въ разсказѣ Кастера, мы укажемъ лишь на то обстоятельство, что тутъ перепутанъ совершенно хронологическій порядокъ событій. Поднесеніе вышеозначеннаго титула императрицѣ происходило не въ концѣ сессіи (т. е. не въ концѣ 1768 года), а въ началѣ ея, т. е. полуторами годами раньше. Крестьянскій вопросъ, служившій будто причиною закрытія собранія, обсуждался весною 1768 года; закрытіе же собранія воспослѣдовало семью мѣсяцами позже [3]).

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XII, 291—93, 304—9, 316, 326—30.

[2]) «Vie de Cathérine», II, I, 248—250.

[3]) См. мой разборъ источниковъ, гдѣ указано и на Массона, а далѣе на сочиненія позднѣйшихъ историковъ въ «Журн. Мин.» CCXVII, отд. 2, стр. 2 и слѣд.

При всемъ томъ, однако, нельзя не допустить возможности существованія нѣкоторой связи между обсужденіемъ крестьянскаго вопроса и мѣстныхъ привилегій, съ одной стороны, и закрытіемъ собранія—съ другой. Изъ «Записокъ о жизни и службѣ Бибикова» видно, что имъ была составлена для императрицы записка, о которой разсказано слѣдующее: «Вскорѣ императрица удостовѣрилась въ непобѣдимыхъ затрудненіяхъ, или, справедливѣе сказать, въ неисполнительности ея великаго предпріятія, и убѣдилась въ истинѣ слѣдующаго предварительно даннаго Александромъ Ильичемъ мнѣнія: что собранія различнаго состоянія людей депутатовъ должны быть только съ тѣмъ, что хотя они всѣ вообще къ увеличенію государственнаго собранія, къ составленію благоразумныхъ законовъ и согласныхъ пользѣ каждаго состоянія способствовать будутъ, но, въ самомъ существѣ, чтобы не они составители законовъ были, но особливо выбранные изъ нихъ самихъ или изъ постороннихъ особъ и не въ столь во многомъ числѣ состоящее собраніе» и пр. [1]).

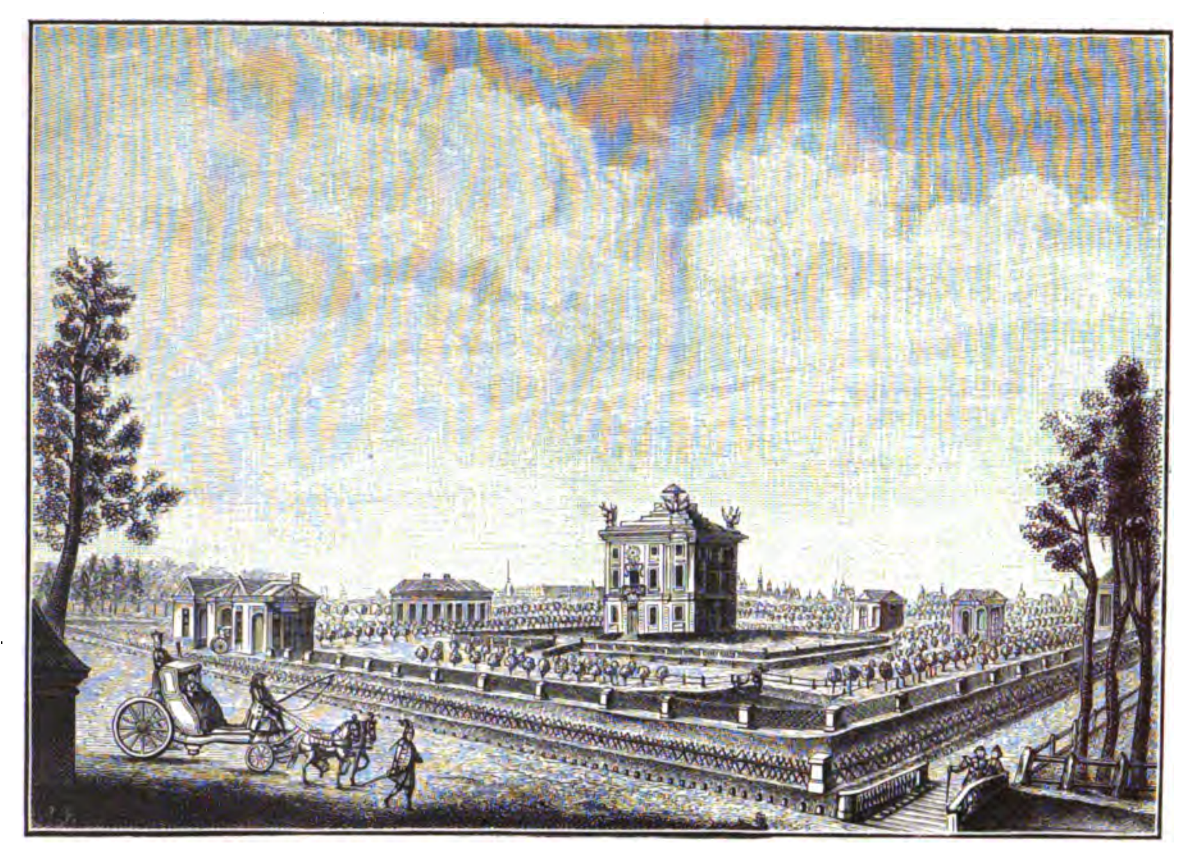
Мы считаемъ вѣроятнымъ, что эта записка Бибикова была составлена имъ наканунѣ закрытія собранія. Въ качествѣ маршала, онъ болѣе чѣмъ кто-либо могъ убѣдиться въ затрудненіяхъ, которыя встрѣтило предпріятіе. Онъ поэтому могъ совѣтовать императрицѣ закрыть собраніе.

Къ тому же, въ запискахъ Бибикова сказано: «Должно признаться чистосердечно, предпріятіе сіе было рановременно, и умы большей части депутатовъ не были еще къ сему приготовлены и весьма далеки отъ той степени просвѣщенія и знанія, которая требовалась къ столь важному ихъ дѣлу. Нѣкоторые же изъ депутатовъ, увлеченные вольнодуміемъ, ухищрялись уже предписывать законы верховной власти; другіе предлагали уничтоженіе рабства, неоспоримо истинною философіею и христіанскимъ человѣколюбіемъ предначертанное, но исполненіе чего (говоритъ патріотическій нашъ и благоразумный писатель Болтинъ), по обширности и малонаселенію Россійской имперіи, еще гораздо болѣе мудрыхъ и благовременныхъ мѣръ, прилежнаго разсмотрѣнія и опаснаго вниманія и разсужденія требуетъ» [2]).

Мы видѣли, что Екатерина была либеральнѣе многихъ лицъ, ее окружавшихъ. Весьма легко возможно, что лица, побудившія ее къ уничтоженію значительной части «Наказа», содѣйствовали и

---

[1]) Зап. Бибикова, 57.
[2]) Тамъ-же, 55—56.

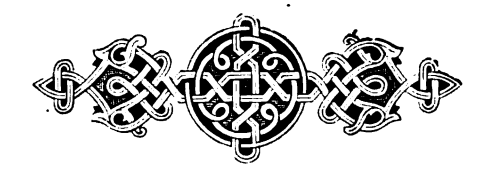

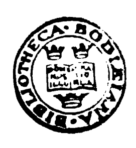
Загородный домъ графа А. С. Строганова на Петергофской дорогѣ, въ XVIII столѣтіи.

Съ рѣдкаго офорта Штелина 1768 г. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

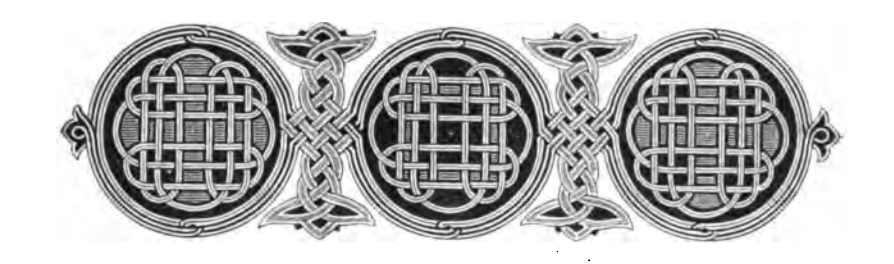
закрытію Собранія. Сиверсъ, одобрявшій мысль Екатерины о созваніи Большой Комиссіи, говоритъ о разныхъ козняхъ, происходившихъ во время сессіи, о нерадѣніи представителей бюрократіи, объ опасеніяхъ сановниковъ, что депутаты окажутся сильнѣе и вліятельнѣе ихъ и пр.[1]).

Какъ бы то ни было, законодательная цѣль собранія не была достигнута. Однако, принимая во вниманіе всѣ вышеизложенныя обстоятельства, не должно обвинять главнымъ образомъ Екатерину въ неудачѣ. Къ тому же, было бы несправедливо утверждать, что предпріятіе ея оказалось вполнѣ неудавшимся. Матеріалъ, собранный въ 1767 и 1768 годахъ и группировка этого матеріала въ частныхъ комиссіяхъ послужили пособіемъ для законодательной дѣятельности слѣдующаго времени.

[1]) Blum, I, 260.

ГЛАВА III.

Законодательство и администрація.

Общій характеръ.

Екатерина любила говорить объ успѣхахъ своего царствованія. Она нуждалась въ одобреніи и похвалѣ. Не даромъ ее упрекали въ чрезмѣрномъ славолюбіи. Довольно часто она не безъ самообольщенія говорила о важныхъ результатахъ своей дѣятельности въ области администраціи и законодательства.

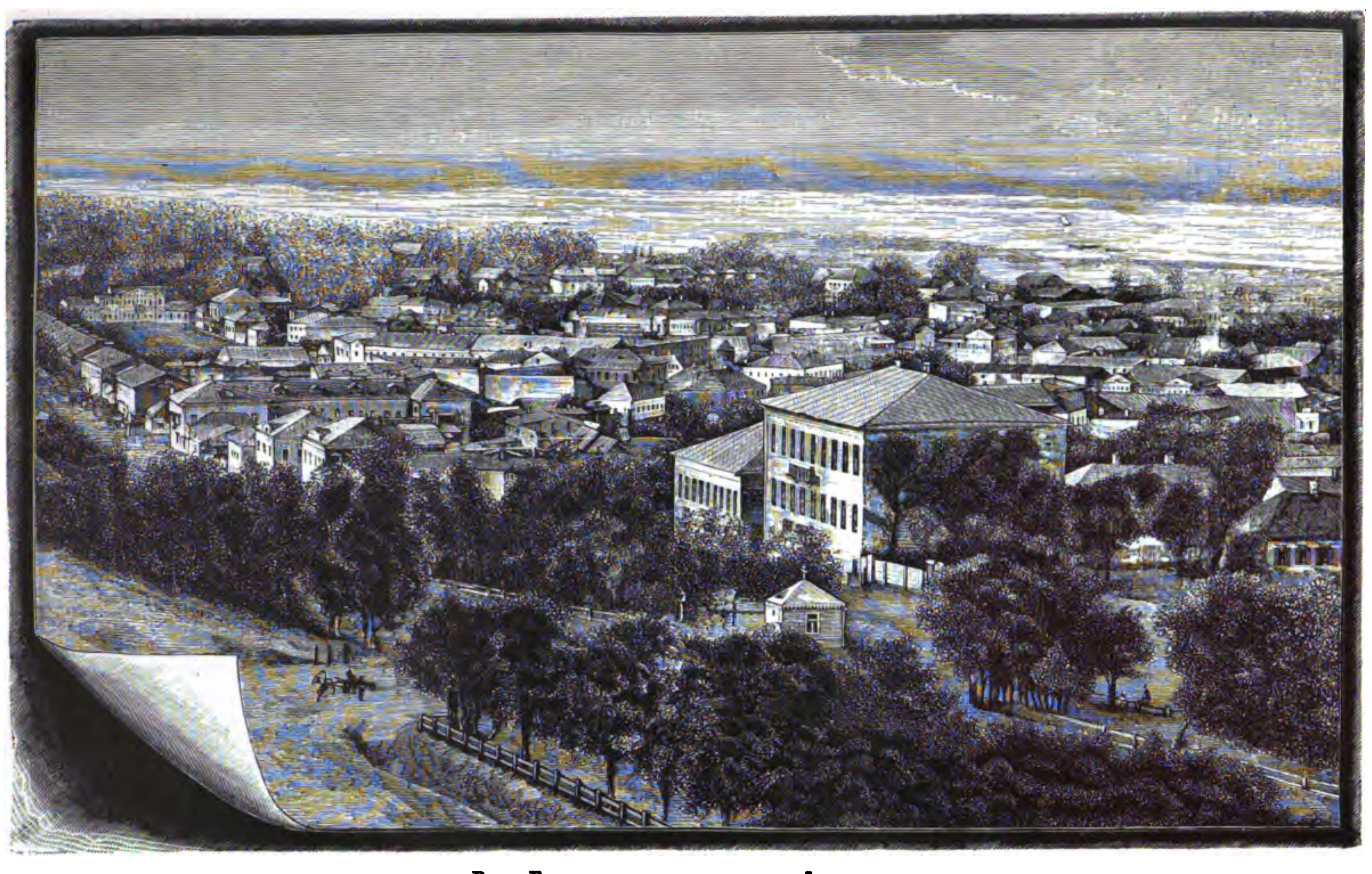
Современники и потомство находили, что императрица, обращая чрезмѣрное вниманіе на вопросы внѣшней политики, не достаточно усердно занималась рѣшеніемъ болѣе важныхъ задачъ внутренняго благоустройства Россіи. Находили, что Екатерина, гоняясь за славою громкихъ побѣдъ или стремясь къ присоединенію чужихъ земель къ Россіи, пренебрегала трудами въ области администраціи и законодательства. Сама Екатерина, во все время своего царствованія, весьма часто не безъ удовлетворенія указывала на свои заботы о благоденствіи народа, на видимый прогрессъ въ общественномъ строѣ Россіи. Такъ, напримѣръ, во время первой турецкой войны Екатерина неоднократно хвалилась тѣмъ, что народъ почти вовсе не замѣчаетъ бремени войны и спокойно

и успѣшно продолжаетъ свои обычныя занятія; не безъ нѣкотораго торжества она замѣтила, что тотчасъ же послѣ заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира она была въ состояніи отказаться отъ взиманія недоимочныхъ податей въ размѣрѣ двухъ милліоновъ рублей. Составляя правила для управленія губерній, она хвалилась, что этотъ трудъ удался ей особенно хорошо, такъ что въ сравненіи съ нимъ Большой Наказъ, по ея выраженію, могъ казаться лишь пустою болтовнею [1]). При этомъ она объясняла, въ чемъ должны будутъ состоять выгоды и благіе результаты новаго учрежденія. «Я строю нынче сто съ чѣмъ-то городовъ вдругъ», сказано въ одномъ изъ писемъ Екатерины къ Гримму, въ 1781 году. Она любила сообщать подробности о своихъ занятіяхъ. Лѣтомъ 1781 года, она переписала для Гримма составленный Безбородкою списокъ успѣхамъ ея царствованія. Оказалось, что въ продолженіе девятнадцатилѣтняго царствованія Екатерины было учреждено 29 новыхъ губерній, построено 144 города, заключено 30 договоровъ, одержано 78 побѣдъ, издано 211 указовъ и пр. Сообщая объ этихъ фактахъ, императрица не безъ раздраженія упомянула объ отзывѣ аббата Рэналя (Raynal), сомнѣвавшагося въ успѣхѣ ея царствованія, и замѣтила, что весь свѣтъ можетъ убѣдиться въ прогрессѣ Россіи. Особенно охотно Екатерина указывала на бросающіеся въ глаза результаты реформъ, которые она замѣчала во время своихъ частыхъ путешествій по имперіи; говорила, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде виднѣлись однѣ убогія хижины, теперь построены большіе города, со множествомъ каменныхъ, домовъ и что тамъ, гдѣ прежде не было никакихъ слѣдовъ какой либо дѣятельности, теперь закипѣла работа въ области земледѣлія, промышленности и торговли.

Мы знаемъ, однако, что люди, окружавшіе императрицу во время ея путешествій, умѣли показывать ей всю страну въ чрезвычайно выгодномъ свѣтѣ. Поэтому она едва ли имѣла возможность составить себѣ точное понятіе о настоящемъ положеніи Россіи; видя многое, такъ сказать, въ праздничномъ видѣ, въ искусственной обстановкѣ, при необычайномъ освѣщеніи, а къ тому же увлекаясь свойственнымъ ея характеру оптимизмомъ, Екатерина легко могла составить себѣ ложное представленіе о мнимыхъ успѣхахъ своей административной и законодательной дѣятельности, о якобы цвѣтущемъ состояніи управляемаго ею государства.

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 39.

Видъ Екатеринослава съ нагорной стороны.
Съ гравюры нынѣшняго столѣтія.

Все это, какъ извѣстно, бросается въ глаза во время знаменитаго путешествія Екатерины въ южную Россію, въ 1787 году.

Современники удивлялись пышности и роскоши этой поѣздки, на которую были истрачены милліоны рублей. Въ губернскихъ городахъ, чрезъ которые проѣзжалъ дворъ, собирались дворяне съ ихъ семействами, а изъ отдаленныхъ городовъ купцы и «лучшіе граждане». Всюду устраивались иллюминаціи и фейерверки, по обѣимъ сторонамъ дороги вечеромъ пылали костры. Вездѣ императрица должна была встрѣтить радостныя и веселыя зрѣлища, чтобы убѣдиться въ богатствѣ и счастіи Россіи. Иностранцы съ насмѣшкою говорили о множествѣ народа, который, отчасти поневолѣ, долженъ былъ толпиться около тѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя проѣзжала Екатерина. Она же, какъ разсказываетъ принцъ де-Линь, съ удовольствіемъ смотря на эту толпу, спрашивала своихъ спутниковъ, видѣли ли все это иностранные писатели, утверждавшіе, что въ Россіи лишь однѣ пустыни[1]). Пѣсенники въ шлюпкахъ на рѣкѣ, а также по берегамъ, одѣтые въ лучшее платье; дома, украшенные гирляндами и цвѣтами; большія стада, являвшіяся часто на пути; рынки со множествомъ товаровъ — все это должно было дѣйствовать на воображеніе императрицы. Все, что не согласовалось съ цѣлью произвести самое благопріятное впечатлѣніе на Екатерину, было тщательно устраняемо. О пребываніи Екатерины на возвратномъ пути въ Москвѣ, въ то время, когда уже въ бо́льшей части имперіи свирѣпствовалъ голодъ, князь Щербатовъ писалъ немного позже: «Я видѣлъ, и сіе есть истинно, въ изгнанныхъ изъ Москвы всѣхъ нищихъ, безъ всякаго опредѣленія о ихъ пропитаніи, которое они отъ подаянія московскихъ жителей получали, и сіе было учинено къ пріѣзду всемилостивѣйшей государыни, дабы видѣніе толикаго числа нищихъ ея не обезпокоило»[2]). За то принцъ де-Линь разсказываетъ, что онъ иногда полными руками отъ имени императрицы долженъ былъ бросать золото толпившемуся около кареты Екатерины народу[3]).

Приказъ тогдашняго правителя харьковскаго намѣстничества, В. Черткова, заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, слѣдующія распоряженія: обыватели должны ожидать карету Екатерины въ лучшей одеждѣ, а «особливо дѣвки въ уборѣ на головахъ, по ихъ обыкновенію, съ цвѣтами, наблюдая, чтобъ отнюдь никого въ ра-

---

[1]) Ligne, II, 49; Сегюръ, Tabl. 87, утверждаетъ, что многое было «fardé, déguisé».

[2]) «Чтенія Моск. Общ.», 1860, I, 130.

[3]) Ligne, II, 49.

зодранной одеждѣ, а паче пьяныхъ не было»; всѣ должны «изъявлять свои восхищенія приличными поступками и привѣтствіями». По всѣмъ улицамъ, гдѣ предполагался проѣздъ императрицы, велѣно было дома выбѣлить, крыши и заборы исправить и пр. Далѣе было приказано, чтобы нигдѣ «стѣсненія народа и шуму, равно просящихъ милостыню и въ разодранной одеждѣ, отнюдь не было, для чего имѣть караулы, кои бы всюду неупустительно соблюдали тишину, чистоту, безопасность». Строгимъ наказаніемъ, кнутомъ, каторгою грозили тому, кто бы имѣлъ «продерзость» подать императрицѣ прошеніе. Городовымъ магистратамъ было вмѣнено въ обязанность наблюдать за тѣмъ, чтобы не были возвышены цѣны на товары, особенно на съѣстные припасы, чтобы не было въ продажѣ ничего поврежденнаго и залежавшагося, чтобы торговцы сами «были одѣты опрятно и чисто, чтобъ ихъ посуда, столы и лавки были чисты, фартуки незамараны, и чтобы нигдѣ ничего не было завѣшано рогожами, въ шинкахъ же, чтобы никто на то время никого отнюдь до пьяна не напаивалъ подъ штрафомъ взятія таковыхъ людей подъ стражу, запрещенія имъ торговать, или, смотря по винѣ, и неминуемаго истязанія»[1]).

Строгость такихъ приказаній свидѣтельствуетъ, что чистота, опрятность, зажиточность были рѣдкимъ исключеніемъ. Екатерина, напротивъ, должна была считать все это за обычныя явленія. Подобный образъ дѣйствій администраціи подалъ поводъ къ разсказамъ современниковъ, будто большая часть городовъ и деревень, показанныхъ на пути императрицѣ, было ничто иное какъ театральная декорація[2]). Одинъ изъ спутниковъ Екатерины, принцъ де-Линь, смѣется надъ подобными слухами, которые онъ называетъ нелѣпыми, но онъ допускаетъ, что дѣйствительно на пути встрѣчались «города безъ улицъ, улицы безъ домовъ, дома безъ крышъ, безъ дверей и оконъ»; что императрицѣ показывали лишь казенныя помѣщенія губернаторовъ и нѣкоторыя, находившіяся вблизи каменныя строенія; что Екатерина не прогуливалась пѣшкомъ по городамъ, въ которыхъ останавливалась, и поэтому видѣла меньше, чѣмъ нѣкоторые изъ ея спутниковъ[3]). Довольно рѣзко выразилъ это также и князь Щербатовъ, замѣчая: «Монархиня видѣла и не видала, и засвидѣтельствованіе и похвала ея суть тщетны, самимъ дѣйствіемъ

[1]) «Осмнадцатый вѣкъ», I, 306.
[2]) Herrmann, VI, 151.
[3]) Ligne, II, 49.

научающія монарховъ не хвалить того, чего совершенно сами не узнаютъ»[1]).

Екатерина любила хвалить и слушать хвалебные отзывы. Она однажды сообщила Гримму о замѣчаніи, сдѣланномъ принцемъ де-Линь, что нигдѣ нельзя встрѣтить столь опытныхъ и добросовѣстныхъ чиновниковъ, какъ въ Россіи; другой разъ, она воспроизвела отзывъ де-Линя, что населеніе въ Россіи умножается быстро, что голодъ въ Россіи совершенно небывалое и неслыханное явленіе, что между простолюдинами нѣтъ худощавыхъ и болѣзненныхъ и пр.[2]). Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Гримму, императрица объясняетъ технику дѣла при учрежденіи городовъ въ Россіи, труды устраиваемыхъ въ подобныхъ случаяхъ комиссій и т. под.[3]). Какъ видно, Екатерина и ея совѣтники не сознавали мѣры затрудненій при развитіи средняго, городского сословія; оптимизмъ императрицы при такихъ случаяхъ доходилъ до крайнихъ размѣровъ. Оказалось невозможнымъ создавать множество городовъ посредствомъ однихъ указовъ и административныхъ распоряженій. Нельзя отрицать, что кое-что было сдѣлано въ этомъ отношеніи, что правительство, не оставаясь празднымъ, дѣйствительно трудилось надъ развитіемъ народа, старалось споспѣшествовать успѣхамъ торговли и промышленности, мечтало о преобразованіяхъ, занималось разнаго рода опытами, но результаты всей этой кипучей дѣятельности далеко не соотвѣтствовали надеждамъ и намѣреніямъ Екатерины и Потемкина. Послѣдній, желая превратить южную Россію въ богатый край, покрытый садами, изобилующій городами, селами, отличающійся производительностью, густымъ населеніемъ и пр., не могъ достигнуть этой цѣли. Изъ огромнаго числа дѣловыхъ бумагъ и писемъ канцеляріи свѣтлѣйшаго князя видно, сколь многостороннею и неусыпною была его дѣятельность при управленіи южною Россіею. Но въ то же время замѣтны лихорадочность, поспѣшность, самообольщеніе и хвастовство въ такомъ стремленіи къ чрезмѣрно высокимъ цѣлямъ; приглашеніе колонистовъ, закладка городовъ, разведеніе лѣсовъ и виноградниковъ, зачатки шелководства, учрежденіе школъ, фабрикъ, типографій, корабельныхъ верфей — все это предпринималось чрезвычайно размашисто, въ большихъ размѣрахъ, причемъ Потемкинъ не щадилъ ни денегъ, ни труда, ни

4713
II. 406-418

[1]) Чтенія, 1860, I, 80.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 487, 676.
[3]) Тамъ-же, 603.

людей; однако многое было начато и брошено; другое съ самаго начала оставалось на бумагѣ; самая ничтожная часть смѣлыхъ проектовъ оказывалась удобоосуществимою. О скромныхъ результатахъ административной дѣятельности Потемкина мы узнаемъ изъ разсказовъ извѣстнаго путешественника-академика Палласа, который, объѣзжая югъ вскорѣ послѣ самаго разгара этихъ трудовъ свѣтлѣйшаго князя, всюду видѣлъ полуразрушенныя фабрики, неудачно заведенные и оказавшіеся негодными разсадники тутовыхъ деревьевъ, остановившіе свои дѣйствія, роскошно устроен-

Бывшій дворецъ Потемкина въ Екатеринославѣ.
Съ гравюры нынѣшняго столѣтія.

ные заводы и пр. Іосифъ II и Сегюръ, наблюдавшіе за результатами администраціи въ южномъ краѣ, нисколько не обманывались на счетъ безполезности большей части предпріятій Потемкина и не одобряли громадной затраты деньгами и людьми при преобразованіяхъ, оказывающихся неудобоисполнимыми.

Такое несоотвѣтствіе между предначертаніями и успѣхами Екатерины и Потемкина бросается въ глаза на каждомъ шагу при разборѣ исторіи администраціи и законодательства этого царствованія. Особенно же рельефно выступаетъ эта разница при

*

основанія Екатеринослава, города, назначеннаго первоначально для возвѣщанія всему свѣту славы императрицы.

Уже въ 1784 году императрица приказала Потемкину избрать мѣсто для постройки города по правой сторонѣ Днѣпра [1]), и тогда же было велѣно учредить университетъ въ Екатеринославѣ [2]). Въ началѣ 1785 года, явилось множество рабочихъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ предполагалось строить городъ. Потемкинъ вызвалъ изъ Петербурга кирпичниковъ и поручилъ имъ приготовить большія запасы жженаго кирпича. Въ селѣ Половицѣ начались работы [3]). Въ донесеніяхъ Потемкина отъ 4-го и 8-го октября 1786 года указывается на значеніе Екатеринослава и на богатство всего края, говорится о необходимости устроить тамъ университетъ и выражается надежда, что по сосѣдству Польши, Греціи, земель Волошской, Молдавской и народовъ иллирійскихъ, множество притечетъ юношества обучаться» [4]). Далѣе сказано, что слѣдуетъ выстроить храмъ въ подражаніе храма св. Петра въ Римѣ [5]), «въ знакъ, что страна сія изъ степей безплодныхъ преображена попеченіями вашими въ обильный вертоградъ, и обиталище звѣрей въ благопріятное пристанище людямъ, изъ всѣхъ странъ текущимъ»; затѣмъ Потемкинъ предлагалъ построить «судилище на подобіе древнихъ базиликъ», лавки полукружіемъ на подобіе пропилей, или преддверія Аѳинскаго», съ биржей и театромъ на срединѣ; кромѣ того Потемкинъ предлагалъ учредить «музыкальную академію, или консерваторію», двѣнадцать фабрикъ — шерстяную, шелковую, суконную и т. д. Ко всему этому онъ прибавилъ, что для всѣхъ предполагаемыхъ зданій уже заготовлено довольно строительныхъ матеріаловъ [6]).

Что касается университета, то немедленно были приняты мѣры для его устройства [7]). Предполагали строить обсерваторію, жилище для профессоровъ и студентовъ [8]). Уже въ 1785 году назначено было жалованье университетскимъ наставникамъ [9]). Для правленія университетскими суммами учреждена канцелярія,

---

[1]) П. С. З., №№ 15908, 15910.

[2]) Тамъ-же, 16057.

[3]) Самойловъ въ «Р. Архивѣ», 1867, 1228.

[4]) «Русскій Архивъ», 1865, 66.

[5]) Въ бумагѣ, очевидно, по ошибкѣ сказано «Св. Павла».

[6]) «Русскій Архивъ», 1865, 394.

[7]) Въ 1786 г. говорилось объ учрежденіи университетовъ во Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ. П. С. З., № 16315.

[8]) «Русскій Архивъ», 1865, 869.

[9]) Всего 20,178 р. «Зап. Од. Общ.», II, 774.

Князь А. А. Вяземскій.

Съ гравированнаго портрета Скородумова.

чиновники которой получали 1284 р. въ годъ [1]). Приглашены были нѣкоторые преподаватели. Знаменитый музыкантъ Сарти былъ опредѣленъ директоромъ музыкальной консерваторіи. Ему было назначено 3,500 р. жалованья и еще разные доходы; де-Гюсинъ долженъ былъ преподавать исторію, Левановъ экономію, Прокоповичъ земледѣліе, художники Неретинъ и Бухаровъ искусства. На устройство университета была назначена сумма 300,000 рублей [2]). Учреждены были строительныя комиссіи. Городъ долженъ былъ имѣть пространство въ 300 квадратныхъ верстъ. Выгонной земли для пастбища городского скота предназначалось до 80,000 десятинъ. Улицы должны были имѣть ширину 30 саженей. На заведеніе чулочной фабрики предназначено было 340,000 р.; изъ этой суммы истрачено было 240,000 р. на постройку 200 избъ для мастеровыхъ [3]).

Великолѣпный домъ Потемкина отдѣлали совершенно. При домѣ былъ садъ на прекрасномъ мѣстѣ, съ двумя оранжереями — одна ананасовая, другая — изъ лавровыхъ, померанцевыхъ, лимонныхъ, апельсинныхъ, гранатныхъ, финиковыхъ и другихъ деревъ» [4]). Соборная церковь, проектированная на подобіе храма св. Петра въ Римѣ, должна была имѣть 71 сажень длины, 21 сажень ширины [5]).

Когда Екатерина, сопровождаемая императоромъ Іосифомъ II, 8 мая 1787 года, пріѣхала къ тому мѣсту, гдѣ строился Екатеринославъ, послѣдній уже «имѣлъ видъ пріятнаго обиталища» какъ выражается одинъ изъ современниковъ [6]). Въ походной церкви, устроенной въ шатрѣ, раскинутомъ на берегу Днѣпра, отслужили молебенъ, а затѣмъ происходила закладка собора [7]), причемъ Потемкинъ приказалъ архитектору «пустить на аршинчикъ длиннѣе, чѣмъ соборъ Св. Петра въ Римѣ» [8]). Разсказываютъ, будто Іосифъ II съ саркастическою улыбкою сказалъ при этомъ своимъ приближеннымъ, что въ одинъ день совер-

---

[1]) «Зап. Од. Общ.», II, 773.

[2]) Статья Лядикова: «Истор. и стат. взглядъ на успѣхи умственнаго образованія въ Новороссійскомъ краѣ». «Зап. Од. Общ.», II, 332.

[3]) Чулочная фабрика существовала недолго, суконная до 1836 г. «Зап. Од. Общ.», V, 426—453.

[4]) «Зап. Од. Общ.», V, 437.

[5]) Проекты вида собора, составленные италіанцемъ Моретти, хранятся въ музеѣ Общества исторіи и древностей въ Одессѣ.

[6]) Самойловъ въ «Русскомъ Архивѣ», 1867, 1232.

[7]) «Зап. Од. Общ.», V, 430.

[8]) «Русскій Архивъ», 1865, 870.

шилъ вмѣстѣ съ императрицею великое дѣло: «она положила первый камень новаго города, онъ же — второй и послѣдній»[1]).

Надежды относительно Екатеринослава не сбылись. Фундаментъ собора былъ построенъ и обошелся казнѣ 71,102 рубля. Затѣмъ постройка была пріостановлена. Предсказаніе Сегюра, что въ этомъ соборѣ никогда не будетъ службы[2]), сбылось. Денежныхъ средствъ не доставало. Послѣ заключенія мира съ Портою, были приняты кое какія мѣры для отстройки города,

Видъ Запорожской Сѣчи въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ гравюры того времени, сдѣланной съ рисунка инженера Боплана.

но еще въ 1795 году, кромѣ нѣсколькихъ казенныхъ зданій и весьма немногихъ частныхъ домовъ, существовали только домъ и садъ Потемкина[3]). Фабрики, устроенныя имъ, вскорѣ прекратили свои дѣйствія[4]). Въ тридцатыхъ годахъ нашего вѣка, построена была на томъ мѣстѣ, гдѣ предполагалось воздвигнуть громадный соборъ, церковь въ гораздо болѣе скромныхъ размѣрахъ; фундаментъ проектированнаго собора составляетъ ея ограду».

---

[1]) Masson, «Mémoires secrets», I, 105.
[2]) Тамъ-же, III, 212.
[3]) Georgi, «Beschreibung des russ. Reichs». Königsberg, 1799. II, 850.
[4]) «Зап. Од. Общ.», V, 444.

Екатеринославъ не сдѣлался вторымъ Римомъ или вторыми Аѳинами; Херсонъ, который Екатерина называла «Колоссомъ», не сталъ замѣчательнымъ военнымъ портомъ. Все это оказалось праздными мечтами. Подобное несоотвѣтствіе между предположеніями, съ одной стороны, и осуществленіемъ ихъ—съ другой, повторилось и при основаніи города Григоріополя, названнаго такъ въ честь Потемкина. Сбылось и предсказаніе Іосифа, что торговля Херсона никогда не достигнетъ цвѣтущаго состоянія [1]).

На сѣверѣ, Сиверсъ неусыпно трудился въ ввѣренной ему Новгородской губерніи, не истрачивая милліоновъ, не создавая развалинъ, но въ болѣе скромныхъ размѣрахъ заботясь о благоденствіи народа и стараясь въ особенности обезпечить городское населеніе [2]). Однако, и здѣсь развитіе цивилизаціи путемъ постройки городовъ встрѣчало сильныя затрудненія, какъ видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго эпизода. Въ 1787 году, Державину въ качествѣ губернатора въ Петрозаводскѣ было поручено генералъ-губернаторомъ Тутолминымъ ѣхать въ Кемь и открыть тамъ уѣздный городъ. По увѣренію Тутолмина, здѣсь были уже и присутственныя мѣста, и канцелярскіе служители, но Державинъ не нашелъ ни тѣхъ, ни другихъ. Чтобы хоть чѣмъ нибудь ознаменовать «открытіе города», онъ рѣшился по крайней мѣрѣ отслужить обѣдню и молебенъ съ водосвятіемъ; но на бѣду, священника не оказалось дома: насилу его отыскали на какомъ то островѣ, куда онъ поѣхалъ на сѣнокосъ. Обошли все селеніе и окропили его святою водою. Тѣмъ обрядъ и кончился. Державинъ рапортовалъ объ открытіи города Кеми [3]).

Понятно, что нѣкоторые современники-иностранцы, въ виду такихъ неудачъ и препятствій, сомнѣвались въ успѣхѣ царствованія Екатерины въ отношеніи къ внутреннимъ преобразованіямъ. Такого рода заявленія сильно раздражали императрицу, и она неоднократно возражала печатно на нихъ. Таково, напр., главное содержаніе знаменитаго труда ея «Antidote», въ которомъ она возставала противъ французскаго ученаго Шапъ д'Отерошъ (Chappe d'Auteroche), написавшаго сочиненіе о Россіи. Таковы ея отзывы о сочиненіяхъ саксонскаго легаціоннаго секретаря Гельбига и пр. [4]).

---

[1]) Arneth, «Ioseph u. Katharina», 355.
[2]) Blum I, 373; Соловьевъ, XXVII, 155—157.
[3]) Гротъ, «Державинъ», VIII, 390.
[4]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 651.

Нѣтъ сомнѣнія, что Екатерина слишкомъ высоко цѣнила результаты своей административной и законодательной дѣятельности. Ее окружали льстецы, на каждомъ шагу восхвалявшіе ея дѣйствія и тѣмъ самымъ способствовавшіе развитію въ ней тщеславія и самолюбія. Къ тому же не должно забывать, что значительная доля несомнѣнныхъ результатовъ ея дѣятельности объусловливалась необычайною самонадѣянностью, чрезмѣрнымъ оптимизмомъ императрицы. Никто не станетъ оспаривать трудолюбія Екатерины; серьезныя, усидчивыя занятія, самая энергичная работа были для нея высшимъ наслажденіемъ. До послѣднихъ дней своего царствованія она неусыпно трудилась на пользу Россіи. Еще за нѣсколько недѣль до своей кончины она писала Гримму, что занята громаднымъ законодательнымъ трудомъ, отъ вліянія котораго на нравы всего народа можно ожидать самыхъ важныхъ результатовъ, такъ какъ этою реформою разомъ будетъ устранено множество ужасныхъ злоупотребленій и неудобствъ[1]).

Вопросы государственнаго права.

Баронъ Гриммъ писалъ однажды къ г-жѣ Неккеръ, что главною цѣлью стараній Екатерины въ области внутренней политики было развитіе въ русскомъ народѣ способности къ самоуправленію, уничтоженіе деспотизма и усиленіе въ ея подданныхъ чувства свободы[2]).

Екатерина весьма рѣшительно и систематически отстаивала начала абсолютизма. Неоднократно она утверждала, что неограниченная монархическая власть должна считаться единственною годною для Россіи формою правленія. Всякая попытка ослабленія центральнаго авторитета возбуждала въ ней негодованіе и недовѣріе. Ей казалось необходимымъ, чтобы всѣ учрежденія находились въ полной зависимости отъ нея и дѣйствовали исключительно благодаря ея внушеніямъ, ея инціативѣ. Виды внѣшней политики заставляли ее защищать конституціонализмъ въ Швеціи и въ Польшѣ. Въ Россіи, напротивъ, по ея мнѣнію,

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 683.

[2]) Издано д'Оссонвилемъ (d'Haussonville) въ «Revue des deux mondes», 1-го марта 1880.

должно было господствовать безусловно чисто-монархическое начало.

Вскорѣ послѣ своего воцаренія, императрица была занята мыслью объ усиленіи дѣятельности Сената и о созданіи въ то же время возлѣ Сената Государственнаго Совѣта. Нѣкоторыя лица, пользовавшіяся особеннымъ довѣріемъ Екатерины и отличавшіяся опытностью въ политическихъ дѣлахъ, напр., Минихъ и Панинъ, обратили вниманіе ея на необходимость созданія учрежденія, которое, стоя ближе къ личности государя, нежели Сенатъ, сосредоточивало бы въ себѣ главныя отправленія государственнаго организма. И прежде существовали подобныя учрежденія, какъ, напр., «Верховный Тайный Совѣтъ» при Екатеринѣ I, «Кабинетъ» при Аннѣ Іоанновнѣ, «Конференціи» при Елизаветѣ Петровнѣ. Минихъ въ особой запискѣ, преимущественно историческаго содержанія, указывалъ на недостатки въ устройствѣ прежнихъ учрежденій и выставлялъ на видъ, что должно создать нѣчто въ родѣ министерскаго совѣта, который служилъ-бы посредникомъ между императрицею и Сенатомъ[1]). Можно думать, что старый фельдмаршалъ желалъ занять самое видное мѣсто въ предлагаемомъ имъ учрежденіи.

Панинъ желалъ обезопасить правленіе отъ вліянія фаворитовъ. Поэтому онъ, въ особомъ докладѣ о необходимости Императорскаго Совѣта, отозвался въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ о царствованіи Елизаветы[2]). Записка Панина не понравилась Екатеринѣ; ее, быть можетъ, оскорбило замѣтное между строками доклада Панина предположеніе и опасеніе, что и во время ея царствованія станутъ оказывать сильное вліяніе фавориты, противъ которыхъ нужно защититься учрежденіемъ совѣта. Императрица занялась подробнымъ изученіемъ записки Панина и приготовленнаго имъ манифеста, сдѣлала замѣчанія на нѣкоторыя выраженія. Наконецъ, она подписала манифестъ—и все же онъ не былъ обнародованъ и Императорскій Совѣтъ не былъ учрежденъ. Можно думать, что собранныя Екатериною мнѣнія отъ разныхъ лицъ заставили ее отказаться отъ приведенія въ исполненіе этого плана. Любопытны замѣчанія, сдѣланныя генералъ-фельдцейхмейстеромъ Вильбуа: «Мнѣ кажется», писалъ онъ, «какъ будто подъ видомъ защиты монархіи, такимъ образомъ склоняется болѣе къ аристократиче-

---

[1]) См. его сочиненіе «Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement en Russie». A Copenhague (?) 1774. См. въ особенности стр. 183.

[2]) «Русскій Архивъ», 1871, стр. 1408 и слѣд.

Видъ Риги въ концѣ XVIII столѣтія.
Съ гравюры прошлаго вѣка Дюпарка.

скому правленію. Обязательный и государственнымъ закономъ установленный Императорскій Совѣтъ и вліятельные его члены могутъ съ теченіемъ времени подняться до значенія соправителей» и пр.[1]).

Нѣсколько лѣтъ спустя, когда началась турецкая война, Екатерина сочла необходимымъ учредить «Государственный Совѣтъ». Изъ нѣкоторыхъ записокъ императрицы къ Панину видно, какимъ образомъ состоялось это учрежденіе, вызванное нуждами военной администраціи. Панинъ высказалъ мнѣніе о томъ, кого слѣдуетъ назначить членами новаго Совѣта. Онъ назвалъ гр. Орлова, Чернышева, себя самого, вицеканцлера Голицына, фельдмаршала Разумовскаго и генералъ-прокурора Вяземскаго. 4 ноября 1768 года, происходило первое засѣданіе, открытое самолично императрицею и имѣвшее предметомъ обсужденіе мѣръ, необходимыхъ для веденія войны [2]). Такимъ образомъ, Совѣтъ имѣлъ сначала характеръ чрезвычайной комиссіи, созванной для рѣшенія спеціальной задачи. Мало по малу, онъ пріобрѣлъ значеніе постояннаго учрежденія. Кругъ дѣятельности Государственнаго Совѣта расширялся постепенно; вскорѣ онъ началъ заниматься регулярно всѣми дѣлами, относившимися къ государственному управленію [3]). До 1768 года Екатерина присутствовала весьма часто въ засѣданіяхъ Сената. Затѣмъ, она обыковенно предсѣдательствовала въ Государственномъ Совѣтѣ.

О мѣрѣ вниманія, обращаемаго Екатериною на дѣятельность высшихъ государственныхъ учрежденій, можно судить по запискѣ, составленной ею для Вяземскаго при назначеніи его на генералъ-прокурорскую должность. То было секретнѣйшее наставленіе, начинавшееся очень нелестнымъ отзывомъ о предшественникѣ Вяземскаго, Глѣбовѣ, и заключавшее въ себѣ нѣкоторыя замѣчанія о недостаткахъ дѣятельности Сената. Екатерина объясняетъ подробно, почему прежній генералъ-прокуроръ, вслѣдствіе недостающаго «чистосердечія» и несовершенной «откровенности», долженъ былъ лишиться ея довѣрія. Затѣмъ она продолжаетъ: «Вамъ должно знать, съ кѣмъ вы дѣло имѣть будете. Ежедневные случаи васъ будутъ ко мнѣ предводительствовать (т. е. приводить); вы во мнѣ найдете, что я иныхъ видовъ не имѣю, какъ наивящшее благо-

---

[1]) Соловьевъ, XXV, 173—182; Blum, «Sievers», I, 144; разные документы въ VII томѣ «Сб. Ист. Общ.», 200 и слѣд., 338 и слѣд.

[2]) Соловьевъ, XXVIII, 10—11.

[3]) См. введеніе къ изданію бумагъ Государственнаго Совѣта, С.-Петербургъ, 1869; а также монографію Даневскаго по этому предмету (Спб. 1859).

получіе и славу отечества, и инаго не желаю, какъ благоденствія моихъ подданныхъ, какого бы они званія ни были; мои мысли всѣ къ тому лишь только стремятся, чтобы какъ извнутрь, такъ и внѣ государства сохранить тишину, удовольствіе и покой. Увидя отъ васъ вѣрность, прилежаніе и откровенное чистосердечіе, тогда вы ласкать себя можете получить отъ меня повѣренность безпредѣльную. Я весьма люблю правду, и вы можете ее говорить, не боясь ничего, и спорить противъ меня безъ всякаго опасенія, лишь бы только то благо произвело въ дѣлѣ. Я слышу, что васъ всѣ почитаютъ за честнаго человѣка; я же надѣюсь вамъ опытами показать, что у двора люди съ сими качествами живутъ благополучно. Еще къ тому прибавлю, что я ласкательства отъ васъ не требую, но единственно чистосердечиаго обхожденія и твердости въ дѣлахъ». Объясняя затѣмъ подробнѣе, каково положеніе дѣлъ въ Сенатѣ, каковы въ немъ различныя партіи и въ чемъ заключаются недостатки нѣкоторыхъ членовъ Сената, которыхъ, впрочемъ, императрица не назвала, она совѣтуетъ новому генералъ-прокурору оставаться во всякомъ случаѣ вполнѣ независимымъ и безпристрастнымъ. «Въ чемъ вы будете сумнительны», сказано далѣе въ запискѣ Екатерины, «спроситесь со мною и совершенно надѣйтеся на Бога и на меня, а я, видя такое ваше угодное мнѣ поведеніе, васъ не выдамъ». Затѣмъ Екатерина, порицая довольно рѣзко дѣятельность Сената за послѣднее время, приходитъ къ тому заключенію, что Россія нуждается въ поддержаніи монархическаго начала. «Покамѣсть я жива», пишетъ Екатерина, «то останемся какъ долгъ велитъ. Россійская имперія есть столь обширна, что кромѣ самодержавнаго государя всякая другая форма правленія вредна ей, ибо все прочее медлительнѣе въ исполненіяхъ и многое множество страстей разныхъ въ себѣ имѣетъ, которыя всѣ къ раздробленію власти и силы влекутъ, нежели одного государя, имѣющаго всѣ способы къ пресѣченію всякаго вреда и почитая общее добро своимъ собственнымъ, а другіе всѣ, по слову евангельскому, наемники есть» [1]).

Принимая участіе въ засѣданіяхъ Сената въ первое время своего царствованія, императрица пріобрѣла вскорѣ нѣкоторую опытность въ дѣлахъ [2]). Нерѣдко она упрекала сенаторовъ въ нерадѣніи, выражала свое неудовольствіе по случаю частыхъ споровъ и пререканій, происходившихъ между ними, жаловалась

[1]) Соловьевъ, XXVI, 19—21.

[2]) См. статью Соловьева въ «Древней и Новой Россіи», 1875, I, 22 и слѣд.

на «ужасную медлительность» Сената и пр. Вскорѣ она рѣшилась раздѣлить Сенатъ на шесть департаментовъ. Въ манифестѣ, объяснявшемъ это нововведеніе, сказано: «Правило неоспоримое, что всякаго государства благосостояніе основано на внутреннемъ спокойствіи и благоденствіи обитателей, и что тогда только обладатели государствъ прямо наслаждаются спокойствіемъ, когда видятъ, что подвластный имъ народъ не изнуренъ отъ разныхъ приключеній, а особливо отъ постановленныхъ надъ нимъ начальниковъ и правителей; но нельзя инаково сего достигнуть, какъ только добрымъ учрежденіемъ внутреннихъ распорядковъ и всѣхъ государственныхъ и судебныхъ правительствъ, которыя въ исторіи нашей, по состоянію нынѣшняго времени, весьма недостаточны, что можно наиболѣе всего усмотрѣть въ нашемъ Сенатѣ, въ который не только апелляціонныя, но и всякаго рода дѣла изо всего государства съ требованіемъ резолюціи вступаютъ, и который столь отягченъ множественнымъ числомъ оныхъ, что превосходитъ силы человѣческія всѣ оныя дѣла рѣшить въ надлежащее время»[1]).

Петръ Великій, какъ извѣстно, видѣлъ въ коллегіальной формѣ правленія главное средство къ ограниченію личнаго произвола сановниковъ; это убѣжденіе заставило его ввѣрить Сенату широкую власть. Екатерина, напротивъ, старалась руководить Сенатомъ чрезъ генералъ-прокурора, пользовавшагося личнымъ довѣріемъ императрицы. Успѣхъ дѣйствій и другихъ учрежденій во время этого царствованія объусловливался участіемъ въ нихъ лицъ, которыхъ можно было считать какъ бы непосредственными исполнителями воли императрицы. Такими лицами были, напр., Вяземскій, Бецкій, Минихъ, Неплюевъ, Шаховской и др.[2]). При такихъ обстоятельствахъ Сенатъ уже въ первое время царствованія Екатерины лишился своего прежняго значенія. Сиверсъ особенно обвинялъ Вяземскаго въ томъ, что онъ былъ виновникомъ подобной перемѣны[3]). Въ 1775 и 1781 гг. Екатерина мечтала о преобразованіи Сената, однако исполненіе ея предначертаній не состоялось.

И въ области мѣстнаго управленія было замѣтно личное вліяніе Екатерины, находившейся въ перепискѣ съ нѣкоторыми

---

[1]) Соловьевъ, XXV, 263—264.

[2]) См. нѣкоторыя замѣчанія въ монографіи Градовскаго о высшей администраціи Россіи въ XVIII вѣкѣ и о генералъ-прокурорахъ. Спб., 1866, стр. 204 и слѣд.

[3]) Blum, II, 141, 155, 181, 303.

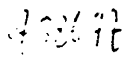
Монеты Екатерининскаго времени.

Снимки съ подлинныхъ монетъ.

1) Рубль 1763 года.—2) Рубль 1766 года.—3) Рубль послѣднихъ лѣтъ царствованія.—4) Мѣдная сибирская монета.—5) Крымская серебряная монета.—6) Копѣйка 1765 года.—7) Монета, выбитая въ 1772 г., во время занятія Молдавіи.

губернаторами и составлявшей для нихъ подробныя инструкціи. Когда Елагинъ, въ 1765 году, составилъ «Наставленіе губернаторамъ», гдѣ губернаторъ называется повѣренною отъ государя особою, главою и хозяиномъ всей губерніи, былъ публикованъ указъ, въ которомъ при исчисленіи обязанностей губернатора сказано между прочимъ: «Онъ во всемъ томъ предъ нами, яко хозяинъ своей губерніи, отчетъ и отвѣтъ дать долженствуетъ и незнаніемъ или непроницательствомъ отговариваться не можетъ», и т. п.[1]).

При составленіи правилъ учрежденія для управленія губерній (въ 1775 году), Екатерина особенно воспользовалась знаніемъ дѣла и политическою опытностью Сиверса, съ которымъ она постоянно находилась въ личныхъ сношеніяхъ или въ перепискѣ. Вмѣстѣ съ нимъ она занималась всѣми подробностями предмета, причемъ обнаруживала необычайную рабочую силу[2]). Эти работы доказываютъ, что императрица, обращая вниманіе на вопросы внѣшней политики, не упускала изъ виду и управленіе дѣлами внутри государства. При учрежденіи намѣстничествъ, столько же сколько и при опредѣленіи правъ дворянства (въ 1785 г.) и при составленіи правилъ о городовомъ положеніи, Екатерина пожинала плоды трудовъ Законодательной Комиссіи 1767 и 1768 гг. Работая усидчиво надъ этими преобразованіями, императрица довольно часто сообщала своимъ друзьямъ, напр., барону Гримму, о ходѣ дѣла, объ удовольствіи, которое доставляетъ ей такой трудъ, о надеждахъ, возлагаемыхъ ею на новыя учрежденія, и проч.[3]).

Въ сдѣланномъ нами обзорѣ исторіи Большой Комиссіи мы указывали, какъ Екатерина относилась къ вопросу объ особыхъ правахъ и привилегіяхъ Малороссіи и Лифляндіи. Въ ея дѣятельности замѣтно стремленіе къ соединенію всѣхъ частей Россіи въ одно цѣлое.

Около 1764 года въ Малороссіи возникла мысль о наслѣдственномъ гетманствѣ. Возмечтали о чемъ то въ родѣ малороссійской династіи Разумовскихъ. Послѣ того, однако, какъ императрица всячески противодѣйствовала введенію наслѣдственной

[1]) Соловьевъ, XXVI, 30—33; «Сб. Ист. Общ.», VII, 352 и слѣд.

[2]) Blum, II, 89.

[3]) Объ учрежденіи намѣстничествъ см. Блюма, II, 112, Градовскаго 227, монографію Андреевскаго «О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ», Спб. 1864, 131—154. О Сиверсѣ, кромѣ сочиненія Блюма, см. Соловьева, XXVI, 135, 142; XXVII, 71; XXIX, 120.

монархіи въ Польшѣ, она, разумѣется, тѣмъ менѣе могла согласиться на такого рода нововведеніе въ Малороссіи. Агитація въ пользу Разумовскихъ сильно не понравилась Екатеринѣ. Вотъ что̀ сказано въ инструкціи, составленной ею для Вяземскаго по этому поводу: «Малая Россія, Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привилегіями; нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно бы было, однакожъ и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть больше нежели ошибка, а можно назвать сіе [1]) достовѣрною глупостью. Сіи провинціи, также Смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобъ онѣ обрусѣли и перестали бы глядѣть, какъ волки въ лѣсу. Къ тому приступъ весьма легкій, если разумные люди избраны будутъ начальниками въ тѣхъ провинціяхъ; когда же въ Малороссіи гетмана не будетъ, то должно стараться, чтобъ вѣкъ и имя гетмановъ исчезло, не токмо бы персона какая была произведена въ оное достоинство» [2]).

Можно думать, что это было писано послѣ полученія Екатериною извѣстія объ агитаціи въ пользу преемственности гетманства. Она твердо рѣшилась противодѣйствовать такимъ мечтамъ и поручила Теплову составить записку по этому вопросу. Записка Теплова побудила императрицу энергически приняться за искорененіе безпорядковъ въ Малороссіи, начавъ это съ уничтоженія гетманства [3]).

Графъ К. Г. Разумовскій былъ вызванъ въ Петербургъ. Въ одной изъ записокъ Екатерины къ Панину сказано: «Гетманъ былъ у меня, и я имѣла съ нимъ экспликацію, въ которой онъ все то сказалъ, что и вамъ, а наконецъ просилъ меня, чтобъ я съ него столь трудный и его персонѣ опасный чинъ сняла. Я на то отвѣтствовала, что я теперь о его вѣрности уже сомнѣваться не могу, а впередъ съ нимъ далѣе изъяснюсь. Теперь извольте ему моимъ именемъ сказать, сегодня или завтра, чтобъ онъ письменно подалъ то, что̀ онъ мнѣ говорилъ». Въ другой запискѣ, къ Панину же, императрица пишетъ: «Приведите, пожалуй, скорѣе къ окончанію дѣло гетманское». Гетманъ подалъ просьбу объ увольненіи. Екатерина передала просьбу на обсужденіе коллегіи иностранныхъ дѣлъ, которая пришла къ убѣжде-

---

[1]) У Соловьева «съ» (?).
[2]) Соловьевъ, XXVI, 39.
[3]) Тамъ-же, 43.

нію въ необходимости отмѣнить вообще гетманское правленіе въ Малороссіи. Такимъ образомъ, состоялось учрежденіе малороссійской коллегіи вмѣсто гетманскаго правленія; предсѣдателемъ былъ назначенъ графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ, который получилъ отъ императрицы обширное наставленіе относительно своей должности и сдѣланъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ[1]).

Современники при этомъ случаѣ обвиняли Теплова въ коварствѣ. Есть основаніе думать, что дѣйствительно ему принадлежала весьма важная роль въ перемѣнѣ, постигшей Малороссію. Онъ, какъ кажется, впослѣдствіи, былъ главнымъ виновникомъ прикрѣпленія малороссійскихъ крестьянъ къ землѣ; на бумагахъ, относящихся къ этой перемѣнѣ въ Малороссіи и хранящихся въ государственномъ архивѣ, помѣчено рукою Екатерины: «Сохранить въ тайнѣ». Многое разъяснилось бы, если бы бумаги Теплова были напечатаны[2]).

Въ образѣ дѣйствій Екатерины въ теченіе этого дѣла замѣтно нѣкоторое раздраженіе. Ея переписка съ Тепловымъ осталась пока неизвѣстною. Зато изъ переписки Екатерины съ Румянцевымъ мы усматриваемъ, въ какой мѣрѣ императрица старалась содѣйствовать сближенію Малороссіи съ имперіею и противодѣйствовать сепаратизму въ этой провинціи[3]). Порою тамъ происходили безпорядки, заставившіе Екатерину приказать Потемкину занять Сѣчь и все Запорожье вооруженною рукою; Запорожье перестало существовать (5 іюня 1775 года).

Мы уже знаемъ, что Екатерина была недовольна также стремленіемъ къ нѣкоторой самостоятельности въ Прибалтійскомъ краѣ. Послѣ воцаренія, она медлила подтвержденіемъ привилегій Эстляндіи и Лифляндіи. Въ Петербургѣ говорили о необходимости лишь условнаго, ограниченнаго признанія этихъ привилегій, указывая на несоотвѣтствіе ихъ съ общими законами и интересами имперіи. Тѣмъ не менѣе, воспослѣдовало безусловное подтвержденіе прежнихъ правъ остзейскаго края, причемъ императрица объявила, что не намѣрена лишить лифляндцевъ тѣхъ преимуществъ, которыя они наслѣдовали отъ своихъ предковъ[4]).

Вскорѣ, однако, оказалось, что генералъ-губернаторъ Броунъ (Browne) игралъ въ Прибалтійскомъ краѣ ту самую роль, какую

---

[1]) Соловьевъ, XXVI, 39—48.

[2]) Осьмнадцатый вѣкъ, II, 467.

[3]) Соловьевъ, XXVI, 150 и слѣд.; XXVII, 28 и слѣд. и 134 и слѣд.; «Сб. Ист. Общ.», IX, 405—417.

[4]) Eckardt, «Livland im achtzehnten Jahrhundert». Leipzig, 1876, I, 288—297.

Русская деревня на почтовомъ трактѣ въ XVIII столѣтіи.

Съ гравюры прошлаго вѣка Лепренса.

игралъ въ Малороссіи Румянцевъ, и что существовалъ нѣкоторый антагонизмъ между стремленіемъ къ единству правительства и сепаратизмомъ лифляндцевъ и эстляндцевъ, относившихся, впрочемъ, весьма сочувственно къ правительству вообще и къ императрицѣ въ особенности. Екатерина неоднократно выражала свое расположеніе къ Прибалтійскому краю. Такъ, напр., однажды она изъявила желаніе, чтобы между членами Сената всегда находилось нѣсколько лифляндцевъ, для того, чтобы правительство всегда могло подробно знать о нуждахъ этой провинціи. Подтверждая прибалтійскія привилегіи, Екатерина замѣтила: «Впрочемъ, я должна сознаться въ томъ, что ни я, ни кто либо иной знаетъ, полезны ли краю эти привилегіи, основаны ли онѣ на обычаѣ, или на преданіи или на формальныхъ законахъ; я, однако, думаю, что пока главною цѣлью должно считаться сохраненіе спокойствія въ этой провинціи» [1]).

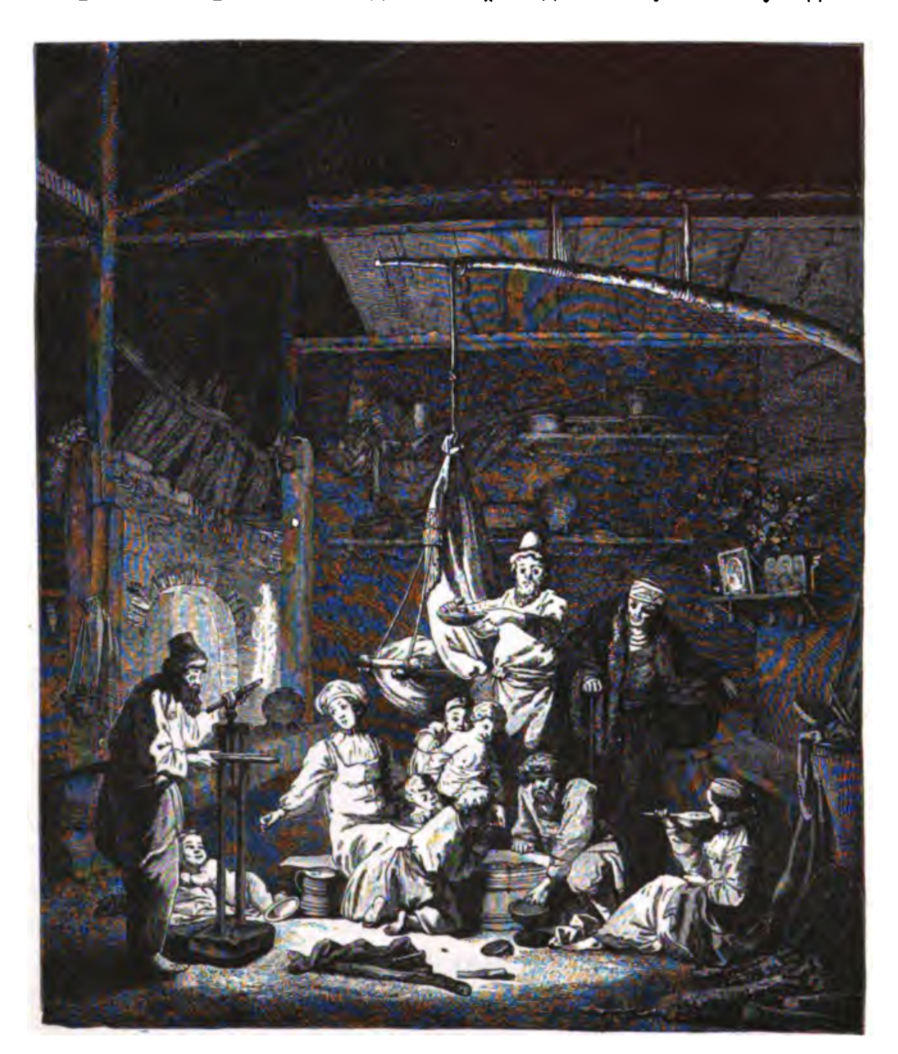
Императрица постоянно старалась собирать свѣдѣнія о состояніи Прибалтійскаго края; о многомъ она узнавала изъ бесѣдъ съ Сиверсомъ и Далемъ [2]), изъ переписки съ Броуномъ и пр. Въ 1764 году, она посѣтила Эстляндію и Лифляндію. Достойны вниманія нѣкоторыя замѣчанія въ собственноручномъ проектѣ манифеста Екатерины, въ которомъ она признавала результаты культурнаго развитія остзейскаго края. Здѣсь сказано (въ 1778 г.): «Лифляндія, подъ звуками оружія пришедшая къ Россіи, купно съ оной, трудами человѣчества представляетъ преодолѣнное естественное положеніе, болота, обращенныя въ луга, лѣса въ пашни, пустыни въ деревни и города, каменья—въ зданія, посреди глубокихъ снѣговъ—ростущіе сады, копанные огороды, между толстыхъ льдинъ—корабли и суда, готовящіеся къ плаванію, не смотря на суровость полугодичной зимы, съ веселіемъ ожидающіе лѣта и съ нимъ своихъ питомцевъ водоходцевъ съ готовымъ повсюду для нея привозомъ какъ пропитанія, такъ и товара».

Порою обнаруживалось нѣкоторое неудовольствіе въ отношеніи къ Прибалтійскому краю и Финляндіи. Сенатъ требовалъ, чтобы служащіе въ рижской, ревельской и выборгской канцеляріяхъ старались пріобрѣсти совершенное знаніе русскаго языка и жаловался на то, что «теперь Лифляндія, Эстляндія и Финляндія въ производствѣ дѣлъ причиняютъ нѣкоторое затрудненіе» [3]).

---

[1]) Blum, I, 142.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 164.
[3]) Соловьевъ, XXIX, 122.

Введеніе въ Прибалтійскомъ краѣ (въ 1783 г.) новаго положенія о намѣстничествѣ заключало въ себѣ нѣкоторое ограниченіе прежнихъ правъ Эстляндіи и Лифляндіи. Самую важную долю

Внутренность крестьянской избы въ концѣ XVIII столѣтія.
Съ гравюры прошлаго вѣка Лепренса.

въ этой перемѣнѣ имѣлъ генералъ-прокуроръ Вяземскій. Происходили и иныя нововведенія, отчасти не понравившіяся мѣстному населенію. Порою Сиверсъ старался отстаивать прежнія права прибалтійскихъ провинцій, въ которыхъ, впрочемъ, не всѣ

элементы населенія во что бы то ни стало были убѣждены въ необходимости сохраненія въ цѣлости старыхъ порядковъ и учрежденій; оказалось важною задачею изгладить прежнія различія между сословіями и разными элементами населенія. Принципъ реформы, прогресса восторжествовалъ и здѣсь, какъ въ Малороссіи; стремленіе къ единству со стороны правительства не могло не получить перевѣса надъ мѣстными привилегіями.

Хозяйственный бытъ.

Кипучая дѣятельность правительства во время царствованія Екатерины, обширныя предпріятія императрицы—требовали громадныхъ матеріальныхъ средствъ. Размѣры государственнаго бюджета росли быстро. Между тѣмъ какъ въ 1763 году расходы государства составляли сумму 17 милліоновъ рублей, эта цифра въ концѣ царствованія Екатерины, въ 1796 году, увеличилась до 70—80 милліоновъ [1]).

Въ составленной около 1779 года запискѣ Екатерины объ учрежденіяхъ, введенныхъ въ Россіи въ ея управленіе, сказано между прочимъ о положеніи финансовъ въ началѣ ея царствованія слѣдующее: «При вступленіи моемъ на престолъ, я нашла сухопутную армію въ Пруссіи, за двѣ трети жалованье не получившую. Въ статсъ-конторѣ именные указы на выдачу семнадцати милліоновъ рублей не восполненные... Почти всѣ отрасли торговли были отданы частнымъ людямъ въ монополію. Таможни всей имперіи Сенатомъ даны были на откупъ... Кредита или довѣрія къ Россіи не существовало» и пр. Затѣмъ, въ запискѣ говорится о нѣкоторыхъ мѣрахъ императрицы къ улучшенію финансовъ и объ успѣхахъ ея дѣятельности въ этомъ отношеніи [2]).

По разсказу одного изъ иностранныхъ дипломатовъ (въ 1780 г.) видно, съ какимъ удивленіемъ современники слѣдили за необычайно быстрымъ развитіемъ размѣровъ бюджета Россіи. Находили, что введеніе новыхъ налоговъ и податей не оказывалось

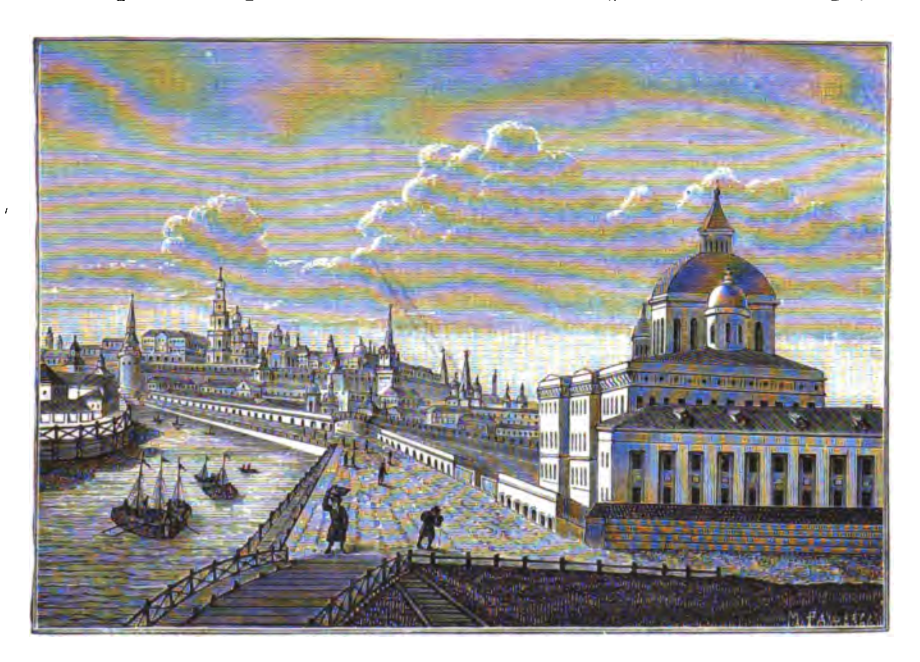
---

[1]) См. таблицу, составленную Куломзинымъ въ введеніи къ XXVIII тому «Сб. Ист. Общ.», стр. XXXII и слѣд.

[2]) «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 170 и слѣд.

особенно тягостнымъ для подданныхъ, удивлялись личному участію императрицы въ трудѣ финансоваго управленія [1]).

При постоянно возрастающихъ размѣрахъ бюджета оказалось необходимымъ прибѣгнуть къ государственному кредиту, занимать значительныя суммы у иностранныхъ капиталистовъ и придумывать болѣе или менѣе сложныя финансовыя операціи. Впрочемъ, Екатерина не хотѣла сознаваться въ томъ, что государство при ней боролось съ чрезвычайными финансовыми затруд-

Воспитательный домъ въ Москвѣ.
Съ гравюры начала нынѣшняго столѣтія.

неніями, начавшимися уже во время первой турецкой войны и усложнявшимися все болѣе и болѣе во второй половинѣ ея царствованія. Въ 1771 году императрица, однажды, писала Фальконету, что изъ сочиненій Монтекукули узнала правило, что для войны нужны три вещи: деньги, деньги и деньги [2]). За то, вскорѣ послѣ заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, императрица гордилась тѣмъ, что, не смотря на огромные расходы во время войны, она была въ состояніи возвратить голландцамъ за-

[1]) Herrmann, «Ergänzungsband», 616 и слѣд.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», XVII, 137.

нятую у нихъ значительную сумму денегъ [1]). Когда одинъ французскій авантюристъ хотѣлъ указать Екатеринѣ на «простое средство имѣть въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ 30 милліоновъ, безъ малѣйшаго отягощенія», она писала сообщившему ей объ этомъ ваятелю Фальконету: «Я имѣю обыкновеніе отвѣчать составителямъ золота и денежныхъ проектовъ: господа, воспользуйтесь своими выдумками сами, чтобы не просить милостыни. Вы знаете или не знаете, что я не люблю пользоваться новыми источниками для добыванія денегъ безъ необходимости; быть можетъ, вы мнѣ не повѣрите, если я скажу вамъ, что, послѣ пятилѣтней войны, я нисколько не нуждаюсь въ денежныхъ средствахъ; между тѣмъ это правда, я отказалась отъ сорока милліоновъ, которые мнѣ предлагали четыре мѣсяца тому назадъ», и пр. [2]).

При всемъ томъ, однако, финансовое положеніе Россіи въ послѣднее время царствованія Екатерины становилось хуже и хуже. Турецкая и шведская войны, раздѣлы Польши, участіе въ борьбѣ противъ революціонной Франціи — все это требовало чрезвычайнаго напряженія матеріальныхъ силъ и средствъ государства. Понятно, что въ письмахъ и запискахъ современниковъ встрѣчаются въ это время многія замѣтки о безденежіи казны [3]).

Учрежденіе ассигнаціоннаго банка въ 1769 году состоялось при личномъ участіи въ этомъ дѣлѣ императрицы, которая и при этомъ случаѣ руководствовалась совѣтами Сиверса [4]). Она слѣдила за всѣми частностями дѣла, какъ видно между прочимъ изъ ея записки къ Елагину отъ 1 апрѣля 1769 г.: «Съ крайнѣйшимъ удивленіемъ слышу, что государственныя ассигнаціи дворцовая канцелярія отказывается принимать отъ частныхъ людей. Одинъ мужикъ принесъ бумагу, а ему сказали, принеси денегъ. Развѣ мои установленія не дѣйствительны въ дворцовой канцеляріи, или подъячіе шалятъ для своего прибытка мерзкаго, для того, что на ассигнаціи прочета нѣту? Изволь сіе немедленно изслѣдовать и преступниковъ моихъ установленій прошу наказать» [5]).

Между бумагами императрицы сохранились собственноручный проектъ ея объ ассигнаціонныхъ банкахъ въ Петербургѣ и Москвѣ

---

1) «Сб. Ист. Общ.», VI, 313.
2) Тамъ-же, XVII, 187—188.
3) Haris, II, 10, 18; «Русская Старина», XV, 243, 718—719; XVI, 8, 418; Herrmann, «Ergänzungsband», 655; Письма Безбородки въ XXIX т. «Сб. Ист. Общ.», стр. 65 и 68.
4) Blum, I, 273 и слѣд.
5) «Сб. Ист. Общ.», X, 334.

№ 738238

5

ОБЪЯВИТЕЛЮ СЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АССИГНАЦИИ ПЛАТИТЪ АССИГНАЦИОННЫЙ БАНКЪ ПЯТЬ РУБЛЕЙ ХОДЯЧЕЮ МОНЕТОЮ 1792 ГОДА. ПЯТЬ

Др. 6.

№ 738238 № 738238

Пятирублевая ассигнація Екатерининскаго времени.

Факсимиле подлинной ассигнаціи.

и разныя, довольно подробныя замѣтки, относящіяся къ этому предмету [1]).

Какъ извѣстно, предпріятіе это оказалось далеко не безопаснымъ, такъ какъ политическія обстоятельства и усилившіеся расходы заставляли правительство увеличить массу обращавшихся въ народѣ бумажныхъ денегъ. Вслѣдствіе этого, появился значительный лажъ, дошедшій въ 1796 году до того, что 1 рубль серебряною монетою равнялся 142 к. асс. Не даромъ генералъ-прокуроръ Вяземскій предсказывалъ такого рода денежный кризисъ, хотя онъ тѣмъ самымъ возбудилъ неудовольстіе Екатерины [2]). Сиверсъ горько жаловался на то, что императрица не имѣетъ понятія объ ущербѣ, нанесенномъ народному хозяйству этой денежной операціей [3]).

Между тѣмъ, Екатерина, сколько возможно, слѣдила за ходомъ всѣхъ дѣлъ, относившихся къ народному благосостоянію. Такъ, напр., она старалась, хотя безуспѣшно, устранить казнокрадство и взяточничество чиновниковъ. Всякій разъ, когда она узнавала о случаяхъ злоупотребленій, приказывала производить строгое слѣдствіе, сама просматривала дѣла, стараясь составить себѣ точное понятіе о мѣрѣ виновности подсудимыхъ [4]). Въ ея предписаніи Правительствующему Сенату (въ октябрѣ 1763 года) сказано: «Время уже настало, чтобъ лихоимство искоренить, что̀ весьма желаю въ покоѣ пребывать, однако весьма наше дворянство пренебрегаютъ Божій законъ и государственныя правы и въ томъ чинятъ Россійскому государству недобро... Нынѣ правду всю изринули да и изъ Россіи вонъ выгнали, да и слышать про нее не хотятъ, что россійскій народъ осиротѣлъ, что дѣти малыя безъ матерей осиротѣли; или онымъ дворянамъ не умирать, или имъ предъ Богомъ на судѣ не быть, такой же имъ судъ будетъ: ею же мѣру мѣрите, возмѣрится и вамъ» [5]).

Подобно Петру Великому, и Екатерина постоянно мечтала и заботилась о развитіи торговли и промышленности. Такъ, напр., она распорядилась объ отправленіи заграницу для обученія коммерціи молодыхъ купцовъ изъ Архангельска, причемъ, однако, замѣтила, чтобы это было сдѣлано не иначе, какъ съ согласія

[1]) «Сб. Ист. Общ.», X, 313—317.
[2]) Ségur, Mémoires, II, 394 и слѣд.
[3]) Blum, II, 530.
[4]) См., напр., «Сб. Ист. Общ.», XI, 50—56.
[5]) Тамъ-же, VII, 322.

родителей [1]). Ее занимала мысль о развитіи русской торговли въ Средиземномъ морѣ [2]). Когда графъ Редернъ составилъ проектъ объ учрежденіи морской кампаніи, императрица снабдила его записку собственноручными подробными замѣчаніями [3]). Между бумагами Екатерины сохранилась объемистая записка о мануфактурахъ, въ которой она подробно говоритъ о промышленности вообще, о разныхъ видахъ ея, о рабочей платѣ и пр. [4]). Еще въ бытность великой княгиней, Екатерина указывала на значеніе торговыхъ сношеній съ Азіею. Она писала: «Соединить Черное море съ Каспійскимъ, и оба — съ Сѣвернымъ, направить торговлю Китая и Восточной Индіи чрезъ Татарію значило бы возвысить Россію на степень могущества, высшую чѣмъ прочія государства Европы и Азіи» [5]). Развитіе путей сообщенія и постройка каналовъ во время царствованія Екатерины сходствуютъ съ успѣхомъ дѣятельности Петра Великаго въ этомъ отношеніи. Особенно важны были заслуги Сиверса, руководившаго работами этого рода. Одно изъ путешествій императрицы имѣло цѣлью осмотръ результатовъ такихъ сооруженій [6]). Неоднократно императрицу занималъ вопросъ о дороговизнѣ хлѣба, причемъ она весьма тщательно обсуждала мѣры противъ этого зла [7]).

Уже выше было указано на участіе, которое принимала императрица въ проектахъ рѣшенія крестьянскаго вопроса. По ея внушенію, этотъ важный предметъ появился между очередными занятіями учрежденнаго ею въ 1765 году Вольнаго Экономическаго Общества. Она же, какъ мы видѣли, назначила сумму въ 1000 червонцевъ въ награду за лучшее сочиненіе объ отмѣнѣ крѣпостного состоянія крестьянъ. Неоднократно императрица, письменно и подписываясь «І. Е.», обращалась къ Вольному Экономическому Обществу съ запросами по этому важному предмету. Достойны вниманія ея бесѣды съ Далемъ во время Пугачевщины. Склонивъ голову на руку и съ озабоченнымъ видомъ, она говорила о крестьянскомъ вопросѣ: «Да, дѣло не легкое; оно не

---

[1]) Письма и бумаги Екатерины, изд. Бычковымъ. Спб. 1873, стр. 10. П. С. З. № 12150. «Русская Старина», XIII, 437—439.

[2]) «Русск. Арх.», 1870, 541.

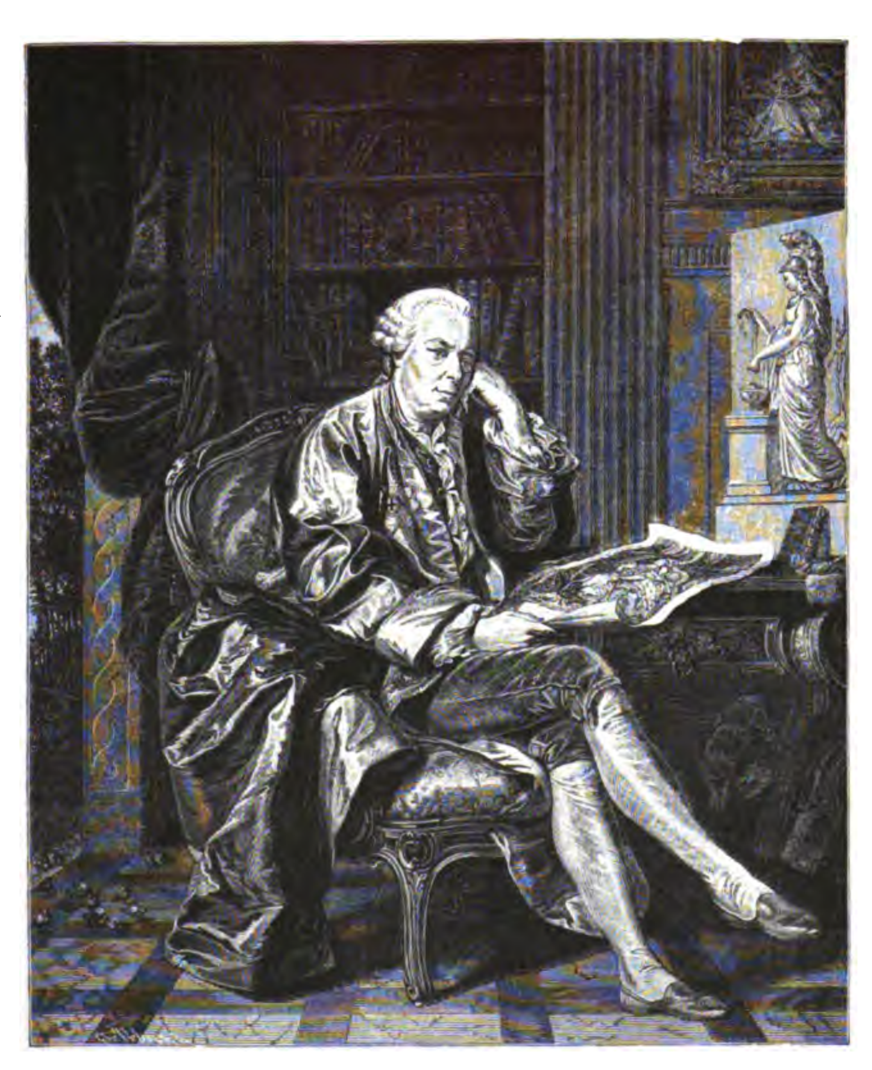
[3]) «Сб. Ист. Общ.», X, 358, 385.

[4]) «Русскій Архивъ», 1865, 501—510.

[5]) «Сб. Ист. Общ.», VII, 100.

[6]) См. мою статью о путешествіи 1785 г. въ журналѣ «Vom Fels zum Meer», выпускъ III.

[7]) «Сб. Ист. Общ.», VI, 183; X, 213—218, и пр.

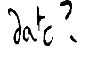

И. И. Бецкій.

Съ гравированнаго портрета Дюпюи.

мало меня озабочиваетъ, и все-таки оно остается въ одинаковомъ положеніи. Я боюсь, не вышло бы изъ этого чего-либо вродѣ американскаго колоніальнаго дѣла, если только я его затрону. Гдѣ только ни начнутъ его трогать, оно нигдѣ не подается. Императрица-королева (Марія-Терезія), при всемъ своемъ стараніи, не подвинулась ни на шагъ. И мнѣ предстоятъ тѣ же трудности; онѣ окажутся еще бо̀льшими, когда только примусь дѣйствовать. Однако, какъ жаль! Удалось же мнѣ окончить многія другія дѣла. Я надѣюсь, что обстоятельства сложатся такъ, что не пойдутъ на перекоръ моимъ намѣреніямъ [1]).

И съ Сиверсомъ императрица неоднократно бесѣдовала и переписывалась о крестьянскомъ вопросѣ; онъ чрезвычайно рѣшительно и смѣло указывалъ на необходимость реформы, предсказывая страшный кризисъ въ будущемъ, если не будутъ заблаговременно приняты мѣры для предупрежденія зла. Изъ его замѣчаній можно заключить о тѣхъ затрудненіяхъ, съ которыми императрицѣ приходилось бороться въ этомъ дѣлѣ [2]). Она сама, впрочемъ, думала, что ужасные кризисы вродѣ Пугачевщины угрожали Россіи. Разбирая бумаги, относившіяся къ кое-какимъ преступленіямъ, совершеннымъ крестьянами, Екатерина писала генералъ-прокурору Вяземскому: «Пророчествовать можно, что, если за жизнь одного помѣщика въ отвѣтъ и въ наказаніе будутъ истреблять цѣлыя деревни, что бунтъ всѣхъ крѣпостныхъ деревень воспослѣдуетъ, и что положеніе помѣщичьихъ крестьянъ таково критическое, что окромѣ тишиной и человѣколюбивыми учрежденіями ничѣмъ избѣгнуть не можно. Генеральнаго освобожденія несноснаго и жестокаго ига не воспослѣдуетъ, ибо, не имѣвъ обороны ни въ законахъ и нигдѣ, слѣдовательно, всякая малость можетъ ихъ привести въ отчаяніе; кольми паче мстительный такой законъ, какъ Сенатъ вздумалъ не кстати не въ ладу издать. И такъ, прошу быть весьма осторожну въ подобныхъ случаяхъ, дабы не ускорить и безъ того довольно грозящую бѣду, есть-ли въ новомъ узаконеніи не будутъ взяты мѣры къ пресѣченію сихъ опасныхъ слѣдствій. Ибо, если мы не согласимся на уменьшеніе жестокости и умѣреніе человѣческому роду нетерпимаго положенія, то и противъ нашей воли сами оную возьмутъ рано или поздно. Изъ сихъ строкъ можете сдѣлать такое употребленіе, какъ вы сами для пользы имперіи заблагоразсудите. Ибо небезнужно,

[1]) «Русская Старина», XVII, 14—15.

[2]) Blum, II, 95—97.

чтобъ не я одна сіе только чувствовала, но и другіе оглянулися въ своихъ предубѣжденіяхъ»[1]).

Между бумагами Екатерины былъ найденъ проектъ «объ устройствѣ свободныхъ сельскихъ обывателей». Онъ, какъ кажется, составленъ не самою императрицею, однако, поправки и примѣчанія ея свидѣтельствуютъ о вниманіи, съ которымъ она просматривала этотъ проектъ и занималась всѣми частностями предмета[2]).

Французскій посланникъ Веракъ доносилъ, въ 1780 году, что императрица при учрежденіи намѣстничествъ имѣла цѣлью узнать точнѣе и подробнѣе о злоупотребленіяхъ и неудобствахъ въ области администраціи. «Особенно же», продолжаетъ Веракъ, «это нововведеніе должно было положить конецъ произволу и жестокости помѣщиковъ въ ихъ обращеніи съ крѣпостными крестьянами; мало того: императрица хотѣла постепенно отмѣнить крѣпостное право, и, между прочимъ, намѣревалась ежегодно освобождать нѣкоторое число крестьянъ дарованіемъ имъ гражданскихъ правъ въ разныхъ городахъ. Однако, исполненіе такого плана не состоялось по недостатку въ честныхъ и добросовѣстныхъ чиновникахъ. Такимъ образомъ, государыня, къ крайнему сожалѣнію, потерпѣла неудачу въ этомъ важномъ предпріятіи»[3]).

Нельзя не признать, что, не смотря на убѣжденіе императрицы въ необходимости реформы, на ея стремленіе къ улучшенію быта крестьянъ, на нѣкоторые составленные ею планы для достиженія этой цѣли, положеніе крѣпостного сословія не только не улучшилось во время царствованія Екатерины, но даже становилось хуже. Допуская, что на Екатеринѣ лежитъ нѣкоторая доля отвѣтственности за это ухудшеніе положенія массы народа, нельзя не сознавать въ то же время, что обстоятельства препятствовали проведенію реформы. Не безъ основанія Екатерина, бесѣдуя съ Далемъ, указывала на опасность предпринять эманципацію. При каждомъ слухѣ о яко-бы предстоящей перемѣнѣ происходили волненія въ крестьянскомъ сословіи. Мысль объ освобожденіи крестьянъ возбуждала сильное негодованіе въ средѣ привилегированныхъ сословій. Пренія въ Большой Комиссіи

[1]) «Осьмнадцатый вѣкъ», III, 390—391.

[2]) Изд. Вешняковымъ въ XX т. «Сб. Ист. Общ.», стр. 447—498. Впрочемъ, ссылки на Блекстона и указанія на біографію Нумы Помпилія въ текстѣ проекта сходны съ характеромъ таковыхъ же замѣчаній въ другихъ сочиненіяхъ Екатерины.

[3]) Hermann, «Ergänzungsband», стр. 620.

дали императрицѣ понятіе объ оппозиціи, на которую она могла разсчитывать при коренныхъ мѣрахъ преобразованія въ этой области. Къ тому же, должно вспомнить, что съ самаго начала царствованія Екатерины въ разныхъ частяхъ имперіи происходили бунты крестьянъ, что эпоха Пугачевщины также неблагопріятствовала реформѣ, и что нѣкоторыя лица, пользовавшіяся довѣріемъ Екатерины, оставались сторонниками крѣпостного права и были проникнуты убѣжденіемъ, что крестьяне не нуждались вовсе въ реформѣ. Въ такомъ смыслѣ княгиня Дашкова объясняла положеніе дѣла въ бесѣдѣ съ Дидеро въ Парижѣ[1]); это мнѣніе раздѣлялъ и графъ Сегюръ, находившій положеніе крестьянъ въ Россіи вообще удовлетворительнымъ[2]). Все это объясняетъ противорѣчіе, которое заключалось въ теоретическихъ воззрѣніяхъ и практическихъ мѣропріятіяхъ императрицы въ отношеніи къ крестьянамъ. Обстоятельства заставили Екатерину объявить въ самомъ началѣ ея царствованія о своемъ намѣреніи «сохранять ненарушимо помѣщиковъ при ихъ имѣніяхъ и владѣніяхъ и содержать крестьянъ въ должномъ имъ повиновеніи»[3]); въ концѣ 1762 года она подписала «Наставленіе князю А. Вяземскому объ усмиреніи горнозаводскихъ крестьянъ и разборѣ жалобъ между ними и владѣльцами ихъ»[4]). Затѣмъ, однако, строже прежняго было запрещено крестьянамъ подавать челобитныя[5]). Только развѣ въ видѣ исключенія и случайно правительство узнавало объ ужасахъ, происходившихъ въ обращеніи помѣщиковъ съ крестьянами, и въ такихъ случаяхъ императрица принимала участіе въ разборѣ дѣла и опредѣляла мѣру наказанія. Самымъ крупнымъ фактомъ такого рода былъ случай съ «Салтычихой», строго наказанной императрицею за цѣлый рядъ преступленій, совершенныхъ надъ крѣпостными крестьянами[6]). Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ въ Малороссіи, страшное зло одиночной продажи крестьянъ во все время царствованія Екатерины, ужасныя истязанія, которымъ подвергались крестьяне, жаловавшіеся на своихъ господъ, и пр. — все это

---

[1]) Memoirs of the princess Dashkaw, I, 165—167.

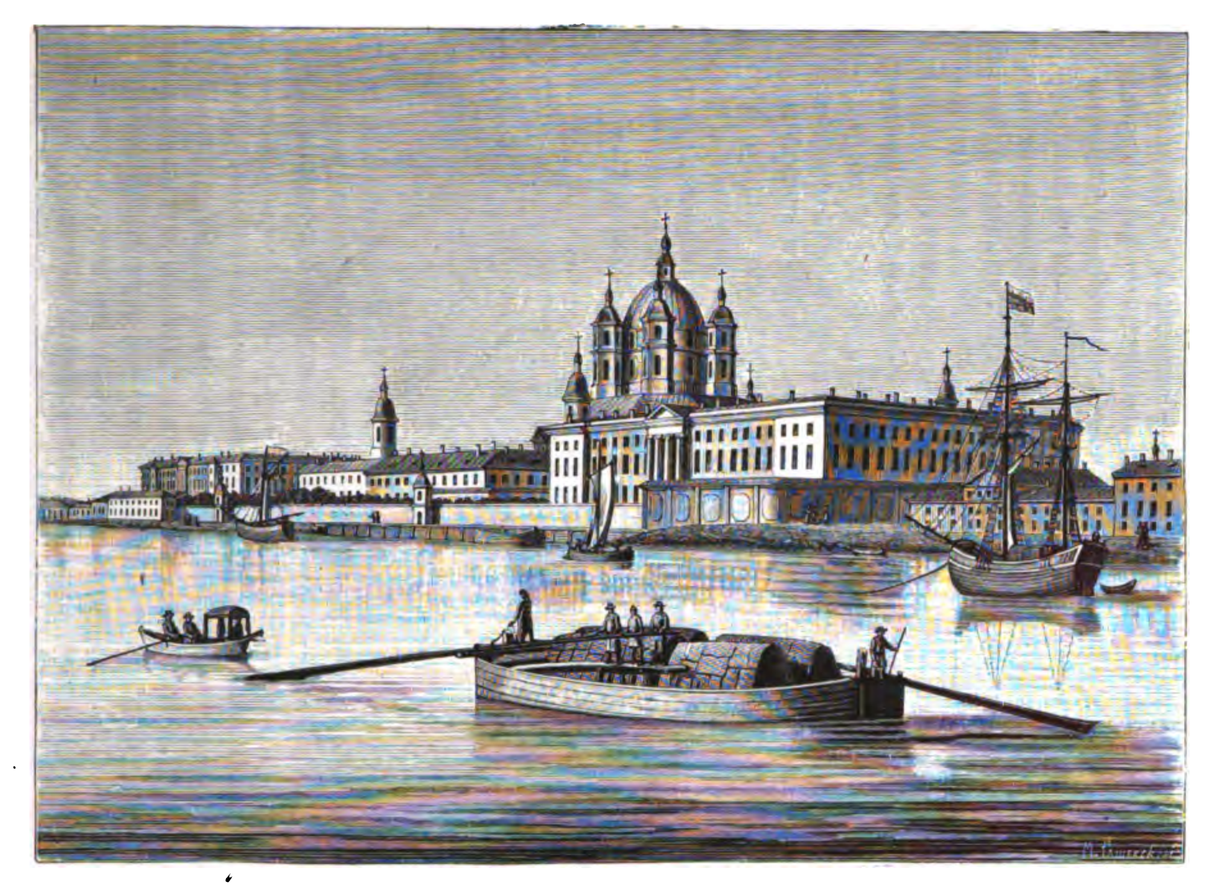
[2]) Ségur, Mémoires, II, 238 и 246.

[3]) Соловьевъ, XXV, 146.

[4]) «Сб. Ист. Общ.», VII, 188 и слѣд.

[5]) См. статью В. Семевскаго въ «Русской Старинѣ», XVII, 675.

[6]) О такихъ случаяхъ см. Соловьева, XXV, 280—284. П. С. З. 13211, 13758; Соловьева, XXII, 154. — «Русская Старина», XIX, 43. — «Осмнадцатый вѣкъ», I, 171, 174: Соловьева, XXIX, 133—134. «Русская Старина», XVII, 611, и слѣд. О Салтычихѣ цѣлая литература, о которой я говорилъ въ моей статьѣ въ «Rigasche Zeitung»; 1871, № 272, и слѣд.

Смольный монастырь и его окрестности.

Съ рисунка прошлаго столѣтія Уреніуса. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

далеко не соотвѣтствовало теоретическому либерализму императрицы, любившей говорить и писать о правахъ человѣческихъ, о началахъ гуманности и цивилизаціи. Воззрѣніямъ, заимствованнымъ Екатериною изъ литературы просвѣщенія, противорѣчили и нѣкоторые отзывы ея о положеніи крестьянъ. Справедливо было замѣчено, что императрица, съ теченіемъ времени, даже и на словахъ перестала высказывать либеральныя мысли по крестьянскому вопросу, не говоря уже о томъ, чтобы осуществлять ихъ на дѣлѣ. Такъ, напр., она находила, что у насъ «въ повинностяхъ нѣтъ ничего произвольнаго», и что, разъ уплативъ ихъ, крестьянинъ «почти совершенно воленъ въ своихъ дѣйствіяхъ». Въ замѣчаніяхъ на книгу «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» она выражается еще рѣшительнѣе. «Ѣдетъ», пишетъ она о Радищевѣ, «оплакивать плачевную судьбу крестьянскаго состоянія, хотя и то неоспоримо, что лучше судьбы нашихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика нѣтъ во всей вселенной». По поводу одного мѣста она говоритъ: «Уговариваетъ помѣщиковъ освободить крестьянъ, да никто не послушаетъ» [1]). Мы увидимъ ниже, что такая перемѣна въ образѣ мыслей Екатерины объясняется главнымъ образомъ тяжелымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на нее французскою революціею.

Школа и церковь.

Князь Щербатовъ въ своей запискѣ «О поврежденіи нравовъ Россіи», чрезвычайно рѣзко осуждая славолюбіе Екатерины, отзывается слѣдующимъ образомъ о безполезности ея дѣятельности въ отношеніи къ народному просвѣщенію и школьному дѣлу: «Свидѣтельствуетъ сіе заведеніе сиропитательнаго дому, дѣвичьева монастыря для воспитанія благородныхъ дѣвицъ, переправленіе кадетскаго корпуса и пр., изъ которыхъ въ первомъ множество малолѣтнихъ померло, а и понынѣ, чрезъ двадцать слишкомъ лѣтъ, мало или почти никого ремесленниковъ не вышло; во второмъ, ни ученыхъ, ни благонравныхъ дѣвицъ не вышло, какъ толико, поелику природа ихъ симъ снабдила, и воспитаніе болѣе состояло играть комедіи, нежели сердце, нравы и разумъ исправ-

---

[1]) См. статью В. Семевскаго въ «Русской Старинѣ», XVII, 689.

лять; изъ третьяго вышли съ малымъ знаніемъ и съ совершеннымъ отвращеніемъ всякаго повиновенія» [1]).

При чтеніи такого отзыва объ администраціи императрицы относительно педагогики, не должно забывать, что сочиненіе Щербатова о поврежденіи нравовъ отличается чисто полемическимъ характеромъ и не можетъ считаться безпристрастнымъ. Впрочемъ, нельзя не признать, что страшная смертность между младенцами въ учрежденныхъ Екатериною воспитательныхъ домахъ, обращеніе главнаго вниманія на внѣшній лоскъ свѣтскаго образованія въ учрежденныхъ императрицею училищахъ для благородныхъ дѣвицъ, дѣйствительно могутъ считаться существенными недостатками. При всемъ томъ, однако, нельзя объяснять учрежденіе пріютовъ, школъ, высшихъ училищъ при Екатеринѣ исключительно ея славолюбіемъ: она дѣйствительно интересова-

Медаль, выбитая въ честь Эйлера.

лась вопросами педагогики, желала принести пользу имперіи и руководствовалась въ своихъ заботахъ о школьномъ дѣлѣ началами, преподаваемыми передовыми людьми того времени.

Еще въ бытность великой княгиней Екатерина обращала вниманіе на женское образованіе. Между набросками ея, писанными въ послѣднее время царствованія Елизаветы Петровны, встрѣчается слѣдующее замѣчаніе: «Учрежденіе Сенъ-Сира [2]). Средство подражать ему съ пользою и удобствомъ будетъ заключаться въ вызовѣ наставницы классовъ и полученіи прямо отъ французскаго двора устава и журналовъ этого заведенія. Домъ легко бы былъ найденъ, такъ же какъ и доходы», и пр.[3]).

[1]) «Русскій Архивъ», т. III, 684.

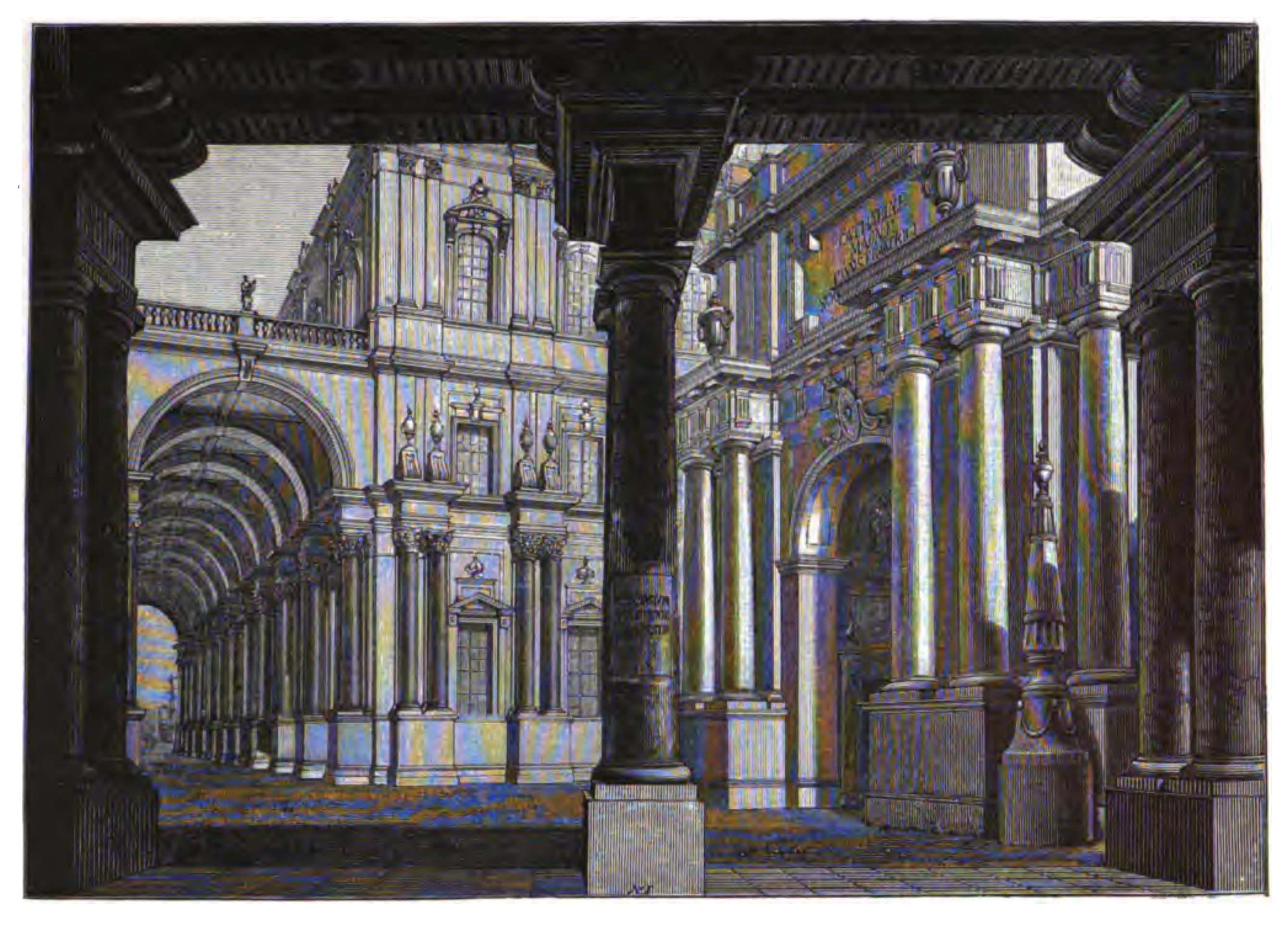
[2]) Знаменитый институтъ для благородныхъ дѣвицъ во Франціи, учрежденный г-жею Ментенонъ.

[3]) «Сб. Ист. Общ.», VII, 82.

Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ, Екатерина по проекту, составленному Бецкимъ, рѣшилась учредить воспитательный домъ въ Москвѣ (1763); десятилѣтіемъ позже воспослѣдовало учрежденіе воспитательнаго дома въ С.-Петербургѣ [1]). На содержаніе этихъ учрежденій императрица назначила большія денежныя средства. Въ продолженіе всего царствованія, Екатерина слѣдила съ большимъ вниманіемъ за успѣхомъ воспитанія благородныхъ дѣвицъ въ учрежденномъ ею, въ 1764 году, институтѣ. Она часто посѣщала это учрежденіе, переписывалась съ Вольтеромъ о выборѣ пьесъ, въ которыхъ играли воспитанницы, и пр. Императрица любила бесѣдовать съ людьми знающими о воспитаніи, о школьномъ дѣлѣ. Такъ, напр., она, какъ мы видѣли выше, старалась узнать подробно о такъ называемыхъ «нормальныхъ школахъ», учрежденныхъ въ Австріи незадолго до путешествія Іосифа въ Россію. Она обратилась къ Дидеро съ просьбою просмотрѣть и обсудить планы и правила училищъ, существовавшихъ въ Россіи. Дидеро составилъ проектъ учрежденія университета, исполненіе котораго оказалось невозможнымъ. Также предложеніе Сиверса о возстановленіи дерптскаго университета осталось безъ исполненія. Мы видѣли выше, что во время царствованія Екатерины неоднократно мечтали объ учрежденіи нѣсколькихъ университетовъ, а между тѣмъ ни одинъ изъ этихъ проектовъ не осуществился. Зато послѣдовало открытіе многихъ другихъ школъ, напр., артиллерійскаго, инженернаго, коммерческаго и горнаго училищъ, академіи художествъ и пр. Въ 1781 году были приняты кое какія мѣры для народнаго образованія; въ 1783 году состоялось учрежденіе «Россійской Академіи». Неоднократно приглашались изъ за границы ученые и спеціалисты въ школьномъ дѣлѣ, какъ, напр., знаменитый математикъ Эйлеръ въ число членовъ академіи наукъ, Бэмеръ для преподаванія морского права въ кадетскомъ корпусѣ, Янковичъ-де-Миріево для учрежденія нормальныхъ школъ по образцу австрійскихъ и пр. Въ продолженіе всего царствованія Екатерины значительное число молодыхъ русскихъ находилось за границею для обученія. Къ концу этого царствованія была учреждена публичная библіотека. При академіи наукъ существовала комиссія для перевода иностранныхъ книгъ на русскій языкъ. Для этой цѣли назначено было ежегодно по 5000 рублей и пр.

---

[1]) «Русская Старина», XXV, 457 и слѣд.; XII, 146, 359, 665; XIII, 177, 532; XIV, 426.

Іезуитская коллегія въ Полоцкѣ, въ Екатерининское время.

Съ оригинальнаго рисунка, сдѣланнаго генераломъ ордена іезуитовъ Груберомъ. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

Сообразно съ правилами, преподаваемыми литературою просвѣщенія, Екатерина въ области церкви и религіи придерживалась началъ терпимости. Въ то же самое время она, однако, отстаивала весьма рѣшительно авторитетъ свѣтской власти въ отношеніи духовной. Мы видѣли выше, какимъ образомъ былъ рѣшенъ въ самомъ началѣ царствованія Екатерины вопросъ о секуляризаціи духовныхъ имѣній. При этомъ она руководствовалась совѣтами и воззрѣніями свѣтскихъ людей, какъ, напр., князя Шаховского, графа Бестужева и пр.[1]). Еще въ 1779 году императрица, вспоминая объ этихъ мѣрахъ, замѣтила, что вслѣдствіе отдачи «деревень архіерейскихъ и монастырскихъ въ управленіе коллегіи экономіи монастырскихъ крестьянъ непослушаніе однимъ разомъ пресѣклось»[2]).

Къ раскольникамъ императрица относилась снисходительно и гуманно. Неоднократно она выражала желаніе, чтобы вмѣсто строгихъ мѣръ представители свѣтской и духовной власти относились къ нимъ кротко, стараясь убѣждать въ ошибочности ихъ воззрѣній[3]). Даже и въ такихъ случаяхъ, когда оказывалось необходимымъ принимать болѣе строгія мѣры, Екатерина, изучая подробно и тщательно слѣдственныя дѣла, смягчала наказанія виновныхъ и дѣлала духовнымъ лицамъ и свѣтскимъ судьямъ внушенія въ духѣ кротости и человѣколюбія[4]). Раскольникамъ были возвращены нѣкоторыя гражданскія права; правительство не желало употребленія внѣшнихъ принудительныхъ средствъ. По поводу появленія въ 1772 году скопческой ереси, Екатерина, въ данномъ ею полковнику Волкову указѣ, выразила желаніе, чтобы «невиннымъ людямъ не было привязокъ и притѣсненій» и чтобы «сіе дѣло трактовали какъ обыкновенное гражданское, а отнюдь не инако»[5]). Въ 1767 году, она просила архіепископа Димитрія Сѣченова «изыскать способы», чтобы побудить раскольниковъ, бѣжавшихъ въ Польшу — ихъ было до 300,000 — къ возвращенію въ Россію[6]). Въ бесѣдѣ съ Храповицкимъ Екатерина сказала однажды (въ 1782 году): «Въ 60 лѣтъ всѣ расколы исчезнутъ; сколь скоро заведутся и утвердятся народныя школы, то невѣжество истребится само собою; тутъ насилія не надобно»[7]).

[1]) Зап. Шаховского, II, 151. «Сб. Ист. Ощб.», VII, 135.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 174. Соловьевъ, XXVI, 34 и слѣд.
[3]) Соловьевъ, XXV, 277; XXVI, 37 и слѣд.
[4]) «Сб. Ист. Общ.», II, 279.
[5]) Соловьевъ, XXIX, 130—131.
[6]) «Сб. Ист. Общ.», X, 259.
[7]) Храповицкій, 18 іюля 1782 г.

Надежды императрицы не сбылись ни въ томъ ни въ другомъ отношеніи. Организація народныхъ школъ шла чрезвычайно неудачно; расколъ не исчезъ въ указанное Екатериною время.

Подобно Петру Великому и Екатерина старалась противодѣйствовать склонности къ аскетизму въ народѣ. Между собственноручными черновыми замѣтками и распоряженіями Екатерины встрѣчаются и слѣдующія: «Означить точное число монаховъ и болѣе не постричь, какъ на сколько окладъ положенъ будетъ въ каждомъ монастырѣ. То же о монахиняхъ. Наикрѣпчайше подтвердить, чтобъ мущинъ прежде шестидесяти лѣтъ, а женщинъ прежде пятидесяти лѣтъ не постригли и опредѣлить во всякій годъ одну духовную, а другую свѣтскую персону въ каждую епархію для объѣзда монастырей... Монастырей положить число и нѣкоторые оставить для престарѣлыхъ и раненыхъ офицеровъ; другіе — для такихъ же солдатъ и унтеръ-офицеровъ, также для долгаусъ [1]) и вмѣстѣ нищепитательныхъ домовъ обоихъ полъ персонъ. Новыхъ монастырей отнюдь не строить и то для того, что большая часть монастырей въ худомъ присмотрѣ и разореніи» и пр. [2]).

О духовныхъ братствахъ говорится въ письмѣ Екатерины къ графу А. С. Строганову слѣдующее: «Мелочное, безполезное дѣло, изъ котораго ничего не происходитъ. Формы этого дурачества, умножая собою сумму человѣческихъ дурачествъ, соединяютъ въ себѣ религіозные обряды съ дѣтскою игрою; на немъ явная примѣта той страны, гдѣ оно родилось, а равно и народный характеръ этой страны. Множество уставовъ, конгрегацій, обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ, каноникатовъ, аббатствъ, приходовъ и пр. и пр. Участвующія лица кладутъ самые лучшіе обѣты. Тѣмъ не менѣе безполезность для человѣчества этихъ учрежденій до такой степени всѣми признана въ странахъ, наиболѣе просвѣщенныхъ, что придумываются средства, какъ бы уменьшить число ихъ. Человѣку, дѣлающему добро просто для добра, нужны ли на что нибудь эти дурачества, эти внѣшности, столь же странныя, какъ и легкомысленныя?» [3]).

Относительно геррнгутеровъ, магометанъ и др. Екатерина руководствовалась правилами терпимости. На докладъ Сената по одному такому дѣлу императрица велѣла отвѣчать: «Какъ Все-

---

[1]) Tollhaus—домъ умалишенныхъ.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», XIII, 15.
[3]) «Русскій Архивъ», 1864, стр. 587—588.

вышній Богъ на землѣ терпитъ всѣ вѣры, языки и исповѣданія, то и она (императрица) изъ тѣхъ же правилъ, сходствуя Его святой волѣ, и въ семъ поступаетъ, желая только, чтобъ между подданными ея всегда любовь и согласіе царствовали»[1]). Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Вольтеру, Екатерина жаловалась на нетерпимость капуцинскихъ монаховъ, которымъ было дозволено жить въ Москвѣ и которые «заупрямились», не желая похоронить одного француза, умершаго внезапно, отзываясь тѣмъ, что онъ не причастился. «Наконецъ», продолжаетъ Екатерина свой разсказъ, «имъ сказали выбирать — или отправиться заграницу, или похоронить того француза. Они уѣхали, и я послала отсюда августинцевъ, болѣе уступчивыхъ, которые, видя, что тутъ шутить было нечего, сдѣлали все, что отъ нихъ хотѣли»[2]). Когда, во время Пугачевщины, оказалось, что неистовства крестьянъ обълусловливались въ значительной степени слабостью духовнаго и нравственнаго вліянія на нихъ духовенства, Екатерина высказала намѣреніе поднять уровень образованія духовнаго сословія[3]), однако въ этомъ отношеніи не было сдѣлано ничего особеннаго въ ея царствованіе.

Мы видѣли выше, какимъ образомъ императрица, защищая права диссидентовъ въ Польшѣ, должна была относиться нѣсколько враждебно къ католицизму. Неоднократно, въ письмахъ къ Вольтеру, она жаловалась на фанатизмъ католиковъ. Порою Екатерина любила шутить надъ папою. Однажды она замѣтила: «Вы увидите, что папа возстанетъ противъ ужина, на который вы меня приглашаете въ Софіи». Говоря о Большомъ Наказѣ, она писала: «Сомнѣваюсь, чтобы ее одобрили св. отецъ и муфтій»[4]). Во время турецкой войны, она, въ письмѣ къ Вольтеру, говорила: «Братъ Ганганелли (т. е. папа Климентъ XIV) слишкомъ уменъ, чтобы сердиться въ глубинѣ души на мои успѣхи. Намъ нечего дѣлить съ нимъ. Я не взяла у него ни Авиньона, ни Беневента. Въ концѣ концовъ мое дѣло есть дѣло христіанства», а далѣе: «Вы можете сдѣлаться папой, и это должно даже произойти для блага церкви, и вотъ почему: двѣ главы церквей восточной и западной не только будутъ въ прямой перепискѣ, но ихъ увидятъ связанными дружбою — обстоятельство, до сихъ поръ еще не существовавшее. Я предвижу заранѣе великое благо для христіан-

[1]) Соловьевъ, XXIX, 132.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», X, 39.
[3]) Тамъ-же, VI, 150.
[4]) Тамъ-же, X, 348, 352.

ства. Я объявляю вамъ, что я буду умѣренна, но тверда безъ упрямства» [1]).

Пріобрѣтеніе Бѣлоруссіи, гдѣ проживало значительное число католиковъ, заставило императрицу поддерживать нѣкоторыя сношенія съ папою. Не нарушая въ чемъ либо догматовъ католи-

Баронъ А. И. Черкасовъ.
Съ фамильнаго портрета, принадлежащаго барону Ѳ. А. Бюлеру.

ческой церкви, Екатерина умѣла оставаться вполнѣ независимою отъ папства. Тотчасъ же, въ 1772 году, она распорядилась, чтобы папскія буллы были обнародываемы въ Бѣлоруссіи не иначе, какъ съ согласія генералъ-губернатора и съ ея разрѣшенія. Въ борьбѣ противъ стремленія папы къ расширенію власти сторонникомъ

[1]) «Сб. Ист. Общ.», X, 423.

Екатерины былъ архіепископъ Могилевскій, Сестренцевичъ-Богушъ. Такимъ образомъ, императрицѣ удалось безъ особенныхъ затрудненій провести организацію католической церкви въ Россіи. Въ 1782 г. она возвела Сестренцевича въ архіепископскій санъ, не взирая на то, что онъ не пользовался расположеніемъ папы[1]). Когда Пій VI сначала казался склоннымъ препятствовать возвышенію Сестренцевича, Екатерина писала къ барону Гримму, что, въ случаѣ надобности, она готова прибѣгнуть къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ[2]).

Въ то время, когда Іосифъ II находился въ нѣсколько натянутыхъ отношеніяхъ къ папѣ и, стараясь ограничить чрезмѣрное вліяніе его и католическаго духовенства, обнародовалъ законъ о терпимости, сокращалъ число монастырей и пр., императрица всей душей одобряла образъ дѣйствій Іосифа и даже находила, что онъ дѣйствуетъ еще слишкомъ умѣренно. 4-го марта 1782 года, она писала Іосифу: «Какъ скоро образъ мыслей вашего величества въ отношеніи къ терпимости сдѣлается всѣмъ извѣстенъ, вы можете разсчитывать на багословенія всѣхъ исповѣданій. На этомъ пути вы не встрѣтите столь сильнаго противорѣчія, какъ можно бы полагать. Я сужу по собственному опыту: какъ скоро я объявила, что не терплю преслѣдованій, оказалось, что всѣ стали склонными къ терпимости». Въ другомъ письмѣ къ Іосифу императрица въ самомъ веселомъ расположеніи духа сообщала о полученномъ ею письмѣ отъ папы Пія VI. Іосифъ, въ отвѣтъ на это письмо, находитъ довольно забавнымъ, что папа надѣется обратить императрицу въ католицизмъ. Екатерина отвѣчала: «Папа Пій VI получилъ отъ меня отвѣтъ, который, можетъ быть, не слишкомъ обрадовалъ его; но что дѣлать? У каждаго свои правила. Я распространилась въ моемъ посланіи о прекрасныхъ началахъ вѣротерпимости, которыхъ примѣненіе къ практикѣ ваше императорское величество видѣли у насъ, и которые всегда оказывались полезными; свое посланіе я заключаю молитвою, чтобы Богъ окончательно соединилъ всѣхъ въ одну христіанскую общину. По настоящему, мнѣ, какъ первенствующему члену греческой церкви, слѣдовало бы просить васъ оказать покровительство вашимъ православнымъ подданнымъ, но я считаю это лишнимъ» и пр. Узнавъ немного позднѣе о путешествіи папы въ Вѣну; Екатерина писала: «Я не завидую вашему

---

[1]) Толстой, «Римскій католицизмъ въ Россіи». Спб. 1876, II, 4—35.

[2]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 259.

величеству въ томъ, что вы теперь живете въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ папою. Откровенно говоря, я желала бы, чтобъ онъ скорѣе оставилъ Вѣну; не знаю почему, но мысль о пребываніи Пія VI въ вашей столицѣ безпокоитъ меня. Италіанскій священникъ всѣмъ не-католикамъ всегда долженъ внушать опасенія. За то я весьма охотно увидѣла бы ваше императорское величество у дверей Капитолія. Если бы я присутствовала при вашемъ свиданіи съ папой, я объяснялась бы съ нимъ согласно съ началами православной церкви и этимъ до того надоѣла бы ему, что онъ поспѣшилъ бы возвратиться въ Римъ. Тогда я, конечно, была бы виноватою; но ужъ и безъ того я отлучена папою отъ церкви, при чемъ, однако, чувствую себя довольно хорошо» и пр.[1]).

Въ сношеніяхъ съ папою Екатерина съумѣла отстаивать полную независимость свѣтской власти и въ то же время обезпечивать духовные интересы своихъ католическихъ подданныхъ. Папа, сначала не хотѣвшій согласиться на посвященіе Сестренцевича въ санъ архіепископа, наконецъ рѣшился возложить на него палліумъ. Папскій нунцій Аркети, прибывшій въ Петербургъ, оказался уступчивымъ. За то папа не рѣшился исполнить желаніе Екатерины возвести Сестренцевича въ кардинальское достоинство; старанія князя Юсупова, отправленнаго въ Римъ для достиженія этой цѣли, не увѣнчались успѣхомъ.

Вслѣдствіе второго и третьяго раздѣловъ Польши, число католическихъ подданныхъ императрицы возросло. Современники отдавали полную справедливость Екатеринѣ за ея умѣніе, не прерывая дипломатическихъ сношеній съ папою, сохранять въ полной цѣлости авторитетъ свѣтской власти. Въ послѣдніе годы ея царствованія было вновь подтверждено о недопущеніи къ обнародованію папскихъ бумагъ безъ предварительнаго ихъ разсмотрѣнія и утвержденія. О заключеніи конкордата императрица не думала; на многія жалобы папы она не обращала вниманія. То обстоятельство, что Екатерина послѣ закрытія іезуитскаго ордена позволила іезуитамъ пребывать въ Россіи, свидѣтельствуетъ о полной самостоятельности Екатерины въ отношеніи къ папству[2]).

---

[1]) Arneth, «Joseph II и Katharina», 30, 38, 123, 125, 127.

[2]) См. сочиненіе гр. Д. А. Толстого, «О католицизмѣ въ Россіи», II; 34—100; Морошкина «Іезуиты въ Россіи». Спб. 1867, I, 1—169; Bernhardi, «Gesch. Russlands», II, 2, 251—260. Документы въ I т. «Сб. Ист. Общ.», 421—540.

Заботы о народномъ здравіи.

Къ самому началу царствованія Екатерины (1763) относится учрежденіе медицинской коллегіи. Это можетъ быть названо эпохою въ исторіи медицины въ Россіи [1]). Первымъ предсѣдателемъ этой коллегіи былъ баронъ Черкасовъ, пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ императрицы. Онъ можетъ считаться основателемъ народно-санитарной полиціи въ Россіи [2]). Черкасовъ возбудилъ вопросъ о прививаніи оспы въ Россіи. Онъ нѣсколько лѣтъ пробылъ за границею, весьма успѣшно занимался медициною и сельско-хозяйственными науками въ Кембриджѣ, и служилъ посредникомъ при приглашеніи въ Россію барона Димсдаля, который привилъ оспу и императрицѣ, и великому князю Павлу Петровичу.

Рѣшимость императрицы подвергнуться этой операціи, какъ извѣстно, считалась въ то время геройскимъ подвигомъ. Сама Екатерина, сообщая Вольтеру о пріѣздѣ Димсдаля, писала по этому поводу: «Онъ мнѣ привилъ оспу 12 октября 1768 года. Я была очень удивлена открытіемъ послѣ этой операціи, что гора родила мышь, и говорила, что не стоитъ труда кричать противъ этого и мѣшать людямъ спасать себѣ жизнь при помощи такихъ пустяковъ... я ни одной минуты не была въ постели и принимала всѣ дни. Отправляюсь сейчасъ прививатъ оспу моему единственному сыну. Фельдъ-цейхмейстеръ графъ Орловъ, этотъ герой, похожій на древнихъ римлянъ лучшихъ временъ республики, и обладающій неустрашимостью и великодушіемъ, сомнѣвался, существуетъ ли такая болѣзнь; онъ теперь въ рукахъ нашего англичанина. На другой день послѣ операціи онъ поѣхалъ на охоту» и пр. [3]). И Вольтеру и г-жѣ Бьелке Екатерина писала съ радостью, что чрезвычайно многія лица послѣдовали ея примѣру и рѣшились подвергнуться этой операціи [4]). «Весь Петербургъ», писала она, хочетъ себѣ привить оспу, и тѣ, которые это сдѣлали, уже здоровы» и пр. [5]).

---

[1]) См. соч. Шторха, «Historisch-statistisches Gemälde des russischen Reichs». Riga. 1797, I, 370 и слѣд.

[2]) См. статью барона Бюлера «Два эпизода изъ исторіи Екатерины II» въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1870, т. LXXXV, 17 и слѣд.

[3]) «Сб. Ист. Общ.», X, 308.

[4]) Тамъ-же, 302.

[5]) Тамъ-же, 303. См. также записку къ Фальконету въ «Сб. Ист. Общ.», XVII, 61.

Фридрихъ II считалъ подвигъ Екатерины слишкомъ смѣлымъ. Онъ писалъ ей: «Вы ведете себя какъ мать вашихъ народовъ, геройски подвергая себя операціи, которая можетъ спасти жизнь множеству вашихъ подданныхъ, предохраняя ихъ отъ зла, столько же ужаснаго, сколько гибельнаго. Но ваше величество

П. Д. Еропкинъ.

Съ портрета, принадлежащаго княгинѣ Е. П. Кочубей.

не посѣтуете на меня, если я представлю вамъ, что, если бы привитіе оспы не удалось вамъ такъ счастливо, то Россія потеряла бы безконечно болѣе того, что можетъ когда либо пріобрѣсть черезъ употребленіе этого предохранительнаго средства» и пр. Екатерина отвѣчала Фридриху: «Я представлю вашему величеству то, что побудило меня къ тому, и, надѣюсь, что вы согла-

ситесь, что я поступила только правильно. Меня пріучали съ дѣтства питать ужасъ къ оспѣ; мнѣ стоило большихъ трудовъ уменьшить эту боязнь въ болѣе зрѣломъ возрастѣ; въ малѣйшемъ нездоровьѣ, постигавшемъ меня, я уже видѣла вышеназванную болѣзнь. Въ теченіе весны и прошедшаго лѣта, когда эта болѣзнь производила большія опустошенія, я скрывалась изъ дома въ домъ и удалилась изъ города на цѣлые пять мѣсяцевъ, не желая подвергать опасности ни сына, ни себя. Я была такъ поражена положеніемъ, исполненнымъ такой трусости, что считала слабостью не съумѣть выйти изъ него. Мнѣ посовѣтовали привить оспу моему сыну. Но, сказала я, съ какимъ лицомъ сдѣлаю я это, если не начну съ себя самой, и какъ ввести прививаніе оспы, если я не подамъ къ тому примѣра. Я принялась за изученіе этого предмета, твердо рѣшившись взяться за средство менѣе опасное. Послѣдующее размышленіе заставило меня рѣшиться наконецъ; всякій благоразумный человѣкъ, видя предъ собою двѣ опасныя дороги, избираетъ ту изъ нихъ, которая менѣе опасна,— при одинаковыхъ условіяхъ. Было бы трусостью не слѣдовать тому же правилу въ дѣлѣ бòльшей важности, оставаться всю жизнь въ дѣйствительной опасности со многими милліонами людей, или же предпочесть меньшую опасность, продолжающуюся короткое время, и тѣмъ спасти много народу. Я думала, что выбрала самое вѣрное; мигъ прошелъ, и я въ безопасности» и пр. [1]). Императрица насмѣхалась надъ королемъ испанскимъ, заявившимъ, что онъ никогда не допуститъ привитія оспы въ своемъ семействѣ [2]).

Когда депутаты Большой Комиссіи поздравили Екатерину отъ имени собранія съ благополучнымъ исходомъ операціи, она возразила имъ: «Мой предметъ былъ спасти отъ смерти многочисленныхъ моихъ вѣрноподданныхъ, кои, не знавъ пользы сего способа, онаго страшася, оставались въ опасности. Я симъ исполнила часть долга званія моего, ибо, по слову евангельскому, добрый пастырь полагаетъ душу свою за овцы. Вы можете увѣрены быть, что нынѣ и паче усугублять буду мои старанія и попеченія о благополучіи всѣхъ моихъ вѣрноподданныхъ вообще и каждаго особо» [3]).

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XX, 244—247.

[2]) Письмо къ Вольтеру «Сб. Ист. Общ.», XIII, 124; см. также ея письмо къ Брауну въ «Сб. Ист. Общ.», II, 312; тамъ же, записку Димсдаля о своемъ пребываніи въ Россіи, стр. 295—322.

[3]) Соловьевъ, XXVIII, 7.

Примѣръ, данный императрицею, произвелъ сильное впечатлѣніе. Сотни и тысячи лицъ вслѣдъ за Екатериною подвергли себя операціи оспопрививанія. Сиверсъ былъ въ восхищеніи отъ столь легкаго и цѣлесообразнаго способа уничтоженія предразсудковъ, замѣчая, что подвигъ императрицы достоенъ памятника[1]). Въ письмѣ Екатерины къ Чернышеву, отъ 17 ноября 1768 года, сказано: «Нынѣ у насъ два разговора только: первый о войнѣ, а второй о прививаніи. Начиная отъ меня и сына моего, который также выздоравливаетъ, нѣту знатнаго дома, въ которомъ не было по нѣскольку привитыхъ, а многіе жалѣютъ, что имѣли природную оспу и не могутъ быть по модѣ. Гр. Гр. Г. Орловъ, гр. Кир. Гр. Разумовскій и безчисленно многіе прошли сквозь рукъ господина Димсдаля, даже до красавицъ, какъ княжны: Щербатова и Трубецкія, Елиз. Алек. Строганова и многія, долго прописать было, покорились сей операціи. Вотъ каковъ примѣръ. Мѣсяца съ три назадъ никто о семъ слышать не хотѣлъ, а нынѣ на сіе смотрятъ какъ на спасеніе», и пр.[2]).

Въ 1771 году, во время моровой язвы, свирѣпствовавшей въ Москвѣ, императрица слѣдила за всѣми подробностями распоряженій, признанныхъ необходимыми для ограниченія зла.

Первые случаи заболѣванія и смерти отъ чумы проявились въ русскомъ войскѣ, находившемся въ Турціи въ 1769 году. Затѣмъ, въ продолженіе 1770 года, зараза пробралась въ Подолію и въ Польскую Украйну, наконецъ въ Кіевъ. Къ концу этого же года, болѣзнь появилась и въ Москвѣ.

Никогда до этого въ Россіи не принимались столь обширныя мѣры для борьбы съ заразою, какъ въ 1770 и 1771 годахъ. Въ Государственномъ Совѣтѣ, часто въ присутствіи императрицы, обсуждались гигіеническія и карантинныя мѣры. Въ одномъ изъ засѣданій «объявлено было соизволеніе Ея Императорскаго Величества отписать къ генералъ-фельдмаршалу графу Салтыкову о запрещеніи всѣхъ людныхъ собраній въ покояхъ, и чтобъ вмѣсто того умножены были гульбища на открытомъ воздухѣ»[3]). Екатерина предлагала цѣлый рядъ другихъ мѣръ, чтобъ, сколько возможно, остановить распространеніе заразы. Когда московскіе сенаторы донесли императрицѣ, что нельзя привести въ исполненіе никакихъ мѣръ, предписанныхъ для избавленія Москвы отъ чумы,

[1]) Blum, I, 272.
[2]) «Русскій Архивъ», 1871, стр. 1320.
[3]) «Архивъ Госуд. Совѣта», I, 400.

она велѣла отвѣчать, что «весьма вредно оставлять полезное учрежденіе для того, что трудно оное учредить» [1]). Постоянно Екатерина переписывалась о карантинныхъ и гигіеническихъ мѣрахъ съ главнокомандующимъ древней столицы, Салтыковымъ [2]).

Извѣстно, что въ началѣ распространенія болѣзни не всѣ доктора признавали ее за настоящую чуму. Екатерина писала Вольтеру, 2-го декабря 1770 года: «Не находите ли вы страннымъ это сумасбродство, которое заставляетъ Европу всюду видѣть чуму и принимать противъ нея мѣры, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ она только въ Константинополѣ»... Я взяла свои предосторожности: всѣхъ окуриваютъ до задушенія», и пр. Еще въ маѣ 1771 года она писала къ г-жѣ Вьельке: «Тому, кто вамъ скажетъ, что въ Москвѣ моровая язва, скажите, что онъ солгалъ: тамъ были только случаи горячекъ гнилой и съ пятнами, но для прекращенія паническаго страха и толковъ я взяла всѣ предосторожности, какія принимаются противъ моровой язвы. Теперь жалуются на строгіе карантины, окуриваніе и пр.; въ самомъ дѣлѣ, не изувѣры ли тѣ, которые видятъ моровую язву тамъ, гдѣ ея вовсе нѣтъ?» [3]). Не вѣря въ чуму, императрица шутила надъ чрезмѣрно строгими правилами карантина. Въ ея письмѣ къ Панину, отъ 18 апрѣля 1771 года, сказано: «По видимому, у насъ уксусу не жалѣютъ и не только стараются язву изъ писемъ вывести, но уже чернилу вымываютъ, насилу писемъ прочесть можно» [4]). 2-го мая однако она объявила въ Совѣтѣ, что хотя опасность въ Москвѣ повидимому и миновалась, однакожъ она не желаетъ, чтобы предосторожности были оставлены [5]). Протоколы Государственнаго Совѣта всюду свидѣтельствуютъ о личномъ участіи Екатерины въ разныхъ мѣропріятіяхъ, о томъ, что она весьма часто и въ этихъ дѣлахъ имѣла иниціативу [6]).

Въ одномъ изъ манифестовъ Екатерины, относившихся къ чумѣ, было приказано: «Зараженныхъ домовъ жителей, какого бы званія ни были, вывесть изъ города, а знатнымъ сказать, чтобъ ѣхали въ свои деревни, выдерживая карантинъ», и пр. [7]). Однако затѣмъ она въ засѣданіи Государственнаго Совѣта «изъявила неудовольствіе, что сенаторы и другіе присутствующіе безъ

[1]) См. ст. Соловьева въ «Р. Старинѣ», XVII, стр. 189.
[2]) Соловьевъ, «Ист. Россіи», XXIX, 148 и слѣд.
[3]) «Сб. Ист. Общ.», XIII. 49—50, 95.
[4]) Тамъ-же, 79.
[5]) «Госуд. Сов.», 402.
[6]) «Сб. Ист. Общ., XIII, 204 и слѣд.
[7]) «Соч. Ек. II», изд. Смирд., III, 314.

позволенія изъ Москвы разъѣхались, и велѣла, чтобъ они немедленно туда созваны были» [1]).

Зло постоянно усиливалось; лѣтомъ 1771 года смертность въ Москвѣ принимала ужасающіе размѣры. Екатерина сильно безпокоилась. Англійскій посланникъ Каскартъ писалъ къ графу

Архіепископъ Амвросій Зертысъ-Каменскій.
Съ портрета, принадлежащаго Н. Д. Быкову.

Суффолку: «Говорятъ, что императрица чрезвычайно разстроена бѣдствіями своихъ подданныхъ въ Москвѣ и низкимъ поступкомъ дворянства и знатныхъ лицъ, которыя уѣхали изъ города, предоставивъ его въ жертву всякаго рода несчастій» [2]).

[1]) «Госуд. Сов.», 415.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», XIX, 234.

Еще весною въ Петербургѣ рѣшили, что по старости графа Салтыкова охраненіе Москвы отъ заразы надобно поручить кому нибудь другому. Совѣтъ медлилъ приведеніемъ въ исполненіе этой мѣры, полагая, что это будетъ предосудительно главному командиру. Но императрица поручила распоряженіе всѣми мѣрами противъ чумы генералъ-поручику сенатору Петру Дмитріевичу Еропкину, съ которымъ она во все это время находилась въ весьма оживленной перепискѣ[1]). Еропкинъ мужествомъ, самоотверженіемъ и распорядительностью оказался вполнѣ достойнымъ довѣрія и признательности Екатерины. Когда онъ просилъ увольненія, она просила его не покидать службы; въ ея письмѣ сказано: «Подписавъ по вашему желанію приложенный указъ, посылаю его къ вамъ, дабы вы его объявили тогда, когда заблагоразсудите, что всегда будетъ для службы рано. Видя ревность вашу, нельзя, чтобъ я не такъ думала» [2]).

Оптимизмъ не покидалъ императрицы. Въ концѣ августа, въ засѣданіи Государственнаго Совѣта она еще выражала надежду, что болѣзнь въ Москвѣ не есть «дѣйствительная язва» [3]). 10-го сентября 1771 года, въ то время, когда чума свирѣпствовала сильнѣе прежняго, наканунѣ страшнаго бунта въ древней столицѣ, императрица писала Панину: «язва на Москвѣ, слава Богу, умаляться начала» [4]). При всемъ томъ, однако, императрица не переставала усиленно слѣдить за плачевными событіями въ Москвѣ. 15-го сентября она писала Еропкину: «Здѣсь говорятъ и слухи носятся, будто бы на Москвѣ неосмотрительно поступаютъ въ храненіи мертвыхъ и будто бы и между мертвыми были случаи такіе, что и живыхъ схоронили; но, какъ я мало привыкла вѣрить слухамъ, кои съ улицы приходятъ, то я и сему не подаю вѣры, а пишу къ вамъ единственно для того сіе, дабы вы взяли всевозможныя предосторожности, чтобъ подобные случаи бы не могли случиться» [5]).

Въ минуту крайней опасности, когда смертность въ Москвѣ доходила до того, что умирало въ сутки около 1000 человѣкъ, когда было замѣтно крайнее волненіе черни въ городѣ, Салтыковъ, описавъ въ подробномъ письмѣ къ императрицѣ печальное

---

[1]) Соловьевъ, XXIX, 151. Письма Екатерины къ Еропкину напечатаны въ III томѣ Смирдинскаго изданія сочиненій Екатерины.

[2]) «Соч. Ек.», III, 323.

[3]) «Госуд. Сов.», 407.

[4]) «Сб. Ист. Общ.», XIII, 166.

[5]) «Соч. Ек.», III, 321.

положеніе Москвы, просилъ дозволенія отлучиться на нѣкоторое время изъ города, и, не дожидаясь отвѣта на свою просьбу, уѣхалъ въ свое подмосковное село, Мареино[1]). На другой день вспыхнулъ бунтъ[2]). Чернь неистовымъ образомъ убила архіепископа Амвросія. Бунтовщики хотѣли было зажечь Москву, перебить лѣкарей, дворянъ, Еропкина, уничтожить все, что было устроено для прекращенія чумы. Еропкину приходилось вооружен-

Братья Орловы во время Московской чумы 1771 года.

Съ гравюры того времени, принадлежащей князю П. П. Вяземскому.

ною рукою сражаться съ мятежниками. Два-три удачныхъ пушечныхъ выстрѣла положили конецъ бунту[3]).

Еще до полученія извѣстія объ этихъ событіяхъ въ древней столицѣ, возникла мысль объ отправленіи графа Григорія Орлова

[1]) Соловьевъ, XXIX, 159.

[2]) Болотовъ разсказываетъ, что отсутствіе Салтыкова содѣйствовало безпорядкамъ; см. его записки, III, 16.

[3]) О бунтѣ см. Соловьева, XXIX, 159 и слѣд., статью Мордовцева въ «Др. и Н. Россіи», 1875 II, 106 и слѣд.; нѣкоторыя данныя въ запискахъ Болотова III, 17 и слѣд., разсказъ Алексѣева въ «Р. Архивѣ», 1863, стр. 491 и слѣд. Саблукова въ «Р. Архивѣ», 1866, стр. 329 и слѣд. и пр., а далѣе мою статью въ «Р. Вѣстникѣ», т. LCXXIII.

въ Москву какъ бы въ качествѣ диктатора. Императрица сильно волновалась. Каскартъ доносилъ 11 октября: «Императрица обнародовала указомъ, что лишь дѣла, возбужденныя войною, препятствуютъ ей самой ѣхать въ Москву и что она послала туда лицо, къ которому питаетъ наибольшее довѣріе, предоставивъ ему неограниченную власть дѣйствовать отъ ея имени для оказанія помощи и облегченія ея подданнымъ, посреди настоящихъ несчастныхъ обстоятельствъ. Она чрезвычайно поражена этими бѣдствіями и, не смотря на свое желаніе, не можетъ этого скрыть» [1]).

Екатерина писала почтдиректору Эку о московскихъ событіяхъ: «Письма, въ коихъ сіе происшествіе названо бунтомъ, совѣтую сжечь, а прочія раздайте» [2]). Въ другомъ письмѣ къ Эку же сказано: «Мое мнѣніе таково, чтобы всѣ французскія письма, въ коихъ безтолково о московской исторіи пишутъ и кои изъ Москвы сюда присланы съ сегодняшнею почтою, отправились въ вашъ каминъ». Затѣмъ, нѣсколько дней спустя: «Мнѣ весьма хочется узнать, была ли возстановленная 18 и 19 числа тишина продолжительна, въ чемъ, кажется, и сомнѣнія нѣтъ. Осьмнадцатое столѣтіе вездѣ шалитъ, хотя оно предъ своими предшественниками и восхваляется» [3]).

Императрица все еще не рѣшалась назвать болѣзнь, свирѣпствовавшую въ Москвѣ, чумою; въ ея письмахъ къ г-жѣ Бьелке и къ Вольтеру въ началѣ октября сказано: «Это гнилыя горячки, злокачественныя, горячки съ пятнами и безъ пятенъ. Нашъ простой народъ не можетъ привыкнуть и примѣниться, по суевѣрію и невѣжеству, къ предосторожностямъ, необходимымъ въ подобныхъ обстоятельствахъ. Графъ Орловъ, видя быстрые успѣхи этой заразы, умолялъ меня позволить ему ѣхать туда, чтобы на мѣстѣ принять мѣры, какія окажутся нужными, къ прекращенію бѣдствія. Я согласилась на такой прекрасный и усердный съ его стороны поступокъ, хотя это мнѣ и очень больно, въ виду опасности, которой онъ подвергается». И г-жѣ Бьелке и Вольтеру Екатерина сообщила нѣкоторыя подробности о Московскомъ бунтѣ. «Этого не случилось бы», сказано въ одномъ изъ этихъ писемъ, «если бъ, по несчастію, фельдмаршалъ Салтыковъ не былъ на эту пору въ деревнѣ». «По истинѣ», сказано далѣе, «этому знаменитому осьмнадцатому вѣку есть чѣмъ гордиться! Вотъ

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XIX, 237.
[2]) Тамъ-же, XIII, 169.
[3]) Тамъ-же, XIII, 170—171.

какой мудрости мы достигли» и пр. [1]). Гораздо подробнѣе и свободнѣе говорится о подробностяхъ этого плачевнаго эпизода въ письмѣ къ Бибикову отъ 20 октября; тутъ сказано о Московскихъ «дурнотахъ»: «Проводили и мы мѣсяцъ въ такихъ обстоятельствахъ, какъ Петръ Великій жилъ тридцать лѣтъ. Онъ сквозь всѣхъ трудностей продрался со славою; мы надѣемся изъ нихъ выйти съ честью. Слабость фельдмаршала Салтыкова превзошла понятіе» и пр. [2]).

Орловъ прибылъ въ Москву въ самый разгаръ чумы [3]). Благодаря, быть можетъ, его распоряженіямъ, но особенно, какъ кажется, благодаря наступившимъ морозамъ, болѣзнь мало по малу стала ослабѣвать. Смертность убавлялась. Въ началѣ ноября, императрица распорядилась замѣнить Орлова Волконскимъ. Въ честь Орлова къ его возвращенію въ Петербургъ была выбита медаль [4]) и воздвигнуты мраморныя, до сихъ поръ существующія ворота съ надписью.

Даже въ то время, когда древняя столица постепенно освобождалась отъ заразы, Екатерина не переставала думать о мѣрахъ предосторожности, переписываясь объ этомъ предметѣ съ Волконскимъ [5]) и участвуя въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта.

Не легко опредѣлить число жертвъ чумы въ Москвѣ въ 1771 году; офиціальныя цифры безъ сомнѣнія далеко ниже дѣйствительности [6]). Императрица въ письмѣ къ Гримму отъ 30 января 1775 года изъ Москвы замѣтила, что убыль населенія въ древней столицѣ бросается въ глаза и что отъ чумы умерло болѣе 100,000 человѣкъ [7]).

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XIII, 175—177.

[2]) Тамъ-же, 179—181.

[3]) Напрасно между современниками ходили слухи, что Екатерина, посылая въ Москву Орлова, желала освободиться отъ него—чумою. Эту басню повторили въ новѣйшее время Блюмъ (въ соч. о Сиверсѣ, I, 339) и Бернгарди (II, 2, 274). Напрасно также г. Барсуковъ («Др. и Н. Россія», 1875, III, 120) говоритъ, что присутствіе Орлова «едва ли уже было необходимо». Смертность въ октябрѣ была громадна. Неустрашимость и распорядительность Орлова не подлежатъ сомнѣнію.

[4]) См. переписку Екатерины съ Фальконетомъ въ XVII т. «Сб. Ист. Общ.», стр. 158 и 193. Анекдоты Карабанова въ «Р. Старинѣ», V, 132.

[5]) Письма къ Волконскому въ «Осьмнадцатомъ вѣкѣ», I, 79 и слѣд.

[6]) См. таблицы въ изданіи: «Описаніе моровой язвы» и пр. Москва, 1775. Приложеніе 115 (стр. 620 и слѣд.).

[7]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 15.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ можно усмотрѣть, сколь многостороннею была дѣятельность Екатерины въ области администраціи и законодательства. Она не переставала заботиться объ общемъ благѣ подданныхъ. Недостаточныя успѣхи неусыпныхъ трудовъ императрицы объясняются затруднительнымъ положеніемъ, въ которомъ находилась имперія, вслѣдствіе усложненія нѣкоторыхъ вопросовъ внѣшней политики, недостаткомъ въ добросовѣстныхъ и опытныхъ сотрудникахъ и нѣкоторымъ дилеттантизмомъ въ предначертаніяхъ Екатерины, не всегда постигавшей вполнѣ отчетливо и ясно всю сложность задачъ внутренняго управленія. Однако, нельзя не сознавать, что не только готовые и законченные результаты законодательной и административной дѣятельности правительствъ должны сдѣлаться предметомъ историческаго изложенія, но что достойны вниманія также и духъ, высказывающійся при такомъ трудѣ, направленіе, въ которомъ совершаются реформы, благія намѣренія, которыми руководствуются замѣчательные дѣятели.

ИСТОРІЯ
ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ

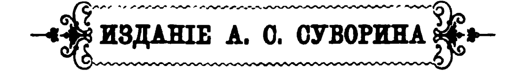
ИСТОРІЯ
ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ

СОЧИНЕНІЕ

А. БРИКНЕРА

профессора русской исторіи въ дерптскомъ университетѣ

съ 300 гравюрами и украшеніями на деревѣ, исполненными лучшими иностранными и русскими граверами

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1885

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Послѣдніе годы. Личность императрицы

СОДЕРЖАНІЕ ЧАСТИ ПЯТОЙ.

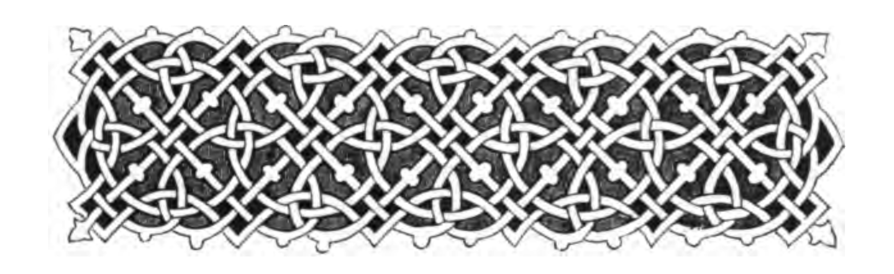
ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ. ЛИЧНОСТЬ ИМПЕРАТРИЦЫ.

Екатерина II въ 1794 году.

Съ портрета того времени, сдѣланнаго съ натуры карандашомъ Шубинымъ.

(Подлинникъ въ Эрмитажѣ).

ГЛАВА I.

Реакція.

Французская революція.

ПОСЛѢДНІЕ годы царствованія Екатерины совпали съ переворотомъ во Франціи. Настала новая эпоха въ исторіи человѣчества. Императрица не могла понять всей важности значенія событій во Франціи. Необычайно рѣзко порицала она образъ дѣйствій партіи прогрессистовъ въ этой странѣ; обстоятельства заставляли ее принять участіе въ борьбѣ противъ революціонной Франціи. Въ этой борьбѣ, однако, сторонники стараго порядка, къ которымъ принадлежала Екатерина, потерпѣли пораженіе; роялисты и эмигранты, поддерживаемые ею, не могли остаться побѣдителями. Начала, проповѣдуемыя ими, оказались анахронизмомъ. Такая неудача исполнила императрицу негодованія и раздраженія.

Екатерина называла Вольтера своимъ наставникомъ; она была какъ бы питомцемъ литературы просвѣщенія, находилась подъ вліяніемъ тѣхъ самыхъ либеральныхъ идей, которыя служили руководствомъ, или программой, для революціи. Теперь же она не была въ состояніи постигнуть тѣсную связь, существовавшую между новыми воззрѣніями эпохи революціи и началами того либерализма, которымъ она сама съ раннихъ лѣтъ была проник-

нута. Поэтому, она не умѣла судить правильно о событіяхъ и безпристрастно о лицахъ, игравшихъ важнѣйшія роли въ этихъ событіяхъ. Все это ложилось какъ бы мрачною, густою тѣнью на послѣдніе годы жизни и царствованія Екатерины.

Дипломатическія сношенія между Россіею и Франціею во все время царствованія Екатерины оставались холодными; за то въ теченіе всего этого времени существовала самая оживленная связь между императрицею и корифеями французской литературы. Положеніе французскихъ дипломатовъ въ Россіи и русскихъ въ Версали часто оказывалось довольно затруднительнымъ; французское правительство считало, какъ мы видѣли, «Большой Наказъ» Екатерины чрезвычайно опасною книгою; французскіе министры и дипломаты всячески противодѣйствовали интересамъ Россіи въ Польшѣ, Швеціи, Турціи и пр.; въ то же время, однако, Екатерина переписывалась съ Вольтеромъ, Дидеро, Даламберомъ, г-жею Жофренъ, барономъ Гриммомъ; представители высшихъ классовъ русскаго общества часто посѣщали Францію и находились въ личныхъ сношеніяхъ съ французскими писателями и учеными.

Въ восьмидесятыхъ годахъ, впрочемъ, и въ области политики произошло нѣкоторое сближеніе между Россіею и Франціею. «Вооруженный нейтралитетъ», возбудившій неудовольствіе англичанъ, понравился французамъ. Франція начала надѣяться на заключеніе наступательнаго союза съ Россіею противъ Англіи. Графъ Сегюръ, прибывшій въ Россію въ началѣ 1785 года въ качествѣ французскаго посланника, пользовался личнымъ расположеніемъ императрицы; онъ игралъ при русскомъ дворѣ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ гораздо болѣе важную роль, нежели его предшественники, какъ, напр., Сабатье-де-Кабръ, Веракъ и Корберонъ. Король Людовикъ XVI относился къ Екатеринѣ съ гораздо бо́льшимъ вниманіемъ, чѣмъ Людовикъ XV. Около этого же времени, однако, Франція приближалась къ ужасному кризису.

Мы уже упоминали раньше, что возстаніе американскихъ колоній возбудило сильное негодованіе Екатерины. Она нисколько не раздѣляла восхищенія французскаго общества по поводу этого событія. Неоднократно она говорила, что на мѣстѣ короля Георга III никогда не могла бы помириться съ мыслью о потерѣ столь богатыхъ провинцій. При всемъ томъ, однако, Екатерина пригласила знаменитаго генерала Лафайэта, героя войны за освобожденіе американскихъ колоній, сопутствовать ей въ путешествіи въ Крымъ

въ 1787 году и крайне сожалѣла о томъ, что собраніе нотаблей во Франціи воспрепятствовало поѣздкѣ Лафайэта въ Россію. Когда Франклинъ, въ 1778 году, выразилъ желаніе посѣтить Россію, Екатерина замѣтила, что свиданіе со знаменитымъ героемъ американ-

Вольтеръ.

Съ портрета, писаннаго въ 1764 г. въ Фернейскомъ замкѣ Дауэлемъ.

ской революціи доставило бы ей, безъ сомнѣнія, гораздо бо́льшее удовольствіе, нежели личное знакомство съ Густавомъ III, однако, въ то же время она просила Гримма отсовѣтовать Франклину, находившемуся въ преклонныхъ лѣтахъ, отваживаться на столь

дальнее путешествіе[1]). Взглянувъ однажды, въ 1782 году, на портретъ Франклина, Екатерина сказала: «Je ne l'aime pas»[2]).

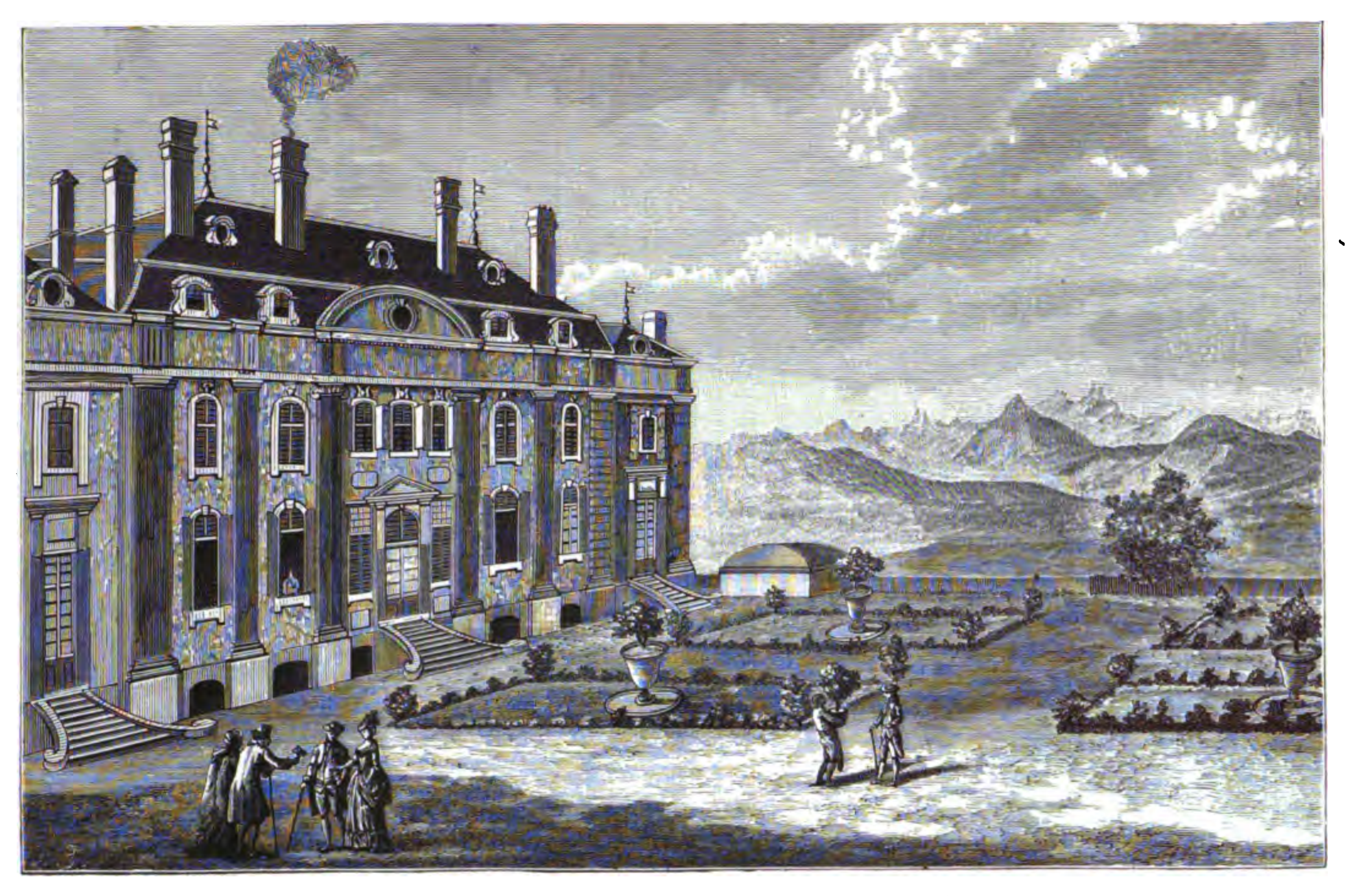
Изъ всего этого видно, что было не легко соединять либеральныя идеи, связанныя съ республиканизмомъ, съ практическою дѣятельностью монархини Россіи. Екатерина не замѣчала непослѣдовательности, которая бросается въ глаза при разборѣ мыслей и дѣйствій ея самой, Іосифа II, Фридриха II, Густава III и прочихъ представителей просвѣщеннаго абсолютизма.

Катастрофа, постигшая Бурбоновъ, была для многихъ современниковъ, въ особенности же для представителей власти, неожиданнымъ событіемъ. Франція во время царствованія Людовика XVI, приближаясь къ роковому кризису, имѣла все таки нѣкоторое значеніе въ области международныхъ сношеній. Однако, симптомы ея внутренняго разложенія заставляли болѣе зоркихъ наблюдателей задумываться на счетъ будущности этого государства.

Екатерина все время съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за событіями во Франціи. Графъ Иванъ Чернышевъ писалъ ей въ 1778 году изъ Парижа о страшномъ волненіи во французскомъ обществѣ. «Никто не можетъ предвидѣть», сказано въ этомъ письмѣ, «куда поведетъ это броженіе умовъ». Екатерина отвѣчала, что ей не нравится легкомысліе королевы Маріи-Антуанеты, смѣявшейся при каждомъ случаѣ, между тѣмъ какъ ей слѣдовало бы вспомнить о поговоркѣ: «rira bien qui rira le dernier»[3]). Въ бесѣдѣ съ Сегюромъ императрица много говорила о разстройствѣ французскихъ финансовъ, о расточительности Версальскаго двора и пр.[4]). Когда возникло знаменитое дѣло объ ожерельѣ королевы, для императрицы были выписаны изъ Парижа относящіяся къ этому знаменитому процессу бумаги и книги. Весьма неблагопріятно отзывалась она о легкомысленномъ отношеніи французскаго общества къ извѣстному обманщику Каліостро[5]). Съ барономъ Гриммомъ она переписывалась о Неккерѣ, о спорѣ французскаго правительства съ парламентами. Прочитавъ извѣстный «Compte rendu» и другой трудъ Неккера, о хлѣбной торговлѣ, Екатерина выразила надежду, что авось удастся этому талантливому государственному дѣятелю вывести Францію изъ

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 83—84.
[2]) «Дневникъ Храповицкаго», 6 іюня 1782 г.
[3]) «Сб. Ист. Общ.», II, 407.
[4]) Ségur, Mémoires, II, 343.
[5]) Дневникъ Храповицкаго, 14 и 30 апрѣля, 14 іюня 1786 г.

Видъ Фернейскаго замка, принадлежавшаго Вольтеру, въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ гравюры прошлаго вѣка Маскелье, сдѣланной съ рисунка съ натуры Брандуеня.

крайне опаснаго положенія, прибавляя, что ей по собственному опыту хорошо извѣстны всѣ такого рода затрудненія. Чѣмъ болѣе она надѣялась на Неккера, тѣмъ непріятнѣе ее поразила вѣсть объ отставкѣ этого министра въ 1781 году. Она получала письма и книги отъ самого Неккера; по ея желанію, Гриммъ заказалъ для нея портретъ знаменитаго министра; въ 1785 году, она выразила надежду, что Людовикъ XVI оставилъ прежнее нерасположеніе къ полезному дѣятелю. Затѣмъ, однако, когда вспыхнула революція, Екатерина возненавидѣла Неккера, считая его виновникомъ кризиса, упрекая его въ чрезмѣрномъ тщеславіи, въ измѣнчивости убѣжденій и пр. Въ 1795 году, она называла его «ce très-vilain et bête Necker» и находила его «достойнымъ ненависти», радуясь тому, что Гриммъ прервалъ всѣ сношенія съ бывшимъ министромъ [1]).

Екатерина одобряла мысль французскаго правительства созвать собраніе нотаблей; она ожидала, что эта мѣра приведетъ въ лучшій порядокъ финансовое состояніе Франціи, и выражала надежду, что, благодаря этому, король Людовикъ XVI сдѣлается столь же популярнымъ, какимъ былъ Генрихъ IV [2]). Въ разговорѣ съ Храповицкимъ Екатерина сказала объ «Assemblée des notables»: «Не всякому сіе удается; мы могли сдѣлать собраніе депутатовъ» [3]). И въ письмѣ къ Гримму она сравнивала собраніе нотаблей съ Большою Комиссіею, указывая на опасность такихъ предпріятій. О Калоннѣ она сначала отзывалась неблагопріятно; затѣмъ, однако, она была болѣе выгоднаго о немъ мнѣнія; Лафайэтъ ей понравился; она замѣтила, что, если онъ будетъ въ немилости у короля, то всегда можетъ найдти подходящее положеніе въ Россіи [4]).

Прилежнѣе прежняго принимаясь за чтеніе газетъ, Екатерина не безъ раздраженія узнала о томъ, что чернь въ Парижѣ метала грязью въ карету королевы, когда она ѣхала въ оперу, и что Марія Антуанета была принуждена воротиться [5]).

Между тѣмъ во Франціи уже былъ поднятъ вопросъ о собраніи государственныхъ чиновъ. Екатерина, услыхавъ объ этомъ, хорошо понимала, что такое собраніе заключало въ себѣ страшную опасность. 9 января 1788 года, Храповицкій пишетъ: «Раз-

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 10, 14, 66, 197, 215, 338, 448, 483, 509, 631, 637.

[2]) Ségur, Mémoires, III, 83.

[3]) Храповицкій, 26 апрѣля 1787 г.

[4]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 400, 403, 414, 415, 443, 466.

[5]) Храповицкій, 12 сентября 1787 года.

говоръ объ обстоятельствахъ Франціи и что ей должно войти въ войну, дабы избѣгнуть сдѣланнаго королемъ обѣщанія о собраніи чиновъ государственныхъ—Etats». 18 мая 1788 г. у Храповицкаго сказано: «Въ откровенности разсуждали, что во Франціи можетъ послѣдовать междоусобіе, по сильному упорству парламентовъ противъ власти королевской, и тѣмъ важнѣе будутъ слѣдствія, ежели Англія тутъ замѣшается». Въ письмахъ къ барону Гримму Екатерина, также не безъ опасенія, говорила о созваніи «Etats généraux», замѣчая, что въ интересѣ Европы нельзя не желать, чтобы Франція сохранила свою силу и свое значеніе [1]). Въ бесѣдѣ съ графомъ Сегюромъ императрица, послѣ созванія «Etats généraux», порицала чрезмѣрныя притязанія собранія, замѣчая, что жертва, приносимая королемъ, не положитъ конца броженію умовъ во Франціи [2]).

Какъ императрица приняла извѣстіе о штурмѣ Бастиліи, видно изъ дневника Храповицкаго. Путемъ перлюстраціи писемъ, она узнала объ образѣ мыслей Сегюра по поводу этого событія. Сегюръ былъ въ восхищеніи отъ штурма Бастиліи и писалъ въ этомъ смыслѣ Лафайэту, поздравляя его съ этимъ событіемъ и пр. Екатерина въ раздраженіи спрашивала: «Можетъ ли такъ писать королевскій министръ? Что скажетъ императоръ, когда обо всемъ этомъ узнаетъ? Странное письмо. Онъ его поздравляетъ со счастливою революціею». Неоднократно императрица сожалѣла о слабости характера Людовика XVI; однажды она замѣтила: «Le pourquoi est le roi. Онъ всякій вечеръ пьянъ, и имъ управляетъ кто хочетъ» и пр. [3]). Когда Сегюръ собирался уѣхать во Францію, императрица сказала ему, что онъ, вѣроятно, застанетъ свою родину охваченною опасною болѣзнью и въ страшной лихорадкѣ; къ этому она прибавила, что Сегюръ, вѣроятно, сдѣлается сторонникомъ народнаго дѣла («de la cause populaire»), между тѣмъ какъ она, уже по своему ремеслу, останется вѣрною аристократическому началу [4]).

10 августа 1789 г., Екатерина сказала: «Со вступленія на престолъ я всегда думала, что ферментаціи тамъ быть должно; нынѣ не умѣли пользоваться расположеніемъ умовъ: Файэта, comme un ambitieux, взяла бы къ себѣ и сдѣлала своимъ защитникомъ!

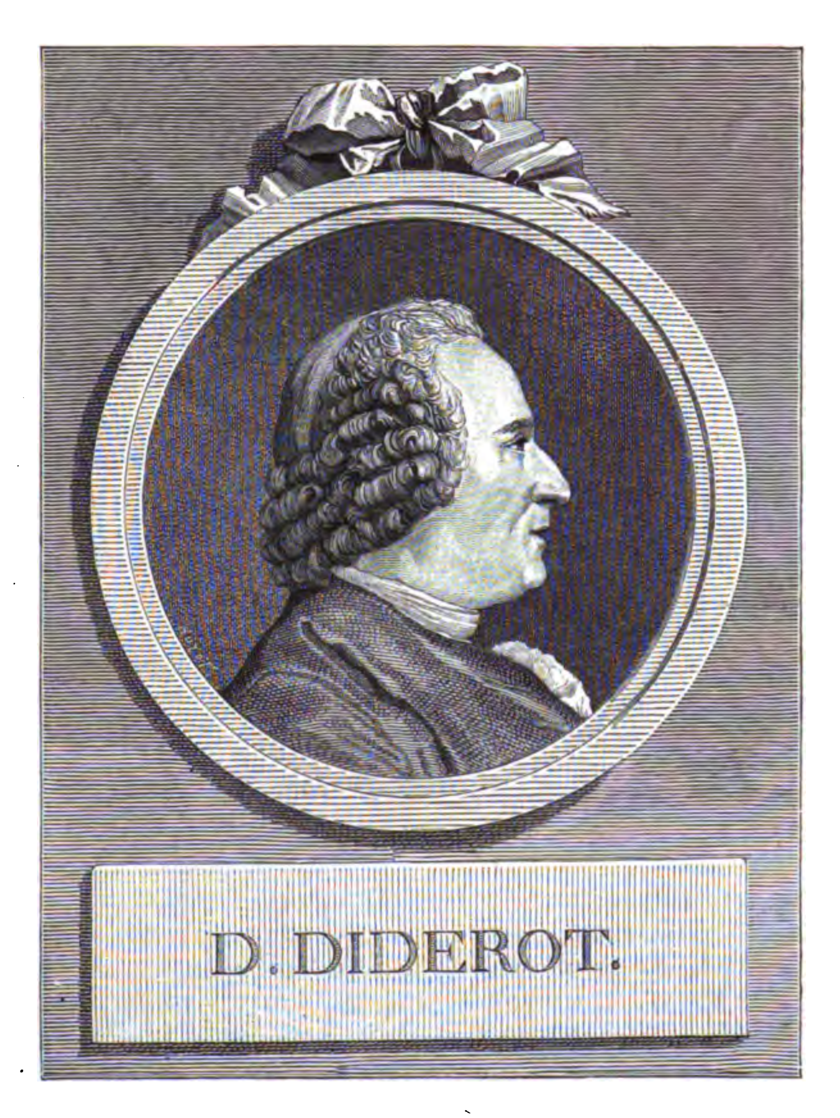
[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 432.
[2]) Ségur, Mémoires, III, 506.
[3]) Храповицкій, 29 іюля 1789.
[4]) Ségur, Mémoires, III, 531.

Замѣть, что дѣлала здѣсь съ восшествія». Въ сентябрѣ, она назвала состояніе Франціи чисто анархическимъ и замѣтила: «Они тамъ въ самомъ дѣлѣ способны повѣсить короля; это ужасно». Судьба Людовика XVI сильно безпокоила императрицу; она выразила надежду, что королю удастся оставить Парижъ и удалиться въ Мецъ, для соединенія съ дворянствомъ. Узнавъ о событіяхъ во Франціи въ октябрѣ, Екатерина въ крайнемъ волненіи разсказывала Храповицкому, что чернь заставила короля переѣхать изъ Версали въ Парижъ. При этомъ она сказала: «Его постигнетъ судьба Карла I»; въ раздраженіи она воображала себѣ, въ какой степени были бы поражены всѣмъ этимъ Буало и Людовикъ XIV. Екатерина хвалила сочиненіе Бёрке о французской революціи и замѣтила при этомъ, что дѣла Людовика XVI «касаются до всѣхъ государей, и его оскорбленное достоинство требуетъ торжественнаго возстановленія» [1]). Отмѣна титуловъ во Франціи исполнила императрицу негодованіемъ. Она выразила опасеніе, что герцогъ Орлеанскій сдѣлается правителемъ и что корона во Франціи не останется наслѣдственною, что поэтому Франція, подобно Польшѣ, лишится всякаго значенія и пр. [2]). Ей сильно не понравилась также отмѣна привилегій. Въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ она порицала образъ дѣйствій либеральныхъ депутатовъ отъ дворянства и духовенства, подавшихъ свои голоса въ пользу такой радикальной мѣры. Она считала неблагоразумнымъ, что правительство могло ввѣрить столь многочисленному собранію обширный авторитетъ и поручить ему редакцію законовъ. Особенно же императрица была раздражена уступчивостью короля, соглашавшагося на многія важныя перемѣны. Измѣненіе королевскаго титула — его стали называть «королемъ французовъ» — казалось Екатеринѣ нелѣпымъ и преступнымъ нарушеніемъ вѣкового обычая, достойнаго благоговѣнія. Императрица, намѣревавшаяся раньше подарить городскому головѣ Парижа, Бальи, свой портретъ, объявила, что теперь нельзя этого исполнить, потому что Бальи, сдѣлавшись «démonarchiseur'омъ», не можетъ получить портретъ «самой аристократической императрицы въ Европѣ». Екатерина находила, что «Assemblée nationale» должна будетъ сжечь сочиненія французскихъ философовъ, потому что въ нихъ заключается протестъ противъ всего того,

---

[1]) «Соч. Екат.», изд. Смирдина, III, 413.

[2]) Храповицкій, 14 іюля 1790 г.

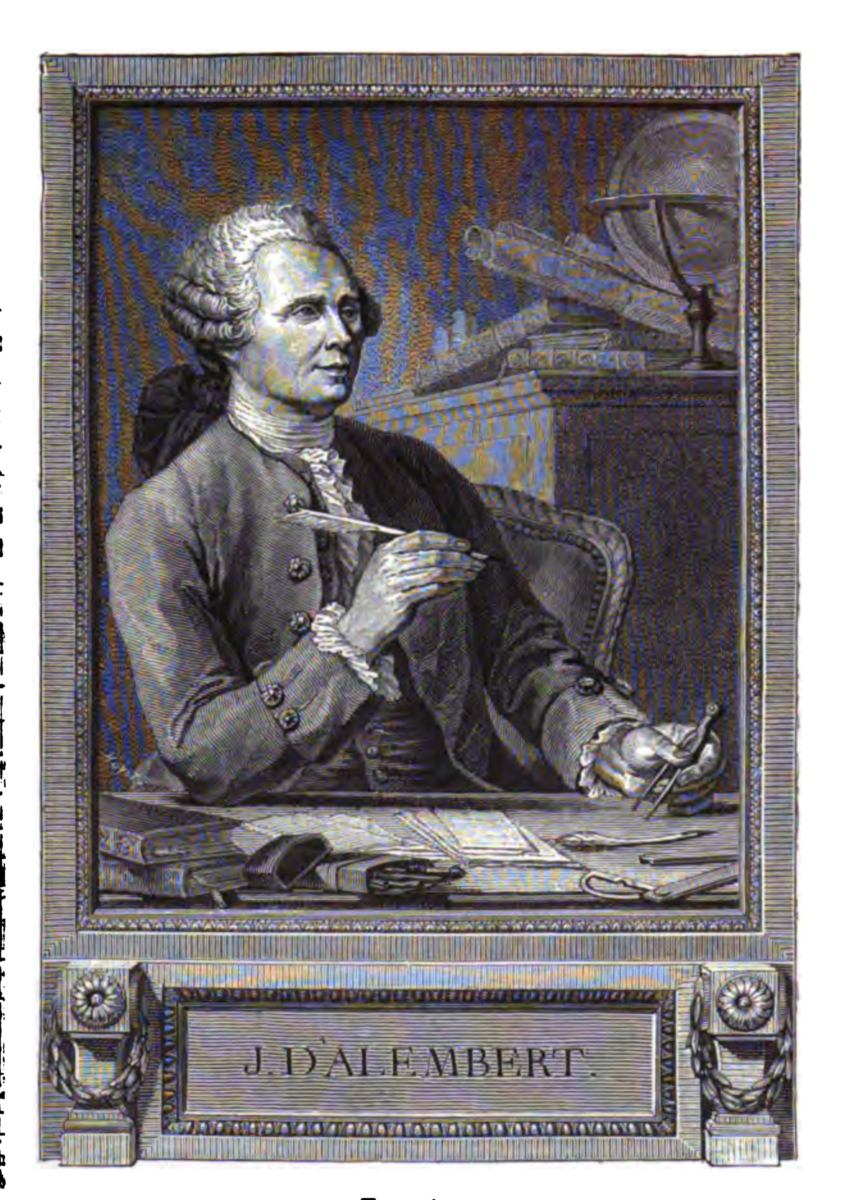

Дидро.

Съ гравюры Катлена, сдѣланной съ портрета, писаннаго Кошенемъ.

что нынѣ происходитъ во Франціи. Негодованіе императрицы доходило до того, что она начала говорить о необходимости повѣсить нѣкоторыхъ членовъ національнаго собранія, чтобы тѣмъ самымъ образумить остальныхъ; вообще она называла депутатовъ интриганами, недостойными званія законодателей, «канальями», которыхъ можно-бы сравнить съ «маркизомъ Пугачевымъ». Лѣтомъ 1790 года, Екатерина писала къ барону Гримму, что, въ случаѣ торжества французскихъ либеральныхъ идей и въ другихъ государствахъ, можно считать Европу погибшею; она сожалѣла о громадной разницѣ между находившимся въ состояніи опьяненія національнымъ собраніемъ и великолѣпнымъ дворомъ Людовика XIV. Лучшіе французскіе писатели, говорила Екатерина, были роялистами, какъ, напр., и Вольтеръ: всѣ они отстаивали тишину и порядокъ. Отмѣна дворянскаго достоинства въ глазахъ Екатерины была «сумасброднымъ» дѣйствіемъ; она указывала на вопіющую несправедливость, заключавшуюся въ лишеніи дворянъ тѣхъ преимуществъ, которыя они заслужили себѣ своимъ трудомъ, доблестью и пр. Слава Франціи, сказала она, погибла навсегда. Съ гордостью Екатерина замѣтила, что, пока она жива, въ Россіи не будутъ разыгрывать роль законодателей адвокаты и прокуроры. Она считала вѣроятнымъ, что Франція, вслѣдствіе революціонныхъ событій, превратится опять въ ту полудикую страну, какою она была при Цезарѣ; по ея мнѣнію, нельзя было сомнѣваться въ предстоявшемъ появленіи какого нибудь Цезаря, который образумитъ «Галловъ». Иногда императрица говорила о томъ, что̀ бы она сдѣлала на мѣстѣ Артуа, Конде, Булье и др., или заявляла о своемъ намѣреніи написать большую книгу о происходящихъ во Франціи «нелѣпостяхъ»; законъ объ отвѣтственности министровъ казался императрицѣ ужаснымъ преступленіемъ; она ожидала, что, благодаря такому законопроекту, всѣ министры должны будутъ очутиться на галерахъ. Она не могла понять, какимъ образомъ многіе считали Мирабо великимъ государственнымъ человѣкомъ, тогда какъ, на ея взглядъ, онъ былъ достоенъ тюрьмы, висѣлицы, колесованія. О себѣ Екатерина утверждала, что она и по своему званію, и по долгу остается роялисткою.

Неоднократно императрица заявляла о своемъ сочувствіи Маріи Антуанетѣ, о желаніи содѣйствовать спасенію королевы. Узнавъ о бѣгствѣ королевскаго семейства, Екатерина чрезвычайно обрадовалась; однако, вскорѣ радость превратилась въ печаль. Вечеромъ того же дня, въ Петергофѣ узнали о задержаніи Людовика XVI,

Даламберъ.

Съ гравюры Генрикеца, сдѣланной съ портрета, писаннаго Жоленемъ.

его супруги и ихъ дѣтей и объ отправленіи несчастнаго семейства въ Парижъ [1]).

Екатерина, однако, все еще надѣялась на реакціонное движеніе, на строгое наказаніе, которое, рано или поздно, должно будетъ постигнуть Францію. По ея мнѣнію, войско, состоящее изъ 20.000 казаковъ, безъ труда могло бы очистить путь отъ Страсбурга до Парижа; какъ видно, императрица раздѣляла въ этомъ отношеніи воззрѣнія, господствовавшія въ то время въ Вѣнѣ и Берлинѣ и имѣвшія результатомъ неудачу похода коалиціонныхъ войскъ въ 1792 году. Впрочемъ, Екатерина довольно вѣрно разсуждала о негодности войскъ германской имперіи, замѣчая въ письмѣ къ Гримму: «Съ давнихъ поръ я знаю, что войско, состоящее изъ отрядовъ солдатъ имперскихъ государей, никуда не годится».

Уступчивость Людовика XVI, согласившагося принять черезъчуръ либеральную конституцію, глубоко поразила Екатерину. «Можно-ли», спрашивала она, «помочь королю, который самъ не знаетъ своихъ выгодъ»; она обвиняла короля въ томъ, что подобнымъ дѣйствіемъ онъ сдѣлался, такъ сказать, главою революціонеровъ [2]).

Узнавъ объ арестѣ короля и заключеніи королевскаго семейства въ Тамплѣ, императрица воскликнула: «Это ужасно!» По полученіи извѣстій о процессѣ короля и его казни, Екатерина занемогла и слегла въ постель; она была въ глубокой горести, однако выразила надежду, что Англія теперь уничтожитъ Францію. «Нужно искоренить всѣхъ французовъ до того, чтобы и имя этого народа исчезло», сказала она. «Равенство—чудовище», замѣтила она въ другой разъ, «которое, во что бы то ни стало, хочетъ сдѣлаться королемъ».

Императрицею въ это время было составлено нѣсколько записокъ о положеніи дѣлъ во Франціи; въ одной изъ нихъ, отъ

---

[1]) Баронъ Гриммъ для королевы Маріи Антуанеты сдѣлалъ выписки изъ писемъ Екатерины, указывая на тѣ мѣста, въ которыхъ говорилось о королевѣ. См. «Сб. Ист. Общ.», II, 346—348. Извѣстно, что бѣгству королевскаго семейства содѣйствовала баронесса Корфъ, дочь петербургскаго банкира; см. о ея участіи въ этомъ дѣлѣ статью съ документами въ «Русскомъ Архивѣ», 1866, стр. 800—816.

[2]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 500. См. далѣе мою статью «С.-Петербургскія Вѣдомости во время французской революціи» въ «Др. и Нов. Россіи» 1876, т. I, и мою статью: «Katharina II und d. franz. Revolution» въ «Russische Revue», III, а также мою статью о перепискѣ Екатерины съ Гриммомъ въ «Russische Revue», XVI, 496 и слѣд.

Людовикъ XVI.

Съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія.

4 декабря 1791 года, сказано, что нѣтъ никакого основанія бояться Франціи, которая вскорѣ должна будетъ возвратиться къ монархическому началу; въ другой заключались доказательства, что даже гегемонія Людовика XIV не представляла собою такой опасности для Европы, какъ республика. Въ запискахъ одного изъ секретарей Екатерины, Грибовскаго, встрѣчаются слѣдущія замѣчанія императрицы: «Мы не должны предать добродѣтельнаго короля въ жертву варварамъ. Ослабленіе монархической власти во Франціи подвергаетъ опасности всѣ другія монархіи. Древніе за одно утѣсненное правленіе воевали противъ сильныхъ; почему же европейскіе государи не устремятся на помощь государю и его семейству, въ заточеніи находящемуся? Безначаліе есть злѣйшій бичь, особливо когда дѣйствуетъ подъ личиною свободы, сего обманчиваго призрака народовъ. Европа вскорѣ погрузится въ варварство, если не поспѣшатъ ее отъ онаго предохранить. Съ моей стороны я готова воспротивиться всѣми моими силами. Пора дѣйствовать и приняться за оружіе для устрашенія сихъ бѣснующихся! Благочестіе къ сему возбуждаетъ, религія повелѣваетъ, человѣчество призываетъ, а съ нимъ драгоцѣнныя и священныя права Европы сего требуютъ» [1]).

На одномъ изъ вечеровъ въ Царскомъ Селѣ, заговорили о французской революціи. Многіе были того мнѣнія, что легко укротить такое возмущеніе. Екатерина написала по этому поводу записку, въ которой сказала между прочимъ: «Лѣтописи протекшихъ временъ доказываютъ, что государства, онустошаемыя безначаліемъ и лютостями, отъ онаго проистекающими, весьма опасны сосѣдственнымъ странамъ бываютъ. Кровавыя междоусобія, раззоряя области и города, ввергаютъ народы въ нищету и отчаяніе и, отъемля личную и имущественную безопасность, тѣмъ самымъ содѣлываютъ ихъ мятежными и къ бранямъ склонными» и пр. [2]).

Екатерина находилась въ сношеніяхъ съ роялистами и эмигрантами: нѣкоторые изъ нихъ нашли убѣжище въ Россіи, напр., Сенакъ-де-Мельянъ, С. Бри, Эстергази и др. Императрица получила отъ генерала Буйе письмо, въ которомъ онъ объяснялъ причины неудачи попытки вывезти короля изъ Франціи. Она, заботясь о нуждахъ эмигрантовъ, называла себя «Madame la Ressource». Якобинцы грозили убить Екатерину; она возразила, что ей очень хотѣлось бы наказать якобинцевъ розгами и пал-

---

[1]) «Записки Грибовскаго», 54—55.
[2]) «Русскій Архивъ» 1865, стр. 1282—84.

ками. Ее сильно оскорбило сдѣланное кѣмъ-то замѣчаніе, что еще до революціи Вольтеръ проповѣдовалъ начала анархіи. Разсуждая о связи между литературою просвѣщенія и революціею, императрица допускала, что французскіе философы и писатели ошибались, считая народъ расположеннымъ къ добродѣтели и способнымъ къ правильному мышленію, между тѣмъ какъ теперь оказалось, что эти «адвокаты и прокуроры и всѣ изверги», пользуются философіею, какъ средствомъ оправданія самыхъ ужасныхъ преступленій; несчастные французы, продолжала Екатерина, стремились къ свободѣ, а теперь они терпятъ иго тиранства; развѣ только чума и голодъ, сказала она, могутъ образумить французовъ. Императрица постоянно предсказывала появленія диктатора во Франціи. Въ февралѣ 1794 года, она писала: «Если Франція справится съ своими бѣдами, она будетъ сильнѣе, чѣмъ когда либо, будетъ послушна и кротка какъ овечка; но для этого нуженъ человѣкъ недюжинный, ловкій, храбрый, опередившій своихъ современниковъ и даже, можетъ быть, свой вѣкъ. Родился онъ, или еще не родился? Придетъ ли онъ? Все зависитъ отъ того. Если найдется такой человѣкъ, онъ стопою своею остановитъ дальнѣйшее паденіе, которое прекратится тамъ, гдѣ онъ станетъ, во Франціи или въ иномъ мѣстѣ» [1]).

Екатерина не дожила до диктатуры Наполеона. За то она имѣла случай выразить свое негодованіе по поводу заключенія Базельскаго мира. Ей казалось непостижимымъ, какимъ образомъ Пруссія могла помириться съ «режисидами», съ «извергами человѣчества». Она дала знать голландцамъ, что не хочетъ имѣть съ ними дѣла до тѣхъ поръ, пока они находятся подъ игомъ Франціи; называла австрійскаго министра Тугута «якобинцемъ», сравнивала принца Генриха съ Филиппомъ Эгалите и пр.

Впрочемъ, императрица была крайне недовольна и эмигрантами, пользовавшимися ея покровительствомъ; неопредѣленная политика Австріи и шаткость англійскаго правительства возбуждали негодованіе Екатерины; она чрезвычайно рѣзко отзывалась о Людовикѣ XVIII, искавшемъ убѣжища и поддержки при разныхъ дворахъ. Надежды императрицы на реакціонное движеніе противъ революціи не исполнились при ея жизни: въ минуту ея кончины, напротивъ, старый порядокъ въ Европѣ велъ упорную борьбу съ революціонною Франціею и находился всюду въ проигрышѣ.

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 592.

Впрочемъ, императрица не желала принимать непосредственнаго участія въ войнѣ противъ Франціи. Уже по своему географическому положенію, Россія во время революціи подвергалась меньшей опасности, чѣмъ западная Германія, Швейцарія, Италія. Въ нѣкоторомъ смыслѣ можно было назвать войну прочихъ державъ противъ Франціи мѣрою обороны. Участіе Россіи въ этой общей войнѣ могло объусловливаться лишь весьма сложнымъ разсчетомъ. Екатерина оставалась чуждою всякой сентиментальности въ дѣлахъ политики, тогда какъ въ образѣ дѣйствій Густава IV или Фридриха Вильгельма II, важное значеніе имѣли чувства и субъективныя воззрѣнія. Хладнокровіе Екатерины скорѣе можно сравнить съ безпристрастно-разсчетливымъ образомъ дѣйствій императора Леопольда II. Къ тому же она едва ли могла вѣрить въ опасность заразы французскихъ революціонныхъ идей для Россіи вообще. Она въ это время, какъ мы видѣли, была занята польскимъ вопросомъ, турецкими дѣлами и пр. При всемъ томъ, однако, можно считать вѣроятнымъ, что Екатерина наканунѣ своей кончины мечтала о рѣшительныхъ мѣрахъ противъ революціонной Франціи.

Были приняты кое-какія полицейскія мѣры для отвращенія опасности, грозившей Россіи со стороны французской революціи. Французамъ, находившимся въ Россіи, дозволялось оставаться не иначе, какъ подписавъ присягу, что они ничего общаго не имѣютъ съ «правилами безбожными и возмутительными» и что они признаютъ «злодѣяніе, учиненное сими извергами надъ королевскою особою во всемъ томъ омерзеніи, каковое оно возбуждаетъ во всякомъ добромъ гражданинѣ»; кромѣ того, французы, находившіеся въ Россіи, должны были дать обѣщаніе прервать «всякія сношенія съ одноземцами своими, повинующимися нынѣшнему «незаконному и неистовому правленію» [1]). По приблизительному разсчету, около тысячи проживавшихъ въ Россіи французовъ подписали присягу [2]). Когда распространился слухъ, что французскіе демагоги разсылали убійцъ для покушенія на жизнь государей, дежурный генералъ-адъютантъ, П. Б. Пассекъ, вздумалъ при каждомъ входѣ дворца удвоить караулы. Императрица приказала немедленно отмѣнить это распоряженіе [3]). За нѣкоторыми французами, проживавшими въ Россіи, наблюдали особенно

[1]) П. С. Зак., 17101.

[2]) Списки подписей въ приложеніяхъ къ «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ» того времени.

[3]) Зап. Грибовскаго, 38.

Королева Марія-Антуанета съ дѣтьми.

Съ портрета, писаннаго г-жей Виже-Лебренъ и находящагося въ Версали.

строго. Русскимъ было строжайше запрещено путешествовать по Франціи [1]). Дипломатическія сношенія между Россіею и Франціею вовсе прекратились. Было запрещено привозить или выписывать всякія вещи изъ Франціи и пр.

Хотя многое, что разсказано въ запискахъ Массона о раздраженіи Екатерины противъ французской революціи, едва-ли можетъ считаться достовѣрнымъ, все таки любопытно видѣть, сколько анекдотовъ по этому поводу разсказывалось въ различныхъ кружкахъ петербургскаго общества; такъ, напр., Массонъ пишетъ, что убійство Густава III и кончина Леопольда II считались при русскомъ дворѣ прямымъ дѣйствіемъ вліянія якобинцевъ; что бюсты Вольтера и Фокса, поставленные въ галлереѣ Эрмитажа, во время террора были брошены въ уголъ; что Екатерина и Уашингтона называла бунтовщикомъ; что поляковъ за государственный переворотъ 3 мая 1791 года называли якобинцами, и пр. [2]).

Положеніе Екатерины было своеобразно. До 1789 года она постоянно находилась въ перепискѣ съ знаменитѣйшими писателями Франціи. Во время же революціи ей говорили, что эта литература просвѣщенія повела къ страшному кризису во Франціи. До революціи «Наказъ» Екатерины былъ запрещенъ цензурою во Франціи; во время же революціи французская литература въ Россіи считалась крайне опасною.

Это двойственное отношеніе Екатерины къ событіямъ во Франціи и къ главнымъ началамъ французской революціи особенно рельефно выказывается въ томъ обстоятельствѣ, что въ то самое время, когда въ Петербургѣ, при дворѣ императрицы, находились эмигранты, когда въ русской столицѣ собирался кружокъ французовъ, заслужившій себѣ названіе «le petit Coblence» [3]), воспитателемъ и наставникомъ внуковъ императрицы былъ и оставался Лагарпъ.

Лагарпъ, и по своему образованію, и по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, и по своимъ отношеніямъ къ либеральнымъ партіямъ въ Швейцаріи, былъ довольно близокъ къ тѣмъ началамъ, которыя восторжествовали въ 1789 году во Франціи. Съ другой стороны, оставаясь въ теченіе революціи въ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ императрицею Екатериною и съ великими князьями, онъ могъ служить, такъ сказать, посредникомъ между

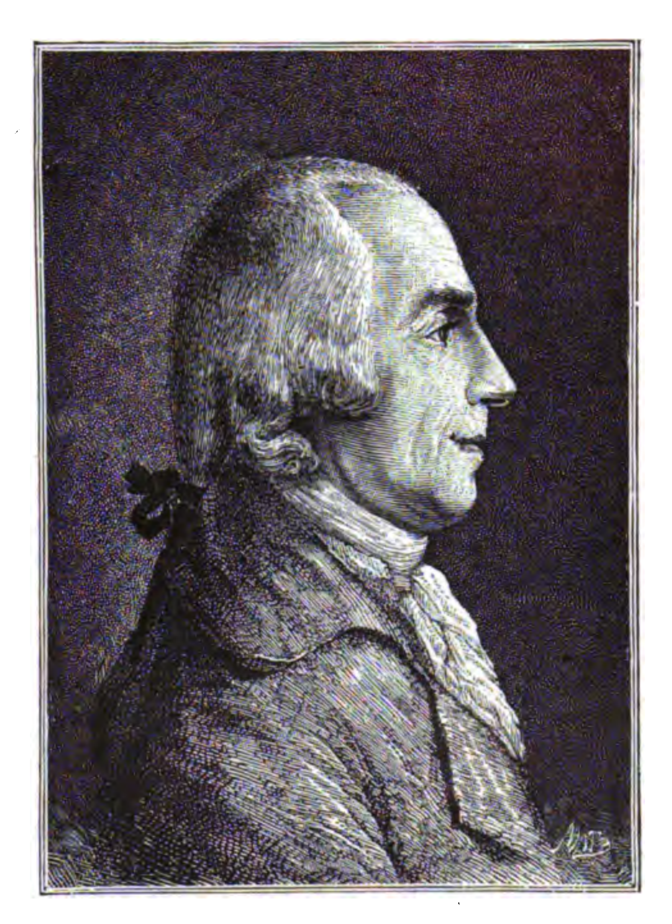
---

[1]) См. письмо Безбородки къ своему племяннику въ «Сб. Ист. Общ.», XXVI, 496.

[2]) Masson, «Mémoires secrets sur la Russie», II, 236; I, 120, 121, 51, 90.

[3]) Тамъ-же, III, 442. Кобленцъ былъ сборнымъ пунктомъ эмигрантовъ.

революціею и такъ называемымъ «ancien régime», онъ былъ какъ бы звеномъ, соединявшимъ эпоху литературы просвѣщенія XVIII-го столѣтія съ періодомъ реакціи противъ революціи въ началѣ XIX-го. Пребываніе Лагарпа, раздѣлявшаго убѣжденія нѣкоторыхъ отчаянныхъ доктринеровъ французской революціи, при

Лагарпъ.

Съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія.

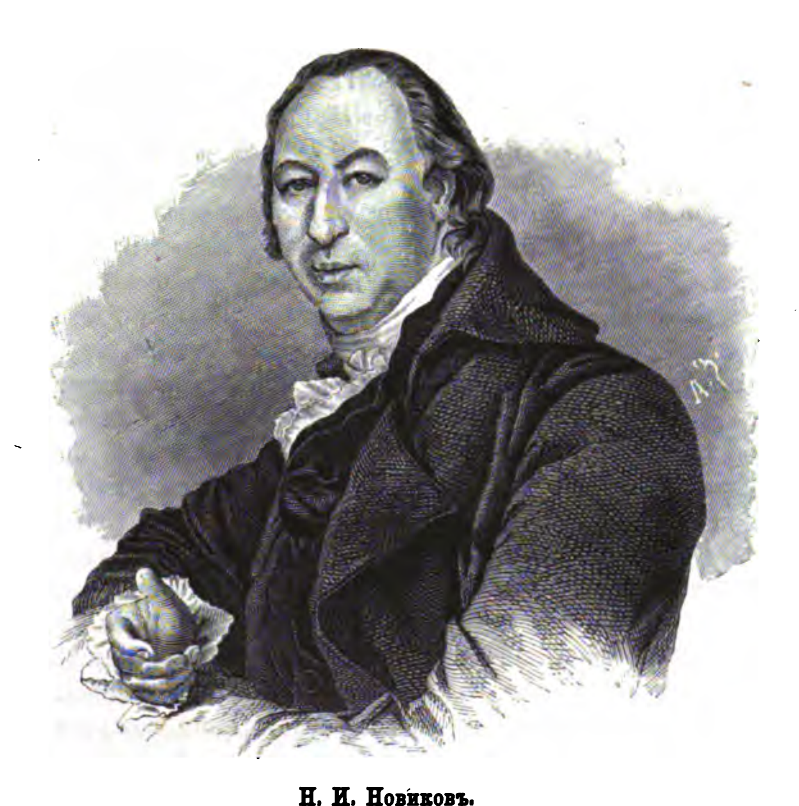
томъ самомъ дворѣ, который служилъ убѣжищемъ для французскихъ эмигрантовъ, производитъ странное впечатлѣніе. Лагарпъ былъ ученикомъ Локке и Руссо, жрецомъ свободы и раціонализма; онъ порицалъ Цезаря и хвалилъ Брута; онъ восхищался Юліаномъ и осуждалъ Константина Великаго—и въ то же время онъ, не смотря на событія во Франціи, могъ оставаться на своемъ

посту, въ качествѣ учителя будущаго наслѣдника россійскаго престола. Въ своихъ урокахъ всеобщей исторіи онъ представлялъ великимъ князьямъ дореволюціонное положеніе Франціи въ самомъ мрачномъ видѣ; Екатерина шутя называла его «M-r le jacobin», не считая его особенно опаснымъ.

Такого рода явленія, впрочемъ, замѣчаются не разъ въ то время; Мирабо, страшный противникъ стараго порядка, хотѣлъ спасти монархію; Робеспьеръ хотѣлъ возстановить религію. Неккеръ и жирондисты въ глазахъ радикаловъ считались недостаточно либеральными. Бонапартъ, поддерживавшій тѣсныя связи съ якобинцами, сдѣлался консуломъ и императоромъ, и т. п.

Лагарпъ восхищался идеями свободы и равенства, преподаваемыми французскимъ національнымъ собраніемъ, тѣми самыми идеями, которыя столь рѣзко осуждались въ Петербургѣ. Его историческія лекціи, писанныя въ этомъ духѣ, высоко цѣнились Екатериною; въ то же самое время онѣ читались особенно охотно въ кружкахъ радикаловъ въ Швейцаріи. Въ письмахъ и запискахъ, отправленныхъ Лагарпомъ въ Швейцарію, онъ старался дѣйствовать противъ консервативныхъ началъ. Его вмѣшательство въ швейцарскія дѣла вызвало жалобы со стороны представителей стараго порядка. Нѣкоторые изъ послѣднихъ въ Кобленцѣ обратились къ русскому посланнику, графу Румянцеву, и выражали удивленіе, что Екатерина не удаляетъ отъ своего двора столь опаснаго приверженца революціонныхъ началъ. Императрица довольно колко отвѣтила на такія инсинуаціи и даже шутила съ Лагарпомъ о томъ, что его считаютъ столь ужаснымъ преступникомъ. Она предложила ему оправдаться въ особой запискѣ. Онъ это сдѣлалъ съ свойственною ему откровенностью, нисколько не скрывая своего либеральнаго образа мыслей. Его вліянію эмигранты приписывали недостаточно энергичное, по ихъ мнѣнію, вмѣшательство Россіи во французскія дѣла. Всѣ они: и Эстергази, и Нассау-Зигенъ, и Артуа и др., ненавидѣли Лагарпа. Онъ, однако, оставался цѣлъ и невредимъ, хотя въ свитѣ герцога Артуа, когда тотъ пріѣхалъ въ Петербургъ, находился нѣкто баронъ Солль изъ Солотурна, имѣвшій изъ Берна порученіе, во что бы то ни стало, содѣйствовать удаленію и гибели Лагарпа. О его столкновеніи съ эмигрантами разсказывается слѣдующій случай. Однажды, въ то время, когда нѣкоторые французскіе эмигранты, въ присутствіи императрицы, бесѣдовали о такъ называемомъ «ancien régime», восхищаясь порядками дореволюціонной Франціи, великій князь Константинъ Павловичъ прервалъ ихъ

бесѣду и сталъ доказывать, что ихъ сужденія о выгодахъ дореволюціонныхъ учрежденій лишены всякаго основанія. Довольно краснорѣчиво пересчитывалъ онъ при этомъ всѣ злоупотребленія и неудобства феодальнаго состоянія Франціи. На вопросъ, откуда великій князь заимствовалъ всѣ эти данныя и свой взглядъ на эти учрежденія, Константинъ Павловичъ отвѣчалъ, что онъ вмѣстѣ съ Лагарпомъ занимался чтеніемъ «Mémoires posthumes» Дюкло

Н. И. Новиковъ.

Съ литографіи, сдѣланной съ портрета, писаннаго Боровиковскимъ.

(Duclos). Императрица изъявила ему свое удовольствіе; эмигранты же совершенно сконфузились [1]).

При всемъ томъ, однако, «С.-Петербургскія Вѣдомости» того времени могутъ прямо считаться газетою, редактируемою подъ вліяніемъ партіи французскихъ эмигрантовъ. Въ ней заключались

[1]) См. соч. Сухомлинова о Лагарпѣ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1871, кн. I.

самые рѣзкіе отзывы о событіяхъ французской революціи. Здѣсь встрѣчались нападенія на Мирабо и Лафайэта и пр. При разсказѣ о штурмѣ Бастиліи сказано: «Рука содрогается отъ ужасу, описывая происшествія» и пр. «Совершенное безуміе во всемъ господствовало» и т. п. Съ негодованіемъ сообщается, что депутаты государственныхъ чиновъ «говорили дерзкія рѣчи». Встрѣчаются фразы вродѣ слѣдующихъ: «Всѣ честные люди воздыхаютъ, что верховная власть и законы у насъ умолкли и что бѣдственное безначаліе со дня на день болѣе усиливается! Дерзость писателей разсѣваетъ въ народѣ возмутительныя сочиненія»; «народная вольность есть ничто иное, какъ гибельное безначаліе». О законодательной дѣятельности національнаго собранія: «Взвѣся на вѣсахъ здраваго разсудка все то, что доселѣ положено уже въ народномъ собраніи въ отношеніи къ разнымъ предметамъ, не осталось, кажется, ожидать болѣе ничего, кромѣ совершеннаго безначалія, разбоевъ, грабежей и, наконецъ, всеобщаго въ государствѣ смятенія»; «начиная отъ народнаго собранія, до самыхъ послѣднихъ людей, проведены однѣ и тѣ же самыя струны, на которыхъ всякъ бренчитъ по своему вкусу и разумѣнію»; «вольность кромѣ грабителей никого не кормитъ». При сообщеніи нѣкоторыхъ случаевъ кражи, вина такихъ преступленій приписывается «питомцамъ вольности», а затѣмъ слѣдуетъ восклицаніе: «Вотъ зрѣлый плодъ нашей вольности». Нѣкоторые болѣе радикальные члены національнаго собранія названы «бѣшеными». Въ другомъ мѣстѣ: «Большая часть нынѣшней нашей законодательной власти имѣетъ о политическихъ дѣлахъ самыя странныя и совершенно мѣщанскія понятія»; говорится объ «ослахъ вольности», о корыстолюбіи, о бражничествѣ законодателей. «При всеобщемъ безуміи и самыя здравыя разсужденія кажутся сумасбродствомъ». «Дѣла наши», писали яко бы изъ Франціи въ с.-петербургскую газету, «все еще сновидѣніямъ и дѣтскимъ забавамъ подобны!... Чего не выдумаютъ винные спирты, въ головахъ философовъ господствующіе». Постоянно повторяются фразы о «буйствѣ винныхъ спиртовъ», о «явленіи новаго соревнованія общему сумасбродству», о «разбойникахъ, кои нынѣшнюю законодательную власть поддерживаютъ» и т. п. О Мирабо было сказано въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, что его «голова набита сѣнною трухою», что онъ достоенъ возвышенія на фонарномъ столбѣ», что онъ «простиралъ наглость свою и къ самому убійству» (короля Людовика XVI) и пр. Король названъ «жертвою вѣроломства народнаго»; Робеспьеръ «злодѣемъ государя и народа»; часто

повторяются слова: «Вотъ пагубныя слѣдствія безначалія и философической вольности», «зараза общаго буйства» и т. п. Изъ нѣкоторыхъ сообщеній и замѣтокъ въ С.-Петербургской газетѣ видно, что авторами ихъ были французскіе эмигранты-роялисты. Такимъ образомъ объясняется страшное раздраженіе при разборѣ событій во Франціи [1]).

Однако, разсказы о событіяхъ въ Парижѣ, начиная съ кровопролитія въ сентябрѣ 1792 г., становятся краткими. О казни Людовика XVI не говорится вовсе. Быть можетъ, русское правительство не желало опубликованія въ своей газетѣ подробныхъ разсказовъ о столь вопіющемъ фактѣ. Во всякомъ случаѣ, видно, что Екатерина была въ это время окружена представителями реакціи.

Радищевъ. Новиковъ.

Екатерина, какъ мы знаемъ, любила читать произведенія литературы просвѣщенія, что̀, впрочемъ, не мѣшало ей опасаться вреднаго вліянія нѣкоторыхъ писателей. Незадолго до составленія «Большого Наказа» она собственноручно написала повелѣніе о мѣрахъ противъ распространенія въ Россіи иностранныхъ сочиненій, направленныхъ противъ религіи, нравственности и самой государыни. Между книгами, которыя она запретила, мы встрѣчаемъ и сочиненіе Руссо «Emile». «И тако», сказано въ запискѣ Екатерины, «надлежитъ приказать наикрѣпчайшимъ образомъ академіи наукъ имѣть смотрѣніе, дабы въ ея книжной лавкѣ такіе непорядки не происходили, а прочимъ книгопродавцамъ приказать ежегодно реестры посылать въ академію наукъ и университетъ московскій, какія книги они намѣрены выписывать, а этимъ мѣстамъ вычеркивать въ тѣхъ реестрахъ такія книги, которыя противъ закона, добраго нрава и насъ. А есть-ли послѣ того сыщется преступникъ сему въ продажѣ такихъ книгъ, то конфисковать всю лавку и продать на счетъ сиропитальнаго дома» и пр. [2]).

Въ 1785 году, императрица сочла нужнымъ принять строгія мѣры противъ извѣстнаго книгопродавца и литератора Новикова.

[1]) См. мою статью въ «Др. и Нов. Россіи», 1876, I.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», VII, 318.

23-го декабря 1785 г. она писала московскому главнокомандующему, графу Брюсу: «Въ разсужденіи, что изъ типографіи Новикова выходятъ многія странныя книги, прикажите губернскому прокурору, сочиня роспись онымъ книгамъ, отослать оную, съ книгами вмѣстѣ, къ Преосвященному Архіепископу Московскому, а его преосвященство имѣетъ особое отъ Насъ повелѣніе, какъ самого Новикова приказать испытать въ законѣ нашемъ, такъ и книги его типографіи освидѣтельствовать»; далѣе императрица желала «освидѣтельствованія книгъ, выходящихъ изъ Новикова и другихъ вольныхъ типографій, гдѣ что-либо касается до вѣры или дѣлъ духовныхъ, и для наблюденія, чтобъ таковыя печатаны не были, въ коихъ какія-либо колобродства, нелѣпыя умствованія и расколъ скрываются».

Желаніе императрицы было исполнено. Приступили къ «освидѣтельствованію» книгъ новиковской типографіи. Въ нѣсколькихъ дѣловыхъ бумагахъ, писанныхъ Екатериною по этому поводу, мы встрѣчаемъ замѣчанія объ опасности книгъ, «наполненныхъ новымъ расколомъ, для обмана и уловленія невѣждъ», о «развращеніи слабоумныхъ», о необходимости принять мѣры противъ «обыкшихъ восхищаться нелѣпыми новостями», и т. п. Къ списку книгъ, «оказавшихся сумнительными», Платонъ, архіепископъ московскій, присоединилъ нѣкоторыя замѣчанія. Объ одномъ сочиненіи, «О заблужденіяхъ и истинѣ», сказано, что оно «исполнено нарочной темноты, могущей служить къ разнымъ вольныхъ людей мудрствованіямъ, а потому къ заблужденіямъ и къ разгоряченію энтузіазма»; въ другомъ сочиненіи, «Похвала Сократа», считалось «соблазнительнымъ уподобленіе Сократа со Христомъ Спасителемъ»; о сочиненіи Вольтера, «Человѣкъ въ 40 талеровъ», замѣчено: «Мало содержитъ полезнаго, а болѣе колобродного»; о нѣкоторыхъ комедіяхъ сказано, «что онѣ могутъ въ молодыхъ людяхъ усилить страсти, которыя и безъ того неослабно дѣйствуютъ» и т. п. Лавка Новикова была запечатана на нѣкоторое время; были сдѣланы вѣскія цензурныя и полицейскія распоряженія. Однако, этотъ эпизодъ вообще не имѣлъ серьезныхъ послѣдствій [1]). Хотя оказалось, что Новиковъ принадлежалъ къ франъ-масонамъ, но его за это не преслѣдовали. Многія знатныя лица, какъ, напр., Елагинъ, Кутузовъ, Репнинъ, великій князь Павелъ Петровичъ, находились въ сношеніяхъ съ этимъ обществомъ. Впрочемъ, съ этого времени сочли нужнымъ

---

[1]) «Чтенія Моск. Общ. И. и Др.» 1867, Смѣсь, 40—62.

нѣсколько строже прежняго наблюдать за книгами, въ которыхъ могло заключаться какое-либо «колобродство», за больницами и школами, находившимися подъ вліяніемъ франъ-масоновъ.

Вскорѣ, затѣмъ, началась французская революція. Впечатлѣніемъ, произведеннымъ на Екатерину этимъ событіемъ, главнымъ образомъ объясняются два эпизода, случившіеся въ 1790 и 1792 годахъ.

Митрополитъ Платонъ.

С̈ъ портрета, принадлежащаго княгинѣ Е. П. Кочубей.

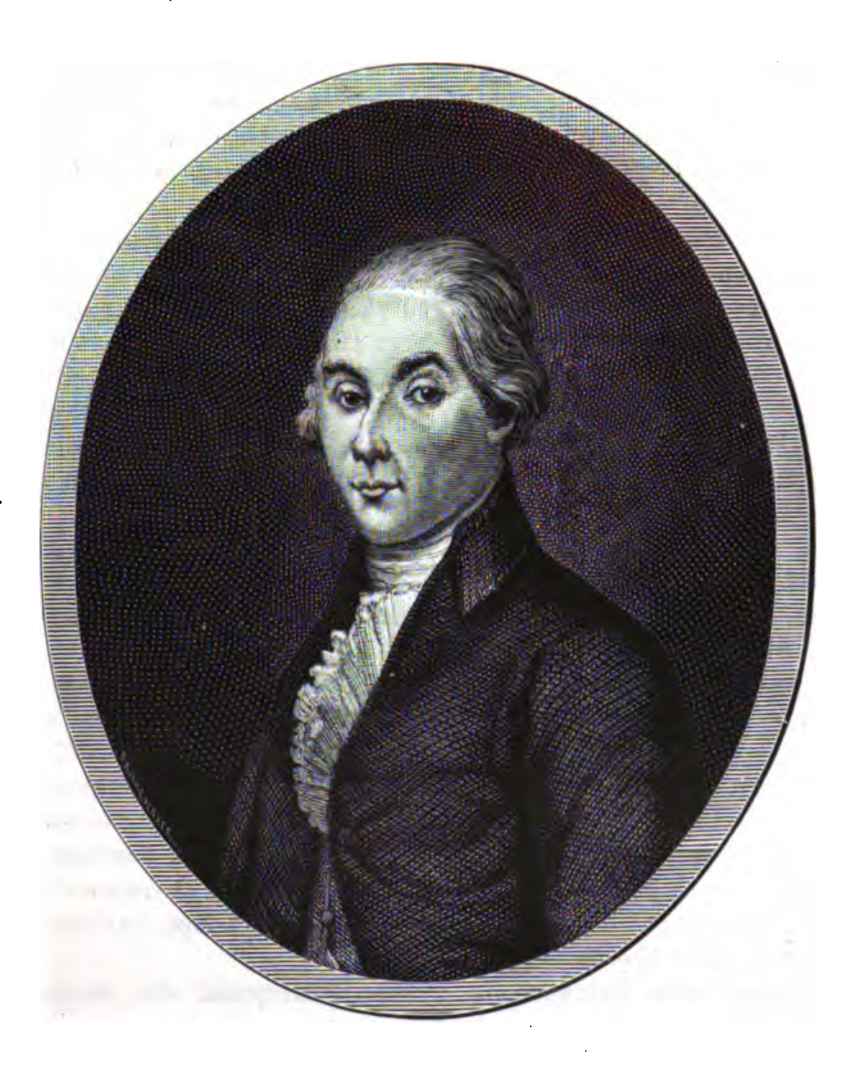
Лѣтомъ 1790 года, въ Петербургѣ, въ книжной лавкѣ купца Зотова, появилась книга, озаглавленная «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Авторъ ея, Радищевъ, директоръ с.-петербургской таможни, отличался замѣчательнымъ образованіемъ, многостороннею начитанностью. Въ молодости онъ, вмѣстѣ съ другими молодыми людьми, по повелѣнію императрицы, нѣсколько лѣтъ пробылъ заграницею и изучалъ въ лейпцигскомъ университетѣ юриспруденцію. Сочиненіе «Путешествіе изъ Пе-

тербурга въ Москву» было набрано въ собственной типографіи Радищева. Оно обратило на себя вниманіе публики и правительства. Старались узнать имя автора, не показаннаго на заглавіи. Начавъ чтеніе этого сочиненія, императрица сказала: «Тутъ разсѣваніе заразы французской: отвращеніе отъ начальства». Послали за полиціймейстеромъ Рылѣевымъ. Началось слѣдствіе.

Въ книгѣ Радищева заключались указанія на нѣкоторые недостатки въ общественномъ и государственномъ строѣ, на зло крѣпостного права, на ужасы патримоніальнаго судопроизводства, на недостатки въ устройствѣ суда и расправы, на пустоту и внѣшность пріемовъ воспитанія юношества высшихъ сословій и пр. Авторъ требовалъ освобожденія крестьянъ, опредѣленія точныхъ правилъ педагогики, гуманнаго судопроизводства и т. п.

Всѣ эти вопросы и прежде служили предметомъ обсужденія въ печати. Въ этомъ же духѣ говорили и писали депутаты созваннаго императрицею законодательнаго собранія. Въ издаваемыхъ Новиковымъ періодическихъ изданіяхъ являлись статьи такого же содержанія. Правда, въ книгѣ Радищева обо всемъ этомъ говорилось нѣсколько болѣе рѣзко и открыто. Однако, страшная судьба, постигшая Радищева, объясняется не столько смѣлостью его выводовъ, развѣ только количественно превосходящихъ прежнія заявленія такого рода, сколько духомъ реакціи противъ французской революціи.

Радищевъ былъ арестованъ. Екатерина начала писать примѣчанія на книгу его. Она находила, что Радищевъ хуже Пугачева; ей сильно не понравилось, что онъ восхвалялъ Франклина; она подозрѣвала въ немъ «мартиниста или что-либо подобное». «Намѣреніе сей книги», писала императрица, «на каждомъ мѣстѣ видно; сочинитель оной наполненъ и зараженъ французскимъ заблужденіемъ, ищетъ всячески и выискиваетъ все возможное къ умаленію почтенія къ власти и властямъ, къ приведенію народа въ негодованіе противу начальника и начальства». Она утверждала, что честолюбіе, злость и зависть руководили авторомъ при составленіи его труда. Примѣчанія Екатерины свидѣтельствуютъ о раздражительности и мнительности. Нѣкоторые отзывы Радищева она считала намеками на слабости ея самой. Полемика Екатерины во многихъ отношеніяхъ противорѣчила ея прежнимъ воззрѣніямъ. Когда-то она любила говорить о естественномъ, прирожденномъ правѣ, теперь же, забывъ о томъ, что Радищевъ, по ея же повелѣнію, изучалъ заграницею юриспруденцію, она находила, что эти начала философскаго права повели прямо къ поги-

А. Н. Радищевъ.

Съ гравированнаго портрета Алексѣева.

бели Франціи; прежде она неоднократно вооружалась противъ крѣпостного права, теперь же жалобы Радищева на плачевное состояніе крестьянъ казались ей несправедливыми и преувеличенными; прежде она отстаивала реформы, теперь же въ консервативномъ духѣ указывала на опасности, представляемыя нововведеніями. Прежняя ученица литературы просвѣщенія теперь съ презрѣніемъ говорила о нѣкоторыхъ французскихъ писателяхъ. Радищевъ сравнивалъ краснорѣчиваго Мирабо съ Демосѳеномъ, Фоксомъ и Бёрке; Екатерина находила, что Мирабо достоинъ висѣлицы.

Замѣчанія Екатерины на книгу Радищева были вручены людямъ, производившимъ слѣдствіе надъ несчастнымъ писателемъ. Понятно, что они старались дѣйствовать въ духѣ раздраженной императрицы. Самъ Радищевъ былъ въ отчаяніи; написалъ повинную, въ которой говорилъ, что, главнымъ образомъ, честолюбіе, желаніе «быть извѣстну между авторами», заставило его написать эту книгу, обвинялъ себя въ «хвастовствѣ», сознавался, что «писалъ, гоняясь за пустою славою прослыть писателемъ», и пр.

Въ «Путешествіи» Радищевъ высказываетъ мнѣніе, что Россія страна, «гдѣ мыслить и вѣрить дозволяется всякому, кто какъ хочетъ». Оказалось, что Россія была страною, гдѣ нельзя было писать и печатать безнаказанно сочиненія, въ которыхъ затрогивались вопросы, относящіеся къ государственному и общественному организму. Судьи находили, что книга Радищева «наполнена самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное къ властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобъ произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, и, наконецъ, оскорбительными и неистовыми израженіями противу сана и власти царской».

Радищева приговорили къ смертной казни. Екатерина измѣнила приговоръ: авторъ былъ отправленъ въ Сибирь, гдѣ пробылъ до воцаренія Павла [1]).

Были люди, раздѣлявшіе мнѣнія Екатерины объ опасности, яко бы грозившей государству и обществу отъ сочиненія Радищева; въ этотъ смыслѣ выразились, напр., кн. Ѳедоръ Голицынъ [2]) и княгиня Дашкова. Послѣдняя назвала эту книгу «набатомъ революціи». Совсѣмъ иначе разсуждалъ графъ Воронцовъ, возбу-

[1]) См. статью Якушкина о Радищевѣ въ «Русской Старинѣ», 1882, Т. XXXV, 457—533.

[2]) «Русскій Архивъ» 1874, I, 1290.

Я. Б. Княжнинъ.

Съ гравированнаго портрета Ферапонтова.

дившій вопросъ: если такая «шалость» (étourderie) оказывается достойною смертной казни, то какимъ образомъ должно наказывать настоящихъ преступниковъ? [1]). Мѣра строгости въ подобныхъ случаяхъ различна въ различное время и при различныхъ обстоятельствахъ. Самъ Радищевъ справедливо говорилъ, что, издай онъ свое «Путешествіе» нѣсколько лѣтъ раньше, то заслужилъ-бы милость, а не преслѣдованіе [2]).

Подобный же эпизодъ случился, два года спустя, съ Новиковымъ. Появилась книга о расколѣ, которая сильно не понравилась императрицѣ. Она приказала московскому генералъ-губернатору, князю Прозоровскому, сдѣлать обыскъ въ квартирѣ Новикова и въ его имѣніи. Новиковъ былъ арестованъ [3]). Оказалось, что онъ поддерживалъ связи съ разными тайными обществами. Екатерина не разъ, между прочимъ, въ своихъ драматическихъ трудахъ полемизировала противъ существовавшей страсти составлять тайныя общества, противъ розенкрейцеровъ, мартинистовъ и пр. Теперь же она считала себя въ правѣ принять сильныя мѣры противъ Новикова. Она замѣтила, что «всегда успѣвала управляться съ турками, шведами и поляками, но къ удивленію не можетъ сладить съ армейскимъ поручикомъ!» [4])

Новиковъ занималъ весьма видное мѣсто въ обществѣ, по временамъ доставлялъ великому князю Павлу Петровичу разныя книги, пользовался покровительствомъ Безбородки, находился въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ Болотовымъ, Державинымъ и пр. Какъ журналистъ и сатирикъ, какъ историкъ и публицистъ, онъ игралъ довольно важную роль. Въ 1791 году, онъ посвятилъ императрицѣ сочиненіе, въ которомъ излагалось развитіе уголовнаго судопроизводства въ духѣ кротости и человѣколюбія [5]). Дѣятельность общества, членомъ котораго состоялъ Новиковъ, въ сущности не могла считаться хотя-бы сколько нибудь опасною.

Обнаружилось, что Новиковъ стоялъ во главѣ «мартинистовъ», общества, уже прежде возбудившаго неудовольствіе Екатерины. Услужливые чиновники и судьи, вродѣ Прозоровскаго и Шешковскаго, искали ревностно политическихъ преступниковъ даже тамъ, гдѣ ихъ не было. Въ глазахъ этихъ представителей бюрократіи Новиковъ казался еретикомъ и революціонеромъ. И

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, IX, 181.
[2]) Якушкинъ, I, с. 469.
[3]) «Русскій Архивъ», 1866, стр. 73—75.
[4]) «Русская Старина», V, 146.
[5]) «Др. и Нов. Россія», 1876, II, 311 и слѣд.

эти люди, подобно самой императрицѣ, находились подъ вліяніемъ впечатлѣнія, произведеннаго французскою революціею; всѣ общества въ ихъ глазахъ походили на Якобинскій клубъ, т. е. являлись чрезвычайно опасными. Такимъ образомъ объясняются строгія мѣры противъ Новикова. Впрочемъ, при этомъ случаѣ не было произведено правильнаго судебнаго слѣдствія. Правительство дѣйствовало административнымъ путемъ. Безъ суда Новиковъ былъ приговоренъ, указомъ 1 августа 1792 года, къ заключенію въ Шлиссельбургской крѣпости на пятнадцать лѣтъ. Подобно Радищеву и онъ былъ освобожденъ лишь по воцареніи Павла[1]). Въ дневникѣ Храповицкаго, 14 іюля 1792 года, сказано: «Лежатъ на столѣ заготовленный указъ о Новиковѣ и вопросные пункты князю Николаю Никитичу Трубецкому; ничто еще не подписано». Затѣмъ, только 1 августа Екатерина рѣшила судьбу Новикова. Значитъ она медлила рѣшеніемъ. Впрочемъ, она считала въ это время Новикова весьма опаснымъ человѣкомъ, какъ видно изъ ея письма къ князю Прозоровскому, гдѣ сказано: «Новиковъ человѣкъ коварный и хитро старается скрыть свои дѣянія». Приказавъ отправить Новикова въ Шлиссельбургъ, императрица писала: «Дабы оное скрыть отъ его сотоварищей, то прикажите вести его на Владиміръ, а оттуда на Ярославль, а изъ Ярославля на Тихвинъ, а изъ Тихвина на Шлюшинъ и отдать тамошнему коменданту. Вести же его такъ, чтобъ его никто видѣть не могъ, и остерегаться, чтобъ онъ самъ себя не повредилъ» [2]).

Новиковъ и его «сотоварищи» были бы наказаны строже, если бы Екатерина раздѣляла мнѣнія Прозоровскаго объ опасности тайныхъ обществъ. Она, при разборѣ бумагъ этихъ обществъ, убѣдилась въ томъ, что не было ровно ничего похожаго на политическій заговоръ, между тѣмъ какъ Прозоровскій всюду чуялъ якобинцевъ и во что бы то ни стало силился доказать существованіе какой-то связи между московскими мартинистами и масонами съ одной стороны и представителями радикализма во Франціи—съ другой.

Обстоятельства времени объясняютъ достаточно, какимъ образомъ Екатерина начала вѣрить въ возможность нѣкоторой опасности, грозившей обществу и государству со стороны тайныхъ

---

[1]) См. статью Попова въ «Вѣстникѣ Европы», 1868, II, 611—650; «Сб. Ист. Общ.», II. Документы по дѣлу Новикова.

[2]) «Вѣстникъ Европы», 1868, II, 622.

обществъ. Ей было хорошо извѣстно, что въ Москвѣ выражалось желаніе просить великаго князя Павла Петровича сдѣлаться главой московскаго масонскаго общества. Хотя сношенія, существовавшія между Новиковымъ и Павломъ, оказались лишенными всякаго политическаго значенія, все таки та роль, которую могъ играть великій князь въ тайныхъ обществахъ, возбуждала сомнѣніе и недовѣріе. Поэтому во всемъ этомъ видѣли зародышъ политической агитаціи и наказали Новикова, какъ опаснаго преступника, не смотря на то, что нельзя было облечь крутую мѣру, принятую противъ Новикова, въ форму судебнаго приговора.

Было не легко опредѣлить точно мѣру опасности, грозившую со стороны представителей либерализма. Нельзя не сожалѣть о судьбѣ, постигшей Радищева и Новикова; нельзя не считать произвольнымъ и непослѣдовательнымъ дѣйствіемъ запрещеніе Екатериною драмы Княжнина «Вадимъ» за нѣкоторыя заключавшіяся въ ней мѣста, допускавшія возможность разнообразнаго толкованія въ публицистической полемикѣ [1]). Однако образъ дѣйствій императрицы объясняется переломомъ, совершившимся во Франціи и вслѣдствіе этого перемѣною въ нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ Екатерины. Преслѣдованіе Радищева и Новикова производитъ чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе. При разборѣ этихъ мрачныхъ эпизодовъ, однако, не должно руководствоваться новѣйшими понятіями о свободѣ печати, о политической терпимости, объ обезпеченіи правъ всѣхъ и каждаго; не должно кромѣ того забывать о той средѣ, въ которой жила императрица во время разгара революціи. Нелегко было въ ту пору безпристрастно и спокойно судить о значеніи тѣхъ началъ, которыя восторжествовали вслѣдствіе событій 1789 года.

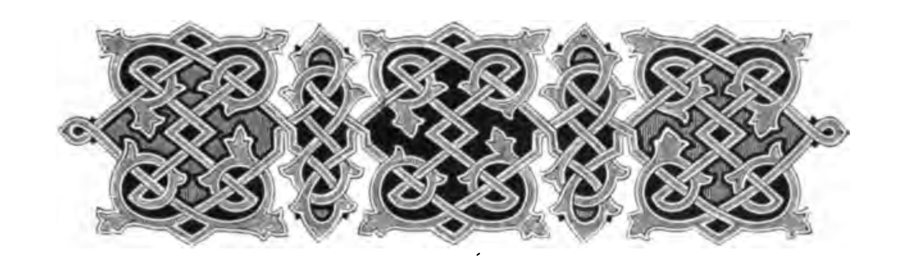

[1]) «Русскій Архивъ», 1863, 605; «Русская Старина», III, 725; Архивъ кн. Воронцова, XII, 96 и 380.

Екатерина II.

Съ гравюры Уткина, сдѣланной съ портрета, писаннаго Боровиковскимъ.

ГЛАВА II.

Характеристика личности Екатерины.

Личность императрицы была какъ бы создана для престола: въ исторіи мы не встрѣчаемъ другой женщины, столь способной къ управленію дѣлами. На всѣхъ и каждаго она производила глубокое впечатлѣніе [1]). Едвали кто болѣе рѣзко и невыгодно отзывался о качествахъ императрицы какъ Массонъ; однако и этотъ писатель-памфлетистъ замѣчаетъ, что въ продолженіе десяти лѣтъ, имѣя случай видѣть Екатерину разъ или два въ недѣлю, онъ всегда былъ пораженъ необычайно привлекательною личностью ея, достоинствомъ, съ которымъ она держала себя, любезностью ея обращенія со всѣми и пр. [2]).

Въ своихъ запискахъ Екатерина сама сообщила подробно о ходѣ своего развитія, о своемъ стремленіи къ власти, о томъ, что она не была разборчива въ средствахъ для достиженія этой цѣли. Откровенность императрицы въ этомъ отношеніи доходитъ чуть не до цинизма. Въ зрѣломъ возрастѣ она, наконецъ, сдѣлалась самодержицею. Послѣ страшнаго униженія, горь-

---

[1]) См. отзывы о ея личности Димсделя въ «Сб. Ист. Общ.», II, 321; Дидро, въ «Осмнадцатомъ Вѣкѣ», I, 358; г-жи Виже-Лебренъ, въ «Др. и Нов. Россіи», 1876, III, 189, 301.

[2]) Массонъ, «Mémoires secrets sur la Russie», I, 74—75.

кихъ испытаній, перенесенныхъ въ молодости, она тѣмъ болѣе наслаждалась находившеюся въ ея распоряженіи неограниченною властью. То обстоятельство, что коренная перемѣна обстановки, быстрый переходъ отъ полной зависимости къ полному могуществу нисколько не возбуждали въ ней наклонности къ деспотизму, свидѣтельствуетъ о добромъ нравѣ императрицы, тогда какъ сынъ ея, подвергнувшись подобному перелому въ внѣшней обстановкѣ, не зналъ мѣры порывамъ деспотизма. Мы видѣли, что неблагопріятныя обстоятельства, въ которыхъ находилась Екатерина до 1762 года, оказали вредное вліяніе на ея характеръ; за то власть и перевѣсъ, полученные ею послѣ удачнаго государственнаго переворота, оказали облагораживающее вліяніе на нравъ императрицы. До этого она встрѣчала необходимость весьма часто прибѣгать къ мелочнымъ мѣрамъ для улучшенія своего положенія, для того, чтобы отмстить своимъ противникамъ; располагая полною властью, наслаждаясь выгодами своего положенія, пользуясь уваженіемъ современниковъ, обожаемая лицами, окружавшими ее, императрица не нуждалась болѣе въ тѣхъ средствахъ, которыми обыкновенно пользуются слабые въ борьбѣ съ сильными. Въ то время, когда надъ нею зорко наблюдали, когда ей не довѣряли ни Елизавета Петровна, ни Петръ, она умѣла притворяться, лицемѣрить, показывать видъ смиренія и скромности, между тѣмъ какъ въ душѣ она была исполнена высокомѣрія и презрѣнія къ людямъ. Теперь же, окружая себя всецѣло преданными ей лицами, она могла дѣйствовать открыто, благородно. Великая княгиня, находясь въ уединеніи, отличалась холодностью въ обращеніи, недовѣріемъ къ людямъ, подозрительностью; императрица, напротивъ, давала просторъ развитію чувства благоволенія, снисходительности, сердечнаго вниманія къ интересамъ окружавшихъ ее лицъ. Не даромъ Петръ и Елизавета не довѣряли Екатеринѣ, порицали ея характеръ; не даромъ, впослѣдствіи, многіе ставили высоко добродушіе Екатерины.

Исторія двора при Петрѣ I, при императрицѣ Аннѣ, при Елизаветѣ, изобилуетъ чертами тираніи, жестокости и произвола; всѣ современники Екатерининскаго царствованія удивлялись кротости ея обращенія съ окружавшими ее лицами, радовались совершенному устраненію жесткихъ формъ и крутыхъ мѣръ въ отношеніи къ подчиненнымъ. Екатерина, не смотря на живой темпераментъ, на нѣкоторую склонность къ увлеченію — стоитъ только вспомнить о ея рѣзкихъ отзывахъ о короляхъ Швеціи и Пруссіи — вполнѣ владѣла собою, и въ обращеніи съ людьми руководство-

валась правилами человѣколюбія. «Я люблю хвалить и награждать громко, порицать тихо», справедливо замѣтила она однажды въ бесѣдѣ съ Сегюромъ [1]); она любила избѣгать случаевъ оскорбить кого-нибудь; особенно внимательна была она въ обращеніи съ прислугою; «доживу ли я до того, чтобъ меня не боялись», сказала она однажды, замѣтивъ, что истопникъ, заслужившій за

А. В. Храповицкій.

Съ портрета, писаннаго Левицкимъ.

какую-то неисправность выговоръ, избѣгалъ встрѣчи съ нею [2]). Часто Екатерина, давая какое-нибудь порученіе, извинялась за причиняемый трудъ и хлопоты. Храповицкій сообщаетъ нѣкоторыя черты такого вниманія Екатерины къ окружавшимъ ее лицамъ; неоднократно императрица, въ нетерпѣніи или раздраженіи,

[1]) Ségur, Mémoires, III, 235.
[2]) «Русская Старина», V, 674.

употребивъ нѣсколько рѣзкое выраженіе, сознавалась въ горячности и старалась исправить свою ошибку. Разсказывали, что императрица, просыпаясь, обыкновенно, рано утромъ, въ 6 часовъ, и дорожа спокойствіемъ своихъ служителей, не требовала чужой помощи, одѣвалась, зажигала свѣчи, затапливала каминъ и, никого не тревожа, садилась за книги и бумаги[1]). Разныя анекдотическія черты, передаваемыя современниками, свидѣтельствуютъ о снисходительности Екатерины къ прислугѣ, о недостаточной строгости ея въ обращеніи съ служащими, о ея добротѣ и кротости. Когда она приходила въ гнѣвъ, то засучивала рукава, расхаживала по комнатѣ, пила воду и никогда ничего не рѣшала подъ первымъ впечатлѣніемъ[2]). Особенно замѣчательною оказывается способность императрицы устранять недоразумѣнія, возникавшія по чему-либо между нею и другими лицами; въ ея запискахъ къ разнымъ вельможамъ встрѣчаются внушенія не предаваться мнительности, не быть чрезмѣрно обидчивымъ, не унывать, а ободриться, вѣрить въ свои способности, надѣяться на успѣхъ и пр. Въ минуту опасности, она умѣла поднимать духъ въ лицахъ, ее окружавшихъ, вселяя въ нихъ твердость и мужество. Болѣе чѣмъ многія другія высокопоставленныя лица, Екатерина была доступна чувству состраданія. Хотя нельзя не сожалѣть о чрезмѣрной щедрости императрицы, дорого обходившейся казнѣ и обогатившей, главнымъ образомъ, фаворитовъ, нельзя не признать, въ то же время, что желаніе ея обрадовать другихъ, содѣйствовать ихъ счастію соотвѣтствуетъ глубоко нравственному настроенію. Этимъ же объясняется любезность въ обращеніи Екатерины съ дѣтьми. Воспитанницы благороднаго института называли ее «нѣжною и снисходительною матерью»[3]); изъ писемъ Екатерины къ княгинѣ Черкасской (Левшиной), которую она обыкновенно называла «черномазою Левушкой», видно, какъ она умѣла входить въ положеніе молодыхъ дѣвицъ, давать имъ совѣты, руководить ихъ воспитаніемъ и пр.[4]).

Отличительными чертами характера Екатерины были веселость, юморъ, склонность къ шуткамъ и забавамъ. Однажды она замѣтила: «Относительно веселости Фридриха (Великаго) надо замѣтить, что она проистекаетъ отъ его превосходства. Былъ ли

---

[1]) Разсказы со словъ людей, близкихъ къ Екатеринѣ II, въ «Русскомъ Архивѣ», 1870, стр. 2084.

[2]) «Русскій Архивъ», 1870, 2080.

[3]) Записки Алымовой въ «Русскомъ Архивѣ», 1871, 34.

[4]) «Русскій Архивъ», 1870, 529, 1689.

когда великій человѣкъ, который бы не отличался веселостью и не имѣлъ въ себѣ неистощимый запасъ его? Вотъ вопросъ» [1]). Екатеринѣ доставляло большое удовольствіе посѣщать маскарады и, сохраняя глубокое инкогнито, бесѣдовать съ разными лицами; она сама разсказывала подробно, какъ однажды въ мужскомъ платьѣ сдѣлала объясненіе въ любви одной дѣвушкѣ, не подозрѣвавшей, что съ нею говоритъ императрица [2]). Княгиня Дашкова, въ своихъ запискахъ, сообщаетъ, какъ императрица, въ первое время

Медаль, выбитая въ честь графа Николая Петровича Шереметева.

своего царствованія, посѣщая Дашковыхъ, разыгрывала роль пѣвицы и вмѣстѣ съ княземъ Дашковымъ, столь же неспособнымъ къ музыкѣ, какъ и сама Екатерина, устроила что-то въ родѣ кошачьяго концерта, импровизируя при этомъ текстъ и проч. [3]). Усмотрѣвъ изъ счетовъ одного придворнаго служителя, что пудры для ея головы ежедневно расходовался цѣлый пудъ, она вышла въ пріемную молча и поддерживая свою голову рукою; на вопросъ о ея здоровьѣ, она жаловалась, что ей высыпали цѣлый пудъ пудры на голову [4]). Веселость императрицы высказывалась осо-

[1]) «Русскій Архивъ», 1878, 2, 291.
[2]) Письма и бумаги Екатерины. Спб., 1873, стр. 103 и слѣд.
[3]) Memoirs of the princess Dashkaw, I, 110—111.
[4]) «Др. и Нов. Россія», 1879, I, 68.

бенно часто и удачно въ разныхъ литературныхъ забавахъ. То она сочиняла какую-нибудь шуточную надгробную надпись для собачки, то придумывала какой-нибудь комическій девизъ для дачи князя Нарышкина [1]); стихи, сочиненныя императрицею въ честь Потемкина, во время пребыванія въ Бахчисараѣ, въ 1787 году, доставили большое удовольствіе ея спутникамъ [2]); она постоянно придумывала новыя стихотворныя сочиненія, напр., записку о разныхъ видахъ смѣха, «Sentences chinoises», въ которыхъ заключалась сатира на академію, изслѣдованіе вопроса о томъ, какою смертью долженъ будетъ умереть каждый изъ лицъ, ее окружавшихъ, и пр. [3]).

О нравѣ и личности Екатерины, такъ сказать, въ частной жизни, мы особенно подробно узнаемъ при изученіи дневника Храповицкаго. Онъ, въ продолженіе цѣлаго десятилѣтія, ежедневно видѣлъ императрицу и почти ежедневно, а иногда и по нѣскольку разъ въ день, записывалъ то, что происходило при дворѣ, чѣмъ занималась Екатерина, какъ она разсуждала о томъ или другомъ предметѣ. Изъ этого источника можно составить себѣ понятіе о занятіяхъ Екатерины политическими вопросами, искусствомъ, литературою, науками, о настроеніи ума императрицы, о впечатлѣніи, произведенномъ на нее тѣмъ или другимъ событіемъ, о томъ, какъ она судила о томъ или другомъ лицѣ и пр. Такого рода источники гораздо болѣе непосредственно, чѣмъ дѣловыя бумаги, или записки, или письма, воспроизводятъ для насъ всѣ частности прошедшаго времени, всѣ мелочи обыденной жизни, всѣ оттѣнки душевнаго и умственнаго настроенія историческихъ лицъ. Благодаря такимъ источникамъ, лишеннымъ литературнаго значенія, но допускающимъ, нѣкоторымъ образомъ, сравненія съ фотографическимъ приборомъ, мы имѣемъ возможность заглядывать, такъ сказать, въ закулисную сторону жизни великихъ дѣятелей. Знакомя насъ короче съ личностью Екатерины, сообщая множество данныхъ о ея характерѣ, рабочей силѣ, образованіи, умственномъ и нравственномъ кругозорѣ, дневникъ Храповицкаго оказывается ничѣмъ незамѣнимымъ для историка источникомъ. Руководствуясь этимъ драгоцѣннымъ памятникомъ, можно бы составить перечень важнѣйшимъ письмамъ, писаннымъ императрицею въ то время, когда Храповицкій былъ чуть ли не ежеднев-

[1]) Harris, Diaries, I, 226.

[2]) Письма и бумаги, 147 и слѣд.

[3]) «Др. и Нов. Россія», 1876, III, 315. «Письма и бумаги», 110, 137. «Сб. Ист. Общ.», X, 320 и слѣд.

O NIMIVM FORTVNATI SVBDITI! — VT HOS INFANTES, ITA VOS AMAT.

Екатерина II, окруженная семействомъ и ближними придворными.

Съ гравюры 1784 г. Сидо, находящейся въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

нымъ ея собесѣдникомъ. Нерѣдко она прочитывала ему кое-какія выдержки изъ своей корреспонденціи. Храповицкій принималъ иногда дѣятельное участіе въ литературныхъ занятіяхъ императрицы. Нигдѣ въ этомъ дневникѣ не встрѣчается прямого отзыва о личности ея. Храповицкій не хвалитъ и не порицаетъ Екатерины. Каждая строка дневника, однако, свидѣтельствуетъ о безусловной преданности автора, посвященнаго во всѣ интересы императрицы, узнававшаго обо всѣхъ случаяхъ, вліявшихъ на ея воззрѣнія, на ея темпераментъ. Ловкій и услужливый царедворецъ, Храповицкій никогда не противорѣчилъ Екатеринѣ; онъ хорошо зналъ о томъ, что̀ ее занимало главнымъ образомъ въ данную минуту, что̀ было предметомъ ея заботъ, ея горя, ея веселости и пр., и умѣлъ бесѣдовать съ нею, входя въ ея положеніе, вдумываясь въ ея мысли, дополняя то, что она говорила, дѣльными замѣчаніями, иногда успокаивая ее. Императрица любила шутить съ Храповицкимъ, иногда журила его, впрочемъ, самымъ невиннымъ образомъ, смѣясь, напр., надъ его тучностью, или разспрашивая его о здоровьѣ и пр. Бесѣды Екатерины съ Храповицкимъ отличались совершенною безцеремонностью; порою въ нихъ затрогивались болѣе или менѣе щекотливыя темы, разсказывались случаи изъ петербургской скандалезной хроники; иногда императрица разсуждала о характерѣ царствованія ея предшественниковъ, о Петрѣ I, объ Аннѣ, Елизаветѣ; встрѣчается множество, отчасти довольно рѣзкихъ, отзывовъ о разныхъ сановникахъ и фаворитахъ, о неспособности или нерадѣніи того или другаго чиновника и пр. Мѣстами въ дневникѣ Храповицкаго заключаются разсужденія о характерѣ и значеніи важнѣйшихъ событій исторіи Россіи. Изъ дневника Храповицкаго мы узнаемъ о безчисленныхъ порывахъ страсти, раздраженія, горя у Екатерины. Весьма часто упоминается о слезахъ ея. По случаю отъѣзда Павла Петровича въ Финляндію, въ 1788 году, Храповицкій пишетъ: «Прощались съ цесаревичемъ, плакали». «Чувствительность и слезы», сказано по поводу кончины Грейга. По случаю болѣзни и кончины Потемкина: «Слезы», «слезы и отчаяніе», «проснулись въ огорченіи и въ слезахъ», «продолженіе слезъ» и пр. Иногда императрица жаловалась на усталость, на чрезмѣрную сложность дѣлъ, на наступающую старость. Бывало множество поводовъ къ разстройству и раздраженію. То она узнавала о фальшивыхъ ассигнаціяхъ, то о голодѣ, то о какой-нибудь продѣлкѣ того или другого корыстолюбиваго чиновника, то о ссорахъ между разными вельможами. Весьма часто она теряла терпѣніе, употребляла сильныя выра-

женія. Храповицкій пишетъ однажды (въ 1788 г.): «Назвали короля шведскаго бестіей и предо мною извинились тѣмъ, что стоитъ онъ того названія». Когда грозила шведская война и нѣкоторые вельможи недостаточно ревностно исполняли свою обязанность, она сказала: «Я не знаю, кто дѣлаетъ каверзы, но могу назвать канальею, потому что вредятъ пользѣ государства» и пр. Вслѣдствіе волненій, причиняемыхъ Екатеринѣ политическими событіями, она иногда заболѣвала. О всѣхъ случаяхъ нездоровья императрицы Храповицкій сообщаетъ подробныя данныя. Общее впечатлѣніе, производимое личностью Екатерины при чтеніи и разборѣ дневника Храповицкаго, нисколько не соотвѣтствуетъ той характеристикѣ, которая встрѣчается въ сочиненіяхъ историковъ-памфлетистовъ, въ родѣ Массона, Гельбига, Сальдерна, Кастера. Она выигрываетъ въ нашихъ глазахъ; мы можемъ составить себѣ весьма благопріятное мнѣніе не только объ умственныхъ, но также и о душевныхъ качествахъ императрицы [1]).

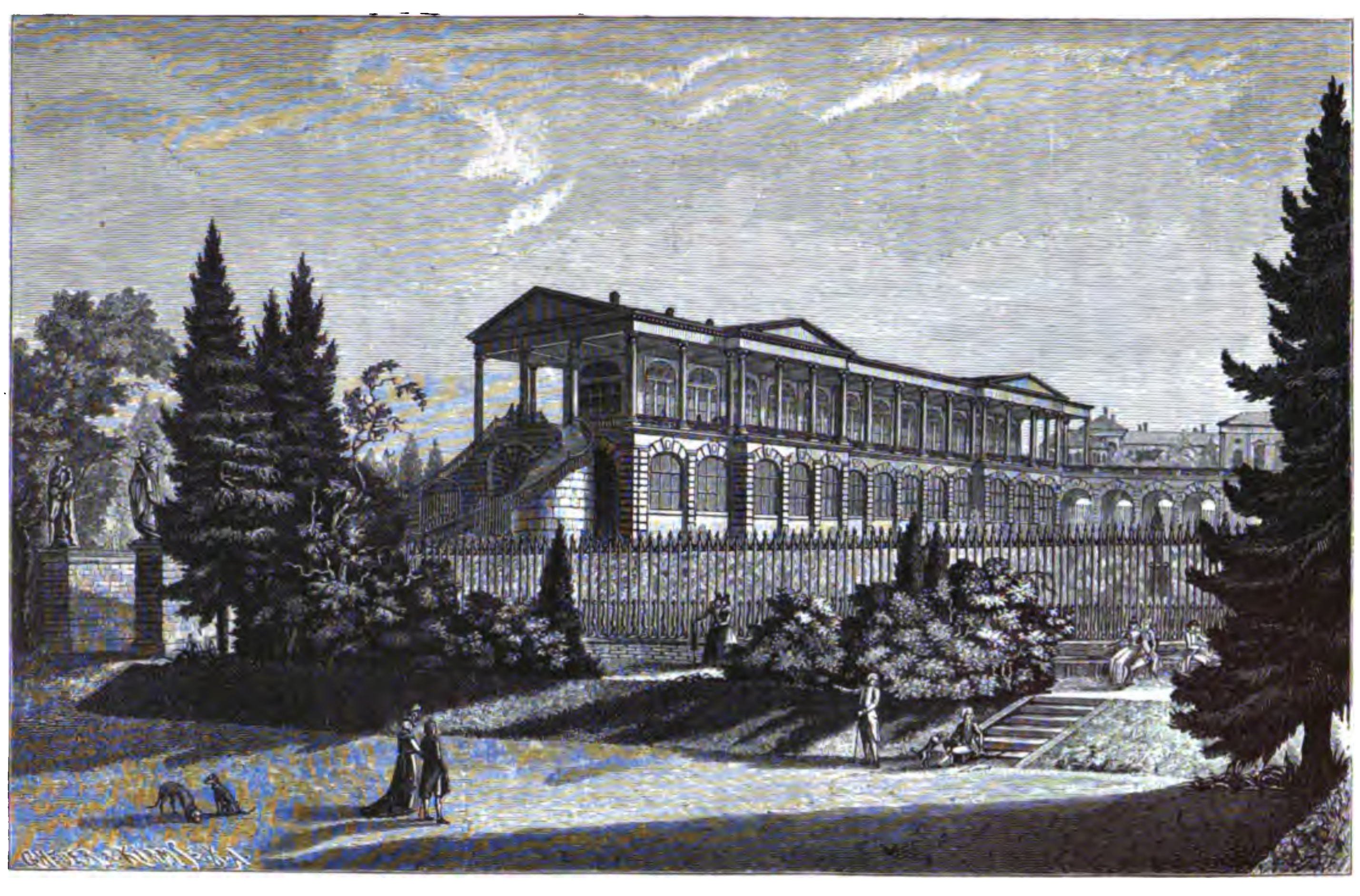
Не должно считать дѣломъ случая или дѣйствіемъ угодничества то обстоятельство, что сохранилось множество анектодовъ, свидѣтельствующихъ о великодушіи Екатерины. Многіе современники, далеко не безусловно восхвалявшіе ее, утверждали, что она была въ состояніи выслушивать непонравившуюся ей истину, что она умѣла сдерживать свой гнѣвъ, что она была способна сознавать свои ошибки и недостатки. Таковы отзывы Разумовскаго, Державина, Мусина-Пушкина, Теплова и пр. [2]).

Разумѣется, нѣтъ недостатка и въ другихъ чертахъ, свидѣтельствующихъ о нѣкоторомъ упрямствѣ, своенравіи и высокомѣріи императрицы. Державинъ приводитъ нѣсколько случаевъ въ доказательство, что Екатерина въ своихъ дѣйствіяхъ часто руководствовалась разными, скорѣе личными соображеніями, желаніемъ угодить тому или другому изъ своихъ приближенныхъ, нежели попеченіемъ объ истинномъ благѣ государства и строгимъ правосудіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однакожъ, онъ отдаетъ справедливость милосердію Екатерины, ея снисходительности къ людскимъ слабостямъ, ея заботливости о страждущихъ и угнетенныхъ, ея умѣнію привлекать къ себѣ сердца и удивительному самооблада-

---

[1]) См. мою статью «Zur Charakteristik der Kaiserin Katharina» въ журналѣ «Russische Revue», V, 139—164.

[2]) См., напр.,«Русскій Архивъ», 1870, 2009.«Осьмнадцатый вѣкъ», II, 477; «Русская Старина», V, 135, 658; Грота соч. о Державинѣ, VIII, 626. Случай съ Петромъ Панинымъ въ «Русскомъ Архивѣ», 1870, 2100; съ Сегюромъ въ его Mémoires, III, 483 и пр.

Камероновская галлерея въ Царскосельскомъ саду, построенная Екатериной II.

Съ современной акватинты Майера. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

нію[1]). Не даромъ упрекали Екатерину въ томъ, что она, протестуя противъ употребленія пытки и тѣлеснаго наказанія, давала просторъ жестокостямъ Шешковскаго, весьма часто собственноручно мучившаго подсудимыхъ самымъ неистовымъ образомъ[2]), однако мы не можемъ опредѣлить, на сколько былъ извѣстенъ императрицѣ варварскій образъ дѣйствій этого слѣдователя. Указывая на нѣкоторые случаи произвола и нарушенія закона, случившіеся при Екатеринѣ, князь Щербатовъ замѣчаетъ, что императрица считала свою волю выше закона и этимъ самымъ давала пагубный примѣръ вельможамъ и сановникамъ, подражавшимъ ей въ этомъ отношеніи, и пр.[3]).

Не даромъ современники рѣзко порицали тщеславіе Екатерины. Іосифъ II однажды писалъ къ князю Кауницу: «Не должно забывать, что мы имѣемъ дѣло съ женщиною, которая столь же мало какъ и я самъ печется о благѣ Россіи: нужно льстить ей. Тщеславіе—ея идолъ; успѣхъ и угодничество испортили ее»[4]). Екатеринѣ нравилось, когда ее называли Минервою[5]). Оды Державина, въ которыхъ была восхваляема императрица, вполнѣ соотвѣтствовали ея вкусу[6]). Она постоянно и сильно нуждалась въ похвалѣ. Въ то время, когда финансы Россіи находились въ крайнемъ разстройствѣ, Екатерина называла государственное хозяйство имперіи образцомъ порядка и правильнаго устройства[7]). Мысль о неудачѣ была для нея самою тяжелою; она, какъ мы знаемъ, не была разборчивою въ средствахъ для достиженія цѣли; искренность ея во многихъ случаяхъ подлежитъ сильному сомнѣнію.

Что касается религіозности Екатерины, то Фридрихъ II прямо обвинялъ ее въ лицемѣріи и ханжествѣ[8]). Мы помнимъ, что ей было нелегко рѣшиться на принятіе православія, но что затѣмъ она употребляла внѣшнее благочестіе, какъ средство для упроченія своего положенія въ Россіи. Строго соблюдая правила церкви, исполняя добросовѣстно религіозныя обязанности, императрица старалась произвести нѣкоторое впечатлѣніе на своихъ поддан-

---

[1]) Гротъ, VIII, 625.
[2]) «Русская Старина», II, 637.
[3]) Тамъ-же, III, 681—683.
[4]) Arneth, «Joseph und Katharina», 35.
[5]) Masson (нѣм. изд.), I, 60.
[6]) Гротъ, VIII, 344—345, 544.
[7]) Mémoires, II, 346.
[8]) «La cour de Russie», 220. «Elle n'a aucune religion, mais elle contrefait la dévote».

ныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, она оставалась вѣрною началамъ терпимости, проповѣдуемымъ въ литературѣ просвѣщенія. Когда Вольтеръ упрекалъ ее въ томъ, что она унижаетъ себя, цѣлуя руку священника, она оправдывалась тѣмъ, что это лишь внѣшній обычай, который мало по малу выходитъ изъ употребленія [1]).

Придворный костюмъ кавалерственной дамы ордена св. Екатерины, въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ гравюры прошлаго вѣка Саблина.

Нѣтъ сомнѣнія, что религіозность Екатерины не вытекала изъ особенно глубокаго чувства.

Въ письмахъ Екатерины къ барону Гримму встрѣчаются неоднократно выходки противъ Лютера и лютеранъ [2]). Она порицала

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», X, 168.
[2]) Тамъ-же, XXIII, 28—29.

лютеранъ за недостатокъ вѣротерпимости[1]). Неоднократно она восхваляла православную вѣру, называя ее лучшею въ мірѣ. Въ раздраженіи по поводу французской революціи, она однажды заявила, что всѣ протестантскія правительства хорошо бы сдѣлали, рѣшившись принять православіе, потому что это исповѣданіе должно считаться оплотомъ противъ «неприязненной всякой религіи, безнравственной, анархической, преступной, воровской, богохульской и опрокидывающей престолы заразы»; она сравнивала греческую церковь съ дубомъ, имѣющимъ глубокіе корни[2]).

Рядомъ съ этими замѣчаніями, встрѣчаются въ устныхъ замѣткахъ и въ письмахъ императрицы смѣлыя выходки противъ чрезмѣрной набожности и изувѣрства. Таковы нѣкоторыя колкія замѣчанія, относившіяся къ Маріи Терезіи, къ королевѣ Португальской и др. Въ нѣкоторыхъ шуткахъ, которыя императрица позволяла себѣ о вопросахъ церкви и религіи въ письмахъ къ Гримму, проглядываетъ тотъ самый раціонализмъ, которымъ отличались корифеи французской литературы. Екатерина хвалила сочиненіе Николаи «Sebaldus Nothanker» особенно потому, что въ немъ осуждалось лицемѣріе. Она не любила углубляться въ частности религіозно-философическихъ вопросовъ. Главною чертою ея характера была нѣкоторая свѣтскость. Ея міросозерцаніемъ былъ оптимизмъ, а главнымъ правиломъ житейской мудрости — веселость. Она не любила размышлять о печальныхъ событіяхъ, предаваться горю, останавливаться на какомъ либо мрачномъ предметѣ. Этимъ самымъ отчасти и объяснялось ея уваженіе къ Вольтеру, котораго она называла «божествомъ веселости». И эту игривость и живучесть, эту свѣжесть и веселость она сохранила до конца своихъ дней.

Не даромъ князь Щербатовъ въ своемъ сочиненіи «О поврежденіи нравовъ» рѣзко порицалъ неслыханную расточительность, которою отличался пышный дворъ Екатерины. Онъ справедливо замѣтилъ, что чрезмѣрная роскошь во время этого царствованія не вяжется съ строгимъ отзывомъ Екатерины о баснословно богатомъ гардеробѣ императрицы Елизаветы Петровны. Не безъ основанія онъ находилъ, что примѣръ Екатерины подѣйствовалъ весьма вредно на подражавшихъ ей въ этомъ отношеніи царедворцевъ, фаворитовъ, вельможъ и сановниковъ. За то Щерба-

[1]) «Русскій Архивъ», 1878, 2, 286.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 683, 257, 597.

Моды въ Россіи въ 1779 году.

Уборъ а ла бельпуль. Счастливый щеголь. Раскрытыя прелести.
Расцвѣтающая пріятность. Прелестная простота.

Съ рисунка, приложеннаго къ журналу „Модное ежемѣсячное сочиненіе“, изд. 1779 г.

товъ хвалитъ императрицу за чрезвычайную умѣренность въ пищѣ и питьѣ, между тѣмъ какъ лица, окружавшія ее, и въ этомъ отношеніи не знали мѣры, отличаясь всякаго рода сибаритизмомъ [1]).

Иностранцы, пріѣзжавшіе въ Россію въ это время, удивлялись баснословной пышности русскаго двора. Коксъ замѣтилъ, что въ ней представляется соединеніе азіатской роскоши съ чрезмѣрною европейскою утонченностью. Его поразило между прочимъ и то, что не только женщины, но и мущины являлись въ уборахъ изъ драгоцѣнныхъ камней [2]). Сегюръ говорилъ, что нигдѣ и никогда не видѣлъ столь цѣнныхъ столовыхъ приборовъ и украшеній, какъ по случаю празднества, устроеннаго въ Москвѣ графомъ Шереметевымъ въ честь Екатерины въ 1787 году [3]). Необычайною роскошью отличались также и празднества, устроенныя въ честь императрицы Безбородкою, Потемкинымъ и др. Самымъ замѣчательнымъ эпизодомъ такого рода былъ праздникъ въ Таврическомъ дворцѣ въ 1791 году [4]).

Въ своихъ письмахъ къ разнымъ лицамъ Екатерина любила описывать всю прелесть и сказочный блескъ придворныхъ празднествъ. Къ описанію потемкинскаго празднества въ 1791 году, въ письмѣ къ Гримму, приложенъ собственноручный рисунокъ, изображающій великолѣпное помѣщеніе, въ которомъ происходилъ пиръ, и т. п. [5]).

Екатерина наслаждалась роскошью, комфортомъ и красивымъ мѣстоположеніемъ своихъ дворцовъ, дачь, оранжерей, садовъ и пр. Обо всемъ этомъ говорится часто и подробно въ письмахъ къ разнымъ лицамъ. Екатерина была чрезвычайно довольна, когда иностранные путешественники, архитекторы, художники, спеціалисты въ устройствѣ садовъ и парковъ, хвалили ея вкусъ и восхищались прелестью Петергофа, Царскаго Села и пр.; она любила описывать роскошь и изящество зеркалъ и колоннадъ, картинъ и статуй, пышность и уютность покоевъ въ Эрмитажѣ, импозантную архитектуру зданій, построенныхъ итальянскимъ архитекторомъ Гваренги. Свою страсть къ разведенію садовъ и къ постройкѣ дворцовъ она называла «plantomanie» и «bâtissomanie»;

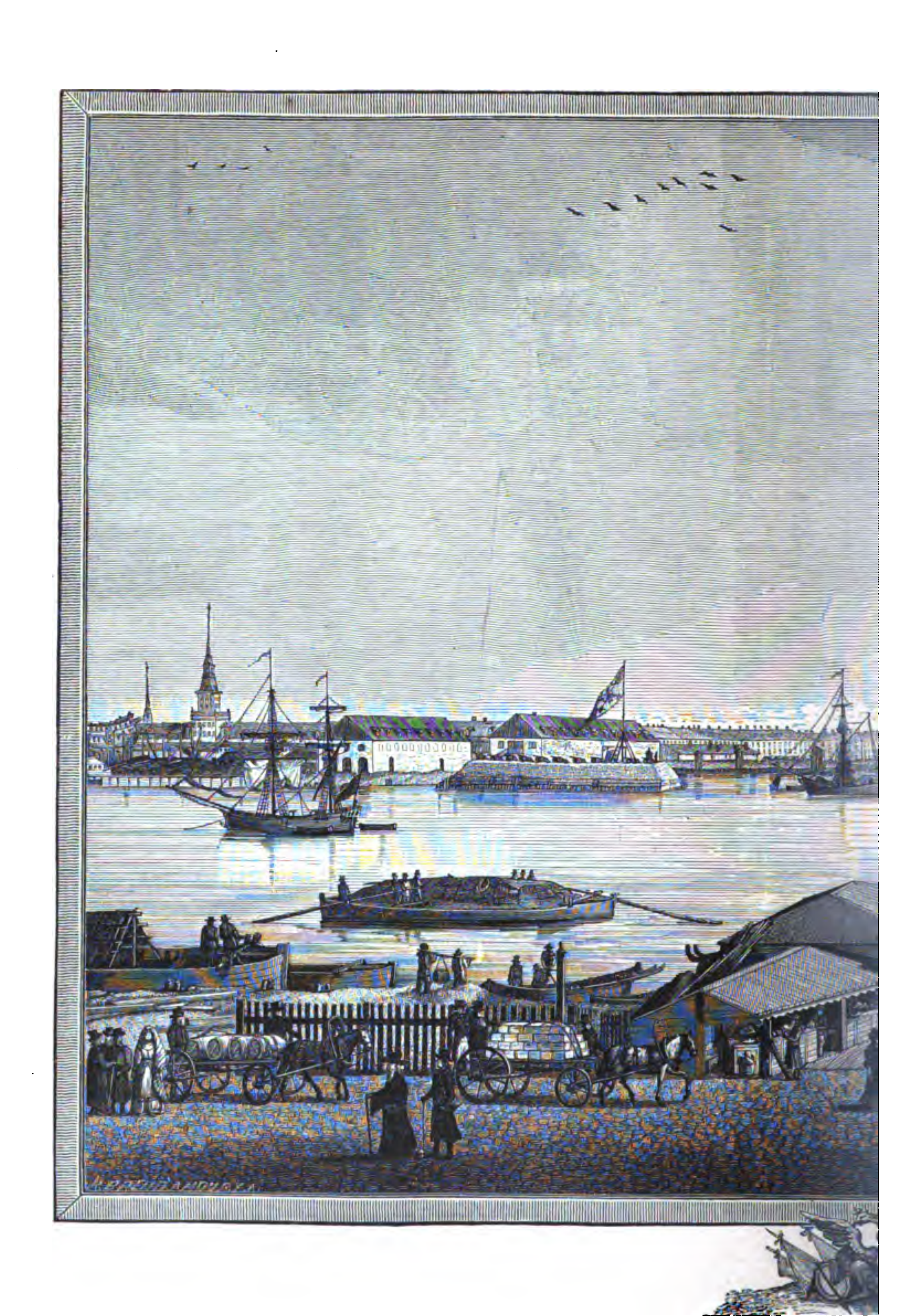
[1]) «Русская Старина», ПѢ, 680.

[2]) Тамъ-же, XIX, 30.

[3]) Ségur, Mémoires, III, 233.

[4]) См. мою статью «Potemkins Glück und Ende» въ журналѣ «Baltische Monatsschrift». Neue Folge, I, 518 и слѣд.

[5]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 79—80, 518. Въ письмахъ къ г-жѣ Бьельке и къ Вольтеру, «Сб. Ист. Общ.», XIII, 48—53.

Петербургъ п

ВИДЪ ИСААКІЕВСКАГО МОСТА И ЧАСТИ

Съ рисунка Патерсона 1791 г

ь при Екатеринѣ II.

ıı ГОРОДА ОТЪ АДМИРАЛТЕЙСТВА ДО СЕНАТА.

ı года. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

всѣмъ этимъ она охотно занималась еще въ то время, когда была великою княгинею; располагая гораздо большими средствами послѣ воцаренія, Екатерина не знала мѣры своей склонности къ роскоши и великолѣпію.

Все это, какъ извѣстно, доходило до баснословія во время знаменитой поѣздки императрицы въ южную Россію, въ 1787 году. Разсказывали, что для этого путешествія была назначена сумма 10 милліоновъ рублей, но что она оказалась впослѣдствіи недостаточною. Къ этому должно причислить еще расходы Потемкина по приготовленіямъ къ встрѣчѣ императрицы въ различныхъ областяхъ и городахъ, по постройкѣ многихъ домовъ, разведенію садовъ, устройству базаровъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, чрезъ которыя проѣзжала Екатерина. На 25-ти станціяхъ отъ Кайдакъ до Херсона (около 350 верстъ, седьмая часть всего путешествія) было приготовлено 10,480 лошадей, 5,040 извощиковъ и 9,636 сѣделъ. На станціяхъ, гдѣ не положено было дворцовъ, устраивались галлереи; въ городахъ нужно было отводить или устраивать 25 квартиръ для лицъ свиты императрицы; на Днѣпрѣ была запрещена переправа, дабы не сдѣлалось остановки въ плаваніи. Всѣ вновь построенные дворцы и помѣщенія, въ которыхъ императрица останавливалась, были снабжены новою мебелью. Каждый разъ за столомъ употреблялось совершенно новое столовое бѣлье. Въ Кіевѣ, гдѣ путешественники оставались около трехъ мѣсяцевъ, Екатерина не хотѣла дозволить, чтобы посланники иностранныхъ державъ жили на свой счетъ. Каждому изъ нихъ отвели цѣлый домъ, въ которомъ былъ дворецкій, множество лакеевъ, поваровъ, кучеровъ, экипажей, полный серебряный и фарфоровый приборы, большое количество бѣлья и запасы рѣдкихъ винъ и пр. [1]).

Все это производитъ тяжелое впечатлѣніе и напоминаетъ эпизоды изъ царствованій римскихъ императоровъ. Съ другой стороны, нельзя не признать, что именно во время такихъ путешествій въ особенно яркомъ блескѣ обнаруживались необычайныя способности императрицы и ея рабочая сила. Правда, она сама придавала слишкомъ большое значеніе своимъ поѣздкамъ, имѣвшимъ, нѣкоторымъ образомъ, характеръ инспекцій или ревизій, потому что все это являлось поверхностнымъ и лишь формальнымъ контролемъ дѣятельности органовъ правительства; однако для нея самой такія путешествія обыкновенно оказывались да-

[1]) См. мою статью о путешествіи 1787 года въ «Журналѣ министерства нар. просв.», CLXII, отд. 2.

Моды въ Россіи въ 1779 году.

Головной уборъ по манеру шишака Минервина, или по драгунски. Левантскій турбанъ.

Щеголиха на гуляньѣ.

Уборка изъ цвѣтовъ. Рогъ изобилія.

Съ рисунка, приложеннаго къ журналу „Модное ежемѣсячное сочиненіе“, изд. 1779 г.

Моды въ Россіи въ 1791 году.

Головной уборъ «Пчелиный улей». По крестьянски.
Роба на манеръ королевиной. A la Reine.

Съ рисунка, приложеннаго къ журналу „Магазинъ Англинскихъ, Французскихъ и Нѣмецкихъ новыхъ модъ“, изд. 1791 г.

леко не безполезными. Она узнавала, все-таки, кое-что о нуждахъ мѣстнаго населенія, своею личностью, умѣніемъ обращаться съ людьми, производила на всѣхъ глубокое впечатлѣніе, становилась все болѣе и болѣе популярною, знакомилась съ особенностями различныхъ частей имперіи и пр.[1]).

Во время такихъ поѣздокъ императрица почти вовсе не прерывала своихъ обычныхъ занятій дѣлами. На станціяхъ, во время сухопутныхъ путешествій, на великолѣпныхъ галерахъ, во время плаванія по Волгѣ, въ 1767 году, или по Днѣпру, въ 1787 году, Екатерина просматривала и снабжала разными примѣчаніями многіе законопроекты, читала серьезныя сочиненія, переписывалась со множествомъ лицъ и бесѣдовала о дѣлахъ съ сановниками. Путешествуя по Волгѣ, въ 1767 году, она въ одно и то же время была занята изученіемъ края и переводомъ, съ помощію спутниковъ, Мармонтелева сочиненія «Bélisaire». То она, въ Ярославлѣ, посѣщала фабрики, то вела переговоры съ иностранными дипломатами по важнымъ вопросамъ международныхъ сношеній, то забавлялась въ обществѣ спутниковъ остроумными «jeux d'esprit», то старалась составить себѣ точное понятіе объ условіяхъ коммерческаго быта Нижняго-Новгорода. Вопросъ о раскольникахъ на берегахъ Волги ее интересовалъ не менѣе, какъ то или другое сочиненіе французской литературы просвѣщенія. Осмотръ развалинъ Болгаръ въ окрестностяхъ Казани, изученіе недостатковъ администраціи въ приволжскихъ городахъ, шутки и забавы въ средѣ царедворцевъ, сановниковъ и иностранныхъ дипломатовъ — все это равнымъ образомъ занимало Екатерину. То же самое происходило и въ поѣздку, въ 1785 году, съ цѣлью осмотра Вышневолоцкаго канала. Во время этого путешествія велись переговоры, имѣвшіе цѣлью заключеніе торговаго договора съ Франціею, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не было конца разнымъ шуткамъ и забавамъ, о характерѣ которыхъ можно судить по сохранившейся шутливой дипломатической перепискѣ, происходившей между Екатериною и Сегюромъ.

Всѣ современники-иностранцы, посѣщавшіе русскій дворъ въ царствованіе Екатерины, восхищались прелестью общества, которое собирала около себя императрица и которое она оживляла остроумною бесѣдою, устройствомъ разныхъ праздниковъ, драматическихъ представленій и пр. Утонченность забавъ при дворѣ

---

[1]) См. бесѣду Екатерины съ графомъ Сегюромъ въ мемуарахъ послѣдняго, III, 37 и 56.

Екатерины II могла служить мѣркою вліянія западной Европы на нравы высшихъ слоевъ общества въ Россіи. Разница между грубыми шутками и потѣхами Петра Великаго и изысканными бесѣдами и вечерами въ Эрмитажѣ при Екатеринѣ II бросается въ глаза. Попойки, скоморохи, шумныя увеселенія исчезли; вмѣсто того давались на сценѣ театра въ Эрмитажѣ опера Екатерины или драма Сегюра и пр. Весельчакъ Левъ Нарышкинъ при Екатеринѣ не походилъ на какого-нибудь Балакирева временъ Петра Великаго или на придворныхъ шутовъ эпохи Анны Іоанновны. Подъ страхомъ строгаго наказанія, представители лучшаго общества при Петрѣ должны были посѣщать устраиваемыя царемъ «ассамблеи»; еще при Елизаветѣ посѣщеніе театра для многихъ лицъ было обязательнымъ; при Екатеринѣ предоставлено волѣ и желанію каждаго являться или нѣтъ, участвовать или не участвовать въ увеселеніяхъ и пр. Однажды, графу Сегюру показалась скучною и далеко не остроумною игра въ лото, которую любила императрица, и онъ, нисколько не стѣсняясь, произнесъ сатирическій экспромтъ, въ которомъ былъ осмѣянъ этотъ способъ развлеченія [1]). Въ собраніяхъ «малаго Эрмитажа» придворный этикетъ не игралъ почти никакой роли; было постановлено правиломъ не вставать передъ императрицею. Де-Линь разсказываетъ о слѣдующемъ случаѣ. Во время путешествія по Днѣпру, въ 1787 году, Екатерина предложила замѣнить вѣжливое «вы» простымъ «ты»; де-Линь тотчасъ же согласился на эту шутку и нѣсколько разъ съ особеннымъ эффектомъ употребилъ «твое величество»; дозволяя такія шутки, императрица всегда оставалась, по словамъ де-Линя, величавою и сохраняла все внѣшнее достоинство самодержицы всероссійской и «чуть-ли не цѣлаго міра» [2]). Нельзя не признать, что императрица умѣла выбирать себѣ общество: де-Линь, Сегюръ, Кобенцль, Бибиковъ, Нарышкинъ, Андрей Разумовскій и др. соединяли въ себѣ всѣ достоинства для того, чтобы участвовать въ увеселеніяхъ, устраиваемыхъ Екатериною. Многіе русскіе, представители лучшаго общества, по цѣлымъ годамъ проживали заграницею и особенно охотно стекались въ Парижъ. Взамѣнъ того, изъ Франціи пріѣзжали въ Петербургъ знаменитости, въ родѣ Мерсье-де-ля-Ривьера, Дидеро, Гримма, Фальконета и др. Никогда до этого русскій дворъ не находился столь непосредственно подъ вліяніемъ умственнаго и

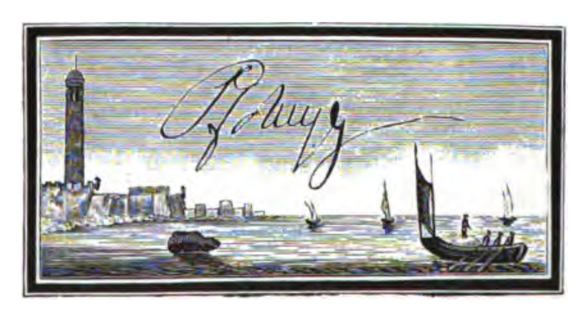
[1]) «Mémoires», III, 6.
[2]) «Oeuvres du prince de Ligne», II, 16, 17.

литературнаго развитія западной Европы. Въ сношеніяхъ Екатерины съ пользовавшимися громкими именами писателями и учеными замѣтна, правда, нѣкоторая доля тщеславія и хвастовства, но едвали когда меценатство было лишено такой примѣси. Къ тому же, въ этихъ сношеніяхъ видно также истинное добродушіе

Визитная карточка Екатерининскаго времени.
Съ подлинниковъ, находящихся въ собраніи П. Я. Дашкова.
(Факсимиле подписи Суворова).

Екатерины, искреннее благоговѣніе предъ талантомъ и геніальностію замѣчательныхъ лицъ. Покупка библіотекъ Вольтера и Дидеро, щедрые подарки Гримму и многимъ художникамъ и литераторамъ, пенсіи, выплачиваемыя императрицею разнымъ заслу-

Визитная карточка Екатерининскаго времени.
Съ подлинниковъ, находящихся въ собраніи П. Я. Дашкова.
(Факсимиле подписи Румянцева).

женнымъ дѣятелямъ въ западной Европѣ — все это свидѣтельствуетъ о способности оцѣнивать заслуги въ области умственнаго труда, о добротѣ и человѣколюбіи Екатерины.

Каковъ былъ характеръ бесѣды Екатерины, мы узнаемъ подробно изъ записки Гримма, составленной послѣ кончины Ека-

терины. Здѣсь онъ разсказываетъ о своемъ пребываніи въ Петербургѣ, въ 1773—74 и 1776—77 годахъ, между прочимъ, слѣдующее: «Талантъ императрицы заключался въ томъ, что она всегда вѣрно схватывала мысль своего собесѣдника, такъ что не-

Визитная карточка Екатерининскаго времени.
Съ подлинниковъ, находящихся въ собраніи П. Я. Дашкова.
(Факсимиле подписи Бецкаго).

точное или смѣлое выраженіе никогда не вводило ее въ заблужденіе... я видѣлъ ее ежедневно, съ утра до вечера, при публикѣ, и ежедневно, иногда два или три раза, но, по крайней мѣрѣ,

Визитная карточка Екатерининскаго времени.
Съ подлинниковъ, находящихся въ собраніи П. Я. Дашкова.
(Факсимиле подписи Фонъ-Визина).

одинъ разъ, не официально; обыкновенно бесѣда наша, съ глазу на глазъ, продолжалась часа два или три, иной разъ четыре, а, однажды, семь часовъ, не прерываясь ни минуты». Описывая затѣмъ характеръ этихъ разговоровъ, отличавшихся многосторон-

ностью предметовъ и обнаруживавшихъ умъ, познанія и способности Екатерины, Гриммъ продолжаетъ: «Надо было видѣть въ такія минуты эту необычайную голову, эту смѣсь генія съ граціею, чтобы понять увлекавшую ее жизненность; какъ она своеобразно схватывала, какія остроты, проницательныя замѣчанія падали въ изобиліи, одно за другимъ, какъ свѣтлыя блестки природнаго водопада. Отчего не въ силахъ моихъ воспроизвести на письмѣ эти бесѣды! Свѣту досталась бы драгоцѣнная, можетъ быть единственная страница исторіи ума человѣческаго. Воображеніе и разумъ были одинаково поражаемы этимъ орлинымъ взглядомъ, обширность, быстрота коего могли быть уподоблены молніи. Да и возможно ли было уловить на лету ту толпу свѣтлыхъ движеній ума, движеній гибкихъ, мимолетныхъ! Какъ перевести ихъ на бумагу? Разставаясь съ императрицею, я бывалъ, обыкновенно, до того взволнованъ, наэлектризованъ, что половину ночи, большими шагами, разгуливалъ по комнатѣ» и пр. [1]).

Рабочая сила императрицы выходила далеко за предѣлы обыкновеннаго. Она вполнѣ обладала искусствомъ употреблять время. Вставая рано утромъ, въ 6 часовъ, она около двухъ часовъ занималась чтеніемъ, писала и пр. Затѣмъ начинались занятія государственными дѣлами, слушаніе докладовъ, совѣщанія съ сановниками. Послѣ обѣда императрица приказывала читать въ слухъ, а сама, обыкновенно, занималась рукодѣльемъ. Затѣмъ, опять слѣдовали занятія текущими государственными дѣлами. По вечерамъ происходила игра въ карты, драматическія представленія и пр. Екатерина, обыкновенно, рано ложилась спать, вообще она придерживалась регулярности въ обыденной жизни; ей доставляла удовольствіе игра въ бильярдъ; она точила, гравировала, занималась живописью, страстно любила осматривать предметы искуства и пр. [2]).

Главнымъ занятіемъ Екатерины кромѣ политики была литература. Читать и писать доставляло ей величайшее удовольствіе. Денина удивлялся тому, какъ Фридрихъ II находилъ время и охоту читать и писать ежедневно. Екатерина замѣтила по этому поводу: «Читать и писать становится удовольствіемъ, коль скоро къ этому привыкнешь» [3]). Однажды, государыня, между разговоромъ, замѣтила своему секретарю, Грибовскому, что, «не попи-

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», II, 331—333.

[2]) Тамъ-же, I, 261; X, 238. «Русскій Архивъ», 1870, стр. 2090—2091. Вольтеръ имѣлъ табакерку, точеную Екатериною; см. «Сб. Ист. Общ.», X, 308.

[3]) «Русскій Архивъ», 1878, II, 291.

J'ai cru mon cher fils que ce point sur lequel
vous venés de m'ecrire aujourd'huy n'étoit
point du tout problemathique et que m'a
lettre du 22. May n'avoit pu vous laisser aucun
un doute sur la permission que je vous
ai donné d'aller en Finlande, la guerre
n'est point déclaré encore et il n'i a point
non plus d'hostilité de comencée, vos pre

miers coups doivent etre defensifs mais a tout heure il faut s'y attendre Je salue ma chere fille et vous embrasse.

ce 24 Juin 1788. en sortant du Tedeum pour la batailles de Tchesma

Факсимиле французскаго письма Екатерины II къ великому князю Павлу Петровичу.

Съ подлинника, находящагося въ собраніи автографовъ П. Я. Дашкова.

савши, нельзя и одного дня прожить». Въ одномъ изъ писемъ ея къ Репнину, писанномъ въ $7^1/_2$ часовъ утра, Екатерина жалуется на то, что ея рука устала отъ многихъ занятій въ этотъ день [1]). Собраніе всего, что̀ было писано Екатериною, составило бы цѣлую библіотеку. Нельзя не удивляться тому, что она, принимая столь дѣятельное участіе въ управленіи дѣлами, имѣя иниціативу во всѣхъ отношеніяхъ, употребляя ежедневно по нѣскольку часовъ на совѣщанія съ государственными людьми, находила столько времени для частныхъ занятій.

Къ послѣднимъ можно отнести и переписку императрицы со множествомъ лицъ.

И Петръ I писалъ тысячи писемъ, однако, эти письма почти безъ исключенія, не болѣе какъ краткія записки, приказы, распоряженія. Великій преобразователь не имѣлъ понятія о роскоши подробной болтовни въ письмахъ къ пріятелямъ въ томъ видѣ, въ какомъ все это было возможно Екатеринѣ.

Изданныя до сего времени письма Екатерины уже составляютъ весьма значительное число томовъ. Между корреспондентами императрицы самое видное мѣсто занимаютъ Фридрихъ II, Іосифъ II, Вольтеръ, Гриммъ, Циммерманнъ, Фальконетъ, г-жа Жофренъ и г-жа Бьельке; кромѣ того, можно упомянуть о ея перепискѣ съ Дидеро, Даламберомъ, Олсуфьевымъ, Штакельбергомъ, Потемкинымъ, великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ и великою княгинею Маріею Θеодоровною, принцемъ Нассау-Зигенъ, де Линемъ, Чернышевымъ и др. Письма императрицы писаны то на русскомъ, то на французскомъ, то на нѣмецкомъ языкахъ.

Объемомъ и содержаніемъ переписка Екатерины съ Гриммомъ превосходитъ всѣ другія корреспонденціи. Оба они сдѣлались другъ другу необходимыми. Въ продолженіе слишкомъ двухъ десятилѣтій переписка между ними не прерывалась. Въ ней отъ начала до конца обнаруживается та же теплота и задушевность, которыми отличались личныя бесѣды Екатерины съ Гриммомъ. Не даромъ Екатерина была убѣждена, что никто въ такой мѣрѣ, какъ Гриммъ, не былъ въ состояніи понимать ее, входить въ ея положеніе, цѣнить ея идеи. Поэтому письма ея къ Гримму имѣютъ въ значительной степени характеръ дневника. Ея надежда склонить Гримма къ вступленію въ русскую службу осталась тщетною; онъ не могъ рѣшиться на переселеніе въ Россію, чтобы посвятить себя какой-нибудь административной дѣятельности въ

[1]) «Сб. Ист. Общ.», V, 132.

Петербургѣ. Зато онъ всю свою жизнь оставался другомъ императрицы и, находясь во Франціи и въ Германіи, оказывалъ ей многія услуги, исполняя разныя порученія, занимая даже временно дипломатическія должности и распространяя по возможности славу Екатерины. Въ его распоряженіи всегда находились значительныя суммы денегъ, назначенныя Екатериною для покупки картинъ, статуй, книгъ, камней, и пр. и для пособій ху-

Гадальная карта Екатерининскаго времени.

Факсимиле подлинной карты, находящейся въ собраніи П. Я. Дашкова.

дожникамъ, литераторамъ, роялистамъ и лицамъ, находившимся въ нѣкоторой связи съ Гриммомъ.

Постоянная письменная бесѣда съ Гриммомъ сдѣлалась для императрицы существенною потребностью, самымъ большимъ удовольствіемъ и наслажденіемъ. Эта переписка отличается многосторонностью содержанія и литературнымъ талантомъ какъ Гримма такъ и Екатерины, множествомъ шутокъ, остротъ, пикантностью замѣчаній, изобиліемъ настоящаго «esprit». Не даромъ Екатерина шутила, что, если кто захочетъ когда нибудь написать коммен-

Пригласительный билетъ на маскарадъ къ оберъ-шталмейстеру Л. А. Нарышкину.

Факсимиле съ подлинника, находящагося у Е. Н. Тевяшова.

таріи къ этой перепискѣ, то для этого, потребуется столько бумаги, что цѣна этого товара должна будетъ значительно возвыситься. Впрочемъ, императрица не разъ говорила о своемъ опасеніи, что ея переписка съ Гриммомъ попадетъ въ руки другихъ лицъ и будетъ напечатана. Довольно часто она просила Гримма сжечь ея письма, для избѣжанія такой опасности. Она требовала, чтобы Гриммъ позаботился о сохраненіи ея писемъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы нельзя было ихъ найти по крайней мѣрѣ въ продолженіе ста лѣтъ.

Нельзя сказать, чтобы переписка Екатерины съ Гриммомъ могла служить весьма важнымъ источникомъ при изученіи политической исторіи этой эпохи. Напрасно не только современники Гримма, но и нѣкоторые историки впослѣдствіи, считали вѣроятнымъ, что знаменитый энциклопедистъ занималъ въ продолженіе многихъ лѣтъ должность тайнаго дипломатическаго агента, русскаго шпіона. Гриммъ не былъ политическимъ «репортеромъ» императрицы. Ничто не можетъ служить лучшимъ опроверженіемъ такаго ложнаго мнѣнія, какъ переписка Екатерины съ Гриммомъ. До конца восьмидесятыхъ годовъ въ этой перепискѣ о государственныхъ дѣлахъ почти вовсе не говорится. Зато этотъ памятникъ важенъ какъ источникъ для исторіи личности и, такъ сказать, частныхъ интересовъ Екатерины. Литературнымъ талантомъ, искусствомъ шутить остроумно, разсуждать энциклопедически о всевозможныхъ предметахъ, Екатерина превосходила своего друга-собесѣдника. Письма Екатерины отличаются большею оригинальностью, болѣе индивидуальнымъ характеромъ, большею откровенностью и прямотою, нежели письма Гримма. Кромѣ дневника Храповицкаго, нѣтъ ни одного источника, который въ такой мѣрѣ доставлялъ бы возможность вглядѣться въ кругъ интересовъ, наклонностей и занятій Екатерины, ознакомить насъ съ характеромъ, убѣжденіями и взглядами Екатерины, какъ ея письма къ Гримму. Онѣ даютъ намъ полную картину всего значенія ея царствованія, ея участія въ идеяхъ того вѣка, ея міросозерцанія, ея образа мыслей и дѣйствій. Изъ нихъ видно, какое значеніе она придавала веселости, какъ она думала объ оптимизмѣ, о ничтожности доктринаризма и педантизма, о религіозныхъ вопросахъ, о музыкѣ, объ изящной литературѣ, о кодификаціи законодательствъ и пр. [1]).

---

[1]) Письма Екатерины къ Гримму изданы въ XXIII томѣ «Сб. Ист. Общ.»; письма Гримма къ ней, т. е. нѣкоторая часть ихъ, въ XXXIII томѣ этого же

Неоднократно мы упоминали о страсти Екатерины къ литературнымъ занятіямъ, къ полемикѣ. Довольно часто ей приходилось съ перомъ въ рукахъ защищать образъ дѣйствій русскаго правительства, отстаивать интересы своей имперіи. Она сочиняла

Баронъ Гриммъ.

Съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія.

то дипломатическія ноты, то манифесты; далѣе, она снабжала разныя сочиненія, какъ, напр., книгу Денины о Фридрихѣ II, знаменитый трудъ Фенелона «Télémaque», критическими и поли-

изданія. О характерѣ и содержаніи перваго изданія см. мою статью въ «Russische Revue» XVI, 412 и слѣд. и 482 и слѣд. О характерѣ и содержаніи обоихъ изданій см. мою статью въ журналѣ «Отголоски», № 2 (1881).

тическими замѣчаніями. Когда Дидеро предложилъ императрицѣ нѣсколько вопросовъ, относящихся къ Россіи, императрица написала цѣлый рядъ статей, въ которыхъ говорила о населеніи Россіи, объ отношеніи различныхъ сословій между собою, о хлѣбопашествѣ въ Россіи и пр.[1]). Сочиненіе Шапъ д'Отроша о Россіи заставило Екатерину составить подробное возраженіе, причемъ ей помогалъ цѣлый рядъ государственныхъ людей и писателей[2]).

Въ издававшемся княгинею Дашковой, начиная съ 1783 года, журналѣ «Собесѣдникъ» встрѣчается множество статей, написанныхъ Екатериною. Первое мѣсто занимали «Были и небылицы», которымъ журналъ былъ обязанъ болѣе всего своимъ успѣхомъ. То были шуточныя замѣтки о правахъ и смѣшныхъ сторонахъ современной жизни, причемъ императрица имѣла въ виду извѣстныхъ ей лицъ и отношенія[3]). Украшеніемъ этого журнала были также статьи Державина, фонъ-Визина и пр. Между Екатериною и фонъ-Визиномъ въ этомъ журналѣ завязалась полемика; происходили пререканія между редакціей и разными критиками; эти полемическія стычки служили къ оживленію журнала, который, впрочемъ, просуществовалъ недолго. Сотрудничество Екатерины въ немъ составляетъ важную главу въ исторіи умственной дѣятельности императрицы; оно бросаетъ яркій свѣтъ на ея отношенія къ приближеннымъ, на ея понятія объ общественной жизни, о литературѣ и языкѣ. Въ смыслѣ выраженія ея взглядовъ особенно замѣчательно завѣщаніе, которымъ оканчиваются въ «Собесѣдникѣ» «Были и небылицы». Это какъ бы литературная исповѣдь царственной писательницы; изъ него видно, какъ смотрѣла геніальная женщина на обращеніе съ языкомъ и на качества хорошаго изложенія[4]).

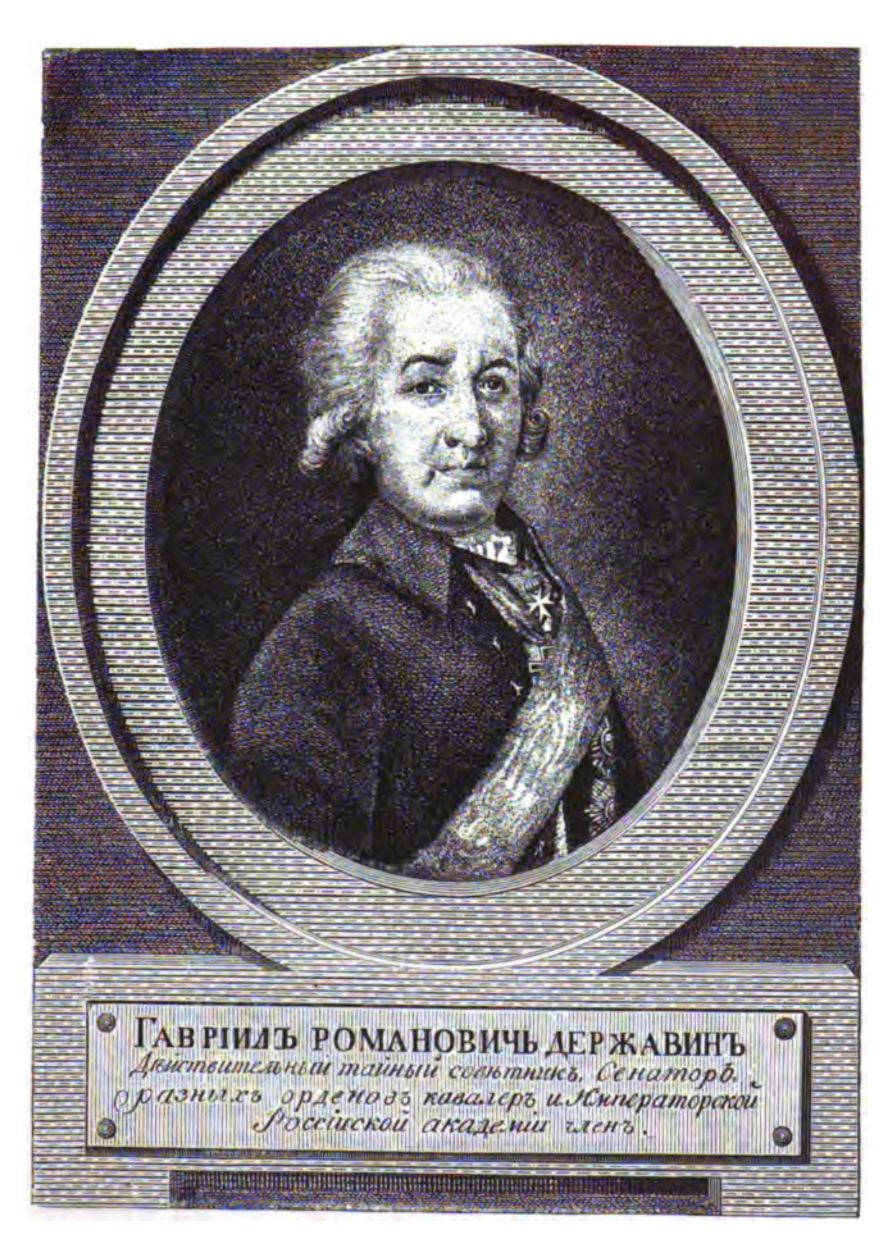
Литературная дѣятельность Екатерины отличалась необычайною многосторонностью. То она писала сказки и повѣсти, то составляла учебники для своихъ внуковъ, сочиняла правила по вопросамъ педагогики, редактировала мемуары и пр. Особенно

[1]) Въ редакціи «Antidote ou examen d'un mauvais livre, intitulé»; Voyage en Sibérie» (1770) участвовали Фальконетъ, княгиня Дашкова, Андрей Шуваловъ графъ Мусинъ-Пушкинъ. См. «Русскій Архивъ», 1881, III, 254. «Осьмнадцатый вѣкъ», IV, 463 и слѣд.

[2]) «Русскій Архивъ», 1878, III, 1—15.

[3]) Извѣстно, что при появленіи въ Лондонѣ записокъ Екатерины было высказываемо сомнѣніе въ подлинности этого памятника. На этотъ счетъ любопытно сравнить стр. 79 русскаго изданія мемуаровъ съ замѣчаніями Екатерины о Чоглоковѣ въ статьѣ Грота о «Собесѣдникѣ» въ «Сб. Ист. Общ.», XX, 530.

[4]) Слова Грота въ его статьѣ о «Собесѣдникѣ» въ XX т. «Сб. Ист. Общ.», стр. 541—542.

Г. Р. Державинъ.

Съ гравированнаго портрета Розанова.

видное мѣсто между сочиненіями императрицы занимаютъ ея драматическіе труды. Уже выше, въ главѣ о шведской войнѣ, было упомянуто объ оперѣ «Горе-Богатырь», въ которой былъ осмѣянъ Густавъ III. И въ другихъ такихъ трудахъ, напр., въ «Кославѣ» или въ «Proverbe» «Morton et Crispin» встрѣчаются намеки на Швецію, на Карла Зюдерманландскаго и пр. Изъ записокъ Храповицкаго мы узнаемъ любопытныя подробности о томъ, какимъ образомъ Екатерина принималась за сочиненіе этихъ драмъ, какъ она слѣдила за постановкою на сценѣ, кому поручала сочинять музыку, сопровождавшую текстъ, и пр. И другія драмы имѣли полемическій характеръ. Въ комедіи «Обманщикъ» осмѣянъ Каліостро, въ другой пьесѣ есть нападки на мартинистовъ. Въ большой драмѣ «Олегъ» заключается иллюстрація событій турецкой войны; другія пьесы, какъ, напр., «Рюрикъ», представляютъ собою подражаніе Шекспиру. Нѣкоторые изъ трудовъ Екатерины ставились на сцену большихъ театровъ, другіе давались лишь на театрѣ въ Эрмитажѣ. Являлись нѣмецкіе переводы нѣкоторыхъ изъ пьесъ Екатерины. Въ Парижѣ въ 1799 году было напечатано изданіе «Théatre de l'Eremitage», въ которомъ находятся пьесы Екатерины, Сегюра, Мамонова и пр.[1]).

Императрица постоянно и неутомимо занималась чтеніемъ, которое отличалось разнообразіемъ; сказки, романы и драмы чередовались съ самыми серьезными и тяжеловѣсными научными сочиненіями. Такъ, напр., Екатерина читала трудъ Блекстона объ англійскомъ государственномъ правѣ, желая ознакомиться съ началами теоріи законодательства. Иногда Храповицкій долженъ былъ пріискивать разныя справочныя книги для объясненія того или другого термина, географическія карты и пр. Особенно часто Екатерина читала историческія сочиненія; между ними упомянуты напр., «Histoire de la maison d'Autriche» Жиркура (Girecourt), «Mémoires pour servir à l'histoire de Charles XII» Тейлса, «Oeuvres posthumes» Фридриха II, «Histoire sècrete de la cour de Berlin», Мирабо, записки кардинала Рецскаго и пр. Однажды она, занимаясь чтеніемъ беллетристическихъ сочиненій Ричардсона, замѣтила, что должна оставить эти книги, потому что не имѣетъ времени для легкаго чтенія. Бывали случаи, что она занималась одновременно чтеніемъ нѣсколькихъ книгъ. При чтеніи Донъ-Ки-

---

[1]) Русскія пьесы изданы въ собр. соч. Ек. Смирдина. О вліяніи народной поэзіи на драмы Екатерины писалъ Безсоновъ въ журналѣ «Заря», 1870, № 4. О вліяніи Шекспира—Лебедевъ въ 1878 г. (мартъ) въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

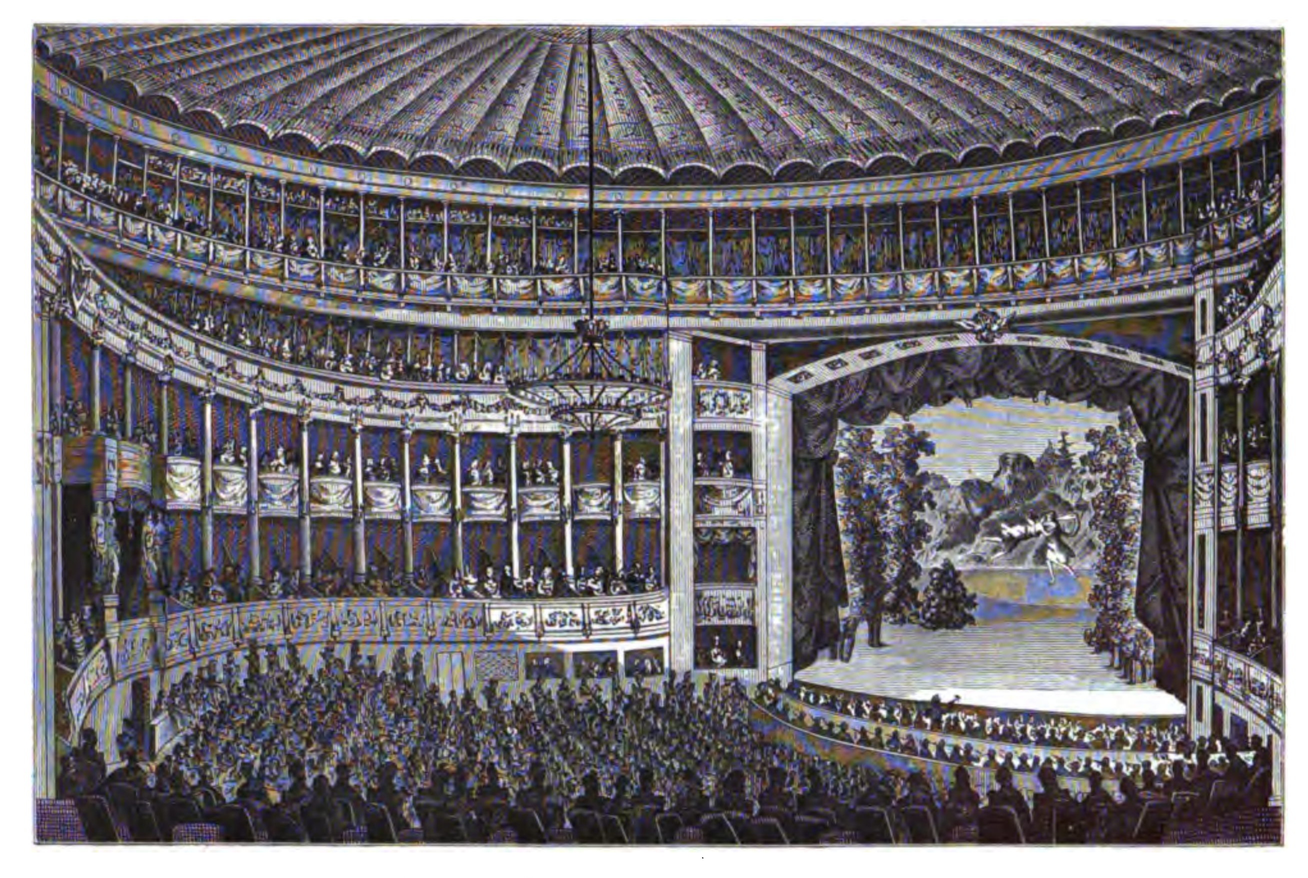
Д. И. Фонъ-Визинъ.

Съ гравированнаго портрета Скотникова.

хота императрица отмѣчала у себя всѣ встрѣчающіяся въ этомъ сочиненіи поговорки и пословицы; читая біографію Плутарха (вѣроятно во французскомъ переводѣ), она перевела жизнь Алкивіада на русскій языкъ и составила нѣкоторыя примѣчанія къ жизни Коріолана. Съ особеннымъ удовольствіемъ она занималась чтеніемъ знаменитаго труда Бюффона «Époques de la nature», восхищаясь заключавшимися въ этомъ трудѣ гипотезами; она сравнивала Бюффона съ Ньютономъ и описывала то освѣжающее впечатлѣніе, которое производило это чтеніе на ея умъ. Читая эту книгу, Екатерина отмѣчала у себя множество возбуждаемыхъ этимъ сочиненіемъ вопросовъ, а затѣмъ обратилась къ Бюффону съ просьбою разъяснить ей нѣкоторыя мѣста. По порученію Екатерины, Гриммъ долженъ былъ заказать для нея бюстъ Бюффона изъ бѣлаго мрамора; самому знаменитому естествоиспытателю она послала въ подарокъ шкатулку съ коллекціею медалей, нѣсколько драгоцѣнныхъ мѣховъ и кое-какія древности, найденныя въ Сибири.

Екатеринѣ чрезвычайно понравилось популярное сочиненіе Франклина «Le bonhomme Richard»; она выразила желаніе достать еще нѣсколько подобныхъ, назначенныхъ для народнаго чтенія политико-экономическихъ трудовъ. И нѣмецкая литература была предметомъ вниманія Екатерины. Особенно ей понравились сочиненія Виланда, Николаи, Тюммеля и др.; она удивлялась успѣхамъ нѣмецкой письменности. Сочиненіе Циммермана «Von der Einsamkeit» произвело глубокое впечатлѣніе на императрицу. Нельзя, однако, не удивляться тому, что, какъ кажется, Екатерина не была знакома вовсе съ сочиненіями Лессинга, Шиллера и Гёте, тогда какъ выборъ книгъ ея библіотеки представлялъ собою цѣлую энциклопедію; здѣсь были индійскія басни Локмана и Бидпай, драмы Корнеля, Шекспира, Мольера, Расина, сочиненія Гибона, Сервантеса, Дидеро, Галіани, Неккера, Монтескьё, Палласа, Пиндара, Лагарпа и пр.

Не отличаясь нисколько музыкальнымъ талантомъ и даже жалуясь на полное отсутствіе умѣнья отличать музыку отъ обыкновеннаго шума, императрица все-таки интересовалась оперою, находилась въ личныхъ сношеніяхъ съ знаменитыми композиторами, бывшими при ея дворѣ, каковы Сарти, Мартини и Паэзіелло, со вниманіемъ слѣдила за успѣхами нѣкоторыхъ извѣстныхъ пѣвицъ, посѣщавшихъ Россію, и пр. Особенно опера буфъ нравилась Екатеринѣ; въ ея письмахъ къ Гримму встрѣчаются разныя замѣчанія объ этихъ операхъ соч. Паэзіелло и др.

Видъ залы Вольшого театра въ Екатерининское время.

Съ весьма рѣдкой гравюры прошлаго столѣтія. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

Особенное удовольствіе доставляли императрицѣ произведенія скульптуры и живописи. Въ дневникѣ Храповицкаго часто упоминается о предметахъ, которыми восхищалась Екатерина; то идетъ рѣчь о какой-нибудь вакханкѣ, то о медаляхъ, камеяхъ и пр. Бесѣдуя, однажды, съ Храповицкимъ о разныхъ камняхъ, Екатерина сказала, что страсть къ этимъ предметамъ сдѣлалась у нея сущею болѣзнію. На замѣчаніе Храповицкаго, что при этой болѣзни чувствуешь себя отлично, Екатерина возразила: «Да, тутъ открывается исторія, разныя познанія — это дѣло императорское» [1]). Переписка Екатерины съ Гриммомъ чрезвычайно богата разными замѣчаніями о предметахъ искусства, о ваятеляхъ, живописцахъ и архитекторахъ. О нѣкоторыхъ картинахъ Ванлоо, Рафаэля и Менгса, о кое-какихъ статуяхъ Гудона и пр. говорится подробно. Нѣкоторые знаменитые художники были приглашены въ Россію, напр., Фальконетъ, Гудонъ, г-жа Колло, г-жа Виже-Лебрюнъ и др. [2]). Переписка Екатерины съ Фальконетомъ, создавшимъ великолѣпный памятникъ Петру Великому, составляетъ содержаніе цѣлаго тома «Сборника Императорскаго Историческаго Общества» [3]). Изъ этихъ писемъ видно, въ какой мѣрѣ императрица умѣла цѣнить способности и необычайно многостороннее образованіе геніальнаго художника и въ какой степени она входила во всѣ подробности многолѣтняго труда Фальконета надъ статуей Петра. Здѣсь встрѣчается множество дѣльныхъ замѣчаній объ общей композиціи статуи, о костюмѣ и позѣ всадника, объ аллегорической змѣѣ, о конѣ, о техникѣ дѣла и пр. Особенно дѣятельно императрица заботилась объ обогащеніи эрмитажной коллекціи картинъ, статуй и пр. [4]). Фавориты ея, большею частью, раздѣляли ея вкусъ въ отношеніи къ этимъ произведеніямъ искусства.

Достойны вниманія занятія Екатерины сравнительнымъ языкознаніемъ. Особенно въ то время, когда оплакивала кончину Ланского, она посвящала свое свободное время этой спеціальности. То она совѣтовалась съ Палласомъ, то переписывалась съ Николаи, то изучала труды ученыхъ, каковы Дюмарескъ, Куръ-де-Жебеленъ (Court-de-Gébel'n) и пр., то заставляла Бакмейстера, Іогана Готлиба Арндта и др. собирать матеріалъ для сравни-

---

[1]) Храповицкій, 25 октября 1789 г.

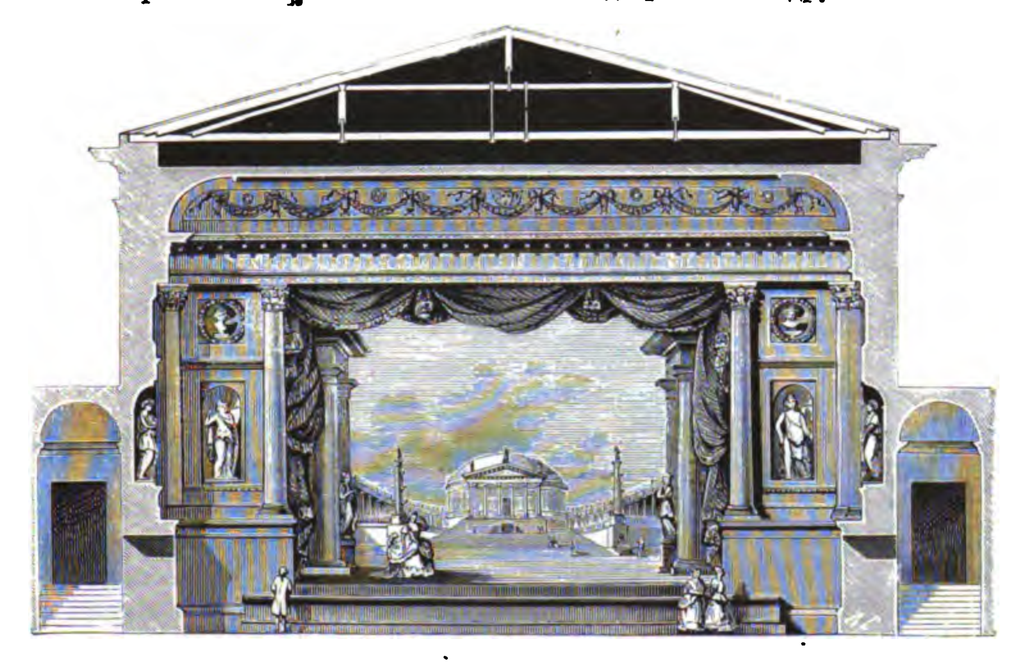
[2]) См. статью Стасова въ «Др. и Нов. Россіи», 1877, I, 329 и слѣд., и статью о г-жѣ Виже-Лебрюнъ, тамъ-же, 1876, III, 187, 299, 396.

[3]) Т. XVII.

[4]) См. статью В. v. К. въ «S.-Petersburger Zeitung», 1881, № 292.

тельно-филологическихъ изысканій. Такимъ образомъ состоялся словарь, который при многихъ недостаткахъ, объясняющихся новостью дѣла, все-таки имѣетъ значеніе въ исторіи развитія филологіи и сравнительнаго языкознанія вообще[1]).

Неоднократно въ письмахъ Екатерины къ Гримму говорится объ этихъ занятіяхъ. Такъ, напр., она пишетъ, 9-го сентября 1784 года: «Я добыла себѣ всякихъ словарей, какіе только можно было сыскать, между прочимъ финскій, черемисскій, вотяцкій, и теперь всѣ мои столы завалены этимъ добромъ». Въ другомъ мѣ-

Эрмитажный театръ.

Съ гравюры прошлаго столѣтія.

стѣ: «Если-бы г. Куръ-де-Жебеленъ зналъ по-славянски или по-русски, то сдѣлалъ бы еще болѣе любопытныхъ открытій. Я считаю его всемірную грамматику однимъ изъ превосходнѣйшихъ твореній, появившихся въ нынѣшнемъ вѣкѣ». О словарѣ: «Мой любезный словарь въ скоромъ времени имѣетъ появиться въ печати. Это, быть можетъ, самый полезный трудъ, какой когда-нибудь былъ произведенъ для всѣхъ языковъ и словарей, и осо-

[1]) См. статью Грота о филологическихъ занятіяхъ Екатерины II въ «Русскомъ Архивѣ», 1877, I.

бенно для русскаго языка, для котораго Россійская Академія задумала составить словарь, для чего она, сказать правду, совершенно не имѣла достаточныхъ свѣдѣній. Мое же произведеніе — лучезарный свѣтильникъ, о которомъ можно сказать: имѣющій уши слышать и очи видѣть услышитъ и увидитъ; а кто глухъ и слѣпъ отъ рожденія, такъ такимъ и останется»[1]).

Извѣстно, что царствованіе Екатерины оказалось особенно благопріятнымъ для развитія исторической науки въ Россіи, что̀, главнымъ образомъ, объясняется участіемъ самой императрицы въ историческихъ занятіяхъ. Для нея были сдѣланы выписки изъ лѣтописей, въ разныхъ монастыряхъ искали и находили древнія рукописи, писались историческіе матеріалы разнаго рода, издавалась «Древняя россійская вивліоѳика» Новиковымъ, изданіе, заключавшее въ себѣ множество драгоцѣнныхъ историческихъ памятниковъ. Императрица позаботилась о томъ, чтобы архивы сдѣлались доступны ученымъ. Сооруженныя по ея указаніямъ ученыя экспедиціи, какъ-то: путешествія Палласа, Гмелина, Лепехина и пр., принесли богатые результаты для археологіи, этнографіи и пр. Щербатовъ написалъ свою исторію Россіи, Голиковъ собралъ богатый матеріалъ для исторіи Петра Великаго и пр.

Начало спеціальныхъ занятій императрицы исторіею Россіи относится къ 1783 году. Она считала нужнымъ составить учебникъ для своихъ внуковъ, такимъ образомъ углублялась въ изученіе исторіи первыхъ государей Россіи и увлекалась при этомъ спеціальными филологическими вопросами. 9-го мая 1792 года, она писала Гримму: «Ничего не читаю, кромѣ относящагося къ XIII вѣку Россійской исторіи. Около сотни старыхъ лѣтописей составляютъ мою подручную библіотеку. Пріятно рыться въ старомъ хламѣ». 12-го января 1794 года: «У меня все былъ недосугъ, благодаря дѣламъ и старинньмъ лѣтописямъ. Дошедши до 1321 года, я остановилась и отдала переписывать около восьми сотъ страницъ, нацарапанныхъ мною. Представьте, какая страсть писать о старинѣ, до которой никому нѣтъ дѣла и про которую, я увѣрена, никто не будетъ читать, кромѣ двухъ педантовъ: одинъ изъ нихъ мой переводчикъ, Фолькнеръ, другой библіотекарь Академіи, Буссе. А между тѣмъ, я очень довольна, что привела въ порядокъ все относящееся до исторіи, и сдѣлала лучше всѣхъ, кто брался за эту работу до сихъ поръ. Я тружусь точно за деньги: такъ корплю, такъ стараюсь, кладу въ

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 318, 321, 344.

дѣло весь свой умъ и сообразительность, и всякій разъ, какъ напишу страницу, восклицаю: Ахъ, какъ это хорошо, мило, восхитительно! Но, конечно, я никому объ этомъ не говорю, кромѣ васъ; вы понимаете: надо мною стали бы смѣяться» и пр.[1]). Встрѣчая, нѣсколько мѣсяцевъ позже, необходимость на нѣкоторое время прервать эти занятія, императрица пишетъ: «Ахъ, мои любимыя лѣтописи, вы спокойно отдыхаете; когда я опять стану заниматься вами? Я дошла до 1368 или 1369 года». Вскорѣ она возвратилась къ этимъ занятіямъ, и вотъ опять письма ея къ

Ex-libris (этикетъ для книгъ) частной библіотеки Екатерины II.

Съ подлинника, находящагося въ собраніи А. А. Васильчикова.

Гримму пересыпаны разными замѣчаніями о Димитріи Донскомъ, о Рюрикѣ, о славянахъ, о Польшѣ и Литвѣ и пр. «Я люблю эту исторію (Россіи) до безумія», сказано въ одномъ изъ писемъ Екатерины[2]).

Можно думать, что страсть къ занятіямъ исторіею отдаленныхъ вѣковъ находилась въ нѣкоторой связи съ раздраженіемъ императрицы по поводу событій французской революціи. Подобно тому, какъ, немного позднѣе, и въ западной Европѣ, въ эпоху

[1]) «Сб. Ист. Общ.» XXIII, 566, 589.
[2]) Тамъ-же, 604, 609, 636.

реакціи противъ революціи и Наполеона, начали процвѣтать научныя занятія исторіею, литературою, искусствомъ среднихъ вѣковъ, и Екатерина, огорченная торжествомъ французскаго оружія, заключеніемъ базельскаго мира и пр., какъ бы искала успокоенія въ изученіи исторіи варяжскаго вопроса, въ чтеніи Несторовой лѣтописи, въ изслѣдованіи частностей первоначальнаго развитія государственной жизни Россіи. Въ одномъ изъ ея писемъ къ Гримму сказано, что, если какой-нибудь трудъ хочетъ удостоиться ея вниманія, то онъ долженъ, по крайней мѣрѣ, относиться къ четырнадцатому столѣтію; «изъ новѣйшихъ книгъ», писала императрица, «ничему нельзя научиться». И эти занятія продолжались до послѣднихъ дней жизни Екатерины. Въ 1796 году, она писала къ Гримму, что занята составленіемъ огромнаго историческаго труда, который можетъ быть оконченъ не ранѣе года. «Я весьма усидчиво занимаюсь этою работою», прибавила императрица, «даже во снѣ я сочиняю цѣлыя главы этой книги, до того я занята этими мыслями» [1]).

Таковы были занятія и развлеченія, которымъ предавалась Екатерина въ свободное отъ дѣлъ время. Нельзя, повторяемъ, не удивляться, что при особенно дѣятельномъ участіи ея въ дѣлахъ она располагала въ такой мѣрѣ свободнымъ временемъ; это объясняется, главнымъ образомъ, необычайною рабочею силою императрицы, умѣніемъ заниматься, не теряя ни минуты. Всѣ упомянутыя занятія Екатерины требовали усидчиваго труда, много времени, сосредоточенія ума, спокойствія души. Если къ этому прибавить управленіе дѣлами имперіи, пріемы, общественныя развлеченія, домашнюю жизнь среди фаворитовъ и близкихъ людей, то сдѣлается понятнымъ замѣчаніе императрицы, что ей никогда не скучно и что она никогда не затрудняется вопросомъ о выборѣ занятій.

Разумѣется, чаще всего Екатерина была завалена дѣлами, относившимися къ управленію государствомъ. Лѣтомъ 1794 года, она въ письмѣ къ Гримму замѣтила, что почта и курьеры доставили, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, столько бумагъ, что не менѣе девяти столовъ покрыты ими [2]). Въ мартѣ 1788 года она писала: «Я съ нѣкотораго времени работаю, какъ лошадь; мои четыре секретаря не успѣваютъ справляться съ дѣлами; я должна буду увеличить число секретарей. Я постоянно пишу. Никогда

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 668.
[2]) Тамъ-же, 604.

уголовное ~~преступление~~ противу народнаго здравія

~~дела~~ или был ведом и или ...

1.) Буде кто заражен язвою ~~придет в чей дом~~ ~~вопреки ведомости [illegible]~~ или язвою зараженных

2.) Буде кто был ведом ~~зара~~ язвою зараженной ~~иное~~ или иной заразительной болезни.

1 Буде кто заражен язвою у таких кто заражен ~~[illegible]~~ войдет в чей дом или фамилию и заразит; тот дом или фамилию и ~~язвою~~ язвою или иной заразительной болезни

2.) Буде кто в противность данного запрещения ~~войдет~~ ~~войдет или~~ выйдет из дома ~~[illegible]~~ язвою зараженной и ~~[illegible]~~ ~~разность~~.

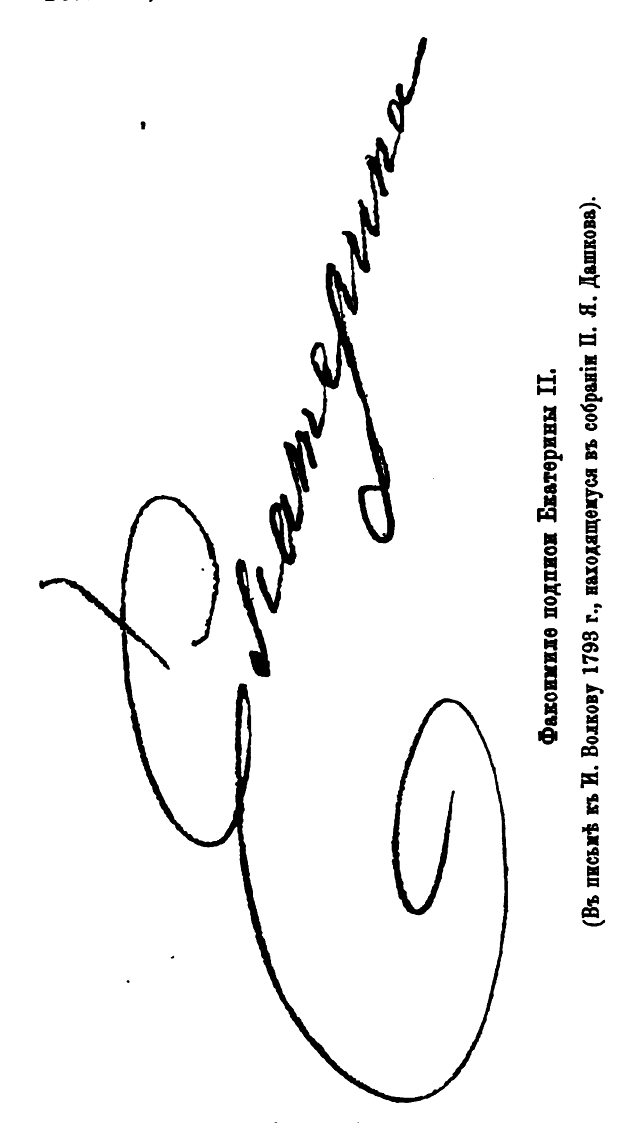
3.) Буде кто приходя или приезжая водою или ... , ... и

сухимъ путемъ изъ явно зараженныхъ мѣстъ
съ умыслу отсылаетъ или отходитъ
домъ или
карантинъ заставы или мѣсть
выпадетъ оному изъ зараженного дому имѣющихъ
4.) будетъ кто привозитъ изъ мѣстъ язвою зараженныхъ
и тѣхъ, кои заразитъ или
товары или письма и съ умыслу отсылаетъ
отсылаетъ или отъ дому или
или отходитъ карантинъ
мѣста
заставу или
зараженного дома или
5.) будетъ кто изъ карантинного дома или заставы
или ... или товары или письма
или мѣста выйдетъ прежде законнаго пред
писаннаго срока или иного вынесетъ
закономъ предписанно.

Факсимиле написанной Екатериною II на-черно первой главы „Уложенія о наказаніяхъ".

Съ подлинника, находящагося въ собраніи автографовъ П. Я. Дашкова.

еще я не писала столько. Когда началась война (турецкая), нѣкоторыя текущія дѣла были оставлены; теперь нужно дать ходъ всему прерванному, чтобы къ веснѣ сладить со всѣми дѣлами,— это очень трудно» [1]).

Факсимиле подписи Екатерины II.

(Въ письмѣ къ И. Волкову 1793 г., находящемуся въ собраніи П. Я. Дашкова).

Императрица считала себя особенно способною къ занятіямъ дѣлами, или къ тому, что она называла своимъ ремесломъ (métier), которое, однако, отличалось особенною многосторонностью.

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 440.

Нѣкоторыя изъ упомянутыхъ нами частныхъ занятій Екатерины находились въ связи съ ея «ремесломъ», напр., изслѣдованія историческія, работы лингвистическія, разсужденія о вопросахъ политической экономіи и статистики, изученіе природы Россіи и пр.

Порою, Екатерина жаловалась на недосугъ, говоря, что иногда не можетъ располагать нѣсколькими минутами для себя, по своему усмотрѣнію, горюя о невозможности читать доставленныя ей

Любимая собака Екатерины II.

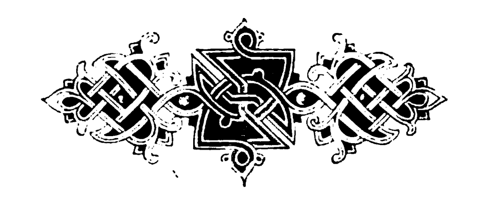
Съ гравюры прошлаго столѣтія Рота.

съ разныхъ сторонъ книги, оканчивать начатыя работы[1]). Порою, она была чрезвычайно довольна своею дѣятельностью и гордилась результатами своихъ работъ. Занимаясь вопросами законодательства, она, однажды, замѣтила, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имѣетъ болѣе свѣдѣній, чѣмъ Блекстонъ. Въ 1781 году, въ одномъ изъ ея писемъ къ Гримму сказано: «У меня постоянно перо въ рукахъ, я составляю цѣлые томы и, приведенная въ ужасъ громадностью этихъ томовъ, я иногда ощущаю охоту бро-

[1]) Въ одномъ изъ ея писемъ она называетъ себя «commenceuse de profession».

сить въ огонь все это, однако, въ самомъ дѣлѣ, жалко это сдѣлать, потому что все это разумно и полезно»[1]).

Образованіе и занятія Екатерины представляли собою энциклопедію; она оставалась чуждою всякому доктринерству; она не любила никакой систематики, ссылаясь при этомъ на образъ мыслей своего «наставника», Вольтера, въ этомъ отношеніи; страсть къ систематикѣ, говорила она, рождаетъ упрямство, нетерпимость, охоту преслѣдовать другихъ и пр.[2]). Познанія и стремленія Екатерины отличались не столько глубиною и основательностью, сколько широтою и разнообразіемъ; воспріимчивостью и трудолюбіемъ она превосходила многихъ великихъ дѣятелей въ исторіи всѣхъ временъ.

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 201.
[2]) Тамъ-же, 217.

ГЛАВА III.

Фаворитизмъ. Сынъ и внукъ.

Въ ЦАРСТВОВАНІЕ Екатерины фаворитизмъ имѣлъ весьма широкое развитіе. Въ запискахъ ея встрѣчается слѣдующее не лишенное значенія для его характеристики мѣсто: «Я получила отъ природы великую чувствительность, и наружность, если не прекрасную, то во всякомъ случаѣ привлекательную; я правилась съ перваго разу и не употребляла для того никакого искусства и прикрасъ. Душа моя отъ природы была до такой степени общительна, что всегда, стоило кому нибудь пробыть со мною четверть часа, чтобы чувствовать себя совершенно свободнымъ и вести со мною разговоръ, какъ будто мы съ давнихъ поръ были знакомы. По природной снисходительности моей, я внушала къ себѣ довѣріе тѣмъ, кто имѣлъ со мною дѣло; потому что всѣмъ было извѣстно, что для меня нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ дѣйствовать съ доброжелательствомъ и самою строгою честностью. Смѣю сказать (если только позволительно такъ выразиться о самой себѣ), что я походила на рыцаря свободы и законности; я имѣла скорѣе мужскую, чѣмъ женскую душу; но въ томъ ничего не было отталкивающаго, потому что съ умомъ и характеромъ мужскимъ соединялась во мнѣ при-

влекательность весьма любезной женщины. Да простятъ мнѣ эти слова и выраженія моего самолюбія: я употребляю ихъ, считая ихъ истинными и не желая прикрываться ложною скромностью. Впрочемъ, самое сочиненіе это должно показать, правду ли я говорю о моемъ умѣ, сердцѣ и характерѣ. Я сказала о томъ, что я нравилась; стало быть, половина искушенія заключалась уже въ томъ самомъ; вторая половина въ подобныхъ случаяхъ естественно слѣдуетъ изъ самаго существа человѣческой природы, потому что идти на искушеніе и подвергнуться ему — очень близко одно отъ другого. Хотя въ головѣ запечатлѣны самыя лучшія правила нравственности, но, какъ скоро примѣшивается и является чувствительность, то непремѣнно очутишься неизмѣримо дальше, нежели думаешь. Я по крайней мѣрѣ не знаю до сихъ поръ, какъ можно предотвратить это̀. Можетъ быть, скажутъ, что есть одно средство — избѣгать; но бываютъ случаи, положенія, обстоятельства, гдѣ избѣгать невозможно; въ самомъ дѣлѣ, куда бѣжать, гдѣ найдти убѣжище, какъ отворачиваться посреди двора, который перетолковываетъ малѣйшій поступокъ. И такъ, если не бѣжать, то по моему нѣтъ ничего труднѣе, какъ уклониться отъ того, что вамъ существенно нравится. Повѣрьте, все, что̀ вамъ будутъ говорить противъ этого, есть лицемѣріе и основано на незнаніи человѣческаго сердца. Человѣкъ не властенъ въ своемъ сердцѣ; онъ не можетъ по произволу сжимать его въ кулакъ и потомъ опять давать свободу»[1]).

И современники, и потомство, не безъ основанія рѣзко осуждали фаворитизмъ при Екатеринѣ. Односторонность и рѣзкость отзывовъ въ этомъ отношеніи, однако, лишали и современниковъ, и ближайшее потомство возможности оцѣнить безпристрастно личность императрицы вообще. Принимая во вниманіе необычайныя способности Екатерины, обстоятельства, въ которыхъ она находилась, ея темпераментъ, нельзя не признать, что при обвиненіи ея не должно упускать изъ виду нравы того вѣка вообще и нравы при дворѣ въ особенности. Фаворитизмъ не былъ новымъ явленіемъ при Екатеринѣ. Чуть ли не то же самое происходило при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

Особенно неблагопріятное впечатлѣніе производятъ частыя перемѣны фаворитовъ. Одинъ за другимъ были «въ случаѣ»: Григорій Орловъ, Васильчиковъ, Потемкинъ, Завадовскій, Зоричъ, Корсаковъ, Ланской, Ермоловъ, Мамоновъ и Зубовъ. И русскіе,

---

[1]) Зап. Ек., 238—240.

и иностранцы порицали Екатерину чрезвычайно рѣзко за то, что эти перемѣны происходили быстро, неожиданно, иногда безъ видимыхъ причинъ [1]). Съ другой стороны, даже недоброжелатели Екатерины хвалили ее за то, что никто изъ удаленныхъ отъ двора фаворитовъ не былъ преслѣдуемъ или наказанъ, тогда какъ исторія представляетъ множество примѣровъ жестокости и крайняго произвола въ образѣ дѣйствій коронованныхъ женщинъ въ подобныхъ случаяхъ [2]).

Обыкновенно, современники и позднѣйшіе историки придавали чрезмѣрное значеніе политическому вліянію фаворитовъ на дѣла. Ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ преобладающаго вліянія на Екатерину. Даже замѣчательнѣйшіе и способнѣйшіе, какъ, напр., Орловъ, Потемкинъ, Зубовъ, находились въ полной отъ нея зависимости. За то нельзя не признать, что фаворитизмъ, при неограниченномъ корыстолюбіи любимцевъ Екатерины, ихъ родственниковъ, друзей, знакомыхъ, очень дорого обходился казнѣ и народу [3]).

Скажемъ нѣсколько словъ о замѣчательнѣйшихъ фаворитахъ.

Болѣе десятилѣтія Григорій Орловъ занималъ это мѣсто. Мы говорили выше объ участіи его въ государственномъ переворотѣ 1762 года, о слухахъ касательно намѣренія Екатерины вступить съ нимъ въ бракъ. Осуждая нѣкоторые пороки этого фаворита, даже завзятый противникъ Екатерины, князь Щербатовъ, не безъ признательности говоритъ о разныхъ добрыхъ качествахъ его [4]). Екатерина не находила словъ, расхваливая красоту, умъ, познанія, доблесть своего любимца. Такъ, напр., въ письмѣ къ г-жѣ Бьельке она замѣтила объ Орловѣ: «Природа избаловала его; ему всего труднѣе заставить себя учиться, и до тридцати лѣтъ ничто не могло принудить его къ тому. При этомъ нельзя не удивляться, какъ много онъ знаетъ; его природная проницательность такъ велика, что, слыша въ первый разъ о какомъ-нибудь предметѣ, онъ въ минуту схватываетъ всю его суть и далеко оставляетъ за собою того, кто съ нимъ говоритъ» [5]). Разные случаи свидѣтельствуютъ о способности Орлова содѣйствовать исполненію предположеній Екатерины, входить въ подробности ея проектовъ, слу-

[1]) Herrmann, «Ergänzungsband», 601. Гарновскій въ «Русск. Старинѣ», XV, 15.
[2]) Masson, Mémoires secrets, I, 137—139.
[3]) См. списки расходамъ для фаворитовъ у Герриса, II, 57, и у Кастера, II, 291—295.
[4]) «Русская Старина», III, 676—678.
[5]) «Сб. Ист. Общ.», XIII, 259.

С. Г. Зоричъ.

Съ неизданнаго гравированнаго портрета Осипова, изъ собранія Бекетова. (Подлинникъ принадлежитъ Д. А. Ровинскому).

жить ей сотрудникомъ. Заслуги Орлова при учрежденіи Вольнаго Экономическаго Общества, участіе его въ преніяхъ Большой Коммиссіи, готовность слѣдовать примѣру императрицы въ привитіи оспы, замѣчательная роль, которую онъ игралъ въ исторіи восточнаго вопроса, его заслуги во время чумы въ Москвѣ — все это даетъ намъ нѣкоторое понятіе о значеніи Григорія Орлова въ теченіе перваго десятилѣтія царствованія Екатерины.

Отношенія Екатерины къ Орлову измѣнились около того времени, когда онъ отправился въ Фокшаны, для переговоровъ о мирѣ съ Турками. Частности этого кризиса ускользаютъ отъ нашего вниманія. Какъ бы ни было, Орловъ очутился въ немилости у императрицы. Она удалила его отъ двора по крайней мѣрѣ на одинъ годъ. Сохранился собственноручный проектъ Екатерины о награжденіи Орлова при увольненіи; въ проектѣ замѣтна забота императрицы войти во всѣ подробности матеріальнаго благосостоянія бывшаго любимца и его родственниковъ. Въ заключеніе сказано: «Я никогда не позабуду, сколько я всему роду вашему обязана, и качествъ тѣхъ, коими вы украшены, и колико оныя отечеству полезны быть могутъ» и пр.[1]). Когда въ иностранныхъ газетахъ появились разные толки о причинахъ размолвки между Орловымъ и Екатериною, она позаботилась объ опроверженіи этихъ, отчасти чрезвычайно нелѣпыхъ, слуховъ, и о томъ, чтобы такія газеты не доходили до Орлова [2]). Въ октябрѣ 1772 г., Орловъ былъ возведенъ въ княжеское достоинство. Нѣсколько лѣтъ онъ прожилъ въ Ревелѣ. Въ 1777 году, онъ женился на одной изъ красивѣйшихъ женщинъ, Е. Н. Зиновьевой. Около этого времени въ письмахъ императрицы къ барону Гримму встрѣчаются чрезвычайно благосклонные отзывы Екатерины объ Орловѣ. Иногда онъ являлся при дворѣ, не имѣя, впрочемъ, болѣе никакого вліянія. Въ 1780 году, онъ предпринялъ путешествіе въ западную Европу, гдѣ скончалась его страстно имъ любимая супруга и откуда онъ возвратился на родину, сильно разстроенный и нравственно, и физически. Съ какимъ участіемъ отнеслась Екатерина къ болѣзни и кончинѣ прежняго друга, свидѣтельствуютъ письма ея къ разнымъ лицамъ [3]). Орловъ умеръ 13 апрѣля

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XIII, 271—273.

[2]) Тамъ-же, 274—275.

[3]) Чрезвычайно нелѣпые слухи о размолвкѣ между Екатериною и Орловымъ и о послѣднихъ годахъ жизни Орлова см. въ сочиненіяхъ Кастера, II, 35 и слѣд., и Гельбига, «Russische Günstlinge», 260 и слѣд.; о кончинѣ Орлова см. письмо Екатерины къ Маріи Ѳеодоровнѣ и Павлу въ «Сб. Ист. Общ.», IX, 188—192.

1783 года, въ Москвѣ. Получивъ отъ графа Алексѣя Орлова-Чесменскаго извѣстіе объ этомъ событіи, императрица отвѣчала: «Я имѣла въ немъ друга; вмѣстѣ съ вами оплакиваю его; чувствую въ полной мѣрѣ цѣну потери и никогда не позабуду его благодѣяній». Въ письмѣ къ Гримму Екатерина распространялась

Княгиня Е. Н. Орлова, рожденная Зиновьева.

Съ рѣдкаго гравированнаго портрета Берсенева 1784 года.

о качествахъ Орлова и умершаго около того же времени графа Н. Панина. Параллель оказалась весьма выгодною для Орлова, о которомъ въ письмѣ Екатерины сказано между прочимъ: «Въ немъ я теряю друга и общественнаго человѣка, которому я безконечно обязана и который мнѣ оказалъ существенныя услуги. Меня утѣшаютъ и я сама говорю себѣ все, что̀ можно сказать

въ подобныхъ случаяхъ, но отвѣтомъ на эти доводы служатъ мои рыданія, и я страдаю жестоко съ той минуты, какъ пришло это роковое извѣстіе... Геній князя Орлова былъ очень обширенъ; въ отвагѣ, по моему, онъ не имѣлъ себѣ равнаго. Въ минуту самую рѣшительную ему приходило въ голову именно то, что могло окончательно направить дѣло въ ту сторону, куда онъ хотѣлъ его обратить, и, въ случаѣ нужды, онъ проявлялъ силу краснорѣчія, которой никто не могъ противостоять, потому что онъ умѣлъ колебать умы, а его умъ не колебался никогда» и пр. Въ письмѣ Екатерины къ Гримму отъ 1 іюня 1783 года сказано: «Смерть князя Орлова свалила меня въ постель»[1]).

Фаворитизмъ Потемкина, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, относится къ 1774 — 1779 годамъ, но искреннія дружескія отношенія между нимъ и императрицею продолжались до его кончины.

Напрасно говорятъ о перевѣсѣ, который будто бы имѣлъ Потемкинъ надъ императрицею, о вредномъ вліяніи, оказанномъ имъ на Екатерину. Изъ множества писемъ Потемкина и императрицы можно убѣдиться, что она и нравственно и умственно стояла гораздо выше свѣтлѣйшаго князя, остававшагося до гроба въ безусловной зависимости отъ императрицы. Впрочемъ, она высоко цѣнила способности Потемкина, нуждалась въ его совѣтахъ и во многихъ случаяхъ руководствовалась его соображеніями. Во время второй турецкой войны она писала къ нему по два раза въ недѣлю и чаще, сообщая о состояніи дѣлъ, спрашивая о его здоровьѣ, называя его «mon coeur», «mon bijou» и другими нѣжными именами. Весьма часто Екатерина называла Потемкина своимъ ученикомъ, увѣряла его въ полномъ къ нему довѣріи, жаловалась на его отсутствіе, просила его щадить себя, беречь свое здоровье, не подвергать себя опасностямъ и пр.[2]).

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 275, 279. У Орлова былъ сынъ, Бобринскій, и дочь, Алексѣева, вышедшая замужъ за Клингера; о послѣдней см. соч. Кобеко о «Царевичѣ Павлѣ Петровичѣ», 277. Бобринскій родился въ апрѣлѣ 1762 года. См. письмо Екатерины къ нему въ «Русскомъ Архивѣ», 1876, III, 13. Разныя анекдотическія черты о его воспитаніи см. у Кастера, II, 35, и у Гельбига, «Russische Günstlinge», 364. Здѣсь, кажется, заключаются болѣе достовѣрныя свѣдѣнія, чѣмъ обыкновенно встрѣчаются въ сочиненіяхъ этихъ писателей. Дневникъ Бобринскаго 1779 года въ «Русскомъ Архивѣ» 1877, III, 117. О его житьѣ-бытьѣ за-границею въ восьмидесятыхъ годахъ встрѣчаются многія данныя въ перепискѣ Екатерины съ Гриммомъ, такъ какъ послѣдній долженъ былъ наблюдать за нимъ. Другія данныя въ соч. Кобеко, въ запискахъ Комаровскаго въ «Осьмнадцатомъ Вѣкѣ», I, 393, 398, 401, и въ письмахъ Екатерины къ разнымъ лицамъ; см., напр., «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 404, I, 112 и пр.

[2]) См. множество таковыхъ писемъ въ XXVII томѣ «Сб. Ист. Общ.».

Князь Г. А. Потемкинъ-Таврическій.

Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета, писаннаго Левицкимъ.

Фототипія Брукмана въ Мюнхенѣ.

Въ этомъ же смыслѣ Екатерина отзывалась о Потемкинѣ въ письмахъ къ другимъ лицамъ. Въ одномъ изъ писемъ къ Гримму она назвала Потемкина «однимъ изъ величайшихъ и забавнѣйшихъ оригиналовъ этого желѣзнаго вѣка». По случаю заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, она писала о Потемкинѣ: «Что-за голова у этого человѣка! Онъ имѣетъ важнѣйшую долю въ этомъ договорѣ». Заказывая, въ 1778 году, чрезъ посредство Гримма,

Графъ А. А. Бобринскій.
Съ портрета, принадлежащаго графу А. А. Бобринскому.

великолѣпный сервизъ изъ севрскаго фарфора, она замѣчаетъ, что, такъ какъ этотъ подарокъ назначенъ для Потемкина, то не должно щадить ни денегъ, ни труда, и съ этой цѣлью она дѣлаетъ видъ, будто сервизъ назначенъ для нея самой. Въ другой разъ она пишетъ: «Онъ умнѣе меня, и все, что̀ онъ дѣлаетъ, обдумано всесторонне», а далѣе: «Я въ немъ имѣю чрезвычайно способнаго и достойнаго друга», и пр. [1]).

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 4, 6, 84, 826, 336.

Мы имѣли случай видѣть, какое дѣятельное участіе Потемкинъ принималъ въ дѣлахъ, какое значеніе онъ имѣлъ въ исторіи восточнаго вопроса, какова была его дѣятельность при управленіи южною Россіею. Онъ во всякое время располагалъ громадными матеріальными средствами. Въ ввѣренныхъ его администраціи провинціяхъ онъ игралъ роль неограниченнаго монарха, произволомъ и деспотическими пріемами напоминалъ персидскаго сатрапа, окружая себя баснословною пышностью и роскошью. На югѣ въ его распоряженіи находились войска и флотъ. Онъ могъ болѣе или менѣе самостоятельно заниматься политикою. При всемъ томъ, однако, онъ на каждомъ шагу зависѣлъ отъ степени расположенія къ нему Екатерины. Милость императрицы была главнымъ условіемъ его счастія и успѣховъ.

Въ Потемкинѣ замѣтна странная смѣсь геніальности съ цинизмомъ, образованія съ грубостью нравовъ, чрезмѣрной европейской утонченности съ азіатскимъ варварствомъ, громадныхъ предположеній на пользу государства съ мелочнымъ самолюбіемъ и корыстолюбіемъ, человѣколюбія съ эгоизмомъ, рабочей силы съ лѣнью и индифферентизмомъ. Принцъ де-Линь считалъ Потемкина человѣкомъ чрезвычайно богато одареннымъ природою. Не только Екатерина, но и другія лица, напр., Сегюръ, Іосифъ II, Геррисъ, высоко цѣнили умъ и способности свѣтлѣйшаго князя. Въ то же время, однако, не безъ основанія, какъ у современниковъ, такъ и у позднѣйшихъ писателей, встрѣчаются чрезвычайно неблагопріятные отзывы о Потемкинѣ; порицали его честолюбіе, доходившее до мелочности, его алчность, не знавшую предѣловъ, невниманіе къ интересамъ другихъ людей, его сибаритство и пр. Достойно вниманія замѣчаніе, неоднократно высказываемое современниками о Потемкинѣ: находили, что онъ казался лѣнивымъ, погруженнымъ въ дремоту, тогда какъ въ сущности былъ постоянно занятъ дѣлами. И правда: безчисленное множество писемъ и записокъ Потемкина свидѣтельствуетъ о его необычайной рабочей силѣ, неутомимой и многосторонней дѣятельности. При всемъ томъ, однако, Потемкинъ вообще производилъ впечатлѣніе скорѣе авантюриста, нежели настоящаго государственнаго человѣка, героя или патріота. Мы видѣли выше, что административная дѣятельность Потемкина не была богата результатами, била на минутный эффектъ, оказалась не прочною и не цѣлесообразною. У него не было терпѣнія, послѣдовательности, выдержанности. Поэтому осуществленіе громадныхъ проектовъ князя оказалось невозможнымъ. Въ гораздо бо́льшей мѣрѣ царе-

Князь П. А. Зубовъ.

Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета, писаннаго Лампи.

дворецъ и чиновникъ, нежели настоящій государственный дѣятель, онъ на каждомъ шагу болѣе думалъ объ отвѣтственности предъ государыней, нежели о настоящихъ интересахъ народа и государства. Дворъ замѣнялъ ему Россію; собственные, личные интересы у него стояли выше пользы отечества.

Впрочемъ, никто изъ фаворитовъ не имѣлъ такого значенія, какъ Потемкинъ, никто не занимался столь дѣятельно, самостоятельно и отчасти успѣшно дѣлами внѣшней политики. Пребывая въ Петербургѣ, онъ постоянно находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ иностранными дипломатами. Иногда его виды расходились съ воззрѣніями императрицы. Въ то время какъ Екатерина обнаруживала склонность къ сближенію съ Франціею, Потемкинъ былъ сторонникомъ Англіи; во время дружбы Екатерины съ Іосифомъ II онъ придерживался того мнѣнія, что не слѣдуетъ пренебрегать Пруссіею. Въ турецкихъ дѣлахъ онъ игралъ самую важную роль, указалъ на необходимость занятія Крыма, обратилъ вниманіе на Кавказъ, заботился объ учрежденіи военныхъ поселеній на югѣ, занимался вопросомъ объ экономическомъ значеніи расширенія предѣловъ Россіи до береговъ Чернаго моря. Не получивъ систематическаго и полнаго образованія, Потемкинъ, благодаря чрезвычайнымъ способностямъ, быстро усваивалъ технику дѣлъ, за которыя долженъ былъ приниматься. Сдѣлавшись адмираломъ на Черномъ морѣ, онъ, при постройкѣ судовъ, при управленіи флотомъ, обнаруживалъ спеціальныя познанія въ области морского дѣла. Энциклопедическое образованіе его удивляло современниковъ. Не отличаясь утонченнымъ вкусомъ въ области искусствъ, онъ любилъ окружать себя художниками; во время осады Очакова онъ занимался переводомъ французскихъ сочиненій.

Даже во время второй турецкой войны, значитъ въ послѣдніе годы своей жизни, Потемкинъ старался какъ можно чаще пріѣзжать въ столицу. Напрасно говорили о какой-то окончательной размолвкѣ между императрицею и Потемкинымъ предъ его кончиною. Случались недоразумѣнія, но о немилости не могло быть рѣчи. Отзывы Екатерины о Потемкинѣ въ это время имѣютъ гораздо бóльшее значеніе, чѣмъ драгоцѣнные подарки и ордена, которыми она награждала его. Особенно краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ является горе императрицы по случаю болѣзни и кончины Потемкина. Храповицкій пишетъ о слезахъ и отчаяніи Екатерины: «Жаловались, что не успѣваютъ приготовить людей. Теперь не на кого опереться»; — такимъ образомъ воспроизводитъ Храповицкій слова императрицы и дальше: «Продолженіе слезъ.

Мнѣ сказано: какъ можно мнѣ Потемкина замѣнить? Все будетъ не то... онъ былъ настоящій дворянинъ, умный человѣкъ, меня не продавалъ; его нельзя было купить» и пр.[1]).

Въ письмахъ Екатерины къ Гримму сказано: «Мой вы ученикъ, мой другъ, можно сказать мой идолъ, князь Потемкинъ-

Екатерина II въ домашнемъ платьѣ.

Съ весьма рѣдкой гравюры прошлаго столѣтія, сдѣланной по наброску съ натуры членомъ англійскаго посольства въ Петербургѣ Уйенсомъ. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

Таврическій умеръ въ Молдавіи... Вы не можете себѣ представить, какъ я огорчена. Это былъ человѣкъ высокаго ума, рѣдкаго разума и превосходнаго сердца; цѣли его всегда были направлены къ ве-

---

[1]) Храповицкій, 11, 12, 16 октября 1791. См. также зап. Державина, 312. Замѣчанія у Грота, I, 480. Masson, Mém. secrets, I, 153. «Осьмнадцатый вѣкъ» I, 357.

ликому. Онъ былъ человѣколюбивъ, очень свѣдущъ и крайне любезенъ. Въ головѣ его непрерывно возникали новыя мысли; какой онъ былъ мастеръ острить, какъ умѣлъ сказать словцо кстати! Въ эту войну онъ выказалъ поразительныя военныя дарованія: вездѣ была ему удача, и на сушѣ и на морѣ. Имъ никто не управлялъ, но самъ онъ удивительно умѣлъ управлять другими. Однимъ словомъ, онъ былъ государственный человѣкъ: умѣлъ дать хорошій совѣтъ, умѣлъ его и выполнить. Его привязанность и усердіе ко мнѣ доходили до страсти; онъ всегда сердился и бранилъ меня, если по его мнѣнію дѣло было сдѣлано не такъ, какъ слѣдовало; съ лѣтами, благодаря опытности, онъ исправился отъ многихъ своихъ недостатковъ. Когда онъ пріѣзжалъ сюда, три мѣсяца тому назадъ, я говорила генералу Зубову, что меня пугаетъ эта перемѣна, и что въ немъ не замѣтно болѣе прежнихъ его недостатковъ, и вотъ, къ несчастію, мои опасенія оказались пророчествомъ. Но въ немъ были качества, встрѣчающіяся крайне рѣдко и отличавшія его между всѣми другими людьми: у него былъ смѣлый умъ, смѣлая душа, смѣлое сердце. Благодаря этому, мы всегда понимали другъ друга и не обращали вниманія на толки тѣхъ, кто меньше насъ смыслилъ. По моему мнѣнію, Потемкинъ былъ великій человѣкъ, который не выполнилъ и половины того, что́ былъ въ состояніи сдѣлать». Затѣмъ, въ другомъ письмѣ, двумя мѣсяцами позже: «Дѣла идутъ тѣмъ же порядкомъ, не смотря на ужасную потерю, о которой я вамъ писала въ ту же ночь, какъ пришло роковое извѣстіе. Я все еще продолжаю грустить. Замѣнить его невозможно, потому что нужно родиться такимъ человѣкомъ, какъ онъ, а конецъ нынѣшняго столѣтія не представляетъ геніальныхъ людей»[1]).

Ни одного изъ своихъ фаворитовъ Екатерина, какъ кажется, не любила такъ страстно, какъ Ланского, находившагося «въ случаѣ» съ конца семидесятыхъ годовъ и умершаго лѣтомъ 1784 года отъ горячки, на двадцать седьмомъ году отъ рожденія. Въ письмахъ Екатерины къ Потемкину часто говорится о Ланскомъ въ тонѣ совершенной интимности [2]). Въ одномъ изъ писемъ къ Гримму сказано о Ланскомъ: «Если бы вы видѣли, какъ генералъ Ланской вскакиваетъ и хвастаетъ при полученіи вашихъ писемъ, какъ онъ смѣется и радуется при чтеніи! Онъ всегда огонь и пламя, а тутъ весь становится душа, и она искрится у него изъ глазъ.

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 561, 564.
[2]) Тамъ-же, XXVII, 254, 270.

А. Д. Ланской.

Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета, писаннаго Левицкимъ.

О, этотъ генералъ существо превосходнѣйшее. У него много сходнаго съ Александромъ. Этимъ людямъ всегда хочется до всего коснуться» и пр.[1]).

Когда онъ заболѣлъ опасно, императрица не покидала комнаты больного, не принимала почти никакой пищи, не раздѣвалась и ухаживала за нимъ. Когда онъ умеръ, Екатерина предалась порывамъ печали и горя и затѣмъ впала въ меланхолію. Въ первое время послѣ этого несчастія, она не была въ состояніи видѣть кого-либо, не исключая дѣтей и внуковъ; единственнымъ утѣшеніемъ ея была сестра покойника, на него похожая [2]). Императрица даже заболѣла серьезно. Безбородко долженъ былъ просить Потемкина подѣйствовать на государыню, ободряя и утѣшая ее [3]).

7 іюня, императрица начала писать къ Гримму; 25 іюня умеръ 1784 Ланской; 2 іюля Екатерина писала: «Когда я начинала это письмо, я была счастлива, и мнѣ было весело, и дни мои проходили такъ быстро, что я не знала, куда они дѣваются. Теперь уже не то; я погружена въ глубокую скорбь; моего счастья не стало. Я думала, что сама не переживу невознаградимой потери моего лучшаго друга, постигшей меня недѣлю тому назадъ. Я надѣялась, что онъ будетъ опорой моей старости: онъ усердно трудился надъ своимъ образованіемъ, дѣлалъ успѣхи, усвоилъ себѣ мои вкусы. Это былъ юноша, котораго я воспитывала, признательный, съ мягкой душей, честный, раздѣлявшій мои огорченія, когда они случались, и радовавшійся моимъ радостямъ. Словомъ, я имѣю несчастіе писать вамъ рыдая. Генерала Ланского нѣтъ болѣе на свѣтѣ. Злокачественная горячка, въ соединеніи съ жабой, свела его въ могилу въ пять сутокъ, и моя комната, въ которой мнѣ прежде было такъ пріятно, превратилась въ пустыню. Наканунѣ его смерти я схватила горловую болѣзнь и жестокую лихорадку; однако со вчерашняго дня я встала съ постели, но слаба и до такой степени болѣзненно разстроена въ настоящее время, что не въ состояніи видѣть человѣческаго лица безъ того, чтобы не разрыдаться и не захлебнуться слезами. Не могу ни спать, ни ѣсть; чтеніе нагоняетъ на меня тоску, а писать я не въ силахъ. Не знаю, что́ будетъ со мной; знаю только, что никогда въ жизни я не была такъ несчастна, какъ съ тѣхъ поръ, какъ мой лучшій и дорогой

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 299.

[2]) Anekdoten aus dem Leben Katharinas, aus dem Munde von Zeitgenossen und Augenzeugen. Рукопись Аделунга, находящаяся въ распоряженіи автора.

[3]) «Русская Старина», VIII, 732—733.

другъ покинулъ меня. Я открыла ящикъ письменнаго стола, нашла тамъ этотъ печальный листокъ, написала эти строки, но теперь силы измѣняютъ мнѣ».

Не ранѣе какъ по истеченіи двухъ мѣсяцевъ императрица была въ состояніи возвратиться къ письменной бесѣдѣ съ барономъ Гриммомъ. 9-го сентября 1784 г. она писала: «Признаюсь, за все это время я была не въ силахъ писать вамъ, потому что знала, что это заставитъ страдать насъ обоихъ. Чрезъ недѣлю послѣ того, какъ я написала вамъ мое іюльское письмо, ко мнѣ пріѣхалъ графъ Ѳ. Орловъ и князь Потемкинъ. До этой минуты я не могла выносить человѣческаго лица. Оба они взялись за дѣло умѣючи. Они начали съ того, что принялись выть (hurler) за одно со мною; тогда я почувствовала, что мнѣ съ ними по себѣ, но до конца еще было далеко. Отъ слишкомъ сильно возбужденной чувствительности я сдѣлалась безчувственной ко всему, кромѣ горя; это горе росло каждую минуту и находило себѣ новую пищу на каждомъ шагу, по поводу каждаго слова. Не подумайте, впрочемъ, чтобы, не взирая на весь ужасъ моего положенія, я пренебрегала хотя бы послѣдней малостью, для которой требовалось мое вниманіе: въ самыя тяжкія минуты ко мнѣ обращались за приказаніями по всѣмъ дѣламъ, и я распоряжалась какъ должно и съ пониманіемъ дѣла, что особенно изумляло генерала Салтыкова. Болѣе двухъ мѣсяцевъ прошло безъ всякаго облегченія; наконецъ стали наступать промежутки, сперва только часы, болѣе спокойные, потомъ и цѣлые дни... Пятаго сентября я пріѣхала сюда, въ городъ, вчера въ первый разъ выходила къ обѣднѣ и въ первый же разъ, стало быть, опять видѣла всѣхъ и меня всѣ видѣли. Но, признаюсь, это стоило мнѣ такого усилія, что, возвратясь къ себѣ въ комнату, я почувствовала упадокъ силъ, и всякій другой непремѣнно упалъ бы въ обморокъ, чего со мною отродясь еще не бывало». Въ февралѣ 1785 года, Екатерина снова писала о печальной эпохѣ послѣ кончины Ланского: «Какъ видите, не смотря на всѣ газетные толки, я еще не умерла; у меня нѣтъ и признаковъ какой нибудь болѣзни, но до сихъ поръ я была существомъ бездушнымъ, прозябающимъ, котораго ничто не могло одушевить. За это время я увидѣла, сколько у меня истинныхъ друзей, и ихъ дружба часто мнѣ была въ тягость: между тѣмъ уже во многомъ они съумѣли произвести поворотъ къ лучшему, и, надо сказать правду, что это уже не мало»[1]).

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 317, 318, 326.

Силуетъ Екатерины II въ 1782 году.

Факсимиле силуета, сдѣланнаго съ натуры Сидо. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

Дмитріевъ-Мамоновъ, бывшій «въ случаѣ» отъ 1786 до 1789 г., можетъ считаться, послѣ Потемкина, едва-ли не способнѣйшимъ изъ фаворитовъ Екатерины. Не только она восхищалась его талантами, познаніями и пр., но и современники-дипломаты, знавшіе лично Мамонова, хвалили его остроуміе, оживленную бесѣду, любезность и ловкость [1]). Въ письмахъ къ Потемкину, императрица говоритъ о Мамоновѣ: «Онъ весьма милый человѣкъ», «онъ день ото дня любезнѣе и милѣе становится», «Александръ Матвѣевичъ тебя какъ душу любитъ»; «такъ какъ онъ ведетъ себя какъ ангелъ, то я его сдѣлала генералъ-адъютантомъ; ты его любишь какъ сына, и такъ не сомнѣваюсь, что ты во всемъ возьмешь пріятное участіе» и т. под. [2]). Въ письмахъ къ Гримму императрица тоже хвалила характеръ и способности Мамонова, его склонность къ занятіямъ музыкою, къ гравированію, къ чтенію классиковъ. «Красный Кафтанъ (l'habit rouge)», такъ называла императрица Мамонова, «личность далеко не заурядная. Въ насъ бездна остроумія, хотя мы никогда не гоняемся за остроуміемъ; мы мастерски разсказываемъ и обладаемъ рѣдкой веселостью; наконецъ, мы — сама привлекательность, честность, любезность и умъ; словомъ, мы себя лицемъ въ грязь не ударимъ». Въ другомъ письмѣ: «Красный кафтанъ такъ любезенъ, остроуменъ, веселъ, такой красавецъ, такой добрый и пріятный, такой милый собесѣдникъ, что вы очень хорошо сдѣлаете, если полюбите заочно», и пр.[3]).

Впрочемъ, порою между Екатериною и Мамоновымъ возникали недоразумѣнія. Уже въ первое время своего пребыванія при дворѣ, фаворитъ сознавался въ томъ, что не чувствуетъ себя хорошо въ этомъ положеніи [4]). Въ 1788 году, онъ влюбился въ одну изъ фрейлинъ, княжну Щербатову. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ прежде чѣмъ Екатерина услышала объ этомъ. Затронутая за живое, она, чтобы принудить Мамонова высказаться прямо, придумала слѣдующую хитрость. Однажды, она заговорила о томъ, что при наступающей старости, желала бы устроить судьбу своего друга и предложила ему въ невѣсты богатую графиню Брюсъ. Тогда Мамоновъ сознался, что любитъ княжну Щербатову и уже помолвленъ съ нею. Екатерина, до этого не хотѣвшая вѣрить толкамъ относительно Мамонова и Щербатовой, была глубоко пора-

---

[1]) См., напр., донесенія Сакена въ изд. Германна «Ergänzungsband», 652—653.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 417, 448, 458, 494, 513.
[3]) Тамъ-же, XXIII, 387, 392, 398, 420.
[4]) «Русская Старина», XV, 16 и 703.

Графъ А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ.

Съ портрета, писаннаго Левицкимъ и принадлежащаго князю Щербатову.

Великій князь Павелъ Петровичъ въ 1781 году.

Съ гравированнаго портрета Скородумова

жена сознаніемъ своего любимца[1]). Бесѣдуя съ Храповицкимъ объ этомъ дѣлѣ, Екатерина горько жаловалась на Мамонова: «Зачѣмъ не сказалъ откровенно? Годъ какъ влюбленъ. Буде же сказалъ зимой, то полгода бы прежде сдѣлалось то, что третьяго дня. Нельзя вообразить, сколько я терпѣла. Богъ съ ними! Пусть будутъ счастливы. Я простила ихъ и дозволила женится. Они должны бы быть въ восхищеніи, но, напротивъ, они плачутъ. Тутъ еще замѣшивается и ревность. Онъ больше недѣли безпрестанно за мною примѣчаетъ, на кого гляжу, съ кѣмъ говорю? Это странно. Сперва, ты помнишь, имѣлъ до всего охоту и за все брался легко, а теперь мѣшается въ рѣчахъ, все ему скучно и все болитъ грудь. Мнѣ князь зимой еще говорилъ: Матушка, плюнь на него, и намекалъ на княжну Щербатову, но я виновата; я сама его предъ княземъ оправдать старалась». Храповицкій къ этому прибавляетъ: «Приказано мнѣ заготовить указъ о пожалованіи ему деревень, купленныхъ у князя Репнина и Челышева 2250 душъ. Предъ вечернимъ выходомъ сама Екатерина Великая изволила обручить графа и княжну; они, стоя на колѣняхъ, просили прощенія и прощены». Затѣмъ у Храповицкаго слѣдуютъ еще кое-какія замѣчанія о подаркахъ Мамонову, о волненіи Екатерины, о неловкомъ положеніи фаворита и пр. Объ объясненіи съ Мамоновымъ Екатерина разсказывала Храповицкому: «Онъ пришелъ въ понедѣльникъ (18 іюля), сталъ жаловаться на холодность мою, и начиналъ браниться. Я отвѣчала, что самъ онъ знаетъ, каково мнѣ съ сентября мѣсяца и сколько я терпѣла. Просилъ совѣта, что дѣлать? Совѣтовъ моихъ давно не слушаетъ, а какъ отойти, подумаю. Потомъ послала къ нему записку съ предложеніемъ о дочери графа Брюса... Вдругъ отвѣчаетъ дрожащей рукой, что онъ съ годъ какъ влюбленъ въ Щербатову и полгода, какъ далъ слово жениться» и пр.[2]). Послѣ отъѣзда въ Москву молодой четы, обвѣнчаной въ присутствіи императрицы, въ придворной церкви, Екатерина въ письмѣ къ Потемкину нѣсколько рѣзко отзывалась о неискренности Мамонова[3]). Въ кружкахъ дипломатовъ ходили разные толки по поводу этого эпизода[4]). Сегюръ въ своихъ мемуарахъ допускаетъ, что въ данномъ случаѣ обнаруживалась женская слабость Екатерины, и указываетъ на до-

[1]) Записки Рибопьера въ «Русской Старинѣ», 1877, I, 467.
[2]) Храповицкій, 20 іюня—2 іюля 1789 г.
[3]) «Русская Старина», XVII, 29—37, 207.
[4]) См. депешу Гельбига съ намекомъ о помѣшательствѣ Екатерины вслѣдствіе этого. Herrmann, «Ergänzungsband», 657.

стойное удивленія великодушіе, выказанное ею въ обращеніи съ Мамоновымъ и его невѣстою [1]). Не безъ нѣкоторой желчи Екатерина въ письмѣ къ Гримму замѣтила: «Воспитанница г-жи Кардель нашла, что Красный Кафтанъ достоинъ болѣе сожалѣнія, чѣмъ гнѣва; онъ наказанъ на всю жизнь за глупѣйшую страсть; его

Великая княгиня Наталья Алексѣевна.

Съ портрета, принадлежащаго Н. И. Путилову.

считаютъ неблагодарнымъ; воспитанница г-жи Кардель сочла нужнымъ, въ интересѣ всѣхъ участвующихъ, чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше кончить эту комедію» [2]).

---

[1]) Mémoires, III, 495.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 481.

Платонъ Зубовъ, бывшій въ фаворѣ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ жизни Екатерины, имѣлъ довольно сильное вліяніе на дѣла. Во время переговоровъ о Ясскомъ мирѣ, онъ воспользовался отсутствіемъ Безбородки для того, чтобы получить нѣкоторый вѣсъ въ области внѣшней политики. Современники рѣзко осуждали недостатки фаворита, почти всегда находившагося во враждѣ съ высокопоставленными лицами, какъ, напр., съ Потемкинымъ, Безбородкою, Сиверсомъ и пр. Придворная исторія этого времени изобилуетъ указаніями на интриги, приписываемыя Зубову [1]). За то императрица въ письмахъ къ Гримму и Потемкину отзывалась чрезвычайно благопріятно о Зубовѣ, восхваляя его безусловную преданность ей, его стремленіе къ расширенію познаній, его умѣніе учиться, его любезный характеръ, искренность и пр. Такъ, напр., въ письмѣ къ Гримму сказано: «Охъ, Боже мой! Опять нужно приняться и все самой дѣлать. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что двое Зубовыхъ подаютъ болѣе всего надеждъ; но подумайте, вѣдь старшему только 24-й годъ, а младшему нѣтъ еще и двадцати. Правда, они люди умные, понятливые, а старшій обладаетъ обширными и разнообразными свѣдѣніями. Умъ его отличается послѣдовательностью и, по истинѣ, онъ человѣкъ даровитый». Въ другомъ письмѣ: «Зубовъ трудолюбивъ, безкорыстенъ, исполненъ доброй воли и отличается чрезвычайными умственными способностями; вы о немъ услышите еще болѣе; кажется, отъ меня зависитъ сдѣлать изъ него новый фактотумъ» [2]). Послѣднее замѣчаніе заключаетъ въ себѣ намекъ на незадолго до этого скончавшагося Потемкина. Екатерина очевидно надѣялась найти въ Зубовѣ сотрудника, похожаго на свѣтлѣйшаго князя; но надежды ея не оправдались.

Павелъ.

Фаворитизмъ, безъ сомнѣнія, содѣйствовалъ созданію той бездны, которая существовала между Екатериною и ея сыномъ, цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ. Когда-то Меншиковъ стоялъ между Петромъ Великимъ и царевичемъ Алексѣемъ. Въ царствованіе

[1]) См. біографію его въ «Русской Старинѣ», XVI и XVII т.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 562, 566.

Осмотръ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ работъ на набережной Невы въ 1775 году

Съ гравюры прошлаго столѣтія Ле-Ба, сдѣланной съ картины Ле-Пренса.

Елизаветы Петровны, Шуваловы и Разумовскіе не безъ основанія считались противниками наслѣдника престола, Петра Ѳеодоровича. Отношенія между любимцами Екатерины, Орловымъ, Потемкинымъ, Зубовымъ, съ одной стороны, и «молодымъ дворомъ» — съ другой, были натянуты.

Екатерина въ первые годы жизни Павла не имѣла возможности заботиться о его воспитаніи. Императрица Елизавета Петровна предоставила себѣ исключительное право воспитывать великаго князя. Екатерина говоритъ, что не одобряла распоряженій императрицы въ этомъ отношеніи [1]). Когда Панинъ былъ назначенъ воспитателемъ великаго князя, Елизавета Петровна, совершенно независимо отъ Екатерины, велѣла составить инструкцію для Панина [2]). Екатерина, видѣвшая обыкновенно своего сына не чаще одного раза въ недѣлю, была недовольна выборомъ воспитателя, котораго она, однако, не смѣнила и послѣ кончины Елизаветы. Много лѣтъ спустя, въ 1793 году, говоря о воспитаніи старшаго своего внука, великаго князя Александра Павловича, Екатерина сказала Храповицкому: «Какая разность между воспитаніемъ его и отцовскимъ. Тамъ не было мнѣ воли сначала, а послѣ, по политическимъ причинамъ, не брала отъ Панина. Всѣ думали, что ежели не у Панина, такъ онъ пропалъ» [3]).

Изъ записокъ Порошина мы узнаемъ кое-что о неблагопріятныхъ условіяхъ воспитанія великаго князя [4]). Постоянно окруженный взрослыми, въ своихъ разговорахъ нисколько не стѣснявшимися присутствіемъ царственнаго отрока, онъ слышалъ о многомъ, чего не подобало знать мальчику. Изъ нѣкоторыхъ замѣчаній Порошина видно, что Павелъ уже довольно рано обнаруживалъ нѣкоторую странность воззрѣній, нетвердость и измѣнчивость привязанностей. Порошинъ, однажды, сказалъ великому князю: «Съ лучшими намѣреніями въ мірѣ, вы будете ненавидимы» [5]). Другой наставникъ Павла, іеромонахъ Платонъ, разсказываетъ о его нравѣ въ молодости слѣдующее: «Великій князь былъ особо склоненъ и къ военной наукѣ и часто переходилъ съ одного предмета на другой, не имѣя терпѣливаго къ одной вещи

---

[1]) См. «Записки Екатерины», 160.

[2]) «Русскій Архивъ», 1881, I, 17—21.

[3]) Храповицкій, 20 іюля 1793 г.

[4]) См. фрагментъ записокъ Порошина въ «Русскомъ Архивѣ», 1869, стр. 1 и слѣд.

[5]) См. «Зап. Порошина», также «Русскую Старину», IX, 668 и слѣд. Соловьева, XXVI, 237—258. Особенно рѣзкіе отзывы о Панинѣ, какъ воспитателѣ, у Лебедева, стр. 37 и слѣд.

вниманія, и наружностью всякою въ глаза бросающеюся болѣе прельщался, нежели углубляясь во внутренность» [1]). Императрицу упрекали въ томъ, что она недостаточно заботилась о воспитаніи Павла. Княгиня Дашкова утверждаетъ, что великій князь въ отроческомъ возрастѣ производилъ впечатлѣніе неудачно и медленно развивающагося мальчика [2]). Напротивъ, баронъ Димсдель говорилъ слѣдующее о благопріятныхъ условіяхъ воспитанія великаго князя: «Онъ очень ловокъ, силенъ и крѣпокъ, привѣтливъ, веселъ и очень разсудителенъ, что̀ не трудно замѣтить изъ его разговоровъ, въ которыхъ очень много остроумія. Что касается до его воспитанія, то едва ли есть принцъ, которому было бы оказано болѣе вниманія. Онъ имѣетъ по всѣмъ наукамъ отличныхъ учителей» и пр. [3]).

Мы видѣли выше (во второй части настоящаго труда), что въ первое время царствованія Екатерины, Павелъ безсознательно разыгрывалъ роль претендента. Ходили разные слухи о томъ, будто нѣкоторые изъ знатнѣйшихъ сановниковъ мечтали о воцареніи великаго князя. Разсказывали, что Алексѣй Орловъ старался убѣдить императрицу въ необходимости возведенія на престолъ Павла, какъ только онъ достигнетъ совершеннолѣтія, что такія же внушенія дѣлалъ Екатеринѣ Сальдернъ [4]), что Панинъ дѣйствовалъ въ этомъ же направленіи.

Можно считать вѣроятнымъ, что, въ случаѣ брака Екатерины съ Григоріемъ Орловымъ, положеніе Павла сдѣлалось бы критическимъ. Размолвка императрицы съ Орловымъ имѣла благопріятныя послѣдствія въ томъ отношеніи, что Екатерина сдѣлалась ласковѣе къ Павлу [5]). Множество краткихъ записокъ императрицы къ Панину, въ которыхъ упоминается о великомъ князѣ, свидѣтельствуетъ о томъ, что она внимательно слѣдила за воспитаніемъ сына и что вообще отношенія между Екатериною и великимъ княземъ въ это время были вполнѣ удовлетворительны [6]). То же самое впечатлѣніе производятъ нѣкоторыя замѣчанія въ письмахъ Екатерины къ г-жѣ Бьельке. Такъ, напр., описывая веселую жизнь въ Царскомъ Селѣ лѣтомъ 1772 года, императрица

---

[1]) Кобеко, 28.
[2]) Тамъ-же, 44—47; «Русскій Архивъ», 1874, I, 1281; Memoirs of the pr. Dashkaw, I, 144.
[3]) «Сб. Ист. Общ.», II, 322.
[4]) «Russische Günstlinge», 378.
[5]) Кобеко, 66.
[6]) См. эти письма въ X т. «Сб. Ист. Общ.», напр., стр. 280—281.

Великая княгиня Марія Θеодоровна.

Съ гравированнаго портрета 1782 года.

говоритъ: «Никогда мы такъ не веселились въ Царскомъ Селѣ, какъ въ эти девять недѣль, проведенныя съ моимъ сыномъ, который дѣлается красивымъ мальчикомъ». Въ другомъ письмѣ: «Во вторникъ я снова отправляюсь въ городъ съ моимъ сыномъ, который уже не хочетъ оставлять меня ни на шагъ, и котораго я имѣю честь такъ хорошо забавлять, что онъ за столомъ иногда подмѣниваетъ записки, чтобы сидѣть со мною рядомъ; я думаю, что мало можно найти примѣровъ такого согласія въ расположеніи духа»[1]). Въ 1773 году, въ одной изъ записокъ Екатерины къ Павлу сказано: «Я назначу часъ или два въ недѣлю, по утрамъ, въ которые вы будете приходить ко мнѣ одни для слушанія дѣлъ. Такимъ образомъ, вы ознакомитесь съ ходомъ дѣлъ, съ законами страны и съ моими правительственными принципами». Однако, Павелъ не имѣлъ участія въ дѣлахъ управленія. Напротивъ того, Екатерина ревниво слѣдила за тѣмъ, чтобы никто не осмѣливался даже обращаться къ нему съ какими-нибудь просьбами[2]).

Къ 1774 году относятся слѣдующія замѣчанія въ депешахъ англійскаго посланника: «Императрица, какъ говорятъ, удвоила вниманіе къ его императорскому высочеству и особенно отличаетъ Панина»... «Императрица имѣетъ полное основаніе быть довольной великимъ княземъ. Недавно она высказала, что обязана великой княгинѣ за то, что ей возвращенъ ея сынъ, и что она поставитъ задачей своей жизни доказать свою признательность за такую услугу»[3]). Впрочемъ случались и недоразумѣнія, появлялось раздраженіе. Такъ, напр., въ письмѣ къ Гримму отъ 20 декабря 1774 года, императрица жаловалась на великую княгиню: «Она во всемъ любитъ крайности... не слушается никакихъ совѣтовъ... не видно ни привлекательности, ни ума, ни благоразумія ...не учится русскому языку» и пр.[4]). Когда Наталья Алексѣевна скончалась, Екатерина тотчасъ же стала думать о второмъ бракѣ Павла. Во время поѣздки великаго князя въ Берлинъ, гдѣ онъ долженъ былъ встрѣтиться съ выбранною для него невѣстою, виртембергскою принцессою — впослѣдствіи Маріею Ѳеодоровною—мать и сынъ обмѣнивались многими письмами, отличавшимися искренностью и непринужденностью. Въ

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XIII, 260 и 266.
[2]) Кобеко, 98—99.
[3]) «Сб. Ист. Общ.», XIX, 408—410.
[4]) Тамъ-же, XXIII, 12.

нихъ, между прочимъ, затрагивались вопросы, касавшіеся администраціи [1]).

Пребываніе Павла въ Берлинѣ и знакомство съ Фридрихомъ II повело къ тому, что великій князь пристрастился къ Пруссіи, тогда какъ Екатерина въ то же время склонялась къ сближенію съ Австріею. Такимъ образомъ, политическія воззрѣнія императрицы и великаго князя раздѣлились. Современники утверждаютъ, что Екатерина все болѣе и болѣе старалась удалять великаго князя отъ дѣлъ [2]). Впрочемъ, въ кружкахъ иностранныхъ дипломатовъ не высоко цѣнили способности Павла.

Медаль, выбитая по случаю бракосочетанія в. к. Павла Петровича съ в. к. Маріей Ѳеодоровной.

Антагонизмъ между императрицею и «молодымъ дворомъ» усиливался. Мы знаемъ, какимъ образомъ въ 1780 году произошло нѣкоторое сближеніе между племянникомъ Фридриха II и Павломъ, въ то именно время, какъ императрица въ обращеніи съ прусскимъ принцемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ II выказывала явную холодность.

По желанію Екатерины, Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна должны были предпринять путешествіе въ западную Европу

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 83, 87, 91, 97—99, 105.

[2]) См. замѣчанія Голицына въ «Русскомъ Архивѣ», 1874, I, 1281 и слѣд.; Harris, I, 228.

(въ 1781—82). При этомъ возникли недоразумѣнія. Императрица не дозволяла, чтобы Берлинъ сдѣлался цѣлью путешествія. Панинъ старался внушить Павлу мысль, что за этимъ путешествіемъ скрываются самыя пагубныя намѣренія, что можетъ быть рѣшено, что онъ никогда не вернется въ Россію, и пр.[1]). Павелъ оказался такъ мало посвященнымъ въ тайны политики Екатерины, что въ Вѣнѣ только отъ самого императора узналъ о заключеніи австро-русскаго союза[2]). Когда, во время пребыванія Павла въ Вѣнѣ, хотѣли дать на сценѣ трагедію Шекспира «Гамлетъ», актеръ, который долженъ былъ исполнять эту роль, объявилъ, что считаетъ неумѣстнымъ играть ее въ присутствіи «русскаго Гамлета»[3]). Во Флоренціи Павелъ путешествовалъ подъ именемъ графа Сѣвернаго, бесѣдуя съ великимъ герцогомъ Леопольдомъ, вообще рѣзко порицалъ политическіе виды своей матери и жаловался, что нѣкоторые изъ главныхъ сановниковъ въ Россіи, напр. Потемкинъ, Безбородко, Бакунинъ, Воронцовы, Морковъ, «куплены вѣнскимъ дворомъ». «Лишь только я буду имѣть власть», говорилъ Павелъ, «я ихъ накажу розгами[4]), уничтожу и выгоню»[5]). Іосифъ II высказалъ свое убѣжденіе, что отношенія между Екатериною и Павломъ должны будутъ ухудшиться[6]). Впрочемъ, во все время путешествія великаго князя и его супруги, они поддерживали довольно оживленную переписку съ императрицею; о политикѣ въ письмахъ не говорилось, но они вообще производятъ благопріятное впечатлѣніе[7]).

По возвращеніи путешественниковъ изъ за границы не было недостатка въ поводахъ къ недоразумѣніямъ и столкновеніямъ. Великій князь и Марія Ѳеодоровна были недовольны тѣмъ, что не могли принимать никакого участія въ воспитаніи ихъ сыновей, находившихся исключительно подъ надворомъ бабки. Братъ Маріи Ѳеодоровны, находившійся въ русской службѣ, варварскимъ обращеніемъ съ женою навлекъ на себя негодованіе Екатерины и долженъ былъ оставить Россію[8]). Когда, въ 1787 году,

---

[1]) Harris, 432—469.

[2]) Arneth, «Joseph II und Katharina», 117.

[3]) Іосифъ II подарилъ за то актеру 50 червонцевъ. Письмо Моцарта къ его отцу, въ соч. Оттона Яна о Моцартѣ, т. III, 47.

[4]) «Je les ferai ausruthen».

[5]) Arneth, «Joseph II и Leopold von Toskana», I, 120; «См. оправданіе Безбородки въ соч. Григоровича»; см. «Сб. Ист. Общ.», XXVI, 83.

[6]) Кобеко, 232.

[7]) «Сб. Ист. Общ.», IX, 64.

[8]) Тамъ-же, XV, 27—36. Гарновскій въ «Русской Старинѣ», XV, 18 и слѣд.

императрица пожелала взять съ собою въ Крымъ великихъ князей Александра и Константина, родители, оставшіеся въ Петербургѣ, были крайне раздражены этимъ, такъ что и по этому поводу возникли довольно сильныя пререканія [1]).

Когда совершился разрывъ съ Турціею, Павелъ выразилъ желаніе участвовать въ походѣ, но Екатерина не хотѣла дать на это позволенія и между прочимъ писала къ Потемкину, что пребываніе великаго князя въ лагерѣ могло бы сдѣлаться довольно тягостнымъ для главнокомандующаго [2]). Поѣздка Павла на югъ впрочемъ не состоялась потому, что на сѣверѣ началась война со Швеціею [3]). Когда великій князь затѣмъ отправился въ Финляндію для участія въ военныхъ операціяхъ, генералу Кноррингу, говорятъ, было вмѣнено въ обязанность не посвящать Павла въ тайны военныхъ операцій [4]). Въ эпоху кризиса въ области внѣшней политики, въ 1789—1791 годахъ, когда можно было ожидать разрыва между Россіею и Пруссіею, великій князь Павелъ Петровичъ очутился въ столь же неловкомъ положеніи, въ какомъ находился Петръ Ѳеодоровичъ во время семилѣтней войны. Всѣмъ было извѣстно, что наслѣдникъ престола сочувствовалъ Пруссіи, между тѣмъ какъ Екатерина считала ее опаснѣйшимъ противникомъ и ненавидѣла Фридриха Вильгельма II [5]). Такимъ образомъ, воззрѣнія Павла сталкивались съ видами Екатерины. Еще и прежде обнаруживалось между ними подобное же разногласіе по поводу восточнаго вопроса. Павелъ не одобрялъ «греческаго проекта», причемъ мать упрекнула его въ неспособности усвоивать себѣ возвышенныя мысли [6]). Нерѣдко великій князь отзывался чрезвычайно неблагопріятно о лицахъ, пользовавшихся уваженіемъ и довѣріемъ Екатерины [7]). Въ свою оче-

---

О виртембергской принцессѣ и ея нѣсколько загадочной кончинѣ въ замкѣ Лоде, близь Ревеля, сохранились странные слухи, которые не заслуживаютъ довѣрія.

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XV, 39—40; «Русская Старина», VIII, 606, 618.

[2]) Тамъ-же, XXVII, 466.

[3]) «Зап. Гарновскаго въ «Русской Старинѣ», XVI, 10, 12.

[4]) См. статью Бернгарди въ его «Vermischte Schriften», I, 119—131; тамъ же повторяется нелѣпая басня о «Горе-Богатырѣ», въ которомъ будто былъ осмѣянъ Павелъ; мое опроверженіе этого мнѣнія см. въ журналѣ «Russische Revue», XII, 22—23.

[5]) Гарновскій въ «Русской Старинѣ», XVI, 438; «Сб. Ист. Общ.», XXVI, 404; «Архивъ князя Воронцова», IX, 165.

[6]) «De n'avoir pas des idées élevées». См. Zinkeisen, «Gesch. d. osman. Reiches», VI, 268, 311.

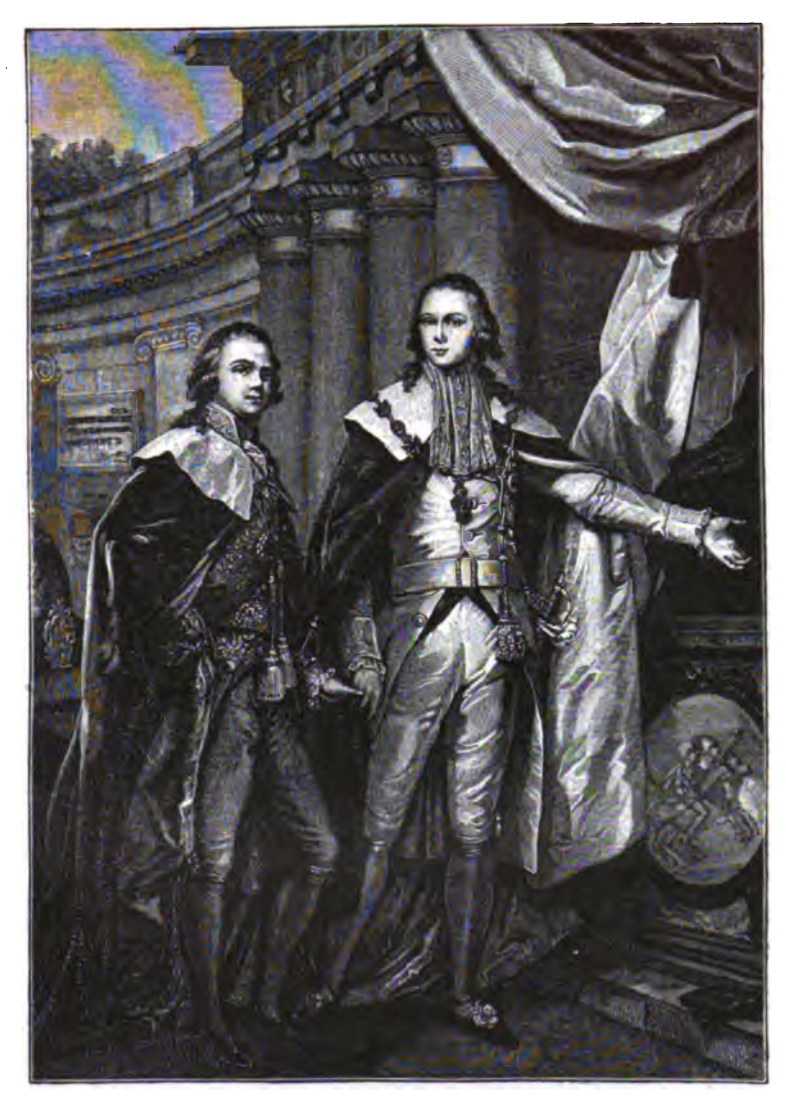
[7]) См., напр., его отзывъ о Румянцевѣ у Гарновскаго въ «Русской Старинѣ», XVI, 7.

редь, и эти лица не щадили Павла. Бывали случаи невнимательнаго и безцеремоннаго обращенія Потемкина съ великимъ княземъ. Когда, однажды, за обѣдомъ императрицы, великій князь по какому-то вопросу выразилъ свое согласіе съ мнѣніемъ Зубова, фаворитъ отозвался нагло: «Развѣ я сказалъ какую-нибудь глупость?»[1]). Не иначе, какъ въ видѣ исключенія, императрица бесѣдовала съ Павломъ о дѣлахъ политики[2]). Когда Сегюръ, передъ возвращеніемъ во Францію, пріѣхалъ въ Гатчину, чтобы проститься съ наслѣдникомъ, Павелъ не безъ раздраженія жаловался на свое затруднительное положеніе, говорилъ не безъ опасенія о будущемъ, изъявилъ сожалѣніе о томъ, что императрица не довѣряетъ ему, боится его и пр.[3]). Когда Павелъ, въ 1789 году, выразилъ желаніе участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, Екатерина ни за что не хотѣла дозволить ему отправиться въ походъ[4]). По словамъ одного иностраннаго дипломата, великій князь въ это время не пользовался никакимъ значеніемъ[5]). Тотъ же современникъ разсказываетъ о слѣдующемъ эпизодѣ. Труппа нѣмецкихъ актеровъ хотѣла было поставить на сцену трагедію «Гамлетъ». Сначала директоръ театровъ выразилъ согласіе, но затѣмъ, однако, узнавъ содержаніе пьесы, рѣшительно запретилъ ея представленіе. Публикѣ это сдѣлалось извѣстнымъ, и, разумѣется, возбудило любопытство; всѣ хотѣли прочесть «Гамлета», покупали пьесу за большія деньги и очень вѣрно объясняли себѣ причину, по которой она была запрещена на театрѣ[6]).

Въ антагонизмѣ между императрицею и лицами, ее окружавшими, съ одной стороны, и «молодымъ дворомъ», съ другой, была значительная доля мелочности. Разсказывали, что, когда Екатерина, однажды, запретила носить особенно роскошные уборы и платья, эта мѣра была направлена главнымъ образомъ противъ великой княгини Маріи Ѳеодоровны. Когда Мамоновъ сталъ относиться къ молодому двору съ особеннымъ вниманіемъ, Екатерина выразила ему свое неудовольствіе. Потемкинъ осыпалъ упреками одного сановника за то, что послѣдній былъ на балу, устроенномъ великокняжескою четою. Дашкова не ѣздила въ Гатчину, говоря, что считаетъ ниже своего достоинства разы-

---

[1]) «Русская Старина», XVII, 453.
[2]) Тамъ-же, VIII, 652—653.
[3]) Ségur. III, 532.
[4]) «Сб. Ист. Общ.», XV, 156.
[5]) Гельбигъ, въ «Ergänzungsband», Германа, 104.
[6]) Herrmann, «Ergänzungsband», 105.

Великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи.

Съ портрета Лампи, находящагося въ Эрмитажѣ.

грывать тамъ роль шпіона. Когда начались переговоры о бракѣ дочери Павла съ шведскимъ королемъ Густавомъ IV, родители невѣсты играли въ придворныхъ празднествахъ довольно блѣдную роль и оставались на заднемъ планѣ. То же самое бросалось въ глаза и при бракосочетаніяхъ Александра и Константина. Въ добавокъ, молодой дворъ постоянно нуждался въ деньгахъ; императрица обращала очень мало вниманія на нужды великаго князя и его супруги [1]).

Александръ.

Въ письмахъ Екатерины къ барону Гримму почти вовсе не упоминается о Павлѣ; немногія проскальзывающія замѣчанія являются какъ бы случайными и внѣшними; о характерѣ наслѣдника или объ отношеніяхъ къ нему императрицы не говорится ни слова. Совсѣмъ иную роль играетъ въ этихъ письмахъ великій князь Александръ Павловичъ. Изъ относящихся къ нему замѣчаній Екатерины видно, что она страстно любила своего внука.

Сообщая Гримму о рожденіи Александра, императрица замѣчаетъ между прочимъ: «Чтожъ такого особеннаго выйдетъ изъ этого мальчика... Жаль, что феи вышли изъ моды; онѣ надѣлили бы вамъ ребенка, всѣмъ чѣмъ угодно; я бы ихъ щедро вознаградила и шепнула бы имъ на ухо: природы, милостивыя государыни, запасите природы; остальное почти все есть дѣло природы». Въ другомъ письмѣ сказано о воспитаніи ребенка, о мѣрахъ для удачнаго физическаго развитія его и пр. [2]).

Въ письмѣ къ королю Густаву III, императрица сообщила нѣкоторыя подробности о пріемахъ ухаживанія за ребенкомъ, причемъ обращалось особенное вниманіе на гигіеническія условія; для большей наглядности, Екатерина отправила къ Густаву и куклу съ тою самою корзиною, въ которой лежалъ первое время по рожденіи великій князь [3]).

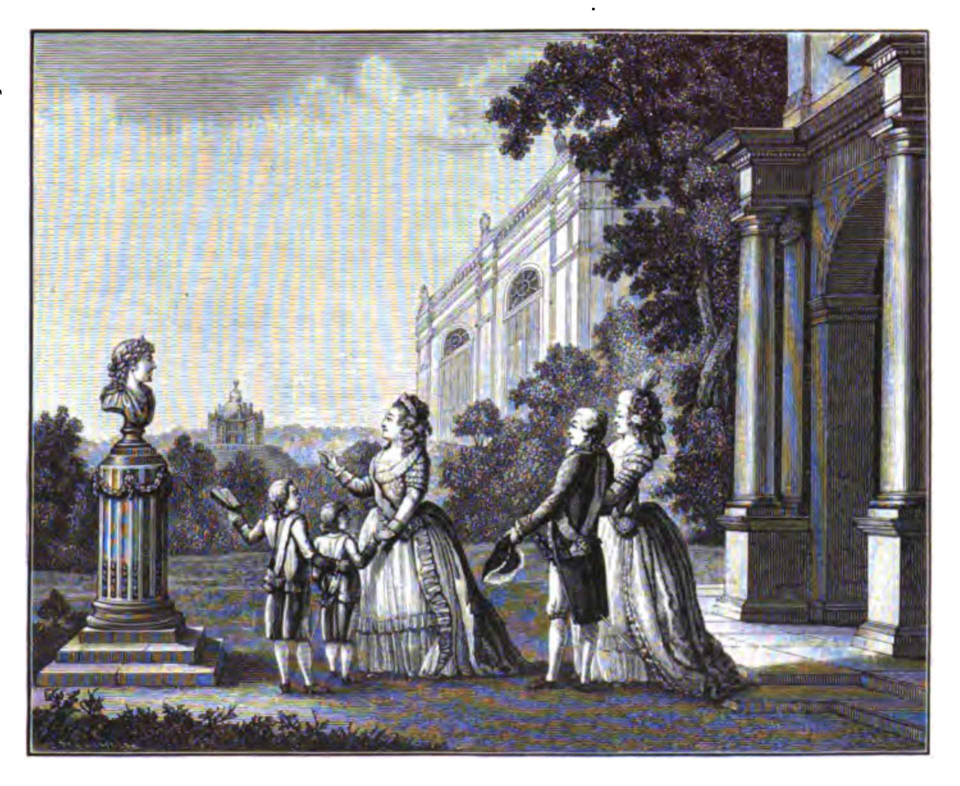
---

[1]) Анекдотическія черты разнаго рода въ сочиненіи Кобеко. Довольно интересныя замѣчанія у Ростопчина въ «Русскомъ Архивѣ», 1876, I, 106 и слѣд. О недостаткахъ въ деньгахъ см. «Русскую Старину», IX, 53.

[2]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 72, 83.

[3]) См. мою статью «Записка императрицы Екатерины о младенчествѣ великаго князя Александра Павловича», въ «Русскомъ Архивѣ», 1871, стр. 1519—1524.

Во всѣхъ отношеніяхъ и чрезвычайно тщательно Екатерина руководила всѣми подробностями воспитанія внука. Она была въ восхищеніи отъ необычайныхъ способностей его. Ежедневно, нѣсколько часовъ сряду, ребенокъ находился въ комнатѣ бабки; она съ нимъ играла, выбирала и выдумывала для него игрушки. Понятно, что мальчикъ всей душой привязался къ ней. Вскорѣ она стала сочинять для него дѣтскія книги, изобрѣтала для него

Екатерина II съ семействомъ въ Царскосельскомъ саду.
Съ гравюры Бергера, сдѣланной по рисунку съ натуры Антинга.

костюмы съ цѣлью лучшаго сохраненія его здоровья; рисунокъ такой одежды приложенъ къ одному изъ писемъ Екатерины къ Гримму. Особенно подробно императрица описывала игры и забавы Александра, сообщала о сдѣланныхъ имъ замѣчаніяхъ и вопросахъ, о его красотѣ, веселости. Когда ему было четыре года, Екатерина сама начала учить его ариѳметикѣ; когда онъ выучился грамотѣ, императрица радовалась его страсти къ книгамъ. Мелочи бесѣдъ, происходившихъ между Екатериною и ея вну-

комъ и воспроизведенныхъ въ письмахъ къ Гримму, свидѣтельствуютъ о необычайной способности императрицы входить въ положеніе ребенка, приспосабливаться къ его понятіямъ и интересамъ[1]).

Съ подобнымъ же вниманіемъ, съ тою же заботливостью, Екатерина занималась воспитаніемъ великаго князя Константина Павловича. Въ 1784 году, она составила подробную инструкцію для воспитателей и наставниковъ своихъ внуковъ. Этотъ педагогическій трудъ казался ей особенно удавшимся, такъ что она любила раздавать при случаѣ списки его разнымъ лицамъ. Въ инструкціи, составленной Екатериною, главное вниманіе было обращаемо на гигіеническія условія, на физическое воспитаніе, на развитіе силы воображенія ребенка, на возбужденіе въ дѣтяхъ чувства состраданія и пр. Нѣкоторыя замѣчанія свидѣтельствуютъ о необычайной психологической наблюдательности императрицы; въ нихъ замѣтно вліяніе господствовавшихъ въ то время на западѣ педагогическихъ теорій[2]).

Благодаря всему этому, Александръ воспитывался весьма тщательно. У него были замѣчательные наставники: Массонъ училъ его математикѣ, Палласъ естественнымъ наукамъ. Особенно многимъ былъ онъ обязанъ Лагарпу, возбудившему въ немъ любовь къ человѣчеству, уваженіе къ прирожденнымъ правамъ всѣхъ и каждаго. О томъ, въ какой мѣрѣ серьезно Лагарпъ занимался воспитаніемъ великаго князя, свидѣтельствуютъ хранящіяся въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ учебныя книги и тетради послѣдняго.

Лѣтомъ, Александръ и Константинъ обыкновенно находились на дачѣ вмѣстѣ съ Екатериною, работали въ саду, предпринимали поѣздки и пр. Императрица съ восхищеніемъ слѣдила за развитіемъ ихъ способностей. Александръ въ короткое время выучился англійскому языку, обнаруживалъ ловкость при изученіи столярнаго ремесла, отличался способностью къ драматическому искусству, верховой ѣздѣ и пр. Екатерина въ своихъ письмахъ къ Гримму весьма подробно разсказывала обо всемъ этомъ[3]).

Каковы были отношенія Екатерины къ внукамъ, видно также изъ многихъ писемъ ея къ великимъ князьямъ, писаннымъ во

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 143, 149, 153, 159, 160, 176, 184, 205, 214, 223, 231, 233, 252, 273, 274.

[2]) См. мою статью «Festrede am hundertjährigen Geburtsfeste Alexanders I». Dorpat, 1878.

[3]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 279, 282, 288—89, 298, 327, 337, 338, 377, 498 и проч.

время путешествій въ Финляндію, въ 1783 году, въ Вышній-Волочокъ, въ 1785 году, въ Крымъ, въ 1787 году. Эти письма могутъ считаться образцами игривости, любезности въ обращеніи взрослыхъ съ дѣтьми; онѣ свидѣтельствуютъ о необычайной сердечной теплотѣ, объ истинной любви Екатерины къ внукамъ [1]).

Окончивъ воспитаніе великихъ князей Александра и Константина, Екатерина позаботилась о ихъ женитьбѣ. Объ этомъ гово-

Великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи и великія княжны Александра, Ольга, Марія и Екатерина Павловны.

Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ камея, исполненнаго в. к. Маріей Ѳеодоровной.

рится весьма подробно въ письмахъ къ Гримму. Императрица была въ восхищеніи отъ невѣсты великаго князя Александра Павловича, принцессы Елизаветы. Столь же тщательно она заботилась о женитьбѣ Константина Павловича [2]).

Не всѣ лица, находившіяся при дворѣ, были въ той же мѣрѣ, какъ Екатерина, очарованы характерами, способностями и успѣхами великихъ князей. Въ письмахъ и запискахъ Лагарпа, Мас-

---

[1]) Письма и бумаги Екатерины, изд. Бычковымъ. Спб. 1873, стр. 23 и слѣд., 28 и слѣд., 36 и слѣд., 44 и слѣд.

[2]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 574, 645, 664, 678—679.

сона, иностранныхъ дипломатовъ и др. встрѣчаются гораздо менѣе благопріятные отзывы объ Александрѣ и Константинѣ [1]). Какъ бы то ни было, громадная разница въ отношеніяхъ Екатерины къ сыну и внукамъ ярко бросается въ глаза. Эта разница могла имѣть громадное значеніе при рѣшеніи вопроса о престолонаслѣдіи.

Вопросъ о престолонаслѣдіи.

Въ то время еще не существовало точно опредѣленныхъ правилъ престолонаслѣдія въ Россіи. Лишь при императорѣ Павлѣ, право котораго на престолъ до 1796 года являлось нѣкоторымъ образомъ спорнымъ, былъ установленъ точно опредѣленный порядокъ престолонаслѣдія. До 1796 года, рѣшеніе вопроса, кому быть преемникомъ, зависѣло отъ усмотрѣнія императрицы. Обстоятельства воцаренія Екатерины создали нѣкоторыя затрудненія относительно правъ Павла на престолъ.

Впрочемъ, въ продолженіе всего царствованія Екатерины, великій князь Павелъ Петровичъ считался наслѣдникомъ. Между бумагами Екатерины сохранился сочиненный, какъ кажется, во время засѣданій Большой Комиссіи, собственноручный ея проектъ закона о престолонаслѣдіи, въ которомъ Павелъ прямо названъ наслѣдникомъ. Этотъ законъ, однако, никогда не былъ обнародованъ [2]).

Въ девяностыхъ годахъ, когда императрица чаще прежняго подвергалась припадкамъ болѣзней, вопросъ о престолонаслѣдіи становился чрезвычайно важнымъ [3]). Его обсуждали въ разныхъ кружкахъ Петербургскаго общества. Неоднократно было выска-

---

[1]) Masson, «Mémoires secrets», I, 19, 46, 124, 333. Донесеніе Фёлкерзама у Германа, «Ergänzungsband», 530. Жалобы Лагарпа, въ «Русской Старинѣ», XIX, 225—239, и I, 407; Архивъ кн. Воронцова», XV, 20, 27, 29, 56; «Русскій Архивъ», 1876, I, 118; Кобеко, 338.

[2]) Сообщ. Гильфердингомъ въ «Русской Старинѣ», XII, 384—385. Въ этомъ проектѣ упомянуто о Большомъ Наказѣ и объ открытіи Большой Комиссіи; достойно вниманія опредѣленіе, что, если наслѣдникъ, во время упраздненія престола, не достигъ 21 года, должна царствовать мать его до ея кончины. Это опредѣленіе вполнѣ соотвѣтствовало положенію дѣлъ при Екатеринѣ.

[3]) Зибелемъ въ «Historische Zeitsschrift», V, 94 и слѣд., была высказана мысль, что изданныя въ Лондонѣ записки Екатерины были написаны ею собственно для Павла, съ цѣлью выставить на видъ, что императрица каждую минуту можетъ лишить его права на престолонаслѣдіе. Эта гипотеза намъ кажется натяжкою.

зано предположеніе, что Павелъ не будетъ преемникомъ Екатерины. Разсказывали, что императрица опасалась какого-либо враждебнаго дѣйствія со стороны Павла, и что это обстоятельство заставило ее пригласить въ Петербургъ изъ Бѣлоруссіи Пассека и Архарова изъ Москвы для принятія особенныхъ мѣръ предосторожности въ Петербургѣ [1]. Уже въ 1782 году ходили слухи о на-

ДАЧА В. К. АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА, БЛИЗЪ ПАВЛОВСКА.

Видъ дома и грота.

Съ рисунка, находящагося въ весьма рѣдкомъ изданіи: „Александрово, увеселительный садъ в. к. Александра Павловича". Харьковъ, 1810 г.

мѣреніи Екатерины отнять у Павла право на престолъ и назначить Александра наслѣдникомъ [2]. По мѣрѣ того, какъ усиливался антагонизмъ между императрицею и Павломъ Петровичемъ, по мѣрѣ того какъ обнаруживались все болѣе и болѣе неблагопріятныя черты нрава великаго князя, мысль объ устраненіи его отъ пре-

[1]) Зап. Ѳ. Голицына въ «Русск. Арх.», 1874, I, 1304.
[2]) Harris, II, 19.

столонаслѣдія казалась сообразною съ интересами имперіи [1]). Англійскій посланникъ Уйтуортъ, въ 1794 году, доносилъ своему правительству о распространенномъ въ публикѣ предположеніи, что императрица намѣрена «устранить» отъ престолонаслѣдія своего сына въ пользу Александра. «Впрочемъ», сказано далѣе въ депешѣ Уйтуорта, «я не думаю, что императрица зайдетъ такъ далеко; она хорошо знаетъ Россію и пойметъ, что столь произвольное дѣйствіе въ такое время сопряжено съ нѣкоторою опасностью [2]). Разсказывали, что Екатерина, боявшаяся смерти, вообще избѣгала заниматься мыслью о томъ, чтó будетъ послѣ ея кончины [3]). Разсказывали далѣе, что императрица въ бесѣдѣ съ Лагарпомъ объ этомъ предметѣ, распространяясь о неблагопріятныхъ качествахъ сына, указывала прямо на невозможность предоставить ему управленіе, такъ что, какъ видно, мысль о будущности имперіи все-таки занимала Екатерину [4]).

Еще въ 1791 году случалось иногда, что Екатерина бесѣдовала съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ о такихъ дѣлахъ, о которыхъ узнавалъ Павелъ лишь тогда, когда узнавала о нихъ публика. Указывая на такіе эпизоды, одинъ изъ иностранныхъ дипломатовъ высказалъ предположеніе, что подобный образъ дѣйствій, можетъ быть, находится въ связи съ извѣстнаго рода намѣреніями и относительно престолонаслѣдія [5]). Слѣдующее обстоятельство также заслуживаетъ вниманія: въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Гримму, въ 1791 году, говоря о положеніи Франціи, Екатерина замѣтила: «Если революція охватитъ всю Европу, тогда явится опять Чингизъ или Тамерланъ и усмиритъ ее... Но этого не будетъ ни въ мое царствованіе, ни, надѣюсь, въ царствованіе Александра [6]). Значитъ, императрица предполагала, что не будетъ промежутка между ея царствованіемъ и Александра. О Павлѣ не было рѣчи. Сообщая, въ 1793 году, о какомъ-то новомъ столкновеніи между Екатериною и Павломъ, саксонскій дипломатъ пишетъ: «Если великій князь не измѣнитъ совершенно въ ближайшемъ будущемъ своего образа дѣйствій, то онъ находится въ опасности: его лишатъ права наслѣдства въ пользу его сына. Извѣстно,

---

[1]) См. письмо Ростопчина къ Воронцову въ 1793 году, въ «Русскомъ Архивѣ», 1876 года, I, 116.

[2]) Herrmann, «Ergänzungsband», 527—528.

[3]) Masson, I, 183.

[4]) Тамъ-же, нѣмецк. изд., III, 2, 80.

[5]) Депеша Гельбига въ изд. Германа «Ergänzungsband», 106.

[6]) 1 сент. 1791. «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 555.

что уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ было намѣреніе исключить его отъ престолонаслѣдія» [1]).

Незадолго до кончины Екатерины, Ростопчинъ писалъ къ Воронцову, русскому послу въ Англіи, объ отношеніяхъ между Екатериною и Павломъ: «Повидимому между ними доброе согласіе, такое, по крайней мѣрѣ, какое возможно между 70-лѣтнею (sic)

ДАЧА В. К. АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА, ВБЛИЗЪ ПАВЛОВСКА.

Храмъ Фелицы въ саду.

Съ рисунка, находящагося въ весьма рѣдкомъ изданіи: „Александрово, увеселительный садъ в. к. Александра Павловича". Харьковъ, 1810 г.

матерью и 42-лѣтнимъ наслѣдникомъ, который изнемогаетъ отъ досады и ждетъ не дождется, когда ему вступить на престолъ...».

Разсказывали о слѣдующемъ эпизодѣ. Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, духовникъ ея, отецъ Савва, былъ избранъ также въ духовники Павлу; однажды на исповѣди онъ спросилъ

---

[1]) Herrmann, «Ergänzungsband», 413.
[2]) «Русскій Архивъ», 1876, I, 407.

у великаго князя: «не имѣетъ ли чего на душѣ противъ государыни-матери?» Тотчасъ же послѣ воцаренія, Павелъ велѣлъ арестовать и допросить отца Савву: не имѣлъ-ли онъ тайнаго повелѣнія отъ покойной государыни на исповѣди узнать о намѣреніяхъ великаго князя и не думалъ-ли, что онъ о чемъ-нибудь проговорится? Духовникъ былъ оправданъ, но его уволили на покой [1]).

Аббатъ Жоржель, находившійся въ Россіи отъ 1799 до 1800 г., говорилъ въ своихъ запискахъ: «Екатерина II хотѣла назначить Александра своимъ преемникомъ, и если бы она прожила еще мѣсяца два или три, то Павелъ никогда не вступилъ-бы на русскій престолъ» [2]).

И другіе современники раздѣляли предположеніе о намѣреніи Екатерины возвести на престолъ не Павла, а Александра. Тотчасъ же послѣ воцаренія внука Екатерины, Державинъ воспѣлъ это событіе въ одѣ, въ которой особенно поражала всѣхъ своею смѣлостью строфа, представляющая Екатерину въ облакахъ:

Стоитъ въ порфирѣ и вѣщаетъ,
Сквозь дверь небесну долу зря:
«Се небо нынѣ посылаетъ
Вамъ внука моего въ царя.
Внимать вы прежде не хотѣли
И презрѣли мою любовь,
Вы сами отъ себя терпѣли:
Я нынѣ васъ спасаю вновь».
Рекла,—и тѣнь ея во блескѣ,
Какъ радуга, сокрылась въ свѣтъ [3]).

По замѣчанію одного изъ новѣйшихъ изслѣдователей, здѣсь поэтъ какъ будто «ставитъ обществу въ вину, что оно прежде не позаботилось о возведеніи Александра на престолъ, какъ этого желала Екатерина; что ему должно было бы не допускать Павла до престола: оно этого не сдѣлало, и потому терпѣло само отъ себя» [4]). Издатель сочиненій Державина по этому поводу замѣчаетъ, что едва ли самъ поэтъ придавалъ именно такой смыслъ своимъ словамъ; обращаясь къ русскимъ вообще, императрица могла употребить извѣстную риторическую фигуру и разумѣть вмѣсто цѣлаго только часть, т. е. тѣхъ или того, кто, по преда-

[1]) Карабановъ узналъ объ этомъ случаѣ отъ графа Мусина-Пушкина, съ которымъ Павелъ говорилъ о Саввѣ. См. «Русскую Старину», VI, 87—88.

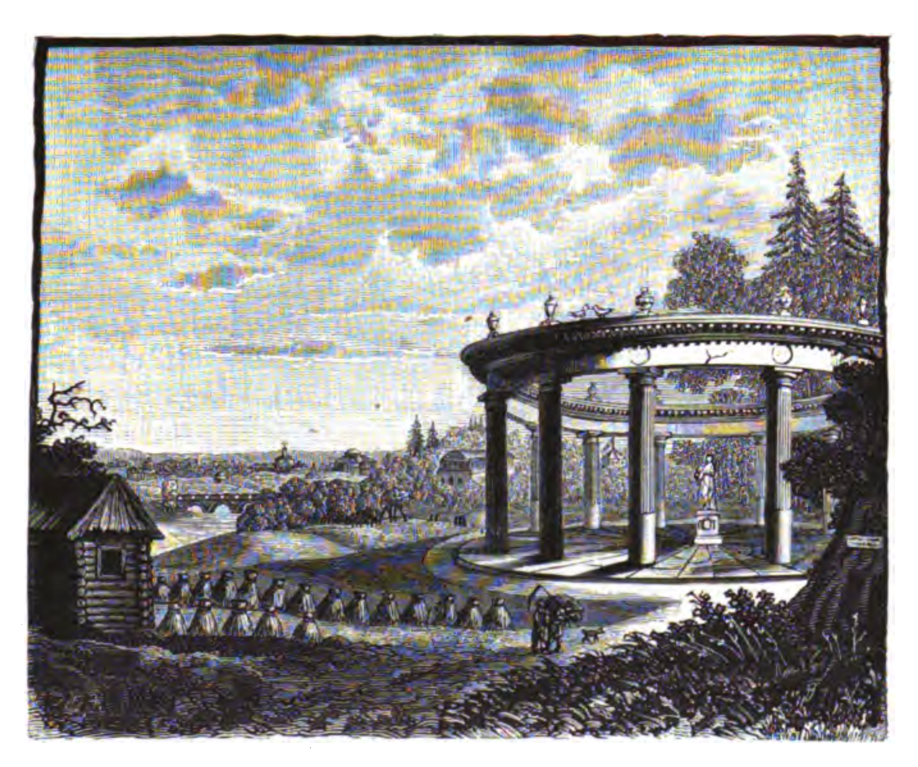
[2]) Древняя и новая Россія, 1878, III, 327.

[3]) «Гротъ, Соч. Державина, II, 359.

[4]) Пыпинъ, «Общественное движеніе при Александрѣ», I, 52.

нію, скрылъ приписываемое ей завѣщаніе объ устраненіи сына ея отъ престола [1]).

Достоенъ вниманія разсказъ Саблукова о послѣднемъ времени царствованія Екатерины: «По природѣ вспыльчивый и горячій, Павелъ былъ очень раздраженъ своимъ отстраненіемъ отъ престола, который, согласно обычаю посѣщенныхъ имъ иностран-

ДАЧА В. К. АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА, БЛИЗЪ ПАВЛОВСКА.

Храмъ Цереры въ саду.

Съ рисунка, находящагося въ весьма рѣдкомъ изданіи: „Александрово, увеселительный садъ в. к. Александра Павловича". Харьковъ, 1810 г.

ныхъ дворовъ, онъ считалъ своимъ законнымъ достояніемъ. Всѣмъ стало извѣстно, что онъ съ каждымъ днемъ нетерпѣливѣе и рѣзче порицаетъ правительственную систему матери. Екатерина, съ своей стороны, становилась стара и немощна; у нея уже былъ легкій припадокъ паралича, послѣ котораго она вполнѣ не опра-

[1]) Гротъ, VIII, 774—775. Александръ не только не прогнѣвался на Державина за эту оду, но еще пожаловалъ ему брильянтовый перстень въ 5000 р.

влялась. Она искренно любила Россію и была дѣйствительно любима всѣмъ народомъ; она не могла думать безъ страха о томъ, что великое государство, выдвинутое ею столь быстро на путь благоденствія, славы и образованности, останется послѣ нея безъ всякихъ гарантій прочнаго существованія, въ особеноости въ такое время, когда комитетъ общественной безопасности [1]) заставлялъ дрожать на престолахъ почти всѣхъ монарховъ Европы и потрясалъ старинныя учрежденія въ самыхъ ихъ основаніяхъ. Екатерина уже сдѣлала многое для конституціоннаго развитія (sic) своего государства, и если бы она могла заставить наслѣдника престола войти въ ея виды и намѣренія и склониться на то, чтобы сдѣлаться конституціоннымъ (sic) государемъ, она умерла-бы спокойно и безъ опасеній за будущее благоденствіе Россіи. Мнѣнія, вкусы и привычки Павла дѣлали такія надежды совершенно тщетными, и достовѣрно извѣстно, что въ послѣдніе годы царствованія Екатерины между ея ближайшими совѣтниками было рѣшено, что Павелъ будетъ устраненъ отъ престолонаслѣдія, если онъ откажется присягнуть въ вѣрности конституціи, уже начертанной (sic), въ каковомъ случаѣ былъ бы назначенъ наслѣдникомъ сынъ его Александръ, съ условіемъ, чтобы онъ соблюдалъ новую конституцію. Слухи о подобномъ намѣреніи ходили безпрестанно, хотя еще не было извѣстно ничего достовѣрнаго. Однако же, говорили съ увѣренностью, что 1-го января 1797 года будетъ обнародованъ весьма важный манифестъ, и въ то время было замѣчено, что великій князь Павелъ Петровичъ является ко двору рѣдко, и то лишь въ торжественные пріемы, и что онъ все болѣе оказываетъ пристрастія къ своимъ опрусаченнымъ войскамъ и ко всѣмъ своимъ гатчинскимъ учрежденіямъ» [2]).

Съ разныхъ сторонъ утверждали, что Екатерина готовила распоряженіе объ устраненіи отъ престолонаслѣдія Павла и о возведеніи на престолъ Александра. Такъ, напр., въ запискахъ Фонвизина разсказано, что бумага такого содержанія, хранившаяся у Безбородки, должна была быть опубликована въ день тезоименитства императрицы, т. е. 24 ноября 1796 года, но что случившаяся за двѣ недѣли до этого кончина императрицы совершенно измѣнила положеніе дѣла, и что Безбородко счелъ нужнымъ сообщить Павлу о такомъ распоряженіи, когда сынъ уми-

---

[1]) «Comite de salut public» въ Парижѣ.
[2]) «Русскій Архивъ», 1869, 1881—1883.

рающей императрицы уже взялъ въ свои руки бразды правленія.

Чрезвычайно любопытенъ также слѣдующій разсказъ князя Сергія Михайловича Голицына: «По смерти императрицы Екатерины II кабинетъ ея былъ запечатанъ нѣсколько дней; императоръ Павелъ Петровичъ позвалъ великаго князя Александра Павловича, князя Александра Борисовича Куракина и (кажется) Ростопчина и велѣлъ имъ открыть кабинетъ и разобрать бумаги. Александръ Павловичъ съ Куракинымъ и Ростопчинымъ втроемъ отправились въ кабинетъ; тамъ нашли они между прочимъ дѣло

Медаль, выбитая по случаю бракосочетанія в. к. Александра Павловича съ в. к. Елисаветой Алексѣевной.

о Петрѣ III, перевязанное черною ленточкою, и завѣщаніе Екатерины, въ которомъ она говорила о совершенномъ отстраненіи отъ престола великаго князя Павла Петровича, вступленіи на престолъ великаго князя Александра Павловича, а до его совершеннолѣтія назначила регентшею великую княгиню Марію Ѳеодоровну. Александръ Павловичъ по прочтеніи сего завѣщанія обратился къ Куракину и Ростопчину и взялъ съ нихъ клятву, что они объ этомъ завѣщаніи умолчатъ; послѣ этого онъ бросилъ завѣщаніе въ топившуюся печку. По возвращеніи къ Павлу Петровичу, онъ спросилъ ихъ, что̀ они нашли; они сказали ему. Потомъ онъ спросилъ: Нѣтъ ли чего обо мнѣ?—Ничего нѣтъ, отвѣ-

чалъ Александръ Павловичъ. Тогда Павелъ перекрестился и сказалъ: Ну, слава Богу!»[1]).

И въ запискахъ Саблукова упоминается объ уничтоженіи какихъ-то дѣловыхъ бумагъ въ минуту воцаренія Павла. Тамъ сказано: «До насъ дошли любопытные слухи о томъ, что̀ произошло во дворцѣ по прибытіи новаго императора: говорили, что онъ съ графомъ Безбородкою дѣятельно занимался жженіемъ бумагъ и документовъ въ кабинетѣ ея величества»[2]).

Въ запискахъ Энгельгардта сказано: «Говорятъ, что императрица сдѣлала духовную, чтобы наслѣдникъ былъ отчужденъ отъ престола, а по ней бы принялъ скипетръ внукъ ея Александръ, и что она хранилась у графа Безбородки. По пріѣздѣ государя (Павла) въ С.-Петербургъ, онъ отдалъ ему оную лично. Правда ли то, неизвѣстно. Многіе, бывшіе тогда при дворѣ, меня въ томъ увѣряли». То же утверждаетъ и Державинъ въ объясненіяхъ на свои сочиненія. «Сколько извѣстно», говоритъ онъ, «было завѣщаніе, сдѣланное императрицею Екатериною, чтобы послѣ нея царствовать внуку ея, Александру Павловичу». Въ своихъ запискахъ Державинъ передаетъ слѣдующій знаменательный фактъ изъ времени своей службы при Екатеринѣ: «Графъ Безбородко, выпросясь въ отпускъ въ Москву и откланявшись съ императрицею, вышедъ изъ кабинета ея, зазвалъ Державина въ темную перегородку, бывшую въ секретарской комнатѣ, и на ухо сказалъ ему, что императрица приказала ему отдать нѣкоторыя секретныя бумаги касательно до великаго князя, то, какъ пришлетъ онъ къ нему послѣ обѣда, чтобъ пожаловалъ и принялъ у него; но неизвѣстно для чего, никого не прислалъ, уѣхалъ въ Москву, и съ тѣхъ поръ Державинъ ни отъ кого ничего не слыхалъ о тѣхъ секретныхъ бумагахъ. Догадывались нѣкоторые тонкіе царедворцы, что онѣ тѣ самыя были, за открытіе которыхъ, по вступленіи на престолъ императора Павла, осыпанъ онъ отъ него благодѣніями и пожалованъ княземъ. Впрочемъ, съ достовѣрностію о семъ здѣсь говорить не можно, а иногда (т. е. со временемъ) другіе, имѣющіе лучшія свѣдѣнія, о томъ всю правду откроютъ свѣту».

А. И. Тургеневъ, въ собственноручныхъ замѣткахъ на поляхъ записокъ Грибовскаго, выражаетъ одно недоразумѣніе по поводу участія Безбородки въ предположенномъ Екатериною устра-

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1869, 642—643.
[2]) Тамъ-же, стр. 1887.

Екатерина II, Павелъ I и Александръ I въ медальонѣ.

Съ рѣдкой гравюры Больдта.

неніи отъ престола великаго князя Павла Петровича. «Здѣсь нельзя согласить», пишетъ онъ, «того, что Екатерина, оставивъ Безбородку хотя и не въ опалѣ, однакожь внѣ своего вниманія, поручила ему составить духовное свое завѣщаніе и ввѣрила храненіе онаго ему. По кончинѣ ея, гнусный Безбородко обнаружилъ всю подлость и коварство свойствъ, сврожденныхъ малороссамъ: онъ не Сенату, а Павлу, наслѣднику Екатерины, предъявилъ завѣщаніе».

Сюда же относится разговоръ, писанный въ концѣ прошлаго вѣка подъ названіемъ «Екатерина въ поляхъ Елисейскихъ». Здѣсь Екатерина требуетъ въ свои чертоги Безбородку, напоминаетъ этому, «недостойному рабу» своему, что ему была поручена тайна кабинета, что чрезъ него, по смерти Екатерины, долженъ былъ осуществиться важный планъ, которымъ опредѣлено было, при случаѣ скорой ея кончины, возвести на престолъ Александра, что этотъ актъ былъ подписанъ ею и участниками тайны. «Ты измѣнилъ моей довѣренности», упрекаетъ Екатерина Безбородку, — «не обнародовалъ его послѣ моей смерти. Я увѣрена, сколь была любима моими родственниками и больше всего подданными: они бы его исполнили. Ты забылъ милость мою, промѣнялъ общее и собственное свое благо на пустое титло князя, сдѣлалъ Россіи рану, которую цѣлый вѣкъ лечить потребно. Что молчишь, несправедливый человѣкъ? Чѣмъ загладишь сей поступокъ? Россія стонетъ, угнетаемая Павломъ, и я еще имѣю столько снисхожденія говорить о семъ съ орудіемъ ея злосчастія». Упавъ на колѣна, Безбородко признаетъ себя виноватымъ въ необнародованіи повелѣнія Екатерины, но оправдывается неожиданностью ея кончины, измѣною подписавшихся подъ завѣщаніемъ особъ, неизвѣстностію завѣщанія народу и страхомъ предъ неумолимою строгостью Павла и пр.

Существуютъ и живыя, устныя преданія о томъ, какъ Безбородко поступилъ съ завѣщаніемъ Екатерины о престолонаслѣдіи. Одно изъ этихъ извѣстій гласитъ, что, когда Павелъ и Безбородко разбирали бумаги въ кабинетѣ Екатерины, то графъ указалъ Павлу на пакетъ, перевязанный черною лентою, съ надписью: «Вскрыть послѣ смерти моей въ Совѣтѣ». Павелъ, предчувствуя, что въ пакетѣ заключается актъ объ устраненіи его отъ престола, актъ, который былъ будто-бы писанъ рукою Безбородки и о которомъ, кромѣ его и императрицы, никто не зналъ, вопросительно взглянулъ на Безбородку, который, въ свою очередь, молча указалъ на топившійся каминъ. Эта находчивость

Безбородки, однимъ движеніемъ руки отстранившимъ отъ Павла тайну, сблизила ихъ окончательно.

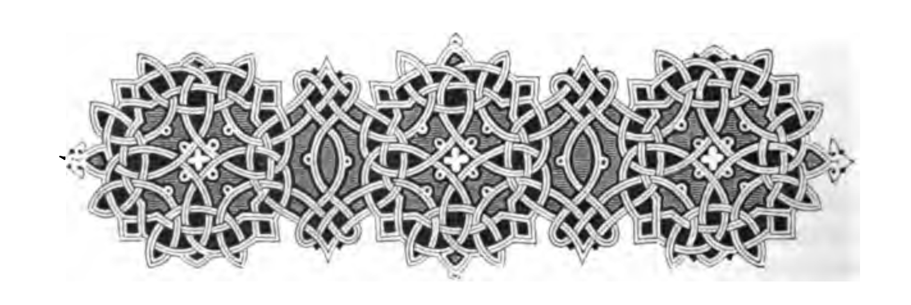
Другое устное извѣстіе утверждаетъ, что Безбородко, узнавъ о безнадежномъ положеніи Екатерины, сію же минуту поѣхалъ въ Гатчину, гдѣ и подалъ запечатанный пакетъ Павлу, котораго встрѣтилъ на площадкѣ лѣстницы.

Наконецъ, есть преданіе, что бумаги по этому предмету (манифестъ о престолонаслѣдіи) были подписаны важнѣйшими государственными людьми, въ томъ числѣ Суворовымъ и Румянцевымъ-Задунайскимъ. Немилость къ первому и внезапная кончина второго тотчасъ, какъ онъ узналъ о восшествіи на престолъ Павла, произошли будто-бы именно вслѣдствіе этого [1]).

Понятно, что такого рода устныя преданія развѣ лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ соотвѣтствуютъ фактическому ходу событій. Къ тому же не трудно доказать, что въ этихъ анекдотическихъ разсказахъ встрѣчаются несообразности, противорѣчія и пр. Такъ, напр., едва ли возможно, чтобы Безбородко въ то время, когда императрица была при смерти, уѣхалъ въ Гатчину; далѣе, немыслимо, чтобы Павелъ Петровичъ поручилъ Александру, Куракину и Ростопчину разобрать бумаги въ кабинетѣ только-что скончавшейся императрицы, и т. п.; однако, можно считать вѣроятнымъ, что важнѣйшія черты во всѣхъ приведенныхъ разсказахъ современниковъ, т. е. существованіе завѣщанія, устранявшаго Павла отъ престола и возводившаго на престолъ Александра, и затѣмъ исчезновеніе этой бумаги болѣе или менѣе загадочнымъ путемъ — соотвѣтствуютъ фактамъ и не могутъ считаться выдумкою. Императрица не могла ожидать столь скорой кончины; потому не трудно объяснить себѣ, что она откладывала обнародованіе рѣшенія вопроса о престолонаслѣдіи. Такимъ образомъ, осуществленіе предположеній Екатерины состоялось лишь въ 1801 году...

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1871, стр. 2072. Всѣ эти послѣднія данныя собраны Григоровичемъ и сообщены имъ въ жизнеописаніи Безбородки, въ «Сб. Истор. Общества», XXIX, 349—354. Экземпляръ записокъ Грибовскаго съ замѣтками Тургенева былъ сообщенъ Григоровичу Ю. В. Толстымъ; рукописное сочиненіе «Екатерина въ Елисейскихъ поляхъ» было сообщено автору біографіи Безбородки Л. Н. Майковымъ.

ГЛАВА IV.

Кончина.

ЕКАТЕРИНА писала въ 1769 году Фальконету: «На этомъ свѣтѣ препятствія созданы для того, чтобы достойные люди ихъ уничтожали и тѣмъ умножали свою репутацію; вотъ назначеніе препятствій» [1]).

Всю свою жизнь Екатерина неусыпно и успѣшно боролась съ разными препятствіями и почти всегда одерживала побѣду. Рано или поздно, однако, могла наступить пора упадка силъ императрицы. Въ послѣдніе годы этого царствованія, современники замѣчали, что Екатерина не во всѣхъ отношеніяхъ располагала прежнею силою и стойкостью. Послѣднее десятилѣтіе царствованія Екатерины изобиловало критическими моментами. Съ разныхъ сторонъ грозила опасность Россіи. Одновременно приходилось воевать со Швеціею и съ Турціею; явились опасенія относительно возможности разрыва съ Англіею и Пруссіею; дороговизна 1787 года, тяжелое впечатлѣніе, произведенное на Екатерину событіями французской революціи, кончина Іосифа II и Потемкина — все это было

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XVII, 84.

Великая княгиня Александра Павловна.

Съ портрета, писаннаго Боровиковскимъ и находящагося въ Эрмитажѣ.

сопряжено съ болѣе или менѣе сильнымъ душевнымъ потрясеніемъ. На даромъ Державинъ говоритъ о Екатеринѣ:

«Но ахъ, и тронъ всегда ль пріятенъ
Тому, кто вѣкъ свой въ хлопотахъ?
Тутъ зритъ обманъ, тамъ зритъ упадокъ:
Какъ бѣдный часовой тотъ жалокъ,
Который вѣчно на часахъ!» [1]).

Изъ множества частныхъ писемъ разныхъ сановниковъ, напр., Безбородки, Ростопчина, Завадовскаго, Гарновскаго и др., видно, въ сколь затруднительномъ положеніи находилось государство въ послѣднее время царствованія Екатерины: жаловались на недостатокъ въ финансовыхъ средствахъ для покрытія умножающихся при усложненіи дѣлъ государственныхъ расходовъ; указывали на недостатокъ въ способныхъ полководцахъ, добросовѣстныхъ администраторахъ; роскошь двора не соотвѣтствовала неудовлетворительному состоянію дѣлъ въ имперіи; современникамъ казалось, что злоупотребленія въ администраціи усиливались въ послѣднее время царствованія Екатерины; безденежье становилось все болѣе и болѣе замѣтнымъ и тягостнымъ; можно было сомнѣваться въ томъ, успѣетъ ли Россія удержаться на той степени силы и могущества, которой она достигла, благодаря успѣхамъ царствованій XVIII вѣка [2]).

Нельзя, поэтому, удивляться, что императрица порою казалась утомленною, выбившеюся изъ силъ. Незадолго до кончины Потемкина, Екатерина сказала ему: «Старѣе ли я стала, что не могу найти рессурсовъ, или другая причина нынѣшнимъ затрудненіямъ?» Онъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, границы стали обширнѣе и войскъ недостаточно; у другихъ державъ они въ кучѣ, а у насъ разсыпаны» [3]).

Екатерина не безъ основанія приписывала успѣхи своего царствованія не столько случайностямъ, сколько своему таланту, своей силѣ воли, своимъ трудамъ. Чѣмъ болѣе она привыкла къ успѣхамъ, тѣмъ легче ее раздражали неудачи.

Весьма часто было высказываемо предположеніе, что злополучный эпизодъ съ молодымъ шведскимъ королемъ, Густавомъ IV,

---

[1]) Гротъ, «Державинъ», I, 668.

[2]) См., напр., письма Бантышъ-Каменскаго въ Русскомъ Архивѣ», 1876, III, письма Завадовскаго къ Воронцову въ «Архивѣ Воронцова», XII, письма Ростопчина въ «Русскомъ Архивѣ», 1876, I, Сочиненія Щербатова, замѣчанія Массона, донесенія дипломатовъ въ изд. Германа, «Ergänzunsband», письма Сиверса въ изданіи Блюма и пр.

[3]) Дневникъ Храповицкаго, 22 мая 1789 г.

Густавъ IV, король шведскій.

Съ гравированнаго портрета Губерта.

случившійся осенью 1796 года, содѣйствовалъ сокращенію дней императрицы.

Отношенія между Россіей и Швеціей послѣ заключенія Верельскаго мира оставались болѣе или менѣе натянутыми, такъ что, какъ это уже было сказано выше, современники считали вѣроятнымъ возобновленіе военныхъ дѣйствій въ 1791 и 1792 годахъ. И въ Швеціи, и въ Россіи, дѣлались приготовленія къ походу. Русскій посланникъ въ Стокгольмѣ, своимъ образомъ дѣйствій, вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Швеціи, возбуждалъ негодованіе герцога Карла Зюдерманландскаго, сдѣлавшагося регентомъ послѣ катастрофы Густава III. Екатерина должна была совѣтовать русскому дипломату въ Стокгольмѣ дѣйствовать крайне осторожно [1]).

Въ то же самое время, однако, вскорѣ послѣ вступленія на престолъ юнаго короля Густава IV, возникла мысль о бракѣ его со внукою Екатерины, великою княжною Александрою Павловною. Переговоры по этому предмету между обоими дворами сначала не повели къ желаемой цѣли, затѣмъ были возобновлены, потомъ опять прекратились. Главное затрудненіе заключалось въ различіи исповѣданій. Къ тому же, обстоятельство, что графъ Армфельдтъ, завзятый противникъ регента, нашелъ убѣжище въ Россіи, произвело чрезвычайно неблагопріятное впечатлѣніе въ Швеціи; въ то же время Петербургскій дворъ неоднократно испытывалъ вліяніе непріязненной шведской политики по вопросамъ о Польшѣ и Турціи [2]).

Все это повело къ тому, что шведское правительство, оставивъ проектъ о бракѣ короля съ дочерью Павла, позаботилось о женитьбѣ Густава IV на Мекленбургской принцессѣ. Екатерина въ раздраженіи объявила, что не приметъ графа Шверина, который долженъ былъ сообщить ей отъ имени короля объ обрученіи его. Понятно, что русскій дипломатъ Будбергъ, въ это время прибывшій въ Швецію, былъ принятъ отмѣнно холодно. Въ мартѣ 1795 года, возобновились слухи о неминуемо предстоявшемъ разрывѣ между Швеціею и Россіею [3]).

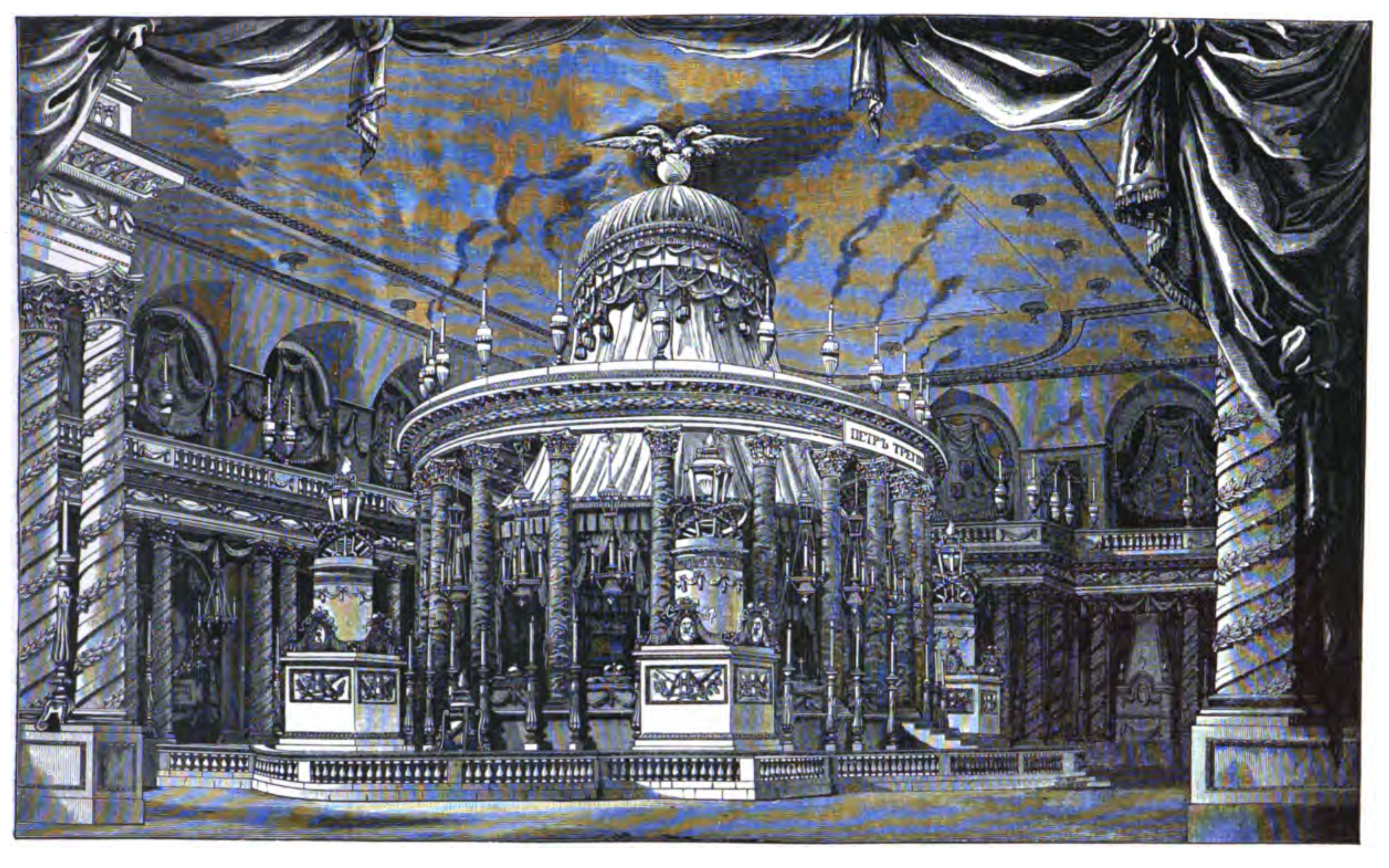
Вышло иначе. Отношенія между обѣими державами неожиданно поправились. Вскорѣ въ Петербургѣ было получено офиціальное сообщеніе о томъ, что проектъ брака короля съ Меклен-

---

[1]) «Русская Старина», III, 689.

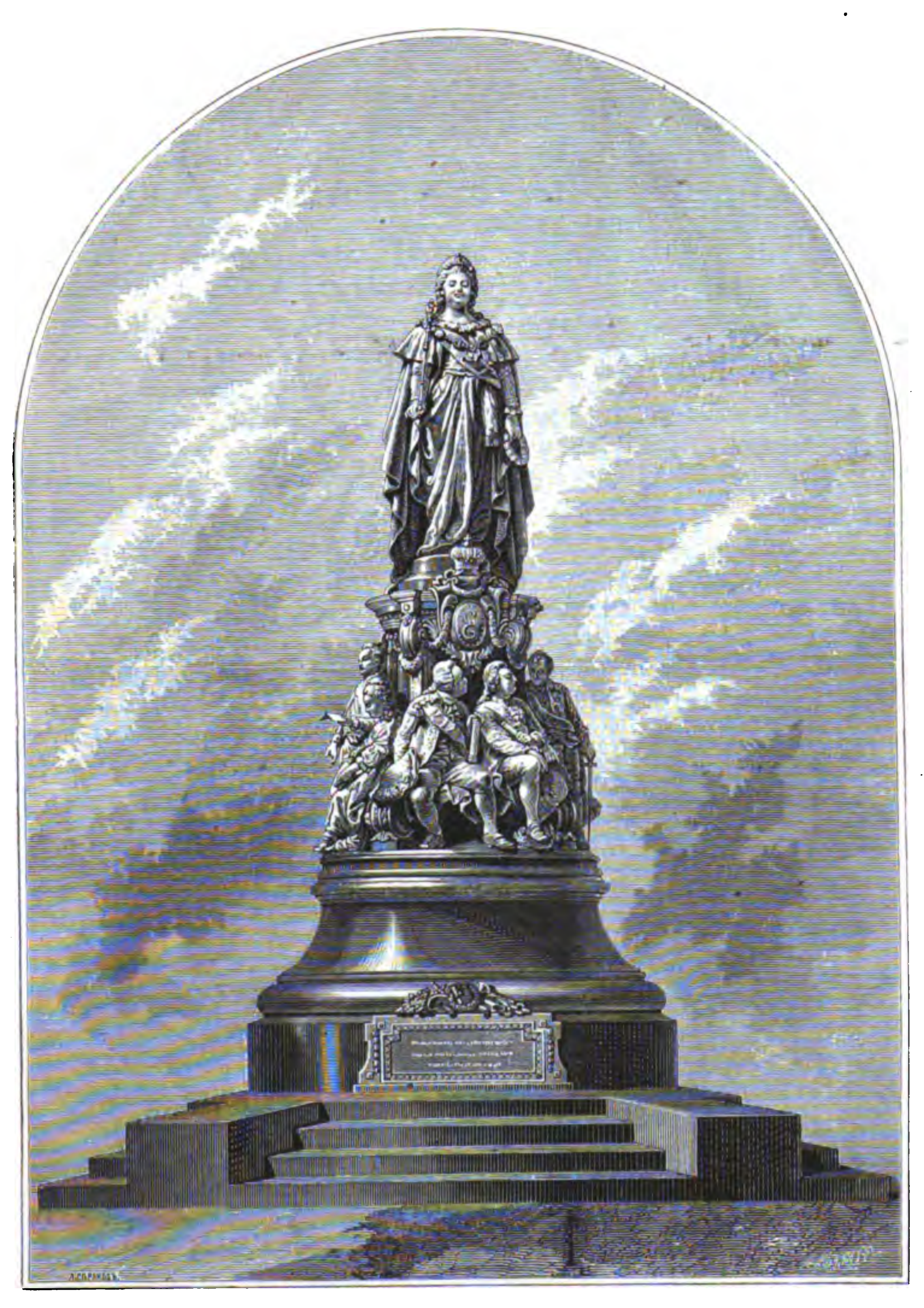
[2]) Главнымъ источникомъ служитъ дипломатическая корреспонденція въ IX томѣ «Сборника Ист. Общ.», 198—385.

[3]) Архивъ князя Воронцова, XV, 47.

Катафалкъ, воздвигнутый въ Александро-Певской лаврѣ надъ гробами Петра III и Екатерины II, по рисункамъ Бренна.

Съ весьма рѣдкой картины Майера. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

Памятникъ Екатеринѣ II въ Петербургѣ.

Съ фотографіи (гравюра Сѣрякова).

бургскою принцессою оставленъ окончательно. Императрица пригласила герцога Карла Зюдерманландскаго и юнаго короля Густава IV посѣтить Петербургъ. Путешествіе ихъ состоялось.

Мы знаемъ, сколь неблагопріятно Екатерина отзывалась прежде о Густавѣ III. Теперь же она перенесла всю непріязнь на регента. Въ письмахъ къ барону Гримму о немъ говорится не иначе, какъ въ тонѣ негодованія и раздраженія; порою императрица называла герцога Карла «le régent jacobin», или «воплощенная ложь», говорила, что онъ достоенъ побоевъ, и т. п. [1])

За то, по пріѣздѣ шведскихъ гостей, императрица казалась весьма довольною королемъ Густавомъ IV. Такъ, напр., она писала къ Гримму: «Графъ Гага мало того, что понравился всѣмъ,—онъ сразу заставилъ всѣхъ полюбить себя, а замѣтьте, что у насъ этого никогда не бываетъ: онъ исключеніе. У него замѣчательная наружность, кроткая и вмѣстѣ величественная, и премилое выраженіе, умное и пріятное. Онъ рѣдкій молодой человѣкъ и, ужъ конечно, въ настоящее время никакое государство въ Европѣ не можетъ похвастаться подобнымъ наслѣдникомъ» и пр. Затѣмъ Екатерина разсказываетъ подробно, какъ Густавъ IV и княжна Александра Павловна понравились другъ другу и т. п. [2]).

Происходили разныя празднества при дворѣ. Вопросъ о бракѣ казался рѣшеннымъ. Былъ назначенъ день обрученія. При этомъ, однако, было поступлено неосторожно. Во время переговоровъ объ условіяхъ брака не было обращено достаточно вниманія на различіе исповѣданій. Только за нѣсколько часовъ до обрученія обнаружились непреодолимыя затрудненія въ этомъ отношеніи. Когда Морковъ и Зубовъ явились къ королю съ требованіемъ, чтобы онъ подписалъ условія брака, въ силу которыхъ будущей королевѣ была предоставлена полнѣйшая свобода исповѣданія, король не соглашался на эти условія и рѣшительно объявилъ, что не подпишетъ такой бумаги. Между тѣмъ, весь дворъ собрался въ ожиданіи церемоніи обрученія; духовенство было на готовѣ; Екатерина въ мантіи и съ короною на головѣ два часа ждала прибытія короля. Наконецъ, ей доложили, что переговоры о бракѣ рушились. Это извѣстіе сокрушило императрицу. Она сначала не могла вымолвить слова. На другой день, она замѣтила, что волненіе этой ночи далеко превзошло испытанное ею въ ночь, пред-

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 653, 656, 676.
[2]) Тамъ-же, 690, 693.

шествовавшую ея воцаренію. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, у императрицы оказались признаки легкаго паралича [1]).

Король пробылъ еще нѣсколько дней въ Петербургѣ. Императрица до такой степени умѣла владѣть собою, что на другой день на придворномъ балу никто не замѣтилъ ея волненія. Переговоры о бракѣ хотя не прекратились совершенно, но въ концѣ концовъ не повели къ желанной цѣли.

Екатерина, любя жизнь, веселье, не охотно думала о предстоявшей смерти, о наступающей старости. Поэтому она была недовольна, когда ее поздравляли со днемъ рожденія. Въ 1774 году, она писала къ Гримму: «Вы праздновали 46-ю годовщину моего рожденія; сама я ненавижу этотъ день: прекрасный подарокъ онъ мнѣ приноситъ! — Каждый разъ лишній годъ, безъ котораго я могла бы отлично обойтись. Скажите по правдѣ, вѣдь было бы прекрасно, если бы императрица всю жизнь оставалась въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ» [2]).

Въ бытность свою великою княгинею Екатерина хворала часто и опасно. Въ 1766 году, она писала къ г-жѣ Бьельке: «Я чувствую себя очень хорошо, и года съ четыре какъ мое здоровье весьма укрѣпилось, тогда какъ прежде у меня часто предполагали чахотку» [3]). Какъ мы знаемъ между прочимъ изъ дневника Храповицкаго, изъ писемъ Екатерины къ Потемкину, она и въ восьмидесятыхъ годахъ часто хворала. Притомъ она смѣялась надъ врачами, не вѣрила въ медицину и болѣе довѣряла авантюристамъ, совѣтовавшимъ ей употребленіе разныхъ ваннъ и пр.

Однажды, въ концѣ августа 1796 года, Екатерина, побывавъ вечеромъ у Нарышкиной и возвращаясь домой, замѣтила звѣзду, «ей сопутствовавшую, въ виду скатившуюся» и сказала Архарову: «Вотъ вѣстница скорой смерти моей». «Ваше величество всегда чужды были примѣтъ и предразсудковъ», отвѣчалъ Архаровъ. «Чувствую слабость силъ и примѣтно опускаюсь», возра-

---

[1]) Подробности этого событія въ Архивѣ князя Воронцова, XVIII, 318 и слѣд., и XII, 171; Письма Чернышева и Завадовскаго; Анекдоты Карабанова въ «Русск. Старинѣ», V, 462; Masson, I, 2—47; «Русская Старина», IX, 277 и слѣд., 480 и слѣд.; «Русскій Архивъ», 1876, I, 403 и слѣд.; Письма Ростопчина въ Архивѣ Воронцова, VIII, 143; Письма Панина къ Репнину въ «Сб. Ист. Общ», XVI, 295, 507, 524; Herrmann, «Ergänzungsband», 584 и пр.

[2]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 1.

[3]) Тамъ-же, X, 105.

зила Екатерина [1]). Порою она, однако, и въ это время казалась свѣжею, живучею. 18 августа 1796 года, она писала Гримму: «Будьте здоровы; я весела и чувствую себя легкою какъ птица» [2]).

Въ послѣднее время императрица ходила лишь съ трудомъ; особенно затруднительнымъ для нея было подниматься по лѣстницамъ; вельможи, принимавшіе у себя императрицу, замѣняли

Памятникъ Екатеринѣ II въ Царскомъ Селѣ.
Съ фотографіи.

ступени искусственно устроенными отлогими подмостками [3]). Ростопчинъ писалъ 5 ноября 1796 года: «Здоровье (императрицы) плохо; не ходятъ болѣе; буря, похожая на случившуюся въ послѣднее время жизни императрицы Елизаветы, произвела тяжелое впечатлѣніе (на Екатерину); не выходятъ болѣе» [4]).

---

[1]) «Русская Старина», V, 461.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 691.
[3]) Masson, I, 58.
[4]) Архивъ князя Воронцова, VIII, 155.

5 ноября, вечеромъ, былъ такъ называемый «Малый Эрмитажъ». Императрица весело бесѣдовала въ кружкѣ приближенныхъ лицъ, обрадовалась извѣстію объ отступленіи французскихъ войскъ, разговаривала очень много о кончинѣ сардинскаго короля и забавлялась шутками Льва Нарышкина, явившагося въ костюмѣ уличнаго торгаша и продававшаго присутствовавшимъ разныя бездѣлушки. Оставивъ раньше обыкновеннаго компанію, им-

Памятникъ Екатерины II въ Екатеринославѣ.
Съ фотографіи.

ператрица въ шутливой запискѣ поздравила австрійскаго посла, графа Кобенцеля, съ успѣхами австрійскаго оружія [1]).

На другое утро, вставъ по своему обыкновенію рано, Екатерина одѣлась, пила кофе, поговорила съ Зубовымъ и занялась съ своими секретарями. Затѣмъ она изъ кабинета пошла въ гардеробъ, гдѣ обыкновенно не оставалась никогда болѣе 10 минутъ. Такъ какъ въ продолженіе слишкомъ получаса она не выходила, камердинеръ обезпокоился и рѣшился идти въ гардеробъ. Отворивъ дверь, онъ нашелъ императрицу въ безсознательномъ со-

[1]) Je m'empresse d'annoncer à l'excellente Excellence que les excellentes troupes de l'excellente cour ont complètement battu les Français». Masson, I, 61.

стояніи лежащею на полу. Съ ней сдѣлался параличъ. Чрезъ нѣсколько часовъ ея не стало.

Современники считали выгодою для Павла то обстоятельство, что императрица съ минуты припадка не приходила въ сознаніе [1]).

«Мѣшая дѣло съ бездѣльемъ», соединяя трудъ съ забавою, веселость съ отвѣтственностью призванія, Екатерина когда-то сочинила для себя надгробную надпись такого содержанія:

«Здѣсь лежитъ Екатерина Вторая, родившаяся въ Штетинѣ 21 апрѣля (2 мая) 1729 года. Она прибыла въ Россію въ 1744 г., чтобы выдти за-мужъ за Петра III. Четырнадцати лѣтъ отъ роду, она возъимѣла тройное намѣреніе — понравиться своему мужу, Елизаветѣ и народу. Она ничего не забывала, чтобы успѣть въ этомъ. Въ теченіе 18 лѣтъ скуки и уединенія она поневолѣ прочла много книгъ. Вступивъ на Россійскій престолъ, она желала добра и старалась доставить своимъ подданнымъ счастіе, свободу и собственность. Она легко прощала и не питала ни къ кому ненависти. Пощадливая, обходительная, отъ природы веселонравная, съ душею республиканскою и съ добрымъ сердцемъ, она имѣла друзей. Работа ей легко давалась, она любила искусства и быть на людяхъ» [2]).

Въ позднѣйшее время она писала однажды къ французскому эмигранту Сенакъ-де-Мельяну: «Вотъ вамъ приблизительно мой портретъ: я никогда не признавала за собою творческаго ума... Мною всегда было очень легко руководить, потому что для достиженія этого нужно было только представить мнѣ мысли, несравненно лучше и основательнѣе моихъ: тогда я была послушна какъ агнецъ. Причина этого заключается въ крайнемъ моемъ желаніи блага государству; я была такъ счастлива, что попала на добрыя и истинныя начала, которымъ я была обязана великими успѣхами. Я испытала и большія невзгоды, происшедшія отъ ошибокъ, въ которыхъ я не имѣла никакого участія, а можетъ быть и оттого, что предписанное мною исполнялось не въ точности. Не смотря на мою природную гибкость, я умѣла быть упрямою или твердою (какъ угодно), когда это было нужно. Я никогда не стѣсняла ничьего мнѣнія, но, въ случаѣ надобности, имѣла свое

---

[1]) Частности расказаны у Массона, I, 68, въ депешѣ Уйтуорта у Германа, «Ergänzungsband», 590. Протоколъ въ «Осьмнадцатомъ вѣкѣ», I, 484 и слѣд. Частное письмо въ «Русскомъ Архивѣ», 1867, стр. 1266. Разсказъ Ростопчина въ «Воронцовскомъ Архивѣ», VIII, 167.

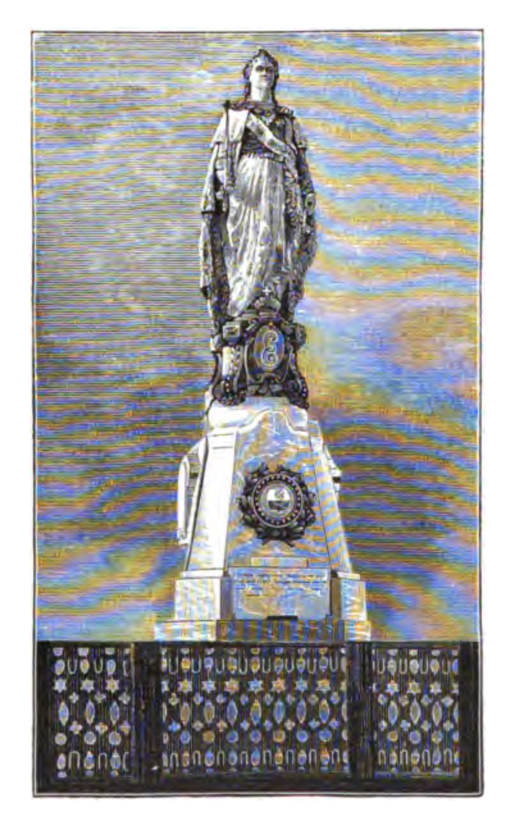
[2]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 77. «Русск. Арх.», 1878, III, 41.

собственное. Я не любила споровъ, убѣдившись, что каждый всегда остается при своемъ мнѣніи; притомъ же я не умѣю говорить особенно громко. Я никогда не была злопамятна, потому что такъ поставлена провидѣніемъ, что не могла питать этого чувства къ частнымъ лицамъ и находила обоюдныя отношенія слишкомъ не равными, если смотрѣть на дѣло справедливо. Вообще я люблю правосудіе (justice), но нахожу, что вполнѣ строгое правосудіе не есть правосудіе, и что одна только справедливость (l'équité) соразмѣрна съ слабостію человѣка. Но во всѣхъ случаяхъ человѣколюбіе и снисхожденіе къ человѣческой природѣ предпочитала я правиламъ строгости, которыя, какъ мнѣ казалось, часто превратно понимаютъ. Къ этому влекло меня собственное мое сердце, которое я считаю кроткимъ и добрымъ. Когда старики проповѣдывали мнѣ строгость, я, заливаясь слезами, сознавалась имъ въ своей слабости, и случалось, что иные изъ нихъ, также со слезами на глазахъ, принимали мое мнѣніе. Нравъ у меня веселый и откровенный, но на своемъ долгомъ вѣку я не могла не узнать, что есть желчные умы, которые не любятъ веселости: не всѣ люди могутъ переносить правду и искренность» [1]).

Въ сущности портретъ, набросанный Екатериною, соотвѣтствуетъ ея нраву и качествамъ. Не легко судить безпристрастно о ея характерѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ крайности въ отзывахъ о ней. И современники, и потомки то черезъ мѣру восхваляли, то черезъ мѣру порицали императрицу. Къ тому же въ сужденіяхъ однихъ и тѣхъ же современниковъ встрѣчаются противорѣчія, несообразности. Сочиненіе Массона о Екатеринѣ можетъ быть прямо названо памфлетомъ; въ немъ императрицѣ приписываются самые ужасные поступки, баснословное нарушеніе правилъ нравственности; въ то же время, однако, Массонъ хвалитъ характеръ Екатерины, замѣчая, что она стояла выше обыденныхъ мелочей, столь часто отравляющихъ жизнь, и что она мыслила и дѣйствовала благородно; онъ же восхищается ея великодушіемъ и кротостью, хвалитъ ея гуманность, и проч. Князь Щербатовъ въ своемъ сочиненіи «О поврежденіи нравовъ» сильно нападаетъ на Екатерину и на чрезвычайно вредное, по его мнѣнію, вліяніе ея царствованія; однако, предполагая сочинить исторію этого царствованія, онъ написалъ введеніе, въ которомъ выставлялъ на видъ, что императрица всегда имѣла цѣлью дѣйствовать на пользу подданныхъ. Въ отзывахъ англійскаго дипломата Герриса встрѣчается странная смѣсь ува-

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XIII, Введеніе XXII—XXIII.

женія и хулы, признанія необычайныхъ способностей и благопріятныхъ качествъ императрицы, и упреки разнаго рода, объясняющіеся, впрочемъ, отчасти неуспѣхами знаменитаго дипломата. Съ одной стороны, Екатерину считали какъ бы образцомъ лжи, обмана, искусства притворяться, съ другой признавали благородство и идеализмъ ея трудовъ при управленіи Россіею. Съ одной

Памятникъ Екатерины II въ Ирбитѣ.

Съ фотографіи.

стороны, ея реформы казались какою-то комедіею, бьющею на внѣшній эффектъ и не соотвѣтствовавшею истинной гуманности, съ другой — утверждали, что высокія цѣли, которыя имѣла въ виду императрица, не были достигнуты лишь вслѣдствіе чрезмѣрныхъ затрудненій, съ которыми ей приходилось бороться, и благодаря постояннымъ казнямъ сановниковъ, не раздѣлявшихъ идеализма Екатерины. То считали ее хотя способною, но вообще обыкно-

венною женщиною, громкое имя которой объусловливалось лишь внѣшними обстоятельствами, то утверждали, что Екатерина, занимая любое мѣсто и при менѣе благопріятныхъ условіяхъ, стяжала бы славу въ исторіи.

Какъ бы то ни было, Вольтеръ жестоко ошибался, утверждая однажды, что «между потомствомъ и Екатериною никогда не окажется возможнымъ какое-либо недоразумѣніе»[1]). Напротивъ того, лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ потомство столь рѣзко осуждало историческихъ дѣятелей какъ Екатерину. Едва она успѣла сойти въ могилу, какъ появились полемическія, наполненныя бранью сочиненія Сальдерна, Кастера, Гельбига, Массона. Въ продолженіе

Статуя Екатерины II въ зданіи С.-Петербургскаго Окружнаго Суда.
Съ фотографіи.

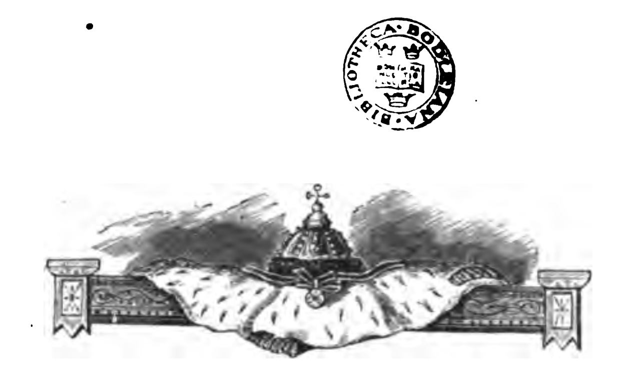
[1]) «La postérité n'aura jamais de démêlé avec l'impératrice». «Сб. Ист. Общ», XV, 630.

нѣсколькихъ десятилѣтій, эти труды оказывали сильное вліяніе на историческую литературу, при изученіи исторіи этого царствованія и личности Екатерины. Развитіе фаворитизма, продолжавшагося до послѣднихъ дней жизни Екатерины, тяжелое впечатлѣніе, произведенное на современниковъ раздѣлами Польши, враждебныя отношенія России къ Англіи, Пруссіи и Франціи въ послѣдніе годы этого царствованія, раздраженіе, возбужденное развитіемъ могущества и вліянія России при Екатеринѣ — все это содѣйствовало тому, что въ общемъ мнѣніи сложилась односторонняя, далеко не безпристрастная, неблагопріятная оцѣнка личности и дѣятельности Екатерины. Въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій главнымъ источникомъ при изученіи исторіи Екатерины служили памфлеты, въ родѣ вышеупомянутыхъ сочиненій, появившихся тотчасъ же послѣ кончины императрицы, и сплетни въ средѣ дипломатовъ, крайне недовольныхъ самостоятельнымъ и энергическимъ образомъ дѣйствій русскаго двора въ эту эпоху. Пока преобладали такого рода пособія, исторіографія не была въ состояніи создать объективную картину свойствъ и значенія императрицы и ея царствованія. При значительномъ числѣ обвинителей, подсудимая не имѣла случая къ оправданію. Ей самой не давали слова. Судебный приговоръ при такихъ условіяхъ не могъ быть безпристрастнымъ. Даже замѣчательные ученые и добросовѣстные историки писали о Екатеринѣ не иначе, какъ въ тонѣ раздраженія и порицанія.

Въ настоящее время, при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ, исторіографія располагаетъ гораздо бо́льшимъ запасомъ данныхъ для изученія дѣятельности и личности Екатерины. Необозримая масса архивныхъ матеріаловъ, тысячи писемъ Екатерины, множество записокъ ея, неисчерпаемое богатство отзывовъ и наблюденій современниковъ даютъ возможность гораздо глубже прежняго вникнуть въ самую суть личности Екатерины, гораздо правильнѣе прежняго взвѣсить условія ея развитія, ея жизни и дѣятельности, гораздо объективнѣе прежняго оцѣнить значеніе занимаемаго Екатериною въ исторіи мѣста.

Необычайно богато одаренная природою, въ силу цѣлаго ряда благопріятныхъ обстоятельствъ обладая высокимъ положеніемъ, Екатерина оказалась способною выполнить возложенную на нее судьбою задачу; ей въ этомъ помогало сознаніе собственнаго достоинства и рѣдкаго таланта; ей въ этомъ помогала чрезвычайная сила воли; она умѣла пользоваться выгодами своего положенія, жизнью вообще, неутомимою работою въ особенности. Екатерина

производитъ въ общей сложности впечатлѣніе личности, отличавшейся не только громадными умственными способностями, но и благопріятными качествами души. До сихъ поръ историки особенно охотно останавливались то на внѣшнемъ блескѣ и на громкой славѣ ея царствованія, то на неоспоримыхъ слабостяхъ ея частной жизни. Попытавшись разработать появившіеся въ послѣдне время историческіе матеріалы, мы старались изобразить личность и царствованіе Екатерины безпристрастнѣе, многостороннѣе нашихъ предшественниковъ. Изъ общаго обзора дѣятельности Екатерины, мы получаемъ слѣдующій выводъ: она дѣйствовала успѣшно въ качествѣ посредницы между прогрессомъ и культурою Западной Европы, съ одной стороны, и бытомъ Россіи — съ другой. При ней значительно упрочилось могущество и вліяніе Россіи во всемірной системѣ государствъ; во время царствованія Екатерины и благодаря ея инициативѣ, Россія быстро подвинулась впередъ на пути прогресса, европеизаціи.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ ИСТОРІИ ЕКАТЕРИНЫ II.

А.

Б.

Г.

Д.

И.

I.

К.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

УКАЗАТЕЛЬ

ГРАВЮРЪ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ ИСТОРІИ ЕКАТЕРИНЫ II.

ПОРТРЕТЫ.

А. Портреты Екатерины II:

— Въ домашнемъ платьѣ, съ весьма рѣдкой гравюры прошлаго столѣтія, сдѣланной по наброску съ натуры членомъ англійскаго посольства Уйенсомъ, ч. V, 751.
— Факсимиле силуэта съ натуры Сидо, ч. V, 754.
— Съ рѣдкой гравюры Больдта, ч. V, 783.

В. Портреты разныхъ лицъ.

Августъ III, Фридрихъ, курфирстъ саксонскій и король польскій, съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія, ч. III, 287.

Александра Павловна, великая княгиня, супруга эрцгерцога австрійскаго Іосифа, палатина венгерскаго: *а)* съ гравюры Валькера, сдѣланной съ камея, исполненнаго в. к. Маріей Θедоровной, ч. V, 773; *б)* съ портрета, писаннаго Боровиковскимъ, ч. V, 787.

Александръ I Павловичъ, императоръ: *а)* съ портрета Лампи, ч. V, 768; *б)* съ гравюры Валькера, сдѣланной съ камея, исполненнаго в. к. Маріей Θедоровной, ч. V, 773; *в)* съ рѣдкой гравюры Больдта, ч. V, 782.

Алексѣй Антоновичъ, принцъ Брауншвейгъ-Люнебургскій, силуэтъ съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры лекаремъ Вошнякомъ, ч. II, 189.

Амвросій (Зертисъ-Каменскій), московскій архіепископъ, съ портрета, принадлежащаго Н. Д. Быкову, ч. IV, 655.

Анна Леопольдовна (Елизавета-Екатерина-Христина, принцесса Брауншвейгъ-Люнебургская), правительница Россіи, съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія Вортмана, ч. II, 187.

Антонъ-Ульрихъ, принцъ Брауншвейгъ-Люнебургскій, генералиссимусъ, отецъ Іоанна III, съ стариннаго гравированнаго портрета, ч. II, 185.

Апраксинъ, Степ. Θедор., генералъ-фельдмаршалъ, съ портрета, принадлежащаго императорскому эрмитажу, ч. I, 87.

Арсеній (Мацѣевичъ), ростовскій митрополитъ, въ ревельскомъ казематѣ, съ гравюры Осипова, сдѣланной съ портрета Ковалькова, ч. II, 165.

Безбородко, Александ. Андреев., свѣтлѣйшій князь, дѣйствит. тайный совѣтникъ, государственный канцлеръ, съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета, писаннаго Лампи, ч. III, 471.

Беневскій, Морицъ-Августъ, плѣнный полякъ, заговорщикъ въ пользу Павла Петровича, съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія, ч. II, 197.

Бестужевъ-Рюминъ, гр. Алексѣй Петр., генералъ-фельдмаршалъ, государственный канцлеръ, съ гравюры Бернигерота, сдѣланной съ портрета, писаннаго въ 1755 г. Преннеромъ *(на отдѣльномъ листѣ)*, ч. I, 40.

Бецкій, Ив. Ив., дѣйствит. тайный совѣтникъ, президентъ академіи художествъ, съ гравированнаго портрета Дюпюи, ч. IV, 635.

Бибиковъ, Александръ Ильичъ, генералъ-аншефъ, съ фамильнаго портрета, принадлежащаго Д. Г. Бибикову *(на отдѣльномъ листѣ)*, ч. II, 230.

фонъ-**Биронъ**:

— Іоганъ-Эрнстъ, герцогъ курляндскій, регентъ и правитель Россіи, съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія Соколова, ч. III, 295.
— Петръ, герцогъ курляндскій, съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія Баузе *(на отдѣльномъ листѣ)*, ч. III, 514.

Суворовъ-Рымникскій, гр. Александ. Вас., князь Италійскій, генералиссимусъ: *а)* въ домашнемъ костюмѣ, съ рисунка конца прошлаго столѣтія, ч. III, 483; *б)* съ гравюры Уткина, сдѣланной съ портрета, писаннаго Шмидтомъ *(на отдѣльномъ листѣ),* ч. III, 486.

Сумароковъ, Александ. Петр., писатель, съ гравированнаго портрета Зейферта, ч. IV, 527.

Тепловъ, Григорій Никол., сенаторъ, съ портрета Левицкаго 1769 г., ч. I, 129.

Фонвизинъ, Денисъ Ив., русскій писатель, съ гравированнаго портрета Скотникова, ч. V, 729.

Фридрихъ:

— II, король прусскій, съ гравюры Баузе, сдѣланной съ портрета, писаннаго А. Граффомъ, ч. III, 265.

— V, король датскій, съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія Зифанга, ч. III, 279.

Фридрихъ-Августъ, принцъ Ангальтъ-Цербстскій (братъ Екатерины II), съ гравированнаго портрета Бернигероде, ч. I, 56.

Фридрихъ-Вильгельмъ, принцъ прусскій, впослѣд. король **Фридрихъ-Вильгельмъ** II, съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія Зинцениха, ч. III, 383.

Храповицкій, Александ. Вас., статсъ-секретарь, писатель, съ портрета, писаннаго Левицкимъ, ч. V, 701.

Христіанъ-Августъ, принцъ Ангальтъ-Цербстскій (отецъ Екатерины II), съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія Герасимова *(на отдѣльномъ листѣ),* ч. I, 34.

Черкасовъ, бар. Александръ Ив., дѣйствит. тайный совѣтникъ, съ фамильнаго портрета, ч. IV, 647.

Чичаговъ, Вас. Яков., адмиралъ, съ портрета, принадлежащаго императорскому эрмитажу, ч. III, 477.

Штакельбергъ, гр. Отто-Магнусъ, русскій посланникъ въ Польшѣ, съ гравюры Кошкина, сдѣланной съ портрета, писаннаго Бачіарелли, ч. III, 501.

Штелинъ, Яковъ, дѣйствит. статскій совѣтникъ, академикъ, наставникъ Петра III, съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія Бергера, ч. I, 47.

Шуазёль-Амбоазъ, Этьенъ-Франсуа, герцогъ, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, съ гравюры Лебо, сдѣланной съ портрета, писаннаго Марилье, ч. III, 299.

Шуваловъ, гр. Ив. Ив., дѣйствит. тайный совѣтникъ, оберъ-камергеръ, фаворитъ императрицы Елизаветы Петровны, съ рѣдчайшаго гравированнаго портрета Чемесова, ч. I, 79.

Щербатовъ, кн. Мих. Мих., тайный совѣтникъ, сенаторъ, президентъ камеръ-коллегіи, историкъ, съ неизданнаго гравированнаго портрета, ч. IV, 551.

КАРТИНЫ.

Аудіенція русскаго посла, князя Н. В. Репнина, у турецкаго султана и у великаго визиря, въ 1775 году двѣ гравюры прошлаго столѣтія И. Бугрѣева, ч. III, 389, 391.

ВИДЫ ГОРОДОВЪ, МѢСТНОСТЕЙ И ЗДАНІЙ.

— Нева во время спуска корабля, съ рисунка прошлаго вѣка Патерсона *(на отдѣльномъ листѣ)*, ч. III, 466.
— Невскій проспектъ отъ Зеленаго (Полицейскаго) до Аничкова моста, съ рисунка того времени Бенуа, ч. IV, 565.
— Петропавловская крѣпость въ концѣ XVIII столѣтія, съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры Уреніусомъ, ч. II, 249.
— Площадь Большого театра, съ рѣдкой гравюры, ч. IV, 587.
— Смольный монастырь и его окрестности, съ рисунка прошлаго столѣтія Уреніуса, ч. IV, 639.
— Чесменскій дворецъ въ концѣ XVIII столѣтія, съ рисунка того времени Щедрина, ч. III, 325.
— Эрмитажный театръ, съ гравюры прошлаго столѣтія, ч. V, 733.

Полоцкъ: іезуитская коллегія въ Екатерининское время, съ оригинальнаго рисунка, сдѣланнаго генераломъ ордена іезуитовъ Груберомъ, ч. IV, 643.

Ревель, крѣпость и Вышегородъ въ концѣ XVIII столѣтія, съ гравюры прошлаго вѣка Лоріэ, ч. II, 171.

Рига въ концѣ XVIII столѣтія, съ гравюры прошлаго вѣка Дюпарка ч. IV, 619.

Севастополь: бухта во время присоединенія Крыма къ Россіи, съ гравюры Куше, сдѣланной съ рисунка того времени Гейслера, ч. III, 419.

Смоленскъ въ концѣ XVIII столѣтія, съ гравюры того времени Химмеля, ч. III, 409.

Тверь въ концѣ XVIII столѣтія, съ гравюры прошлаго вѣка Саблина, ч. III, 433.

Фернейскій замокъ Вольтера въ концѣ XVIII столѣтія, съ гравюры прошлаго вѣка Маскелье, сдѣланной съ рисунка съ натуры Брандуеня, ч. V, 671.

Холмогоры:

— Комната принцессы Анны Леопольдовны въ зданіи Успенскаго монастыря, съ гравюры нынѣшняго столѣтія, ч. II, 192.
— Спасо-Преображенскій соборъ и Успенскій монастырь,—мѣсто заключенія Брауншвейгской фамиліи, съ гравюры нынѣшняго столѣтія, ч. II, 191.

Царское Село:

— Камероновская галлерея, построенная Екатериной II, съ современной акватинты Майера, ч. V, 707.
— «Руина», воздвигнутая въ память взятія Очакова, и «Орловскія ворота», съ акварели Щедрина 1791 г., ч. III, 439.

Церкви:

— Голштинская въ Ораніенбаумѣ, построенная Петромъ III, съ гравюры первой половины нынѣшняго столѣтія, ч. I, 65.
— Исаакіевскій соборъ въ Екатерининское время, съ рисунка того времени Петерсона, ч. IV, 557.
— Холмогорскій Спасо-Преображенскій соборъ, съ гравюры нынѣшняго столѣтія, ч. II, 191.

Шлиссельбургъ:

— Внутренній видъ каземата, гдѣ содержался императоръ Іоаннъ Антоновичъ, съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры Г. П. Данилевскимъ, ч. II, 183.

БЫТОВЫЕ РИСУНКИ.

РАЗНЫЯ ГРАВЮРЫ.

Пригласительный билетъ на маскарадъ къ оберъ-шталмейстеру Л. А. Нарышкину, факсимиле съ подлинника, ч. V, 723.

Рукопись Екатерины II: первая глава «Уложенія о наказаніяхъ», написанная на-черно, факсимиле съ подлинника *(на отдѣльномъ листѣ)*, ч. V, 736.

Сани въ концѣ XVIII столѣтія: барскія, съ гравюры прошлаго вѣка Шефнера, ч. IV, 596; извощичьи, съ офорта прошлаго вѣка Шефнера, ч. IV, 597.

Собака Екатерины II, съ гравюры прошлаго столѣтія Рота, ч. V, 738.

Факсимиле подписей:

— Бецкаго, ч. V, 719.
— Екатерины II, ч. II, 737.
— Румянцева, ч. V, 718.
— Суворова, ч. V, 718.
— Фонвизина, ч. V, 719.

